

ВЕСТНИК ЧЕРЕПОВЕЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал основан в декабре 2002 г.

№ 4 (115) • 2023

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Череповец
2023

Выход в свет: № 4 (115) • 2023 • АВГУСТ. Выходит шесть раз в год.

Научный журнал «Вестник Череповецкого государственного университета» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Научный журнал «Вестник Череповецкого государственного университета» включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2009 г.

Направления: ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ, ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ, ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Группы специальностей: 2.3 Информационные технологии и телекоммуникации
5.9 Филология
5.8 Педагогика

УЧРЕДИТЕЛЬ: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Череповецкий государственный университет», с 2017 г. является одним из опорных вузов Российской Федерации.

Свидетельство выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). ПИ № ФС77-66463 от 14.07.2016 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: Е. В. ГРУДЕВА, доктор филологических наук, профессор

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Е. В. ЯКОВЛЕВА, доктор педагогических наук, профессор (Череповецкий государственный университет)

Е. В. ЕРШОВ, доктор технических наук, профессор (Череповецкий государственный университет)

РЕДАКТОР: Н. Г. МЕЛЬНИКОВА

КОМПЬЮТЕРНОЕ МАКЕТИРОВАНИЕ: М. Н. АВДЮХОВА

ПЕРЕВОДЧИК: А. В. МОИСЕЕНКО

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ: Н. А. ТИХОМИРОВА (8202) 51-72-40

Адрес издателя, редакции: 162600 г. Череповец, Луначарского пр., д. 5.

Адрес типографии: 162600 г. Череповец, Луначарского пр., д. 5.

ЦЕНА СВОБОДНАЯ

ISSN 1994-0637

© Череповецкий государственный университет, 2023

CHEREPOVETS STATE UNIVERSITY BULLETIN

Scientific journal established in December 2002

№ 4 (115) • 2023

TECHNOLOGY

PHILOLOGY

PEDAGOGY

Cherepovets
2023

Date of publication: № 4 (115) • 2023 • AUGUST. Comes out six times a year.

“Cherepovets State University Bulletin” is a scientific edition that is included in the list of top peer-reviewed academic journals published in the Russian Federation. It publishes research data of doctorate and higher doctorate dissertations.

Scientific journal “Cherepovets State University Bulletin” has been in the Russian Science Citation Index (RSCI) since 2009.

Journal Sections: TECHNOLOGY, PHILOLOGY, PEDAGOGY

Branches of Studies: 2.3 Information Technology and Telecommunications

5.9 Philology

5.8 Pedagogy

FOUNDER: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education “Cherepovets State University”, a member of Russian Backbone Universities group since 2017.

Registration certificate PI № FS77-66463 issued July 14, 2016, was granted by the Federal Agency on Press and Mass Communications of the Russian Federation.

EDITOR-IN-CHIEF: E. V. GRUDEVA, Doctor of Philology, Professor

DEPUTY EDITORS-IN-CHIEF:

E. V. YAKOVLEVA, Doctor of Pedagogy, Professor (Cherepovets State University)

E. V. ERSHOV, Doctor of Technology, Professor (Cherepovets State University)

MANAGING EDITOR: N. G. MELNIKOVA

COMPUTER DESIGN: M. N. AVDUKHOVA

TRANSLATOR: A. V. MOISEENKO

EXECUTIVE EDITOR: N. A. TIKHOMIROVA (8202) 51-72-40

CYBERLENINKA

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА
LIBRARY.RU

Registry of Open Access
Repositories (ROAR)

EBSCO
Discovery Service

BASE

Google
scholar

WorldCat

КОЛЛОКЕТ

ULRICHSWEB
GLOBAL SERIALS DIRECTORY

OpenAIRE

EBSCO
A-to-Z

Editorial department address: 5, Lunacharsky pr., Cherepovets, 162600

Printing-office address: 5, Lunacharsky pr., Cherepovets, 162600

OPEN PRICE

ISSN 1994-0637

© Cherepovets State University, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Аринова Б. Н.</i> Механизмы внутреннего диалога в судебных отчетах британских судов: дискурсивные функции придаточных конструкций с союзом <i>if</i>	7
<i>Баландина Е. А.</i> Интерференция в англоязычной письменной речи студентов колледжа	19
<i>Бодрова Е. В.</i> Фразеологизмы с компонентом <i>блокадный</i> в новейшей картине мира	27
<i>Глазков А. В.</i> Пирамида когерентности	39
<i>Ермишина Е. С.</i> Цитационные глаголы «говорения» в блогах на японском языке: кейс-стади	51
<i>Ефимов Д. К.</i> Структура прецедентных феноменов и проблема их перевода в романе М. Пьюзо «Крестный отец»	62
<i>Ильичева И. Л.</i> Топонимы <i>Берестье, Брест-Литовск, Брест-над-Бугом, Брест</i> в ономастическом пространстве Брестчины	77
<i>Камышева О. С.</i> Метафоры со сферой-источником «Музыка» и особенности их структуры в романе Р. Валиуллина «Соло на одной клавише»	88
<i>Катышев П. А., Лушпей А. А.</i> Пропозиционально-семантический аспект описания словообразовательной ниши с формантом <i>-уш/а</i> в русских народных говорах	105
<i>Малыхина Т. М., Кузьмина А. В.</i> Сопоставительный анализ классов существительных с обстоятельственным значением времени в тексте русской народной лирической песни и диалектной речи	116
<i>Погребняк Н. В., Хачмафова З. Р.</i> Когнитивные факторы формирования доверия или дефицита доверия к политику в медиадискурсе	131
<i>Чжан С.</i> Структурно-семантическая характеристика вставных компонентов, функционирующих в публицистике Ю. М. Лотмана	149
<i>Чжан Ц.</i> Поэтика рассказов Нины Дашевской (по сборнику «Рассказы Волчка»)	158

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Ершова М. В.</i> Модель формирования единой образовательной среды обучающихся педагогических направлений подготовки в многопрофильном вузе	170
<i>Капустина Е. Ю., Макеева И. А.</i> Исследование уровня сформированности гендерной компетентности у студентов гуманитарных направлений	180
<i>Ладыжникова Т. Д., Ладыжникова В. И.</i> Новый подход в обучении иностранному языку студентов неязыковых специальностей в контексте трансформации российского образования	190
<i>Мрвич Н. В.</i> Формирование переводческих компетенций у студентов юридического вуза	201
<i>Yakovleva E. V., Kolesov V. I., Goltsova N. V., Smolonskaya A. N., Garifulin R. Sh.</i> Essence and peculiarities of the younger schoolchildren's creative development.....	210
Информация для авторов	225

CONTENTS

PHILOLOGY

Arinova B. N. Mechanisms of inner dialogue in UK law reports: discursive functions of if-clauses	7
Balandina E. A. Interference in the English written speech of college students	19
Bodrova E. V. Phraseological units with the component <i>blokadnyi</i> (<i>blockade</i>) in the latest world picture	27
Glazkov A. V. The pyramid of coherence	39
Ermishina E. S. Citation verbs of speaking in Japanese blogs: a case study	51
Efimov D. K. The structure of precedent phenomena and the problem of their translation in M. Puzo's novel "The Godfather"	62
Ilyicheva I. L. Toponyms Berestyie, Brest-Litovsk, Brest-nad-Bugom, Brest in the onomastic space of Brest region	77
Kamysheva O. S. Metaphors with the source sphere "Music" and features of their structure in R. Valiullin's novel "Solo on one key"	88
Katyshev P. A., Lushpey A. A. Propositional-semantic aspect of the word-formation niche description with the formant -ush/a in Russian vernacular dialects	105
Malykhina T. M., Kuzmina A. V. Comparative analysis of noun classes with the adverbial meaning of time in the text of Russian folk lyrical songs and dialect speech	116
Pogrebnyak N. V., Khachmafova Z. R. The cognitive factors in the formation of trust or trust deficit in the politician in the media discourse	131
Zhang Xiaoyu Structural and semantic characteristics of insertion components functioning in Yu. M. Lotman's journalism	149
Zhang C. Poetics of Nina Dashevskaya's short stories (From the collection "Volchok's Stories").....	158

PEDAGOGY

Ershova M. V. A model for the formation of a unified educational environment for students of pedagogical areas of training in a multidisciplinary university	170
Kapustina E. Yu., Makeeva I. A. Research on the level of gender competence in humanitarian students	180
Ladyzhnikova T. D., Ladyzhnikova V. I. A new approach to teaching a foreign language to students of non-linguistic majors in the context of the Russian education transformation	190
Mrvich N. V. Formation of translation competencies among law students	201
Yakovleva E. V., Kolesov V. I., Goltsova N. V., Smolonskaya A. N., Garifulin R. Sh. Essence and peculiarities of the younger schoolchildren's creative development	210
For the authors attention	225

Вестник Череповецкого государственного университета. 2023. № 4 (115). С. 7–18.
Cherepovets State University Bulletin, 2023, no. 4 (115), pp. 7–18.

Научная статья

УДК 81'42

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-4-115-1>

EDN: AGVMKK

**Механизмы внутреннего диалога в судебных отчетах британских судов:
дискурсивные функции придаточных конструкций с союзом *if*¹**

Байрta Николаевна Аринова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Москва, Россия

b.arinova@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5598-0718>

Аннотация. Цель данной работы – продемонстрировать внутреннюю диалогичность англоязычного судебного дискурса с помощью анализа придаточных конструкций с союзом *if* в текстах судебных отчетов Великобритании. Материалом исследования стали тексты судебных отчетов на основе решения судов Великобритании. Применяя методы анализа, синтеза, сопоставления и дискурсивного анализа, автор рассматривает семантические особенности придаточных конструкций с союзом *if* и обосновывает риторические (дискурсивные) функции данных конструкций в письменном судебном дискурсе. Такие конструкции вводят: 1) пропозициональные ответы на вопросы, связанные с толкованием юридических норм; 2) цитирование; 3) расширение ситуации. Предложенная классификация указывает на свойственную судебному дискурсу внутреннюю диалогичность. Таким образом, указанные функции конструкций демонстрируют, как юридический контекст преобразуется в процесс дискурсивного взаимодействия автора и косвенных (подразумеваемых) участников анализируемой в судебном деле ситуации. Рассмотренные конструкции также являются средствами проспективного взаимодействия автора и читателя текста. Предложенный автором подход объединяет синтаксический и прагматический уровни функционирования судебного дискурса, что позволяет получить более полное представление о лингвопрагматических характеристиках письменного судебного дискурса.

Ключевые слова: письменный судебный дискурс, внутренний диалог, союз *if*, диалогичность, перспекция

© Аринова Б. Н., 2023

¹ В данной статье примеры приведены из следующих источников:

<https://www.thetimes.co.uk/article/effect-of-extending-time-to-appeal-against-refusal-of-leave-to-remain-0m3xwsc6n>

<https://www.thetimes.co.uk/article/fee-for-children-to-register-as-british-citizens-not-ultra-vires-kmrbchjq7>

<https://www.thetimes.co.uk/article/practice-that-court-should-follow-on-making-an-extradition-order-fpf8r2bwm>

<https://www.thetimes.co.uk/article/claim-appropriately-brought-against-chief-constable-alleging-discrimination-by-police-disciplinary-panel-vc5fqf56k>

Благодарность. Работа выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора кафедры английского языкознания филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова Александры Григорьевны Анисимовой.

Для цитирования: Аринова Б. Н. Механизмы внутреннего диалога в судебных отчетах британских судов: дискурсивные функции придаточных конструкций с союзом *if* // Вестник Череповецкого государственного университета. 2023. № 4 (115). С. 7–18. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-4-115-1>.

Mechanisms of inner dialogue in UK law reports: discursive functions of if-clauses

Bayrta N. Arinova✉

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

b.arinova@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5598-0718>

Abstract. The paper aims to demonstrate inner dialogical nature of the written English judicial discourse using the analysis of the semantic and functional role of if-clauses in the context of law reports. To that end the author invokes the methods of linguistic analysis and synthesis, comparative method and means of discourse analysis and reveals that the rhetorical functions of if-clauses can be divided into the following: 1) they support and introduce propositional answers to the questions regarding legal construction and interpretation; 2) they are part of citations; 3) modification (extension) of the situation in question. These functions appear to be the determinants of the inherent dialogical nature of written judicial discourse. In other words, if-clauses allow for the transformation of the existing legal context into a discursive process maintained by the writer, the reader and the relevant (implied) parties. Thus, the author asserts that the rhetorical model of law reports is that of an inner dialogue. By accepting this model we also accept that the writer of the text expresses their rhetorical aims and achieves them using various linguistic means. Those means build up the discursive interaction within the written judicial discourse which is translated by means of prospection and distancing. The proposed approach integrates syntactic and pragmatic levels of judicial discourse functioning, which allows for a more nuanced examination of the written legal discourse and its inherent linguistic and pragmatic characteristics.

Keywords: written judicial discourse, inner dialogue, if conjunction, if clause, dialogic nature of discourse, means of prospection

Acknowledgements. The research was conducted under the supervision of Alexandra G. Anisimova, Doctor of Philological Sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philology.

For citation: Arinova B. N. Mechanisms of inner dialogue in UK law reports: discursive functions of if-clauses. *Cherepovets State University Bulletin*, 2023, no. 4 (115), pp. 7–18 (In Rus.). <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-4-115-1>.

Введение

Англоязычный судебный дискурс конструируется различными источниками и развивается усилиями огромного профессионального сообщества. Необходимость транслировать специальные знания и переосмыслить сложные концепции в терминах (соответствующих техническим требованиям) преобразует естественный процесс общения в сложную цепочку замысловатых сообщений. Анализ профессионального дискурса через призму лингвистики помогает объективизировать и фор-

мализовать важные функции языка, в данном случае именно те, которые определяются изучаемым контекстом. Наличие контекста – т. е. «фонд общих знаний собеседников»¹ – обуславливает коммуникацию и определяет риторические установки коммуникантов. Прозрачность (доступность восприятия) контекста зависит от намерения говорящего, так как от него зависит содержание и динамика процесса коммуникации.

Целью данной работы является анализ элементов письменного судебного дискурса, которые «привносятся» в юридический контекст экстралингвистическими факторами. Представляя заявления или требования сторон в юридическом контексте, судья отбирает наиболее важные элементы для анализа и включает их в рассуждение, реализуя определенные коммуникативные намерения. В письменной судебной аргументации такими элементами являются придаточные с союзом *if*, которые можно отнести к наиболее частотным конструкциям в контексте аргументации. Нами установлено, что такие элементы письменного дискурса выполняют важную риторическую (дискурсивную) функцию: они трансформирует аргументацию во внутренний диалог. В рассмотренных нами 25 судебных отчетах² данных конструкций насчитывается более 60, анализ проводился при помощи общенаучных методов анализа, синтеза, а также метода сопоставления и дискурсивного анализа. Материалы нашего исследования были опубликованы в 2019, 2020, 2021 годах. Тематика судебных отчетов охватывает судебные разбирательства, относящиеся как к публичному, так и к частному праву.

В данной работе мы ставим следующие задачи:

- 1) проанализировать семантические и риторические функции придаточных конструкций с союзом *if*;
- 2) проанализировать семантические и риторические функции придаточных конструкций с *even if* в текстах в соответствии с нашей гипотезой, данные конструкции выполняют важную дискурсивную функцию – показывают направление повествования.

Мы считаем, что наша работа поможет дополнить существующий подход к дискурсивному анализу профессионального дискурса и, возможно, станет основой прагматической модели дискурсивного анализа письменного судебного дискурса. Другими словами, мы бы хотели сместить фокус исследования на сам текст и его лингвопрагматические характеристики, т. е. те характеристики, которые раскрывают роль языка в формировании контекста дискурса. В большинстве современных работ

¹ Арутюнова Н. Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике // Известия АН СССР. 1973. Т. 32. Вып. I. С. 84–89.

² Судебные отчеты – краткие версии судебных решений, публикуемые в судебных сборниках судов Великобритании. Публикация судебных отчетов получила широкое распространение в XIX веке в силу стремительного развития судебной практики англо-саксонской системы права. Согласно выработанным принципам в сборники включаются только те решения, которые вводят новый юридический принцип или правило, или значительно меняют существующий принцип или правило; решения, которые вносят ясность в вопросах, связанных с надлежащим толкованием закона, и иные важные решения.

по данной тематике фокус исследования скорее находится за пределами текста, т. е. на *внешней стороне* контекста. Отметим, что существует соотнесенность судебного дискурса с рядом социальных институтов, поэтому наблюдается жанровое разнообразие институциональных дискурсов.

Дискурсивные (семантические и риторические) особенности самого текста как сложного коммуникативного высказывания рассматриваются лишь в ряде работ. В них исследуются фреймовая структура судебного решения в представлении интерпретатора текста (читателя) (М. М. Лейкина), цитаты как фигуры интертекста (А. В. Богатырев), концептуальные фигуры процесса толкования (М. Н. Федулова), интерпретативные связи в разных текстах судебного дискурса (М. В. Коновалова).

Следует более детально изучить семантические и риторические связи на уровне текста, т. е. объединить в рамках анализа два уровня функционирования дискурса – синтаксический и прагматический. Рассмотрим основные предпосылки нашей дискуссии относительно роли придаточных с союзом *if*.

В широком грамматическом смысле конструкции с союзом *if* являются лингвистической универсальной характеристикой,¹ как и другие придаточные конструкции; иллюстрируют такое свойство языка, как рекурсия. В английском языке семантика конструкций с союзом *if* в первую очередь ассоциируется со значением условия. Для выражения гипотетичности в английском языке, кроме союза *if*, также используются сложные союзы аналоги (*providing that, on condition that*) и причастия (*supposing, assuming*). В сочетании с наречиями, однако, конструкции с союзом *if* выражают значение контрфактуальности (*if only*), уступки (*even if, however much, whether ... or*)². Семантическое разнообразие конструкций, безусловно, имеет важное значение для прагматической стороны текста, так как функция текста заключается в раскрытии целей и намерений коммуникантов (пропозиции), которые реализуются в динамике развития текста. Еще одна функция текста – *inferencing*, или функция логического вывода, т. е. такая характеристика текста, которая дает дополнительные возможности для его интерпретации ('enables further meaning to be added to what is explicitly expressed'). Учитывая такие функции структуры, сам текст можно представить как дискурс со своими пространственными и временными отношениями³. Мы считаем, что придаточные конструкции с союзом *if* играют большую роль в формировании таких отношений в контексте судебного отчета, которые в итоге образуют внутренний диалог.

¹ Wierzbicka A. Conditionals and counterfactuals: conceptual primitives and linguistic universals // On conditionals again / ed. by A. Athanasiadou, R. Dirven [Current Issues in Linguistic Theory 143]. 1997. 24 p.

² Athanasiadou A., Dirven R., Conditionality, hypotheticality, counterfactuality // On conditionals again / ed. by A. Athanasiadou, R. Dirven [Current Issues in Linguistic Theory 143]. 1997. 83 p.

³ Werth P. Conditionality as cognitive distance // On conditionals again / ed. by A. Athanasiadou, R. Dirven. 1997. P. 260.

Основная часть

Придаточные конструкции с союзом *if* – одна из наиболее частотных конструкций в текстах судебных отчетов, используемая авторами для конструирования сложного высказывания, которым является судебное решение. Придаточные с прототипическим значением условия наиболее характерны для случаев прямого цитирования – в судебные отчеты часто включаются прямые цитаты из актов Парламента или судебных решений. Цитирование является важной частью любого судебного решения, так как оно задает юридические границы повествования. Цитирование подразумевает нейтральность позиции говорящего: говорящий не несет ответственности за содержание сообщения (прямое цитирование)¹.

(1) Section 3C of the Immigration Act 1971 provided: (1) This section applies if – (a) a person who has limited leave to enter or remain in the United Kingdom applies to the secretary of state for variation of the leave, (b) the application for variation is made before the leave expires, and (c) the leave expires without the application for variation having been decided.

В примере 1 союз *if* вводит два условия, при которых возможно применение раздела 3С (Section 3C). Однако прототипическое значение условия нельзя назвать самым распространенным в контексте судебных отчетов.

Как мы уже писали во введении, придаточные условия демонстрируют такое свойство языка, как рекурсия, или возможность объединить несколько простых предложений в одно сложное. В сложноподчиненных предложениях при помощи этих придаточных вводятся «бывшие вопросы»² или косвенные (подразумеваемые) вопросы, которые являются неотъемлемой частью судебной аргументации. Встраивая эти вопросы в аргументацию, судьи как основные повествователи вводят других участников коммуникативной ситуации (заявителей) и, соответственно, их (ранее озвученные или «бывшие») утверждения, которые трансформируются в косвенные вопросы. Таким образом, судебный отчет – сложный по своему содержанию и организации текст – скорее представляет собой внутренний диалог, нежели повествование от первого лица.

Рассмотрим пример (1a) из судебного отчета о решении с требованием уплатить пошлину для подачи заявления на получение гражданства Великобритании.

(1a) It (the British Nationality Act 1981) created statutory rights to British citizenship, which included a right to such citizenship under section 1(4) subject to the requirement that there was an application which had to be accompanied by a fee *if the application were to be valid*³.

¹ Clark H., Richard G. Quotations as Demonstrations. Language, 1990. Vol. 66. No. 4. 786 p.

² Вейхман Г. А. Новое в грамматике современного английского языка. Москва: Астрель: АСТ, 2006. 451 с.

³ <https://www.thetimes.co.uk/article/effect-of-extending-time-to-appeal-against-refusal-of-leave-to-remain-0m3xwsc6n> (дата обращения: 08.11.2022)

Если рассматривать данный пример вне контекста судебного отчета, то можно предположить, что автор знакомит читателя с собственно правовым контекстом. Автор придерживается описания от общего к частному: начиная с главного источника, акта Парламента, автор далее упоминает номер соответствующего раздела акта, юридическая сила которого зависит от выполнения требования о подаче заявления, которое необходимо оплатить. Таким образом читатель понимает, что правовой контекст представляет собой систему норм и требований, которые суд должен учитывать при рассмотрении поставленного вопроса. Однако это не объясняет прагматическую роль конструкции с союзом *if* в конце примера (1a). Чтобы определить прагматическое значение таких конструкций, необходимо проанализировать данный пример в совокупности с предыдущими высказываниями. Представим развернутую версию примера (1a) (с некоторыми сокращениями):

The present fees for an application for registration as a British citizen were to be found in the Immigration and Nationality (Fees) Regulations 2018 (SI 2018 No 330), made under section 68 of Immigration Act 2014 (statute 2), and were set at [...]¹

The claimants submitted that the 1981 Act (statute 1) was a constitutional settlement which conferred a statutory entitlement to citizenship in section 1(4). The statutory mechanism for setting a fee for processing the application was ancillary to the right to become a citizen. In short, their right to citizenship was rendered nugatory by the high level at which the fees had been set in the subordinate legislation, and that subordinate legislation was accordingly *ultra vires*. [...]

In the present case, the British Nationality Act 1981 was statute 1. It created statutory rights to British citizenship, which included a right to such citizenship under section 1(4) subject to the requirement that there was an application which had to be accompanied by a fee *if the application were to be valid*.

Как мы видим, данные предложения описывают механизмы регулирования вопроса об уплате пошлины, а именно – действие подзаконного нормативного акта Immigration and Nationality (Fees) Regulations 2018, принятого в соответствии с разделом 68 Закона об иммиграции 2014 года, который внес поправки в первоначальный Закон об иммиграции, принятый Парламентом в 1981 году. Комментируя действие перечисленных источников в последнем предложении, судья добавляет ‘*if the application were to be valid*’, таким образом выделяя вопрос о цели уплаты пошлины. Если представить данное утверждение в виде вопроса, то мы получим примерно следующее: *what legal requirements must be met to submit the application in order to exercise the statutory rights to British citizenship?* или *Which legal requirement confirms the validity of the application for British Citizenship?*

В другом примере (1б) косвенного цитирования придаточное с союзом *если* описывает требование, которое имеет отношение к интерпретируемому разделу (section) 26(5) относительно полномочий суда принимать апелляции (после срока, предусмотренного законом о сроках рассмотрения подобных заявлений).

¹ <https://www.thetimes.co.uk/article/fee-for-children-to-register-as-british-citizens-not-ultra-vires-kmrbcj7> (дата обращения: 08.11.2022)

(16) Accordingly, on the true interpretation of section 26(5), there was jurisdiction to entertain an application for leave to appeal *if the requested* person had, himself, done everything possible to ensure that the notice was given as soon as it could have been given even though his legal representative had failed to do so.¹

Данное высказывание можно также трансформировать в вопрос: Could the court exercise jurisdiction to entertain an application for leave subject to section 26(5) *if the requested* person had, himself, done everything possible to ensure that the notice was given as soon as it could have been given even though his legal representative had failed to do so?

На наш взгляд, приведенные примеры высказываний с косвенными цитатами и придаточными с союзом *if* имеют пропозициональный смысл ответа на вопросы, возникающие в контексте толкования применимых источников права относительно рассматриваемой ситуации или вопроса. Придаточные конструкции с союзом *if* не выражают условие, а обозначают те аспекты или элементы рассматриваемого заявления (утверждения), которые важны для юридической трактовки такого заявления (утверждения). Союз *if* выполняет роль связующего элемента между темой подразумеваемого вопроса и требованиями, которые определяют ответ на этот подразумеваемый вопрос.

Такой вывод также возвращает нас к первоначальному тезису о внутренней диалогичности судебных отчетов. Вопросы в подобных текстах оказываются встроены в канву рассуждений в виде пропозиций в составе сложных высказываний с косвенными частичными цитатами применимых источников права. Такая особенность текстов судебных отчетов, тем не менее, не исключает из них прямые вопросы как таковые – такой тип высказываний также характерен для данной категории текстов.

Следующий случай, который мы хотели бы обсудить, касается еще одного вида конструкций с союзом *if*, конструкции с ‘even if past tense’, передающие различные смысловые варианты уступительного значения. Подробное системное описание уступительных единиц, а также анализ их дискурсивных функций (на примере русского языка) представлен в работе В. Ю. Апресян². Описывая общие принципы употребления уступительных единиц, предложенные В. З. Санниковым, автор делает, на наш взгляд, два важных замечания, которые необходимо учитывать при разборе дискурсивных функций этих единиц. Во-первых, «главный фактор в употреблении уступительных лексем – мнение говорящего. Если сочетание неких ситуаций является, с точки зрения говорящего, необычным или неестественным, то употребление уступительных лексем оправдано, даже если принцип, к нарушению которого говорящий апеллирует своим высказыванием, никому, кроме него, неизвестен или вооб-

¹ <https://www.thetimes.co.uk/article/practice-that-court-should-follow-on-making-an-extradition-order-fpf8r2bwm> (дата обращения: 08.11.2022)

² Апресян В. Ю. Уступительность: механизмы образования и взаимодействия сложных значений в языке. Москва: Языки славянской культуры, 2015. С. 40.

ще противоречит обычным представлениям о мироустройстве»¹. Во-вторых, «для понимания фраз с уступительными лексемами часто требуется знание каких-то очень конкретных обстоятельств и закономерностей, которые кажется невозможным свести к более общим и абстрактным принципам»². Другими словами, анализ значения уступительности будет выходить за рамки предложения или одной фразы, так как это даст более точное представление о семантических компонентах уступительности (причина, условие, гипотетичность, перспекция).

В контексте судебной аргументации уступительность играет важную риторическую функцию – автор не только сообщает о своих представлениях читателю, но и защищает или оправдывает свое представление о действительности, выявляя аномалии в допущениях других участников дискурса или показывая их несостоятельность – «возражение под видом согласия».³ Рассмотрим примеры фраз с конструкциями с *even if*, которые вводят аномальные (т. е. гипотетические) ситуации.

В примере (2) судья в ходе рассуждения вводит утверждения (ассерции S_1 , S_2) заявителя (стороны в разбирательстве) как некоторое допущение «гипотетическая возможность». Таким образом судья встает на место одного из участников разбирательства. Однако далее судья возражает, объясняя, что оценка допустимости S_1 , S_2 зависит от иных факторов (иных, т. е. отличных от мнения заявителя; в примере судья пишет о соблюдении принципа эквивалентности и оценке подсудности), и таким образом дает отрицательную оценку S_1 , S_2 . Сочетание *even* и *if* еще больше подчеркивает негативную оценку и уже заведомо указывает на несостоятельность утверждения (ассерции).

(2) However, even if (S_1) a claim could be brought under section 29(6) it would not satisfy the equivalence principle because claims under Part 3 of the 2010 Act had to be brought in the County Court (see section 114(1)(a)) whereas claims under Part 5 had to be brought in the employment tribunal (section 120(1)(a)).

The right to pursue a discrimination claim in the County Court was not in the relevant sense equivalent to a right to pursue such a claim in the employment tribunal. There were material differences between the two jurisdictions.⁴

First, even if (S_2) the peculiarities of the police disciplinary system meant that issues of misconduct fell to be determined by an independent body exercising public functions, those functions nevertheless arose out of, and in the context of, the employment relationship. It was the employment tribunal which had the appropriate expertise for determining discrimination disputes in the employment field.

В примере (2а) конструкция с *even if* описывает гипотетическую и одновременно крайнюю ситуацию S_1 , которая не имеет отношения к основной ситуации Q. Автор

¹ Апресян В.Ю. Уступительность: механизмы образования и взаимодействия сложных значений в языке. Москва: Языки славянской культуры, 2015. С. 40.

² Там же. С. 42.

³ Там же. С. 19.

⁴ <https://www.thetimes.co.uk/article/claim-appropriately-brought-against-chief-constable-lleging-discrimination-by-police-disciplinary-panel-vc5qfq56k> (дата обращения: 08.11.2022).

переворачивает ситуацию S_1 (even if merger ceased to exist) для того, чтобы показать диапазон истинности основного тезиса Q (an extensive range of tools is available and sufficient). Иными словами, расширяя ситуацию до некоторого максимума, он усиливает свой тезис, тем самым усиливая свое несогласие с позицией заявителя.

(2a) However, there was now an extensive range of tools available [Q to control the abuse of the court's process]. Those tools would be sufficient to prevent abuse, [even if merger ceased to exist S_1]. There was, of course, no question of abolishing merger, but there was no good reason for widening its scope beyond its established bounds.

Если представить это высказывание как последовательность речевых действий, то получим примерно следующее:

- автор вводит тезис;
- автор расширяет тезис, т. е. вводит гипотетическую ситуацию, чтобы усилить этот тезис (подтвердить его);
- автор возражает себе, отмечая несущественность гипотетической ситуации;
- автор возражает заявителю, отмечая безосновательность его утверждения.

Последние два действия выражены в последней фразе примера (2a) с параллельным отрицанием – сначала судья, предвосхищая возражение незримого участника (риторическое предвосхищение выражено в *of course*), указывает на несущественность своей гипотетической ситуации. Однако последующее возражение усиливается из-за противительного *but*, т. е. утверждение незримого участника, к которому обращается судья, оказывается еще менее существенным, чем гипотетическая ситуация.

Данный пример показывает дискурсивную функцию придаточных с союзом *if*. С одной стороны, автор расширяет ситуацию, добавляя в нее новые элементы. С другой стороны, добавляя новые элементы в рассуждение, автор также вступает в диалог с собой, взвешивая новое, прежде чем дать оценку утверждениям заявителя. Выстраивая внутренний диалог, автор также предвосхищает возражения – в нашем примере вводная фраза *of course* выражает согласие автора с возможным опровержением. Другими словами, придаточные с союзом *if* со значением гипотетичности являются средством проспекции¹ – в своем рассуждении автор вовлекает читателя в свой диалог, предвосхищая его возражения, вопросы или сомнения.

Вместе с тем, на наш взгляд, в основном автор преследует цель сохранить нейтральный и объективный стиль изложения. Выстраивая внутренний диалог, автор также показывает различные измерения, в которых может быть рассмотрена та или иная ситуация, это позволяет ему дистанцироваться от объекта рассмотрения. Как было показано, в процессе рассуждения просматривается динамика (а не линейность) – автор не только дистанцируется, но и спорит с собой, возражает незримому заявителю, выдвигает гипотезы. Все приведенные примеры указывают на вероят-

¹ Sinclair J. Trust the text // *Advances in written text analysis* / ed. by M. Coulter. London: Routledge, 2004. P. 12–27.

ностный характер аргументации, т. е. «она практически никогда не приводит к формированию абсолютно истинной и однозначно понимаемой позиции»¹. Безусловно, лингвистика и дискурсивные исследования не могут предложить точную единицу описания объективности судебного дискурса. Мы оставляем за рамками нашей статьи вопрос установления степени объективности повествования, так как даже прямое цитирование как пример не-авторского текста далеко не всегда дает исчерпывающее представление о репрезентации события в юридическом контексте. В данном разделе мы рассмотрели риторическую функцию придаточных с союзом *if* с семантикой гипотетичности.

Заключение

Проведенное нами исследование показало, что юридический контекст лексически и грамматически поддерживается специфическими языковыми элементами, которые определяют нейтральный стиль изложения, дистанцирование и устранение субъективности юриста при вынесении гипотез и приведении доказательств. Такими языковыми элементами являются придаточные конструкции с союзом *if*, которые с точки зрения их риторической функции и семантики выполняют три функции:

1) пропозициональные ответы на вопросы, связанные с толкованием юридических норм;

2) цитирование (судья отсылает читателя к тексту закона или прецедента);

3) расширение ситуации.

Придаточные с союзом *if* являются средством проспекции, что позволяет вовлечь читателя во внутренний диалог автора, предвосхищая практически любые многочисленные возражения, вопросы или сомнения. Автор демонстрирует читателю возможные и невозможные линии аргументации, вовлекает его в процесс рассуждения, мотивируя читателя выдвигать свои гипотезы, догадки о том, каким может быть ответ судьи. При помощи предположений автор открывает читателю другую точку зрения, иную перспективу. В то же время читателю демонстрируется степень юридической неопределенности, которую можно свести к минимуму, если рассмотреть ситуацию с разных позиций и найти правильный угол зрения.

В этой работе мы хотели показать возможности анализа дискурсивных особенностей на синтаксическом уровне текста – анализ роли синтаксических структур может дать более полное представление о том, какие намерения преследует автор текста и как эти намерения реализуются. Иными словами, такие конструкции образуют риторическую модель судебного отчета – внутренний диалог.

Наше исследование, безусловно, не является исчерпывающим. Так, например, за рамками исследования остались конструкции с контрфактуальным значением, так как данный вид конструкций (насмотря на близость со значением гипотетичности) в силу логико-семантических особенностей может стать предметом отдельной дискуссии. Тем не менее, полученные выводы могут дополнить и расширить исследования лингвистических особенностей письменного судебного дискурса.

¹ Пригарина Н. К. Риторическая аргументация. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2010. 39 с.

Список источников

- Апресян В. Ю. Уступительность: механизмы образования и взаимодействия сложных значений в языке. Москва: Языки славянской культуры, 2015. 288 с.
- Арутюнова Н. Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике // Известия АН СССР. 1973. Т. 32. Вып. I. С. 84–89.
- Богатырев А. В. Функционирование фигур интертекста в современном юридическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград: [б. и.], 2016. 26 с.
- Вейхман Г. А. Новое в грамматике современного английского языка. Москва: Астрель: АСТ, 2006. 451 с.
- Коновалова Н. В. Глобальные категории когерентности и интертекстуальности в юридическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск: [б. и.], 2008. 25 с.
- Лейкина М. М. Структура текстов судебных решений: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел: [б. и.], 2003. 26 с.
- Пригарина Н. К. Риторическая аргументация. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2010. 310 с.
- Федулова М. Н. Прагма-семантические аспекты концептуализации лексических единиц в юридическом дискурсе: на материале английского и русского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва: [б. и.], 2010. 26 с.
- Athanasiadou A., Dirven R., Conditionality, hypotheticality, counterfactuality // On conditionals again / ed. by A. Athanasiadou, R. Dirven [Current Issues in Linguistic Theory 143]. 1997. P. 61–69.
- Clark H., Richard G. Quotations as Demonstrations. Language. 1990. Vol. 66. No. 4. P. 764–805.
- Sinclair J. Trust the text // Advances in written text analysis / ed. by M. Coulter. London: routledge, 2004. P. 12–27.
- Werth P., Conditionality as cognitive distance // On conditionals again / ed. by A. Athanasiadou, R. Dirven [Current Issues in Linguistic Theory 143]. 1997. P. 243–273.
- Wierzbicka A. Conditionals and counterfactuals: conceptual primitives and linguistic universals // On conditionals again / ed. by A. Athanasiadou, R. Dirven [Current Issues in Linguistic Theory 143]. 1997. P. 15–61.

References

- Aprasian V. Yu. *Ustupitel'nost': mekhanizmy obrazovaniia i vzaimodeistviia slozhnykh znachenii v iazyke* [Concession: mechanisms of formation and interaction of complex meanings in a language]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2015. 288 p.
- Arutjunova N. D. Poniatie presuppozitsii v lingvistike [The concept of presupposition in linguistics]. *Izvestiia AN SSSR* [Bulletin of Academy of Sciences USSR], 1973, Iss. 32, Vol. I, pp. 84–89.
- Athanasiadou A., Dirven R., Conditionality, hypotheticality, counterfactuality [On conditionals again]. *Current Issues in Linguistic Theory*, 1997, vol. 143, pp. 61–69.
- Bogatyrev A. V. *Funktsionirovanie figur interteksta v sovremennom iuridicheskom diskurse* [Functioning of intertext figures in modern legal discourse: Abstract Cand. thesis in Philological Sciences]. Volgograd, 2016. 26 p.
- Clark H., Richard G. *Quotations as Demonstrations*. Language, vol. 66, no. 4, 1990, pp. 764–805.
- Fedulova M. N. *Pragma-semanticheskie aspekty kontseptualizatsii leksicheskikh edinits v iuridicheskom diskurse: na materiale angliiskogo i russkogo iazykov* [The pragmatic and semantic

aspects of the conceptualization of lexical units in the legal discourse: by the material of the English and Russian languages: Abstract Cand. thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2010. 26 p.

Konovalova N. V. *Global'nye kategorii kogerentnosti i intertekstual'nosti v iuridicheskom diskurse* [Global categories of coherence and intertextuality in legal discourse: Abstract Cand. thesis in Philological Sciences]. Cheliabinsk, 2008. 25 p.

Leikina M. M. *Struktura tekstov sudebnykh reshenii* [Structure of the texts of judicial decisions: Abstract Cand. thesis in Philological Sciences]. Orel, 2003. 26 p.

Prigarina N. K. *Ritoricheskaia argumentatsiia* [Rhetorical argumentation]. Volgograd: Volgogradskoe nauchnoe izdatel'stvo, 2010. 310 p.

Sinclair J. Trust the text. *Advances in written text analysis*. London: Routledge, 2004. 27 p.

Veikhman G. A. *Novoe v grammatike sovremennogo angliiskogo iazyka* [New in the grammar of modern English]. Moscow: Astrel': AST, 2006. 451 p.

Werth P. Conditionality as cognitive distance [On conditionals again], *Current Issues in Linguistic Theory*, 1997, vol. 143, pp. 243–273.

Wierzbicka A. Conditionals and counterfactuals: conceptual primitives and linguistic universals [On conditionals again], *Current Issues in Linguistic Theory*, 1997, vol. 143, pp. 15–61.

Сведения об авторе

Байрта Николаевна Аринова – соискатель, <https://orcid.org/0000-0002-5598-0718>, b.arinova@ya.ru, МГУ им. М. В. Ломоносова (д. 1, Ленинские горы, 119991 Москва, Россия);
Bayrta N. Arinova – Applicant for a degree, <https://orcid.org/0000-0002-5598-0718>, b.arinova@ya.ru, Lomonosov Moscow State University (1, Leninskie Gory, 119991 Moscow, Russia).

Статья поступила в редакцию 16.03.2023; одобрена после рецензирования 03.04.2023; принята к публикации 07.04.2023.

The article was submitted 16.03.2023; Approved after reviewing 03.04.2023; Accepted for publication 07.04.2023.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2023. № 4 (115). С. 19–26.
Cherepovets State University Bulletin, 2023, no. 4 (115), pp. 19–26.

Научная статья

УДК 8 '246.2

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-4-115-2>

EDN: ARODLH

Интерференция в англоязычной письменной речи студентов колледжа

Евгения Александровна Баландина

Череповецкий государственный университет,

Череповец, Россия

zhe-belyakova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9136-5475>

Аннотация. В статье проводится анализ языковой интерференции русского языка в англоязычную письменную речь в области грамматики, выбора слов, в пунктуации и орфографии в работах русских студентов колледжа. Интерференция, выявленная у более чем 85 % опрошенных, чаще всего встречается в грамматике, реже – в пунктуации и орфографии. Основной метод исследования – анализ ошибок.

Ключевые слова: английский язык, грамматическая интерференция, лексическая интерференция, письменная речь студентов

Благодарность. Работа выполнена под руководством Г. Н. Чиршевой, доктора филологических наук, профессора.

Для цитирования: Баландина Е. А. Интерференция в англоязычной письменной речи студентов колледжа // Вестник Череповецкого государственного университета. 2023. № 4 (115). С. 19–26. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-4-115-2>.

Interference in the English written speech of college students

Evgeniia A. Balandina

Cherepovets State University

Cherepovets, Russia

zhe-belyakova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9136-5475>

Abstract. The author focuses on the interference of the Russian language in the English written speech of students who learn English as a foreign language at college. Interference, found in over 85 % of respondents, is most common in grammar, less common in punctuation and spelling. The main method of research is error analysis.

Keywords: the English language, grammar interference, lexical interference, written speech of college students

Acknowledgements. The research was conducted under the supervision of G. N. Chirsheva, Doctor of Philological Sciences, Professor of Cherepovets State University.

For citation: Balandina E. A. Interference in the English written speech of college students. *Cherepovets State University Bulletin*, 2023, no. 4 (115), pp. 19–26 (In Rus.). <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-4-115-2>.

Введение

Понятие языковой интерференции тесно связано со многими областями как лингвистики, так и других наук (психологии, социологии, культурологии и др.). В лингвистической парадигме оно изучалось и изучается структурной лингвистикой, теорией языковых контактов, психолингвистикой, нейролингвистикой, сравнительно-типологическим языкознанием, социолингвистикой, лингвострановедением и т. п.¹

Спустя примерно двадцать лет, после опубликования работы У. Вайнрайха «Языковые контакты», термин «интерференция» становится распространенным в лингвистических трудах. У. Вайнрайх определяет интерференцию как отклонение от языковых норм, которые возникают в речи билингов в результате того, что они владеют иностранными языками². Ученый разделяет интерференцию первого языка на три типа: фонологическую, грамматическую и лексическую³.

Основная часть

Труды многих лингвистов посвящены проблемам русско-иностранного двуязычия. Так, проблемы интерференции на разных уровнях английской речи изучали в своих трудах: А. И. Шаповалов⁴, А. К. Григорьева⁵, А. Е. Карлинский и др.

В лингвистике существует несколько классификаций интерференции в зависимости от того, что принимается исследователями в качестве основания для классификации.

Г. М. Вишневская выделяет следующие виды интерференции:

- по происхождению: внешняя и внутренняя;
- по характеру переноса навыков родного языка: прямая и косвенная;
- по характеру проявления: явная и скрытая;
- по лингвистической природе: фонетическая, лексическая, грамматическая⁶.

О. В. Шелестова выделяет языковую интерференцию (фонетическую, фонологическую, морфологическую, синтаксическую, лексическую), речевую (стилистическую, нормативную, узуальную) и коммуникативную (ситуативную), экстралингвистическую (мимику, жесты, культурно-исторические реалии)⁷.

¹ Самохина И.А. Языковая интерференция: обзор исследований в лингвистике // Вестник ТвГУ. Серия: Филология. 2018. № 4. С. 90–96.

² Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. Киев: Вища школа, 1979. 264 с.

³ Weinreich U. Languages in contact: findings and problems (revised edition). Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2011. 401 p.

⁴ Шаповалов А. И. Семантическая интерференция в условиях искусственного билингвизма: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов: Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, 1989. 16 с.

⁵ Григорьева А. К. Речевые ошибки и уровни языковой компетенции: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пенза: ПТПУ, 2004. 24 с.

⁶ Вишневская Г. М. Билингвизм и его аспекты. Иваново: ИвГУ, 1997. 98 с.

⁷ Шелестова О. В. Способы предупреждения и преодоления интерференции при изучении неродственных языков (на примере английского и арабского языков) // Казанский педагогический журнал. 2008. № 5. С. 14–20.

Цель работы – выявление интерферентных явлений в грамматике, лексике, пунктуации и орфографии в письменной речи студентов колледжа.

Гипотеза исследования – интерференция особенно часто проявляется в грамматике.

Основной метод исследования – анализ ошибок.

Материалом исследования стали интерферентные явления в письменных работах студентов. Сбор материала происходил в рамках первого учебного занятия. Оно проводилось сразу после каникулярного перерыва в обучении (2 месяца). Студентам второго курса было предложено написать о своих летних каникулах. Преподаватель озвучил возможный план работы и ограничение по времени (20 минут). Во время выполнения задания не разрешалось пользоваться словарями или любыми электронными переводчиками. Чтобы снизить уровень стресса учащихся, им сообщили, что неудовлетворительные оценки выставляться не будут. Данный материал ранее не рассматривался, хотя исследование речи студентов часто является базой для изучения и анализа проблем взаимовлияния родного и иностранного языков.

Обсуждение и результаты исследования

В результате анализа 50 письменных работ студентов колледжа было обнаружено 67 случаев межъязыковой интерференции. Больше чем у 30 % участников исследования интерференция встречалась более чем один раз.

Грамматическая интерференция составила 60 % от общего количества. Выделяют морфологическую, лексико-синтаксическую и синтаксическую интерференцию. В речи взрослых синтаксическую интерференцию можно наблюдать при переводе как с родного языка на иностранный, так и в обратном направлении. Кроме того, двуправленность интерференции вызывается большей активацией одного из языков¹. Синтаксическая интерференция составила почти 50 % случаев грамматической интерференции в собранном материале. В основном это касается порядка слов в предложении.

Лексико-семантическая интерференция наблюдается в речи взрослых, изучающих иностранные языки, как перенос норм родного языка или того языка, который больше активизирован в определенный период времени. Этот вид интерференции был обнаружен у 25 % наших респондентов.¹

Случаи пунктуационной и орфографической интерференции были обнаружены в небольшом количестве. Пунктуационная в среднем составила 8 % от всей интерференции в работах студентов, орфографическая – 7 %.

В 15 % собранного материала мы можем говорить о «нулевой интерференции». М. М. Михайлов использует это понятие для обозначения сознательного исключения лексем и фразеологизмов из речи на Я2 из-за боязни сделать ошибку, в результате чего страдает экспрессивность и эмоциональная насыщенность речи². О нулевой интерференции в своей монографии «Детский билингвизм: одновременное усвоение двух языков» упоминает и Г. Н. Чиршева. Это прослеживается в том случае,

¹ Чиршева Г. Н. Двужычная каммуникация. Череповец: Череповецкий государственный университет, 2004. 189 с.

² Михайлов М. М. Фразеологическая интерференция в русской речи учащихся // Взаимодействие языков в процессе обучения. Вильнюс, 1971. С. 44–46.

когда ребенок избегает трудных для произнесения слов любого языка, у других – в упрощении единиц обоих языков, у третьих – в переключениях кодов¹. Мы можем объяснить существование данного вида интерференции страхом учащихся допустить ошибки и получить плохие оценки, поэтому студенты выбирают простые конструкции, лексические и грамматические средства, в которых они уверены. Содержательная часть соответственно сокращается до нескольких предложений (см. рисунок).

Рисунок. Виды интерференции

Подробнее рассмотрим каждый вид интерференции, встречающийся в письменных работах студентов.

Самый частотный вид интерференции, выявленный в собранном материале, – грамматическая.

Синтаксическая составляет почти 30 % от всех случаев интерференции в работах студентов. Главным образом она проявляется в нарушении порядка слов. Было обнаружено 17 случаев отклонения от структурных закономерностей оформления английского предложения. Студенты часто забывают о различиях в строях английского и русского языков и переносят правила структурирования предложений из родного языка в английский.

Чаще всего учащиеся нарушают правила построения предложения, начиная их с обстоятельств времени или места, которые должны находиться в конце предложения.

In August after exams we relaxed.

In summer in July I went in Vologda, because I want to study in MBD in Krasnodar.

But in August was the opening of a new bridge.

Неверное расположение дополнения является следующим видом отклонений от нормированного порядка слов в английском предложении. Дополнение должно стоять после глагола, а не между его частями или в начале предложения. Такой порядок допустим в русском.

In last year we with my family going to the Anapa.

Together with her we went to the game.

The last days of August I engaged in my health.

¹ Чиршева Г. Н. Детский билингвизм: одновременное усвоение двух языков. Санкт-Петербург: Златоуст, 2012. 488 с.

Результатом синтаксической интерференции является пропуск подлежащего в предложении (1 пример):

_ Spent free time with friends.

Пропуск сказуемого, а именно формы глагола *to be* под воздействием модели родного языка, в котором данная категория отсутствует (1 пример):

I _ from Yakuts.

В грамматической (помимо синтаксической) также выделяют *лексико-синтаксическую* интерференцию. К ней мы отнесем те случаи, когда артикль должен быть использован, а его нет, неверное использование форм предлогов (буквальный перевод с русского). Лексико-синтаксическая интерференция была выявлена у 22 % респондентов.

Предлоги являются служебными частями речи, и чаще всего их значения и сочетаемость с разными словами не совпадают в английском и русском языках. Предлоги помогают выразить пространственно-временные отношения частей речи в английском предложении, так как в данном языке отсутствуют категории падежей и склонений. Большинство предлогов имеют несколько значений, отсюда и возникают сложности.

Этот вид интерференции чаще всего проявляется в неверном употреблении форм предлогов. Было обнаружено 11 примеров:

Предлог используется по аналогии с употребляемым предлогом в родном языке (буквальный перевод):

*Also I went **in** Vologda, because I need enter in VUZ.*

*All of that I remembered **on** 100 years.*

*This summer I went **in** camp.*

Предлог использован избыточно (так как существует в русском):

*On street man give me play **on** guitar.*

***In** last year we with my family going to the Anapa.*

*We ride **on** the bike, cars and small helicopters.*

Игнорирование такой грамматической категории как артикль – это следующий случай лексико-синтаксической интерференции. Артикль отсутствует в русском, поэтому учащиеся часто опускают его в своей речи на английском языке. В собранном материале было выявлено 6 случаев пропуска артиклей (5 определенного артикля и 1 неопределенного). Чаще всего пропуск определенного артикля *the* происходит после предлога.

We going to swim to the sea, in _ pool, eat some delicious food in _ restaurant.

We go to _ party.

I am _ student.

Морфологическая интерференция в работах студентов была представлена 6 примерами. Это случаи неверного использования видо-временных форм глаголов и инфинитива без частицы *to*.

Недостаточная дифференциация видо-временных глагольных форм является самым распространенным видом морфологической интерференции. Студенты используют Past Indefinite вместо Past Progressive, Past Indefinite вместо Present Perfect и Past Perfect Progressive.

It was built for 1000 days. (Past Indefinite вместо Past Perfect Progressive)

*And then I **slept** the whole day.* (Past Indefinite вместо Past Progressive)

*From morning to 5 p.m. I **worked**.* (Past Indefinite вместо Past Progressive)

Это происходит из-за существования только одной модели прошедшего времени, которая было усвоена русскими студентами в детстве и переносится в английский.

Еще одним примером морфологической интерференции является написание инфинитива без частицы *to*.

*On street man give me **__** play on guitar.*

*I helped my grandmother **__** plant and dig potatoes.*

Случаи лексико-семантической интерференции встречаются у 25 % опрошенных (17 примеров). Все случаи являются результатом калькирования, т. е. буквального перевода с русского на английский.

My family and I went to rest in nature. (*Моя семья и я поехали отдохнуть на природе*)

I was full of impressions. (*Я был полон впечатлений*)

I went home with a calm soul. (*Я шел домой с чистой совестью*)

Пунктуационная интерференция представлена 8 % от всей интерференции (6 примеров). Чаще всего она выражалась в постановке запятой в сложноподчиненном предложении перед союзом *because* и один пример перед союзом *but*. Эти примеры являют собой перенос правил русской пунктуации в английский.

*In July I went **in** Vologda, because I want to study in MBD in Krasnodar.*

*Also I went **in** Vologda, because I need enter in VUZ.*

It was funny, but tiring.

В собранном материале было обнаружено 5 примеров орфографической интерференции. Студенты автоматически переносят правила родного языка в письменной форме на язык перевода.

Написание местоимения *I* со строчной, а не с заглавной буквы (3 примера).

*Sometimes **i** walk with my friends.*

*All June **i** passed the exams.*

*In this summer **i** travel my grandmother and grandfather country.*

*In **june** I was in camp.* Написание названия месяца со строчной, а не с заглавной буквы.

I finished my colledge exams. (*colledge* вместо *college*).

Выводы

В результате анализа 50 письменных работ студентов второго курса колледжа интерференция была выявлена в количестве 67 единиц у 85 % респондентов. Так как студенты находятся на начальном уровне владения английским, для их речи характерен достаточно высокий уровень интерференции. В 15 % работ была обнаружена «нулевая интерференция». Страх допустить ошибку и получить неудовлетворительную оценку заставляет студентов сознательно исключать из речи те слова и конструкции, в использовании которых они испытывают сомнения и трудности, предпочитая им более упрощенный вариант лексем и структур.

Больше всего случаев составила грамматическая интерференция (60 %), где преобладала синтаксическая (30 % от всей интерференции). Лексико-семантическая ин-

терференция выявлена у 23 % респондентов. Количество случаев этого вида интерференции могло бы быть выше, но учащиеся на начальном уровне стараются избегать сложных словосочетаний или фразеологизмов. При этом, если у слова несколько значений, то, взяв за основу средства русского языка, они неверно подбирают синоним.

Частота орфографического и пунктуационного видов интерференции достаточно низкая: 8 и 7 % от общего количества. Небольшое количество пунктуационной интерференции связано с низкой языковой компетенцией, когда, боясь допустить ошибки, студенты упрощают конструкции, избегая употребления усложненных, сложносочиненных и сложноподчиненных предложений, требующих постановки знаков пунктуации.

Список литературы

- Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. Киев: Вища школа, 1979. 264 с.
- Вишневская Г. М. Билингвизм и его аспекты. Иваново: ИВГУ, 1997. 98 с.
- Григорьева А. К. Речевые ошибки и уровни языковой компетенции // Интеграция образования. 2005. № 1–2. С. 209–216.
- Михайлов М. М. Фразеологическая интерференция в русской речи учащихся // Взаимодействие языков в процессе обучения. Вильнюс, 1971. С. 44–46.
- Самохина И. А. Языковая интерференция: обзор исследований в лингвистике // Вестник ТвГУ. Серия: Филология. 2018. № 4. С. 90–96.
- Чиршева Г. Н. Двухязычная коммуникация. Череповец: Череповецкий государственный университет, 2004. 189 с.
- Чиршева Г. Н. Детский билингвизм: одновременное усвоение двух языков. Санкт-Петербург: Златоуст, 2012. 488 с.
- Шаповалов А. И. Семантическая интерференция в условиях искусственного билингвизма: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов: Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, 1989. 16 с.
- Шелестова О. В. Способы предупреждения и преодоления интерференции при изучении неродственных языков (на примере английского и арабского языков) // Казанский педагогический журнал. 2008. № 5. С. 14–20.
- Weinreich U. Languages in contact: findings and problems (revised edition). Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2011. 401 p.

References

- Chirsheva G. N. *Detskii bilingvizm: odnovennoe usvoenie dvukh iazykov* [Childhood bilingualism: Simultaneous acquisition of two languages]. St Petersburg: Zlatoust, 2012. 488 p.
- Chirsheva G. N. *Dvuiazychnaia kommunikatsiia* [Bilingual communication]. Cherepovets, 2004. 189 p.
- Grigor'eva A. K. *Rechevye oshibki i urovni iazykovoi kompetentsii* [Speech mistakes and levels of language competence]. *Integratsiia obrazovaniia* [Integration of Education], 2005, no. 1–2, pp. 209–216.

Mikhailov M. M. *Frazeologicheskaia interferentsiia v russkoi rechi uchashchikhsia* [Phraseological interference in students' Russian speech]. *Vzaimodeistvie iazykov v protsesse obucheniia* [The interaction of languages in the process of learning]. Vil'nius, 1971, pp. 44–46.

Samokhina I. A. *Iazykovaia interferentsiia: obzor issledovanii v lingvistike* [History of language interference research]. *Vestnik TvGU* [Herald of Tver State University. Series: Philology], 2018, no. 4, pp. 90–96.

Shapovalov A. I. *Semanticheskaia interferentsiia v usloviakh iskusstvennogo bilingvizma* [Semantic interference in artificial bilingualism: Abstract Cand. thesis in Philological Sciences]. Saratov, 1989. 16 p.

Shelestova O. V. *Sposoby preduprezhdeniia i preodoleniia interferentsii pri izuchenii nerodstvennykh iazykov (na primere angliiskogo i arabskogo iazykov)* [Ways of preventing and overcoming linguistic interference while studying unrelated languages (English and Arabic)]. *Kazanskii pedagogicheskii zhurnal* [Kazan Pedagogical Journal], 2008, no. 5, pp. 14–20.

Vainraikh U. *Iazykovye kontakty. Sostoianie i problemy issledovaniia* [Languages in contact: findings and problems]. Kiev: Vishcha shkola, 1979. 264 p.

Vishnevskia G. M. *Bilingvizm i ego aspekty* [Bilingualism and its aspects]. Ivanovo: IvGU, 1997. 98 p.

Weinreich U. *Languages in contact: findings and problems (revised edition)*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2011. 401 p.

Сведения об авторе

Евгения Александровна Баландина – аспирант, <https://orcid.org/0000-0001-9136-5475>, zhe-belyakova@yandex.ru, Череповецкий государственный университет (д. 5, пр-т. Луначарского, 162600 Череповец, Россия); **Evgeniia A. Balandina** – Postgraduate Student, <https://orcid.org/0000-0001-9136-5475>, zhe-belyakova@yandex.ru, Cherepovets State University (5, pr. Lunacharskogo, 162600 Cherepovets, Russia).

Статья поступила в редакцию 15.03.2023; одобрена после рецензирования 14.04.2023; принята к публикации 21.04.2023.

The article was submitted 15.03.2023; Approved after reviewing 14.04.2023; Accepted for publication 21.04.2023.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2023. № 4 (115). С. 27–38.
Cherepovets State University Bulletin, 2023, no. 4 (115), pp. 27–38.

Научная статья
УДК 811.161.1
<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-4-115-3>
EDN: AXGTLD

Фразеологизмы с компонентом *блокадный* в новейшей картине мира

Елена Владимировна Бодрова

Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова,
Магнитогорск, Россия

Leyaisr@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8112-6232>

Аннотация. Статья посвящена проблемам фразеологизации как процесса закрепления в узусе сверхсловных выражений. Объектом анализа становится отобранная автором в современной речевой практике совокупность устойчиво воспроизводимых сверхсловных единиц с компонентом *блокадный*, являющихся вербализаторами национально-специфичного концепта «Блокада». Вновь образующиеся единицы свидетельствуют об изменении структуры концепта и возрастании его специфичности. Отмечается, что большая часть рассмотренных единиц образуется по устойчивой модели. Особое внимание уделено вопросу вариативности в области фразеологии.

Ключевые слова: концепт, концептуальная структура, фразеологизация, трансформация, фразеологические варианты, потенциальные фраземы

Благодарность. Работа выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора Л. Н. Чурилиной.

Для цитирования: Бодрова Е. В. Фразеологизмы с компонентом *блокадный* в новейшей картине мира // Вестник Череповецкого государственного университета. 2023. № 4 (115). С. 27–38. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-4-115-3>.

Phraseological units with the component *blokadnyi* (*blockade*) in the latest world picture

Elena V. Bodrova

Nosov Magnitogorsk State Technical University,
Magnitogorsk, Russia

Leyaisr@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8112-6232>

Abstract. The article focuses on the problems of phraseologization as the inclusion of supra-word expressions into usage. The object of analysis is supra-word set units with the *blokadnyi* (*blockade*) component, which are verbalizers of the national specific concept "Blockade", selected by the author in modern speech practice. The newly formed units testify to a change in the concept structure and an increase in its specificity. The author highlights that the majority of the considered units are formed according to a stable model. Particular attention is paid to the question of variability in the field of phraseology.

Keywords: concept, conceptual structure, phraseologization, transformation, phraseological variants, potential phrasemes

Acknowledgments. The research was conducted under the supervision of L. N. Churilina, Doctor of Philological Sciences, Professor.

For citation: Bodrova E. V. Phraseological units with the component *blokadnyi* (*blockade*) in the latest world picture. *Cherepovets State University Bulletin*, 2023, no. 4 (115), pp. 27–38 (In Rus.). <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-4-115-3>

Введение

Озвученная В. фон Гумбольдтом идея независимого бытия языка, «которое властно над самим человеком»¹ и способно превращать окружающий его мир в идеи, «вербализовать мир»² (по Л. Вейсгерберу), оказалась, несмотря на парадоксальность, чрезвычайно привлекательной и жизнеспособной. В новейших лингвофилософских концепциях она трансформировалась, во-первых, в учение о языковой картине мира, во-вторых, легла в основу убеждения в социально-исторической и культурной обусловленности неологических процессов³, в-третьих, оформилась в мысль о творческом «ословливании»⁴ всего нового языковой личностью⁵.

Современный носитель русского языка, равно как и его предшественники, чутко реагирует на малейшие изменения в политической жизни, общественном укладе, в культуре и подключается в качестве креативной стихии в процесс создания неофразем. Однако, сдерживаемый законами аналогии и речевой экономии, он довольно часто обращается к знакомому языковому материалу, трансформируя единицы фразеологического фонда. В связи со сказанным, особый интерес для нас представляют фразеологизмы с компонентом *блокадный*, наблюдение за функционированием которого в различных дискурсах дает ключ к пониманию процессов, ведущих к обновлению языка.

Основная часть

Ключевые идеи русского мира имплицитно содержатся в структуре концептов – «сгустках культуры в сознании человека»⁶, в совокупности составляющих картину мира и материализующихся в языке. Формы их языковой экспликации многообраз-

¹ Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. Москва: Прогресс, 2000. С. 53.

² Гухман М. Лингвистическая теория Л. Вейсгербера // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. Москва: АН СССР, 1961. С. 133.

³ Проблемы русско-болгарской фразеологической неографии. Магнитогорск: МГТУ им. Г. И. Носова; Пловдив: Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского, 2021. 158 с.

⁴ Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. Москва: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. 384 с.

⁵ Коновалова Ю. О. Языковая игра в современной русской разговорной речи. Владивосток: ВГУЭС, 2008. 196 с.

⁶ Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 40.

ны: лингвоспецифичные слова¹, различные фразеологические образования и даже прецедентные тексты. Носители русского языка, по мнению лингвистов, эту систему ключевых идей, предписанную и в большей мере коллективно бессознательную, воспринимают как обязательную для всех². При этом концепты как фрагменты знания человека о мире «наследуются». Признание этого факта позволяет сформировать представление об этнокультурной концептосфере как стабильном и статичном образовании, в то время как она динамична³.

Концепты, по мнению Ю. С. Степанова, не являются сугубо когнитивными сущностями, поскольку они «не мыслятся», но переживаются⁴; эмоциональный опыт либо порождает в многоярусной структуре концепта новый «слой», либо ключевые идеи стремятся воплотиться в значениях других слов или в новых моделируемых конструкциях. Таким образом, появлением новых вербализаторов концепта язык как бы подтверждает его значимость.

Оставившая неизгладимый след в сознании россиян Великая Отечественная война зафиксирована в языке значительным числом сверхсловных единиц, в число которых авторы лингвострановедческого словаря включают словосочетание БЛОКАДА ЛЕНИНГРАДА⁵.

Слово *блокада* появилось в русском языке, как предполагает М. Фасмер, в эпоху Петра Первого⁶. Точно назвать источник заимствования затруднительно в силу интернациональной природы языковой единицы⁷. В частотном словаре Л. Н. Засориной⁸ данное существительное занимает свою нишу и является, как и другие частотные единицы, иллюстрацией живого словоупотребления образованного человека 70-х годов XX века. В более современном частотном словаре О. Н. Ляшевской и С. А. Шарова, который основан на коллекции текстов Национального корпуса русского языка и в котором представлен современный русский язык периода 1950–2007 годов⁹, слово *блокада* отсутствует. Однако анализ современных дискурсивных практик показывает востребованность и «жизнеспособность» рассматриваемой лексической единицы: «В пятницу была 79-я годовщина окончания

¹ Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. Москва: Языки славянской культуры, 2005. С. 10.

² Там же. С. 9.

³ Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. С. 188.

⁴ Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 41.

⁵ Россия. Большой лингвострановедческий словарь / под общей редакцией Б. Е. Прохорова. Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. С. 58.

⁶ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1 (А–Д). Москва: Прогресс, 1986. С. 176.

⁷ Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 3. Москва: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. С. 261.

⁸ Частотный словарь русского языка. Около 40000 слов. Москва: Русский язык, 1977. С. 63.

⁹ Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). Москва: Азбуковник, 2009. 1087 с.

блокады Ленинграда. Почти 900 дней¹; 18 января 2023 года в России отмечают 80-летие прорыва блокады Ленинграда, окруженного немецко-фашистскими захватчиками²; начиная с 2014 года Донбасс сражался, отстаивал право жить на своей земле, говорить на родном языке, боролся и не сдавался в условиях блокады и постоянных обстрелов, нескрываемой ненависти со стороны киевского режима, верил и ждал, что Россия придет на помощь³.

В «Русском семантическом словаре» зона толкования лексемы *блокада* включает компоненты ‘окружение войск противника’, а также ‘изоляция враждебного государства, города с целью прекращения его сношений с внешним миром’⁴. В этом значении слово *блокада* и производное от него прилагательное *блокадный* функционировали в военном и художественном дискурсах (XIX – первая половина XX в.), о чем свидетельствуют следующие текстовые фрагменты: «Этот неудачный штурм убедил Александра Васильевича, что первоначально задуманный им план *блокады* замка был лучше, а потому и ограничился ею»⁵; «Многие крепости, находившиеся на путях действий союзных армий, заставляли их ослабиться отражением *блокадных* корпусов»⁶. В обозначенный период структура концепта «Блокада» представлена одним «слоем», образующимся вокруг смысловой доминанты ‘военное оцепление’. С осени 1941 г., когда произошло одно из судьбоносных событий XX века в истории России – осада Ленинграда фашистской Германией, – доминантной становится сема ‘героическая оборона’ (ср.: *Умереть за свой город. Подвиги жителей блокадного Ленинграда* и др.)⁷. В структуре рассматриваемого концепта появляется новый «слой», запечатленный во внешней словесной форме, а основными репрезентантами концепта «Блокада» в русском языке становятся словосочетания с именем прилагательным *блокадный* в качестве зависимого слова: *блокадный Ленинград*⁸, *блокадный*

¹ В Петербурге отметили 79-ю годовщину окончания блокады Ленинграда. URL: https://www.1tv.ru/news/2023-01-29/446209v_peterburge_otmetili_79_yu_godovschinu_okonchaniya_blokady_leningrada (дата обращения: 30.01.2023).

² В России отмечают 80-летие прорыва блокады Ленинграда. URL: <https://foma.ru/v-rossii-otmechajut-80-letie-proryva-blokady-leningrada.html> (дата обращения: 30.01.2023).

³ Путин В. В. Послание Президента Федеральному Собранию. URL: <https://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/70565> (дата обращения: 21.02.2023).

⁴ Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Москва: Азбуковник, 1998. С. 489.

⁵ Гейнце Н. Э. Генералиссимус Суворов, 1896. URL: <https://kartaslov.ru/> Русская классика (дата обращения: 21.02.2023).

⁶ Богданович М. История войны 1814 года во Франции, 1865. URL: <https://kartaslov.ru/> Русская классика (дата обращения: 21.02.2023).

⁷ Хватова Я. Умереть за свой город. Подвиги жителей блокадного Ленинграда. URL: https://spb.aif.ru/society/people/umeret_zh_svoy_gorod_podvigi_zhiteley_blokadnogo_leningrada (дата обращения: 21.02.2023); Восемь подвигов, которые совершили ленинградцы. URL: <https://spb-kp-ru.turbopages.org> (дата обращения: 21.02.2023); Похлебка из шубы, опилок и торфяной земли. Как выживал блокадный Ленинград. URL: <https://tsargrad-tv.turbopages.org> (дата обращения: 21.02.2023).

⁸ Тумакова И. Сработано старенькой «Лейкой». Память и правда о блокадном Ленинграде. URL: <https://novayagazeta-ru.turbopages.org> (дата обращения: 21.02.2023); Румянцева М. Баллада о седых. URL: <https://rustih.ru> (дата обращения: 21.02.2023); Ольга Берггольц. Голос блокадного Ленинграда. URL: <https://olgaberggolc.ru> (дата обращения: 21.02.2023).

город¹, *блокадный Эрмитаж*². Надо отметить, что данные ассоциативного эксперимента подтверждают наличие этого знания в сознании рядового носителя русского языка: стимул *Ленинград* вызвал у испытуемых реакцию «*блокадный*»³. Отмечается и актуализация нового «слоя» в структуре концепта – ‘ужасы изоляции’: реакцией на стимул *блокада* является *голод*, что вполне объяснимо, так как преодоление нечеловеческих испытаний во время многомесячной блокады является частью генетической памяти не только ленинградцев, но и всех жителей страны. Новые смыслы нашли свое выражение в сверхсловных единицах: *блокадный хлеб*⁴, *блокадные дети*⁵, *блокадная зима*⁶.

Рассмотренный речевой материал позволяет сделать вывод о том, что концепт «Блокада» на начальном этапе своего формирования в русском языке не обладал национальной спецификой, но со временем он приобретает статус национально значимого, его структура расширяется и усложняется, а словосочетание *блокадный Ленинград*, как основной его экспликатив, становится устойчивым, воспроизводимым в языке и является моделью для формирования новых единиц, которые относятся современными исследователями к потенциальным фразеологизмам, или неофраземам⁷.

Тема подвига блокадного Ленинграда была предметом осмысления и в период Великий Отечественной войны, и в послевоенное время, что породило немалое количество сверхсловных единиц. И в наши дни их список нельзя назвать закрытым в силу возрождаемого интереса к историческому прошлому страны, обусловленного новыми геополитическими вызовами в мировом пространстве. Отмечаем, что фор-

¹ Тайны блокадного города. URL: <https://smotrim.ru> (дата обращения: 30.01.2023).

² Научная жизнь в блокадном Эрмитаже // Эрмитаж в осажденном Ленинграде. URL: <https://vladimok.ru> (дата обращения 21.02.2023); Сохранить прекрасное. Как спасали произведения искусства в военные годы. URL: <https://scientificrussia.ru> (дата обращения: 21.02.2023); Городницкий А. Блокадный Эрмитаж. URL: <https://gorodnitsky.com> (дата обращения: 21.02.2023).

³ Русский ассоциативный словарь. URL: <https://thesaurus.ru/dict> (дата обращения: 17.01.2023).

⁴ Аникеева О. Блокадный хлеб. URL: <https://vokrugknig.blogspot.com> (дата обращения: 22.02.2023); Блокадный хлеб: символ жизни и надежды. URL: <https://histrf-ru.turbopages.org> (дата обращения: 22.02.2023); Блокадный хлеб, рецепт и его ингредиенты по воспоминаниям блокадников. URL: <https://gastronom-ru.turbopages.org> (дата обращения: 22.02.2023); Послякова, А. Как в блокадном Ленинграде изобретали рецепт хлеба. URL: <https://spb-kp-ru.turbopages.org> (дата обращения: 22.02.2023).

⁵ Блокадные дети. URL: <https://sadalskij.livejournal.com/> (дата обращения: 22.02.2023); Вьюшкова В. Блокадные дети. URL: <https://stihi-ru.turbopages.org> (дата обращения: 22.02.2023); Обухова И. Блокадные дети. URL: <https://infopedia.su> (дата обращения: 22.02.2023).

⁶ Берггольц О. Мой дом. URL: <https://olgaberggolc.ru> (дата обращения: 21.02.2023); Александров В. 8 страшных цифр из блокадного Ленинграда, которые говорят больше слов. URL: <https://fishki.net> (дата обращения: 21.02.2023); Рубцов Ю. Ты дал мне эту веру, Ленинград. URL: <https://fondsk.ru> (дата обращения: 21.02.2023); Рекордные морозы блокадного Ленинграда: как выживали зимой 1941–1942 гг. URL: <https://mir24-tv.turbopages.org> (дата обращения: 22.02.2023).

⁷ Чурилина Л. Н. Традиционные образы в «новой фразеологии» // Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 3 (108). С. 235.

мирование каждой новой единицы связано с включением в синтаксическую схему «блокадный/блокадная/блокадное/блокадные + имя существительное» переменного компонента (ср.: *блокадные дни*¹, *блокадные деточки*², *блокадные старушки*³, *блокадные рисунки*⁴).

Особого внимания заслуживают сверхсловные выражения, образы которых базируются на традиционных для национальной картины мира метафорах, например: *блокадный ветер*⁵, *блокадная ночь*⁶. В верованиях древних славян «сложилось представление, что мрак и холод, враждебные божествам света и тепла, творятся другою могучею силою – нечистою, злою и разрушительною»⁷. Именно поэтому метафора «темнота – это опасность» реализуется в словах *ночь*, *тьма*, *мгла*, *темень*, *мрак*, *бездна*. Блокадный Ленинград, по воспоминаниям очевидцев и их потомков, в буквальном смысле погрузился в темноту: отсутствие электроэнергии, занавешенные плотно окна, без света и свежего воздуха бомбоубежища – все это, безусловно, вселяло страх и сковывало последние жизненные силы. Однако, помимо этого прямого сенсорного восприятия, было и другое – экзистенциальное. В авторском осмыслении блокады смерть и ночь объединяются, ночь и смерть – время встречи с вечностью: «*Сквозь мрак мне смерть видна*»⁸. Закрытые глаза обессиленных от голода и холода людей, мечтающих умереть, – устойчивый образ блокадного Ленинграда. Сама мысль кощунственна, но встреча со смертью для многих была спасением: «*Я смерть свою приму, как средство от беды*»⁹. Таким образом, неологизм *блокадная ночь* выражает традиционное воззрение славян и приобретает дополнительный смысл ‘избавление от мучений’.

Ветер – стихия многоликая, которую славяне «задабривали» молитвами и ласковым обращением. Часто он враждебен человеку: в народных представлениях ветер наделяется свойствами демонического существа¹⁰. В дни блокады ветер приносил стужу и смерть: не все выживающие в нечеловеческих условиях ленинградцы могли противостоять его разрушающей силе: «*Налетевший ветер сильным порывом выхватил карточки из рук и поднял вверх*»¹¹. Между тем многие блокадники, сплоченные душевной щедростью и сердечной теплотой, выстояли, несмотря на то, что

¹ Смирнова Н. Ленинградская симфония. URL: <https://rostves-celebrity.ru> (дата обращения: 23.02.2023).

² Станиславская Г. В. Блокада. URL: <https://stihi-ru.turbopages.org> (дата обращения: 23.02.2023).

³ Гоппе Г. У старушек блокадных особенный день. URL: <https://magazines.gorky.media> (дата обращения: 23.02.2023).

⁴ Блокадный Ленинград глазами художников-графиков. URL: <https://rmb-s-ufa.ru> (дата обращения: 23.02.2023).

⁵ Бруштейн Я. Сухари. URL: <https://stihi-ru.turbopages.org> (дата обращения: 23.02.2023).

⁶ Радченко Н. Блокада. URL: <https://stihi-ru.turbopages.org> (дата обращения: 23.02.2023).

⁷ Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу. Москва: Издание К. Солдатенкова, 1865. Т. 1. С. 91.

⁸ Данилов Э. Блокадная ночь. URL: <https://stihi.ru>. (дата обращения: 23.02.2023).

⁹ Там же.

¹⁰ Славянская мифология. URL: <https://biblioteka.ru>. (дата обращения: 24.02.2023).

¹¹ Кузмина Т. Блокадный ветер. URL: <https://parnasse.ru>. (дата обращения: 24.02.2023).

«*блокадный ветер надрывался жутко*»¹. Анализ современных контекстов (в том числе *она ушла морозною зимой. Блокадный ветер долетел сквозь годы*²) позволяет сверхсловное выражение *блокадный ветер* включить в группу потенциальных фразем, актуализирующих семантический компонент 'смерть'.

Этот же компонент актуализируется окказиональным образованием *блокадный мишка*³: развитие сюжета постепенно «наводит» искомую сему – угасание жизни: «*Стало в комнате холодно слишком*», «*одеяла большие не греют*», «*брат сжимает в своих объятьях мишку с **вырванной** левой лапой*», «*и, быть может, к лучшему даже, что **звучат** твои всхлипы все **тише***», «***тихо** падает старый мишка*», «*столько лет прошло, а в кошмарах мне все снится плюшевый мишка*»⁴.

Отдельного внимания заслуживает такое сверхсловное сочетание, как *блокадная ласточка*⁵. Впервые оно зафиксировано как название стихотворения О. Берггольц. Сохранилась история рождения этого фразеологизма. Весной 1942 года блокадники носили на груди жетоны с изображением ласточки, в клюве которой было письмо. Так ленинградцы отреагировали на угрозы фашистской Германии, армия которой обещала, что во время блокады ни одна птица не прилетит в город. Масштабная акция героических жителей говорила без слов: отрезанные от большой земли, они ждут хороших вестей с фронта. За фразеологизмом закрепилось значение 'знак доброй вести блокадникам'. Со временем первоначальный смысл подвергся трансформации, на что указывает новый контекст: «*Блокадные ласточки. Как возрожденный трамвай подарил Ленинграду надежду*»⁶. Мы наблюдаем, что при буквализации значения образная основа выступает на первый план, так как ласточки в славянской культуре традиционно признавались символом возрождения и весны: «*Весну 1942 года в городе «делали» не ласточки, а трамваи; для всех блокадников звук идущего трамвая, несмотря на приближающийся фронт, символизировал надежду на жизнь, напоминал довоенный Ленинград без обстрелов и голода*»⁷. В итоге за выражением *блокадная ласточка* закрепилось иное смысловое содержание – 'возвращение жизни в блокадный город'.

Особого разговора заслуживают фразеологические варианты с компонентом *блокадный*. Их специфика определяется сложностью проблемы вариативности / вариантности, несмотря на ее достаточно широкое освещение⁸.

¹ Бруштейн Я. Сухари. URL: <https://stihi-ru.turbopages.org> (дата обращения: 23.02.2023).

² Там же.

³ Болдырева О. Блокадный мишка. URL: <https://vokrugknig.blogspot.com> (дата обращения: 23.02.2023).

⁴ Там же.

⁵ Берггольц О. Блокадная ласточка. URL: <https://olgaberggolc.ru> (дата обращения: 25.02.2023).

⁶ Константинова, М. Блокадные ласточки. Как возрожденный трамвай подарил Ленинграду надежду. URL: https://spb.aif.ru/pobeda/pobeda_history (дата обращения: 25.02.2023).

⁷ Там же.

⁸ Багдана Ж., Бондаренко Е. В., Чернова О. О. Теоретические основания изученности проблемы языковой вариантности // Научные ведомости. Сер. Гуманитарные науки. 2012. № 6 (125). Вып. 13. С. 41–49; Горбачевич К. С. Вариантность слова и языковая норма: на материале современного русского языка / ответственный редактор Ф. П. Филин. Москва: Книжный дом «Либроком», 2009. 237 с.

Вариантность характеризуется как способ существования и функционирования единиц языка и языковой системы в целом¹. В статье Т. Н. Хомутовой уточняется, что понятие вариантности применяется и к различным формам существования языка: устной и письменной, кодифицированной и диалектной, территориальным и социальным разновидностям языка². Также под вариантностью предлагается понимать видоизменения, разновидности формы³, модификации, отклонения от некоторого образца (проблема инварианта). Сегодня общепринятым является утверждение, что все единицы языка вариативны, в том числе и фразеологизмы.

Пик научного интереса к проблеме вариативности во фразеологии приходится на 60–90-е годы XX столетия. Представителями разных фразеологических школ признается выделение двустороннего и одностороннего варьирования, дифференциация внутреннего и структурного варьирования, а также уровневое преобразование через смену единиц того или иного уровня (В. Н. Телия⁴, В. И. Зимин⁵, Е. И. Диброва⁶, Т. Н. Федуленкова⁷ и др.). Необходимо признать, что при высоком уровне согласия в вопросе фразеологических вариантов, исследователи при определении самого понятия, как правило, акцентируют внимание на какой-либо частной характеристике как доминирующей: тождество функций (А. В. Кунин⁸); семантическое тождество (Б. С. Шварцкопф⁹); потенциальная сводимость к единой модели (Г. А. Селиванов¹⁰); наличие общей образной основы (Л. Н. Колесникова, Р. Н. Попов¹¹). В проводимом

¹ Языкознание: Большой энциклопедический словарь / главный редактор В. Н. Ярцева. Москва: Большая российская энциклопедия, 1998. С. 80.

² Хомутова Т. Н. Теория языковой вариантности: социолингвистический аспект // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2005. № 11. С. 28.

³ Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Москва: Советская энциклопедия, 1966. С. 69.

⁴ Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 41.

⁵ Зимин В. И. К вопросу о вариантности фразеологических единиц // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. Материалы межвузовского симпозиума (1968). Тула: Издательство Тульского педагогического института им. Л. Н. Толстого, 1972. С. 71–82.

⁶ Диброва Е. Н. Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1979. 192 с.

⁷ Федуленкова Т. Н. Фразеологическая вариантность как лингвистическая проблема // Вестник Оренбургского государственного университета. 2005. № 4. С. 62–69.

⁸ Кунин А. В. Фразеология современного английского языка: опыт систематизированного описания. Москва: Международные отношения, 1972. 287 с.

⁹ Шварцкопф Б. С. Диапазон варьирования фразеологической единицы и норма // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. Материалы межвузовского симпозиума. Тула: Издательство Тульского педагогического института им. Л. Н. Толстого, 1968. С. 131–135.

¹⁰ Селиванов Г. А. Варианты фразеологических единиц во временной проекции // Проблемы русской фразеологии. Республиканский сборник. Тула: Издательство Тульского педагогического института им. Л. Н. Толстого, 1977. С. 3–11.

¹¹ Колесникова Л. Н., Попов Р. Н. К вопросу о вариантности фразеологических единиц // Проблемы фразеологии. Межвузовский сборник научных трудов. Тула: Издательство Тульского педагогического института им. Л. Н. Толстого, 1980. С. 3–12.

исследовании мы придерживаемся точки зрения А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского: если варьирование не приводит к изменению семантики, то нет оснований разделять варьируемые формы на разные фразеологизмы¹.

Избранный подход позволил нам объединить в вариантные ряды следующие сверхсловные единицы, репрезентирующие концепт «Блокада»:

- *блокадная квартира, блокадный дом, блокадная комната;*
- *блокадный след, блокадный шрам, блокадная отметина;*
- *блокадные воспоминания, блокадная книга, блокадный дневник.*

Значительное количество рядов и сверхсловных единиц в них, как нам представляется, можно объяснить экстралингвистическими факторами. Во-первых, напоминание о трагических страницах прошлого является национальной задачей нашей страны: «*Чтобы снова // На земной планете // Не повторилось той зимы // Нам нужно, // Чтобы наши дети // Об этом помнили, // Как мы!*»². Отсюда и различные формы репрезентации и хранения исторических событий (публикация воспоминаний и личных дневников блокадников, музейные экспозиции жилища блокадных дней, экскурсии по местам, сохранившим свидетельства блокады), и требуемое разнообразие способов их номинации. Во-вторых, вариантное воплощение одного концепта свидетельствует о различиях в его интерпретации представителями поколений: рассказать о блокаде считают своим долгом не только пережившие ее люди, но и их потомки.

В последнее время стали популярными инсталляции блокадных квартир: плотные занавески, печь-буржуйка, санки для перевозки питьевой воды³, однако эти атрибуты не передают всей правды блокадного времени, как сказано в одном из материалов: «Блокадную квартиру нельзя изобразить ни в одном музее, ни в каком манеже или панораме, так же как нельзя изобразить мороз, тоску, голод»⁴. Тем не менее, в пространстве Интернета находятся поражающие своей бесприютностью визуальные свидетельства времени, зафиксированные в сверхсловных сочетаниях *блокадная квартира*⁵, *блокадный дом*⁶, *блокадная комната*⁷. Общим смысловым стержнем этих фразеологизмов является сема «вымороженное жилище». Это место – воплощение тяжелой атмосферы блокадных дней: *у трупа матери груднички, которые пытались что-то высосать из груди мертвого тела*⁸; *неубранные комнаты, бомбежки превращали дома в руины, горы извести покрывали пол и мебель, нечисто-*

¹ Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Основы фразеологии (краткий курс). Москва: Флинта; Наука, 2013. С. 18.

² Воронов Ю. П. "Опять война, опять блокада..." // Блокада: книга стихов. Ленинград: Лениздат, 1977. С. 140.

³ В Приморском районе воссоздали блокадную квартиру. URL: <https://gov.spb.ru> (дата обращения: 25.02.2023).

⁴ Ужасы блокадного Ленинграда. URL: <https://fishki.net> (дата обращения: 25.02.2023).

⁵ Качалов А. В Санкт-Петербурге воссоздали блокадную квартиру. URL: <https://spbdnevnik.ru> (дата обращения: 25.02.2023).

⁶ Гальперин Т. Блокадный дом. URL: <https://bard.ru.com> (дата обращения: 25.02.2023).

⁷ Блокадная комната семьи Агте. URL: <https://ru.drb-ja.com> (дата обращения: 25.02.2023).

⁸ Николаев М. «Быт, который уносится с собой в могилу»: как выживали и от чего умирали в блокадном Ленинграде. URL: <https://dzen.ru> (дата обращения: 25.02.2023).

тами залиты и квартиры, и лестницы, <...> стены от буржуек покрывались копотью¹, тела хранили в квартирах и десять дней, и месяц, и даже три месяца².

Семантическим единством характеризуется и другой ряд сверхсловных единиц: *блокадный след*³, *блокадные шрамы*⁴, *блокадные отметины*⁵ (ср.: «След – царапина, шрам, знак, отметина и т. п., оставшиеся после чего-либо на чем-либо»⁶). Впервые выражение *блокадный след* встречается в написанном в 1968 году стихотворении Ю. Воронова⁷ (*Блокады нет. // Но след блокадный в душах...*), и неслучайно оно получило широкое распространение в дискурсивных практиках наших дней⁸. Русский народ всегда осуждал тех, у кого память коротка, подтверждение находим в выражении *Иваны, не помнящие родства*, зато в почете был человек – носитель исторической памяти, именно такой гражданин передает в наследство потомкам правду о прошлом Родины. Для подобных хранителей истины не страшны годы, отдаляющие нас от трагедии и подвига блокадников. События того времени останутся неизгладимым воспоминанием как на сердце, так и в душе – «зарубки», шрамы эти вывести невозможно. К сожалению, человек смертен, уходят последние блокадники, однако их место занимает другой свидетель – сам город Санкт-Петербург. В народном сознании он тоже живой очевидец: на его теле (на зданиях, ограждениях и т. п.)⁹ остались шрамы бесчеловечной осады Ленинграда.

Во всех рассмотренных случаях единая образная основа позволяет говорить о вариантах неофразем, отмечаемые различия (*дом – квартира, шрам – след*) нивелируются в сознании носителей языка как незначимые.

¹ Яров С. Повседневная жизнь блокадного Ленинграда // Блокада Ленинграда–Блокадный дневник. URL: <https://vk> (дата обращения: 25.02.2023).

² Там же.

³ Гайнуллина А. Блокадный след в истории Ембаево. URL: <https://tyumedia.ru> (дата обращения: 25.02.2023).

⁴ Блокадные шрамы Ленинграда. URL: <https://pikabu - ru.turbopages.org> (дата обращения: 25.02.2023); Блокадные шрамы. Петербург хранит свидетельства страшных дней. URL: <https://fontanka.ru> (дата обращения: 25.02.2023); Глезеров С. Еще один шрам на Кронверке. URL: <https://spbvedomosti - ru.turbopages.org> (дата обращения: 25.02.2023).

⁵ Послянова А. «Память в камне, печаль в металле»: Блокадные отметины на карте Петербурга. URL: <https://spb-KP - ru.turbopages.org> (дата обращения: 25.02.2023).

⁶ След. URL: <https://gramota.ru/slovari> (дата обращения: 25.02.2023).

⁷ Воронов Ю. Блокады нет. URL: <https://wysotsky.com> (дата обращения: 25.02.2023).

⁸ «Справедливая Россия» показала Путина в фильме о блокаде Ленинграда. URL: <https://polit-ru.turbopages.org> (дата обращения: 25.02.2023); Минина А. Блокады нет, но след блокадный в душах. URL: <https://shilk-pravda.ru> (дата обращения: 25.02.2023); След блокадный навсегда в наших душах. К 78-летию полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады. URL: <https://sovetskaya-adygeya.ru> (дата обращения: 25.02.2023); Блокадный след. URL: <https://pogo-on-air.livejournal.com> (дата обращения: 25.02.2023).

⁹ Вовк В. Блокадные раны как бесценные свидетели эпохи: где в Петербурге остались следы обстрелов. URL: <https://spbndevnik.ru> (дата обращения 25.02.2023); Борисов Ф. Твердыни севера. Игрия. URL: <https://dzen.ru> (дата обращения 25.02.2023).

Выводы

Изучение современной картины русского мира не утратило актуальности и своевременно в условиях угрозы национальной безопасности. На первый план выходит вопрос объективации концепта «Блокада», который имеет сложную организацию и представлен в дискурсивной практике устоявшимися и новыми сверхсловными единицами, построенными по распространенной модели: зависимое слово *блокадный* + главное слово переменного состава. Отметим, что в процессе фразеологизации сверхсловные единицы приобретают черты национальной специфичности. При этом одни пополняют вариативные ряды фразеологизмов, другие функционируют в дискурсивных практиках как потенциальные и, возможно, займут свое место в языковой картине мира.

Список источников

- Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 3. Москва: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 344 с.
- Баранов А. Н. Основы фразеологии (краткий курс). Москва: Флинта; Наука, 2013. 307 с.
- Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. Москва: Прогресс, 2000. 396 с.
- Гухман М. М. Лингвистическая теория Л. Вейсгербера // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. Москва: АН СССР, 1961. С.123–162.
- Зализняк А. А. Ключевые идеи русской языковой картины мира. Москва: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.
- Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
- Ляшевская О. Н. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). Москва: Азбуковник, 2009. 1087 с.
- Россия. Большой лингвострановедческий словарь. Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. 736 с.
- Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Москва: Азбуковник, 1998. 674 с.
- Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1 (А-Д). Москва: Прогресс, 1986. 573 с.
- Хомутова Т. Н. Теория языковой вариантности: социолингвистический аспект // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2005. № 11. С. 7–26.
- Частотный словарь русского языка. Москва: Русский язык, 1977. 935 с.
- Чурилина Л. Н. Традиционные образы в «новой фразеологии» // Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 3 (108). С. 233–243.

References

- Anikin A. E. *Russkii etimologicheskii slovar'*. Vyp. 3 [Russian etymological dictionary. Issue 3]. Moscow, 2009. 344 p.
- Baranov A. N. *Osnovy frazeologii (kratkii kurs)* [Fundamentals of phraseology (concise course)]. Moscow: Flinta; Nauka, 2013. 307 p.
- Chastotnyi slovar' russkogo iazyka* [Frequency Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Russkii iazyk, 1977. 935 p.
- Churilina L. N. Traditsionnye obrazy v "novoi frazeologii" [Traditional images in "new phrase-

ology"]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Cherepovets State University Bulletin], 2022, no. 3 (108), pp. 233–243.

Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka. T. 1 (A-D)* [Etymological dictionary of the Russian language. Vol. 1]. Moscow: Progress, 1986. 573 p.

Gukhman M. M. *Lingvisticheskaya teoriya L. Veyserberga* [Linguistic theory of L. Weisgerber]. *Voprosy teorii iazyka v sovremennoy zarubezhnoy lingvistike* [Issues of language theory in modern foreign linguistics]. Moscow: AN SSSR, 1966, pp. 123–162.

Gumbol'dt V. *fon. Izbrannye trudy po iazykoznaniiu* [Selected works on linguistics]. Moscow: Progress, 2000. 396 p.

Karasik V. I. *Iazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena, 2002, 477 p.

Khomutova T. N. *Teoriya iazykovoi variantnosti: sotsiolingvisticheskii aspekt* [The theory of linguistic variation: sociolinguistic aspect]. *Vestnik YUrGU* [Bulletin of the South Ural State University], 2005, no. 11, p. 7–26.

Liashevskaya O. N. *Chastotnyi slovar' sovremennogo russkogo iazyka na materialakh Natsional'nogo korpusa russkogo iazyka* [Frequency Dictionary of the modern Russian language based on the materials of the National Corpus of the Russian language]. Moscow: Azbukovnik, 2009. 1087 p.

Rossia. *Bol'shoi lingvostranovedcheskii slovar'* [Russia. Big linguistic cross-cultural dictionary]. Moscow: Ast-Press Kniga, 2009. 736 p.

Russkii *semanticheskii slovar'*. *Tolkovyi slovar', sistematizirovannyi po klassam slov i znachenii* [Russian semantic dictionary. Explanatory dictionary, systematized by classes of words and meanings]. Moscow: Azbukovnik, 1998. 674 p.

Stepanov Iu. S. *Konstanty. Slovar' russkoi kul'tury. Opyt issledovaniia* [Constants. Dictionary of Russian culture. Research experience]. Moscow: Shkola "Iazyki russkoi kul'tury", 1997. 824 p.

Zalizniak A. A. *Kliuchevye idei russkoi iazykovoi kartiny mira* [Key ideas of the Russian language picture of the world]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2005. 544 p.

Сведения об авторе

Елена Владимировна Бодрова – аспирант кафедры русского языка, общего языкознания и межкультурной коммуникации, <https://orcid.org/0000-0002-8112-6232>, Leyaisr@mail.ru, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова (д. 26, пр-т Ленина, 455000, г. Магнитогорск, Российская Федерация); **Elena V. Bodrova** – Postgraduate Student of the Department of the Russian Language, General Linguistics and Intercultural Communication, <https://orcid.org/0000-0002-8112-6232>, Leyaisr@mail.ru, Nosov Magnitogorsk State Technical University (26, pr. Lenina, 455000, Magnitogorsk, Russia).

Статья поступила в редакцию 09.03.2023; одобрена после рецензирования 07.04.2023; принята к публикации 13.04.2023.

The article was submitted 09.03.2023; Approved after reviewing 07.04.2023; Accepted for publication 13.04.2023.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2023. № 4 (115). С. 39–50.
Cherepovets State University Bulletin, 2023, no. 4 (115), pp. 39–50.

Научная статья

УДК 81.42

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-4-115-4>

EDN: BDFQJ

Пирамида когерентности

Алексей Владимирович Глазков

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
Москва, Россия

alexy.glazkow@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9115-6745>

Аннотация. Статья посвящена проблеме формализации семантических отношений в текстуальной группе, обеспечивающих ее когерентность. Возможность объединения ситуаций в большую структуру обеспечивает когерентность представляющей ситуацию текстуальной группы. Прагматическая природа когерентности подразумевает наличие имплицитных прагматических дополнений между предложениями, связывающих предложения в когерентное целое. Источником прагматических дополнений служат знания, моделью которых является пирамида когерентности. В ней выделены релевантные для формирования когерентности области знаний, находящихся в пределах текста (внешняя область) и за его пределами (внутренняя область), и нерелевантная для создания когерентности область знаний. **Ключевые слова:** когерентность, текстуальность, текст, лингвистика текста, прагматика, ситуация

Для цитирования: Глазков А. В. Пирамида когерентности // Вестник Череповецкого государственного университета. 2023. № 4 (115). С. 39–50. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-4-115-4>.

The pyramid of coherence

Alexey V. Glazkov

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russia

alexy.glazkow@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9115-6745>

Abstract. The problem considered in the article lies in the formalization of semantic relations within a textual group providing its coherence. The possibility of the combining the situation into the larger structure correlates with the coherence of the textual group represented this situation. The pragmatic nature of the coherence implies the unarticulated pragmatic additions between the sentences uniting them into the whole. The source of the pragmatic additions is a system of the knowledge modeling as a pyramid of coherence. One can highlight two areas of the knowledge – relevant and irrelevant for coherence. The first includes inner area lying within the textual group and outside area lying out of the textual group.

Keywords: coherence, textuality, text, text linguistics, pragmatics, situation

For citation: Glazkov A. V. The pyramid of coherence. *Cherepovets State University Bulletin*, 2023, no. 4 (115), pp. 39–50 (In Rus.). <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-4-115-4>.

Введение

Под когерентностью в настоящей статье понимается категория текстуальности, отвечающая свойству непротиворечивости (консистентности) текста или любой последовательности двух и более предложений, называемой нами текстуальной группой (ТГ). Такой подход позволяет представить формализованное описание когерентности, которую мы относим наряду с категориями когезии и порядка¹ к числу категорий текстуальности, обеспечивающих возможность существования текста. В лингвистике существуют разные подходы к когерентности.

Одни исследователи понимают под данным термином когнитивную категорию, характеризующую дискурс в целом (как например, Т. В. Милевская², М. Л. Макаров³). В рамках другого подхода когерентность связывается с пониманием текста, тогда изучаются механизмы понимания текста у реципиента⁴. Существует подход, в рамках которого когерентность сближается с когезией и рассматривается как производная от существующих лексико-грамматических связей⁵. Подход, реализуемый в настоящем исследовании⁶, предлагает подойти к когерентности как к семантико-прагматической категории, допускающей моделирование не психических процессов или дискурса в целом, а текстовых структур, в которых возникают невыраженные компоненты значения, обеспечивающие консистентность ТГ. Минимальной единицей, в которой возникают когерентные отношения, считается ТГ, состоящая из пары предложений. Когерентность между пропозициями внутри предложения мы не рассматриваем, следуя сделанному еще Хасан и Халлидеем⁷ противопоставлению между структурой, имеющей место в предложении, и текстурой (текстуальностью), имеющей место в тексте.

¹ Под порядком мы понимаем выстраивание предложений в последовательность (более точно, отражение множества натуральных чисел на множество предложений). См. подробнее нашу статью: Глазков А. В. К вопросу о разграничении понятий линейности, связности и цельности текста // Граница. Сборник научных трудов проекта NOT ONLY: Теория и практика гуманитарных исследований. Москва: Информационно-издательский дом «Филинь», 2020. С. 17–30.

² Милевская Т. В. Связность как категория дискурса и текста (когнитивно-функциональный и коммуникативно-прагматический аспекты): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ростов-на-Дону, 2003. 43 с.

³ Макаров М. Л. Основы теории дискурса. Москва: Гнозис, 2003. 280 с.

⁴ Сорокин Ю. А. Текст и его изучение с помощью лингвистических и психолингвистических методик (ретроспективный обзор) // Вопросы психолингвистики. 2008. № 8. С. 24–40.

⁵ Givón T. Coherence. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Co, 2020. 293 p.

⁶ Мы также отсылаем к работам А. Келера (Kehler A. Discourse Coherence // Handbook of Pragmatics. Horn L.R. & Ward G. (Ed.) Oxford: Blackwell Publishing, 2004. P. 241–265), П. Пагина (Pagin P. Enrichment, coherence, and quantifier properties // Journal of Pragmatics. 2019. T. 154. P. 92–102).

⁷ Halliday M. A. K, Hasan R. Cohesion in English. Longman, 1976. 375 p.

Формализация когерентных отношений состоит в выделении прагматического, невыраженного компонента, экспликация которого названа нами *прагматическим дополнением*, возникающим при рассмотрении предложений в рамках ТГ. В настоящей статье мы рассматриваем источники прагматических дополнений и вводим понятие *пирамиды когерентности*, состоящей из релевантных и нерелевантной областей для формирования когерентности в группе.

Основная часть

Выделение категории когерентности имеет смысл потому, что не любая пара предложений по умолчанию когерентна, а специальных указателей на то, что она когерентна, не существует. Из этого следует, что когерентность требует постановки вопроса *Когерентны ли предложения в выбранной текстуальной группе?*, который мы предлагаем называть *когерентным вопросом*. Очевидно, что в реальной практике человек не задает такого вопроса, однако использование вопроса в анализе когерентности позволяет решить проблему формально.

Ответ на когерентный вопрос можно представить в развернутой формуле: *Да/нет, потому что...* Мотивирующая часть ответа должна содержать нечто, что не выражено в предложениях, входящих в пару (или в ТГ), иначе вопрос бессмыслен. Иными словами, это некое значение, которое не входит в буквальное значение предложений, но выводится из отношений между предложениями, чтобы обеспечить их когерентность. Мы называем такое значение *прагматическим дополнением* (ПД). Прагматическим оно является именно потому, что это значение не выражено. Дальнейшее наше рассуждение будет касаться того, как и, главное, за счет чего формируется ПД.

Рассмотрим несколько примеров.

(1) /1/ Дети играли во дворе. /2/ Во двор прибежала собака.

(2) /1/ Дети играли во дворе. /3/ Во двор прибежал жираф.

(3) /4/ Анна пьет чай. /5/ Иван читает книгу.

Очевидно, что пары предложений в примерах (1) и (3) воспринимаются как когерентные, а в примере (2) пара некогерентна. Но вопрос состоит в том, как формализовать это. Одно из решений, которое было намечено еще Л. Н. Мурзиным и А. С. Штерн¹, это использовать ситуационный подход. Применим его.

Под ситуацией вслед за К. Девлином², Дж. Барвайсом, Дж. Перри³ мы будем понимать *систему отношений между данными объектами в определенное время и в определенном месте в рамках одной модальности*. То же можно записать в виде формулы:

$S = \langle\langle O; \mathfrak{R}; l; t; M \rangle\rangle$, где O – система объектов, $\mathfrak{R}$ – отношения между ними, l – место, t – время, M – модальность (если $M = 1$, то ситуация имеет место, если $M = 0$, то ситуация не имеет места).

¹ Мурзин Л. Н., Штерн А. С. Текст и его восприятие. Свердловск: Издательство Уральского университета, 1991. 172 с.

² Devlin K. Situation Theory and Situation Semantics // Handbook of the History of Logic. Vol. 7. Amsterdam: Elsevier, 2006. P. 601–664.

³ Barwise J., Perry J. Situations and Attitudes. Stanford: CSLI Publications, 1999. 376 p.

Покажем несколько существенных свойств ситуации. Легко заметить, что формула ситуации позволяет произвольно оперировать компонентами O , l и t . Другими словами, мы вправе выбирать время, место и систему объектов так, как этого захотим. Ограничением будет только внутреннее условие консистентности системы. Тогда очевидно, что мы можем либо расширять, либо сужать объем ситуации, в результате чего одна ситуация может входить в другую со статусом субситуации и, наоборот, более мелкие субситуации могут входить в более крупную ситуацию. Покажем это на простом примере (1), для чего составим ситуационные схемы каждого предложения.

$C_1 = \langle\langle O_1: \text{Дети } (\mathfrak{R}: \text{играли}); l: \text{двор}; t_1; 1 \rangle\rangle$

$C_2 = \langle\langle O_2: \text{Дети } (\mathfrak{R}: \text{играли}), \text{ Собака } (\mathfrak{R}: \text{прибежала}); l: \text{двор}; t_2; 1 \rangle\rangle$.

Обозначим изменение ситуации через Δ и получим ситуацию:

$C_1 + C_2 = \langle\langle \Delta O; \mathfrak{R}, \Delta t; \Delta l; 1 \rangle\rangle$.

ΔO в данном случае будет означать, что в $/1/$ в множество объектов входят дети, а в $/2/$ к нему добавляется собака. Δt будет означать, что $/1/$ и $/2/$ происходят в разные моменты времени, причем эти моменты времени составляют один континуум (между t_1 и t_2 нет временного промежутка). $\Delta l = l$, т. е. объединяет $/1/$ и $/2/$, так все происходит в пространстве, названном словом *двор*. В таком случае мы можем сказать, что есть некоторая ситуация C , в которую входят субситуации C_1 и C_2 : $C = \{\text{Sub}C_1, \text{Sub}C_2\}^1$.

Рассмотрим пример (2) и обнаружим, что консистентность ситуации в данном случае установить гораздо сложнее, потому что жирафы обычно не забегают во дворе. Следует либо представить себе, что речь идет о каком-то, скажем, африканском дворе, либо допустить, что произошло нечто из ряда вон выходящее, что во дворе оказался жираф. Ситуация, отраженная в (1), является тривиальной, а ситуация в (2) – нетривиальной. Тривиальность ситуации определяется соответствием ситуационному типу (СТ) – отвлеченной когнитивной модели, соотнесенной с реальными (референтными) ситуациями. Иными словами, СТ – это парадигма ситуаций или множество $\text{СТ} = \{C \mid C - \text{набор ситуационных признаков}\}$. Из этого следует, что ситуация консистентна, если в ее представлении нет внутренних противоречий и она находится в соответствии с определенным СТ.

Такое представление консистентности ситуации должно найти отражение в когерентности ТГ, представляющей эту ситуацию.

Обратимся к примеру (3). Из представленных предложений легко выстраивается ситуация, в которой Анна и Иван находятся в одном пространстве, которым, скорее всего, оказывается кухня (так как именно на кухне можно и читать, и пить чай) в одно и то же время. Выразим компоненты значения, необходимые для обнаружения связи между предложениями. Запишем их в угловых скобках.

¹ Подробнее см. нашу статью: Глазков А. В. Ситуационность как основа когерентности текста // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Филология. 2022. № 1. С. 13–24.

(3.1) /4/ Анна пьет чай <в каком-то локусе l_a в некое время t_a /a/ >. /5/ Иван читает книгу <в каком-то локусе l_b в некое время t_b /b/ > <На кухне пьют чай и читают книги /c/ >.

Компоненты <a> и возникают из незакрытых сирконстантных валентностей соответственно глаголов *пить (чай)* и *читать*. Ф. Реканати¹ назвал такие невыраженные компоненты смысла термином *свободное прагматическое обогащение*. Он, в частности, показывал, что вопрос *Ты завтракал?* фактически означает, что требуется узнать, завтракал ли адресат сегодня. Слово *сегодня* закрывает именно сирконстантную валентность глагола *завтракать*. В нашем случае мы не можем однозначно указать, о каком локусе или о каком времени идет речь. Но, чтобы добиться когерентности, мы должны отождествить время и место обоих событий, т. е. $l_a = l_b$ и $t_a = t_b$. Отождествление места и времени приводит к поиску подходящего места для обоих действий. Заметим, что это может быть не обязательно кухня. Подойдут комната, веранда, беседка и т. д. Главное, что мы можем найти такое решение, которое позволит дать утвердительный ответ на когерентный вопрос. Говоря иначе, мы вписали ситуацию предложения /4/ и ситуацию предложения /5/ в одну общую ситуацию, что и позволило обнаружить когерентность предложений.

Однако мы в нашу систему добавили еще предложение /с/, представляющее не актуальную ситуацию, а ситуационный тип. Это то когнитивное основание, которое позволяет рассмотреть два действия как части одной ситуации. При этом заметим, что предложения /4/ и /5/ каждое когерентно предложению /с/. Из этого на основании транзитивности когерентности следует, что если /4/ когерентно /с/ и /5/ когерентно /с/, то /4/ и /5/ тоже когерентны.

Предположим, что $l_a \neq l_b$, то есть мы отказываем двум событиям в том, что они происходят в одном и том же месте. Могут ли в таком случае возникнуть условия когерентности? Когерентны предложения будут только в том случае, если и теперь мы найдем ситуацию, объединяющую две имеющихся. Для нашего случая, во-первых, должно существовать место, объединяющее l_a и l_b , а во-вторых, необходим мотив, допускающий это объединение. Допустим, наши персонажи в ссоре. Тогда перепишем пару предложений с прагматическим дополнением следующим образом.

(3.2) /4/ Анна пьет чай <в каком-то локусе l_a в некое время t_a /a/ >. /5/ Иван читает книгу <в каком-то локусе l_b в некое время t_b /b/ > <Анна и Иван поссорились ранее /d/ > <Люди в ссоре предпочитают не быть вместе /e/ >.

Прагматическое дополнение /d/ выражает наше предположение, а прагматическое дополнение /e/ – относит к ситуационному типу ссоры. Место действия каждого из событий может быть разным (например, l_a – кухня, а l_b – комната), но обязательно должна существовать возможность объединения этих двух мест (они находятся в одной квартире).

Заметим, что предложенный вариант установления когерентности сложнее, чем вариант (3.1). Отсутствие сообщения о ссоре потребует либо поиска этой информации в контексте, либо внедрения анализируемой пары предложений в такое дискур-

¹ Recanati F. Pragmatic Enrichment // Routledge Companion to Philosophy of Language. Routledge, 2010. P. 67–78.

сивное пространство, где ссора Анны и Ивана составляет общее знание. С. Левинсон¹ сформулировал утверждение, что о тривиальном событии говорят просто, а о нетривиальном – сложно. Приведенный пример отлично иллюстрирует его идею.

Эксперименты с набором прагматических дополнений можно продолжать. Например, еще дальше отдалить Ивана от Анны, поместив его в Москву, а ее во Владивосток. Но и в таком случае мы должны будем создать ситуацию, в которой существует общее, пусть и такое большое пространство. Можно отказаться от допущения единства времени и сказать, что события происходят последовательно: сначала Анна пьет чай, а потом Иван читает книгу в одной или разных локациях.

Остановимся на этом и сделаем вывод. Очевидно, что прагматическое дополнение представляет собой парадигму возможностей, где каждый член парадигмы имеет большую или меньшую вероятность. Все предложения, представляющие разные члены парадигмы, некогерентны. В противном случае допустимо было бы выбрать два члена одновременно, что противоречит условиям парадигматических отношений. Другими словами, перед нами нечеткая модель, неспособная представлять одну ситуацию, а поэтому требующая выбора того члена, который подойдет для создания consistente системы.

Для такого члена мы предлагаем использовать термин *релевантный ответ*. Если парадигма состоит из единственного члена, то он и будет релевантным ответом. Покажем это на простом примере.

(4) /6/ Треугольники 1 и 2 равносторонние. /7/ Треугольники 1 и 2 подобны. <Все равносторонние треугольники подобны /f/>

Если же, как для пар (2) и (3), находится два и более прагматических дополнений, требуются условия выбора прагматического дополнения, исходя из которых один член парадигмы становится релевантным ответом, а остальные выбывают из системы. Заметим, что идея исключения коррелирует с выделенным Грайсом свойством имплицатур быть подавляемыми². Вообще, близость прагматических дополнений и имплицатур очевидна, но отождествить их нельзя по той причине, что имплицатура в определенных условиях может быть исключена, а прагматическое дополнение – нет, так как иначе пара предложений будет признана некогерентной.

Итак, мы можем сказать, что предложения $P_1 P_2$ когерентны, если найдется такое непустое множество прагматических дополнений, в котором выделяется релевантный ответ, обеспечивающий consistency фрагмента реальности, названного предложениями $P_1 P_2$. Очевидно, что данное определение можно индуцировать на любое количество предложений в ТГ.

Возникает естественный вопрос, что является источником прагматических дополнений для данной пары предложений или для большей ТГ. Поскольку когерентность – прагматическая категория, искать этот источник следует в системе знаний. С. Райт в исследовании, посвященном передаче знаний, в качестве одного из опре-

¹ Levinson S. Presumptive Meanings: The Theory of Generalized Conversational Implicature. Bradford Books, 2000. P. 37–39.

² Грайс П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVI. Лингвистическая прагматика. Москва: Прогресс, 1985. С. 236.

делений знания пишет: «Знать, что ϕ , значит иметь способность следовать тому, что ϕ » («To know that ϕ is to have the ability to be guided by the fact that ϕ »)¹. Прагматическое дополнение – компонент значения, следуя которому, адресат получает возможность установить когерентные отношения между предложениями в текстуальной группе. Тем самым поиск прагматического дополнения должен быть в системе знаний. Обратим внимание на то, что в определении С. Райта имеется формула «знать, что ϕ », из которой выводится, что ϕ следует трактовать как элемент высказывания, т. е. знание можно представить в виде предложения или множества предложений.

Структурируем систему знаний и выделим три области. К первой отнесем предложения, отражающие знания, сформированные внутри ТГ, к которой принадлежат данные предложения. Вторая область содержит знания, не переданные ТГ, но необходимые для формирования ее когерентности. Третья область включает в себя знания, нерелевантные для создания когерентной системы данной ТГ. Данную систему можно представить в виде пирамиды, которую можно назвать «пирамидой когерентности» (см. рисунок).

Рисунок. Пирамида когерентности

Текст (текстуальная группа) располагается на нашем рисунке в верхней части, к которой примыкает первая область когерентности, названная нами внешней, так как прагматические дополнения, располагающиеся в ней, проявляются в значениях, выраженных предложениями текстуальной группы. Эта область наименьшая во всей пирамиде, поэтому мы ее поместили в верхнюю часть. Внутренняя область, помещенная на нашей схеме глубже текста, содержит прежде всего тривиальные прагматические дополнения, которые нет смысла эксплицировать в тексте. Две эти области вместе получают название релевантных областей, так как в них формируются релевантные ответы на когерентный вопрос. Третьей области мы дали имя иррелевантной: поскольку она не содержит релевантных ответов на когерентные вопросы, она незначима для когерентных отношений.

Структурирование пирамиды когерентности носит виртуальный характер, так как находится в прямой зависимости от данной ТГ. Вне текстуальной группы никакой пирамиды когерентности не существует. Лишь постановка когерентного вопроса, вызывающая поиск прагматического дополнения и выделение релевантного ответа, приводит к необходимости появления пирамиды когерентности.

¹ Wright S. Knowledge Transmission. New York: Routledge, 2019. P. 1.

Области пирамиды когерентности позволяют выстроить и ситуационную модель когерентности. Актуальные ситуации располагаются прежде всего во внешней области. Внутренняя область может содержать некоторые значимые ситуации, такие, как исторические события или известные события современности, а также тривиальные ситуационные типы. Виртуальная модель пирамиды, кроме всего прочего, подразумевает и выстраивание внутренних связей.

Покажем на примере, как данная модель может применяться на практике, в том числе обратим внимание на то, как соотносятся между собой различные области пирамиды когерентности.

Рассмотрим две текстуальные группы.

(5) /8/ Будильник не звонил. /9/ Анна встала в 10.

(6) /10/ Была суббота. /8/ Будильник не звонил. /9/ Анна встала в 10.

В паре /8 – 9/ когерентность создается исключительно во внутренней области пирамиды когерентности, что логично для любой изолированной пары. Естественно, чтобы использовать внешнюю область, ее надо иметь. Можно выделить три основных прагматических дополнения: </g/ Если будильник не заводят по ошибке, человек может проспать>, </h/ Если будильник ломается, человек может проспать> и </i/ Если будильник не заводят, человек просыпается, когда выпится>. Отсутствие внешней области пирамиды когерентности не позволяет выбрать из трех возможных релевантный ответ.

В примере (6) возникает возможность использовать внешнюю область пирамиды когерентности. Наличие предложения /10/ позволяет сформировать дополнение <По субботам будильник Анны всегда не звонит, он не заведен /j/ >. Тогда релевантным ответом для пары /8 – 9/ будет </i/>.

Пирамида когерентности может быть использована и при ситуационной трактовке когерентности.

В аспекте ситуационности когерентность предложений /8/ и /9/ можно описать следующим образом. Обозначим через С ситуацию, в которой находятся Анна и будильник. Противопоставим ее варианты соответственно C_g , C_h , C_i . Актуальная ситуация располагается во внешней области пирамиды когерентности, а ситуационные типы – во внутренней. Каждая из этих ситуаций отвечает своему ситуационному типу: ST_g «Будильник не заведи по ошибке», ST_h «Будильник ломается», ST_i «Будильник не заводится по выходным». Очевидно, что предложения C_g должны быть когерентны ST_g , предложения из C_h – ST_h , предложения C_i – когерентны ST_i . Предложение /10/ с большей долей вероятности заставляет выбрать вариант C_i и объявить релевантным ответом /i/.

В приведенной цепочке возможны и другие варианты. Например, несмотря на то, что была суббота, Анна должна была встать по будильнику, но будильник сломался, поэтому она не встала вовремя. Вероятность такого варианта ниже, чем вероятность первого. Низкую вероятность можно объяснить тем, что данный вариант должен апеллировать к знаниям из внутренней области пирамиды когерентности, которые можно получить либо из текста, либо из личного опыта. Однако в наших условиях рассматривается только указанная цепочка, других предложений в ней нет, а параметр личного опыта не введен.

В заключение рассмотрим применение пирамиды когерентности для анализа когерентности реального текста.

(7) /11/ Уфимский «Салават Юлаев» примет на своей площадке новосибирскую «Сибирь» в матче регулярного чемпионата КХЛ. /12/ В этой встрече букмекеры считают фаворитом хозяев площадки. /13/ Поставить на победу хозяев площадки в основное время можно с коэффициентом 2.17, а на гостей – 3.20. /14/ Ничья доступна за 3.55. /15/ Итоговая победа «Салавата» доступна за 1.65, а «Сибири» – 2.25.

Особенностью этого текста является то, что представленная ситуация относится к будущему. Специфика высказываний о будущем состоит в том, что они модальны по своей природе, т. е. они отражают ситуацию с долей вероятности, а поэтому и когерентность такого текста или ТГ складывается на основе отношений между вероятными значениями предложений. Мы покажем, что в этом случае повышается значимость внутренней области пирамиды когерентности для установления когерентных отношений. Рассмотрим пару /11 – 12/. В предложении /12/ имплицировано значение 'победит «Салават Юлаев»'. Этот компонент значения, который в прагматике называют прагматическим следствием, соперничает с двумя другими: 'победит «Сибирь»' и 'матч закончится ничью'. Таким образом, пара формирует три возможные ситуации, если матч состоится, а не будет отменен из-за каких-то обстоятельств, что отражает четвертую возможную ситуацию, но далее мы о ней говорить не будем. Когерентность строится на знании, взятом из внутренней области пирамиды и выражающемся в виде <Хоккейный матч заканчивается победой одной из команд или ничьей /k/>. Обозначим три ситуации: $C_{\text{сю}}$, $C_{\text{с}}$, $C_{\text{н}}$. В принципе все три ситуации равновероятны, но, исходя из предложения /12/, у ситуации $C_{\text{сю}}$ есть преимущество. Это преимущество, очевидно, возникает из того обстоятельства, что у букмекера должен быть опыт прогнозирования, который тоже относится к внутренней области пирамиды когерентности.

Предложения /13/ и /14/ когерентны паре /11 – 12/ и отражают те же выделенные ситуации, причем когерентность проявляется еще в одном прагматическом дополнении: <Чем меньше вероятность исхода, тем выше коэффициент ставки /l/>. Все показатели привязаны к тому, что ситуацию $C_{\text{сю}}$ автор выделяет как преимущественную. Однако в предложении /13/ обращает на себя внимание ИГ *основное время*, которая должна привести к созданию еще одного прагматического дополнения: <Основное время в матчах противопоставляется дополнительному для избежания ничейного результата /m/>. Таким образом, когерентность предложения /13/ всем остальным предложениям текста возможна только для ситуаций $C_{\text{сю}}$ и $C_{\text{с}}$. Ситуация $C_{\text{н}}$ невозможна, так как в противном случае нарушится когерентность текста.

Наличие предложения /13/ связано с прагматическим дополнением <В играх КХЛ невозможна ничья /n/>, которое исключает прагматическое дополнение <k>, а точнее, сводит его к виду <Хоккейный матч заканчивается победой одной из команд /o/>. Соответственно, предложение /14/ имеет в своем составе невыраженную составляющую <в основное время>, которая делает когерентными предложения в паре /13 – 14/.

Если же исключить из текста предложение /13/, т. е. рассмотреть ТГ: /11, 12, 14, 15/, то предложение /14/ потеряет указанную невыраженную составляющую и когерентность может быть построена на основании прагматического дополнения <k>. Если же при этом учитывать знание о том, что ничья невозможна, ТГ потеряет когерентность, так как пара /14 – <n>/ окажется некогерентной.

Таким образом, мы видим, что внутренняя область пирамиды когерентности оказывает существенное влияние на когерентность текста, причем это влияние ощутимо как со стороны знания, так и со стороны незнания. Отсутствие знания (или – в наших терминах – прагматического дополнения) способно создать когерентный текст, смысл которого может отличаться от смысла того же текста при условии наличия данного знания. Другими словами, иррелевантная область оказывается тоже важным участником создания системы когерентности, так как в нее может попасть какой-то компонент значения, существенный с точки зрения автора текста.

Выводы

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

1. Формализация когерентных отношений в текстуальной группе возможна посредством экспликации невыраженных компонентов значения. Поскольку мы берем в качестве основных элементов когерентных отношений предложения, то и эксплицированные элементы удобно представлять в виде предложений. В системе прагматических дополнений выделяется релевантный ответ, максимально обеспечивающий когерентность текстуальной группы.
2. Когерентность текстуальной группы коррелирует с консистентностью репрезентируемой ситуации, поэтому ситуационный анализ текстуальной группы может использоваться для анализа когерентности.
3. Прагматические дополнения имеют когнитивную природу, представляют собой элементы знания, которые можно эксплицировать в виде предложений. Система этих знаний представляется в виде пирамиды когерентности – модели, в которой выделены три области. Внешняя область представляет собой знания, получаемые из текстуальной группы. Внутренняя область – знания, получаемые из опыта. Иррелевантная область пирамиды когерентности содержит знания, не используемые для формирования когерентности текстуальной группы.
4. Пирамида когерентности является виртуальным образованием, привязанным к формальному анализу конкретной текстуальной группы.

Список источников

Глазков А. В. К вопросу о разграничении понятий линейности, связности и цельности текста // Граница. Сборник научных трудов проекта NOT ONLY: Теория и практика гуманитарных исследований. Москва: Информационно-издательский дом «Филинь», 2020. С. 17–30.

Глазков А. В. Ситуационность как основа когерентности текста // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Филология. 2022. № 1. С. 13–24.

Грайс П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVI. Лингвистическая прагматика. Москва: Прогресс, 1985. С. 217–237.

- Макаров М. Л. Основы теории дискурса. Москва: Гнозис, 2003. 280 с.
- Милевская Т. В. Связность как категория дискурса и текста (когнитивно-функциональный и коммуникативно-прагматический аспекты): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ростов-на-Дону, 2003. 43 с.
- Мурзин Л. Н., Штерн А. С. Текст и его восприятие. Свердловск: Издательство Уральского университета, 1991. 172 с.
- Сорокин Ю. А. Текст и его изучение с помощью лингвистических и психолингвистических методик (ретроспективный обзор) // Вопросы психолингвистики. 2008. № 8. С. 24–40.
- Barwise J., Perry J. *Situations and Attitudes*. Stanford: CSLI Publications, 1999. 376 p.
- Devlin K. *Situation Theory and Situation Semantics* // *Handbook of the History of Logic*. Vol. 7. Amsterdam: Elsevier, 2006. P. 601–664.
- Givón T. *Coherence*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Co, 2020. 293 p.
- Halliday M. A. K., Hasan R. *Cohesion in English*. Longman, 1976. 375 p.
- Kehler A. *Discourse Coherence* // *Handbook of Pragmatics*. Horn L.R. & Ward G. (Ed.) Oxford: Blackwell Publishing, 2004. P. 241–265.
- Levinson S. *Presumptive Meanings: The Theory of Generalized Conversational Implicature*. Cambridge MA: MIT Press, 2000. 480 p.
- Pagin P. Enrichment, coherence, and quantifier properties // *Journal of Pragmatics*. 2019. 154. P. 92–102.
- Recanati F. *Pragmatic Enrichment* // *Routledge Companion to Philosophy of Language*. Routledge, 2010. P. 67–78.
- Wright S. *Knowledge Transmission*. New York: Routledge, 2019. 124 p.

References

- Barwise J., Perry J. *Situations and Attitudes*. Stanford: CSLI Publications, 1999. 376 p.
- Devlin K. *Situation Theory and Situation Semantics*. *Handbook of the History of Logic*. Vol. 7. Amsterdam: Elsevier, 2006, pp. 601–664.
- Givón T. *Coherence*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Co, 2020. 293 p.
- Glazkov A. V. K voprosu o razgranichenii poniatii lineinosti, svyaznosti i tsel'nosti teksta [On boundaries between the notions of linearity, cohesion, and coherence]. *Granitsa. Sbornik nauchnykh trudov proekta NOT ONLY: Teoriia i praktika gumanitarnykh issledovanii* [Frontier. Collection of scientific works of the project NOT ONLY: Theory and practice of humanitarian research]. Moscow: Informatsionno-izdatel'skii dom «Filin'», 2020, pp. 17–30.
- Glazkov A. V. *Situatsionnost' kak osnova kogerentnosti teksta* [Situationality as a basis of text coherence]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2022, no. 1, pp. 13–24.
- Grais P. *Logika i rechevoe obshchenie* [Logic and speech communication]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vypusk XVI. Lingvisticheskaiia pragmatika* [New in foreign linguistics. Issue XVI. Linguistic Pragmatics]. Moscow: Progress, 1985, pp. 217–237.
- Halliday M.A.K., Hasan R. *Cohesion in English*. Longman, 1976. 375 p.
- Kehler A. *Discourse Coherence*. *Handbook of Pragmatics*. Horn L.R. & Ward G. (Ed.) Oxford: Blackwell Publishing, 2004, pp. 241–265.
- Levinson S. *Presumptive Meanings: The Theory of Generalized Conversational Implicature*. Cambridge MA: MIT Press, 2000. 480 p.
- Makarov M. L. *Osnovy teorii diskursa* [Fundamentals of discourse theory]. Moscow: Gnozis, 2003. 280 p.
- Milevskaia T. V. *Svyaznost' kak kategoriia diskursa i teksta (kognitivno-funktsional'nyi i kommunikativno-pragmaticheskii aspekty)* [Coherence as a category of discourse and text (cognitive-

functional and communicative-pragmatic aspects): Abstract Dr Thesis in Philological Sciences]. Rostov-na-Donu, 2003. 43 p.

Murzin L. N., Shtern A. S. *Tekst i ego vospriatie* [Text and its perception]. Sverdlovsk: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 1991. 172 p.

Pagin P. Enrichment, coherence, and quantifier properties. *Journal of Pragmatics*, no. 154, 2019, pp. 92–102.

Recanati F. Pragmatic enrichment. *Routledge Companion to Philosophy of Language*. Routledge, 2010, pp. 67–78.

Sorokin Iu. A. *Tekst i ego izuchenie s pomoshch'iu lingvisticheskikh i psikholingvisticheskikh metodik (retrospektivnyi obzor)* [Text and its study through linguistic and psycholinguistic methods (retrospective review)]. *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], 2008, no. 8, pp. 24–40.

Wright S. *Knowledge transmission*. New York: Routledge, 2019. 124 p.

Сведения об авторе

Алексей Владимирович Глазков – кандидат филологических наук, доцент, <https://orcid.org/0000-0001-9115-6745>, alexey.glazkow@gmail.com, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (82, проспект Вернадского, 119571 Москва, Россия); **Alexey V. Glazkov** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, <https://orcid.org/0000-0001-9115-6745>, alexey.glazkow@gmail.com, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, pr. Vernadskogo, 119571 Moscow, Russia).

Статья поступила в редакцию 07.04.2022; одобрена после рецензирования 03.05.2023; принята к публикации 10.05.2023.

The article was submitted 07.04.2022; Approved after reviewing 03.05.2023; Accepted for publication 10.05.2023.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2023. № 4 (115). С. 51–61.
Cherepovets State University Bulletin, 2023, no. 4 (115), pp. 51–61.

Научная статья

УДК 811.521

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-4-115-5>

EDN: BDUBNF

Цитационные глаголы «говорения» в блогах на японском языке: кейс стади

Екатерина Сергеевна Ермишина

Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия

kyermishina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7053-5527>

Аннотация. В настоящей работе рассматриваются цитационные глаголы «говорения» в блогах на японском языке. Предметом исследования выступают материалы с платформы www.ameba.jp, содержащей блоги (электронные дневники) на бытовые темы.

Ключевые слова: цитация, цитационный глагол, глаголы «говорения», нарратор, говорящий
Для цитирования: Ермишина Е. С. Цитационные глаголы «говорения» в блогах на японском языке: кейс стади // Вестник Череповецкого государственного университета. 2023. № 4 (115). С. 51–61. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-4-115-5>.

Citation verbs of speaking in Japanese blogs: a case study

Ekaterina S. Ermishina

The Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia

kyermishina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7053-5527>

Abstract. This paper deals with the citation verbs of speaking in Japanese blogs. The subject of the study is the materials from the www.ameba.jp platform, which contains blogs (electronic diaries) on everyday topics.

Keywords: citation, citation verb, verbs of speaking, narrator, speaker

For citation: Ermishina E. S. Citation verbs of speaking in Japanese blogs: a case study. *Cherepovets State University Bulletin*, 2023, no. 4 (115), pp. 51–61 (In Rus.). <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-4-115-5>.

Введение

Исследование посвящено цитационным глаголам «говорения», встречающимся в составе цитаты в современной живой японской речи. Мы поставили перед собой следующие задачи: на материале текстов электронных дневников выделить цитационные глаголы «говорения»; установить основные классы цитационных глаголов «говорения»; детально описать конкретные глаголы.

© Ермишина Е. С., 2023

Цель работы – исследование цитационных глаголов «говорения» в современной японской речи.

Материалы и методы

В качестве предмета для исследования были выбраны материалы с платформы www.ameba.jp, содержащей различные блоги (электронные дневники) на бытовые темы. Причина выбора блогов для исследования заключается в том, что данный тип письменного дискурса является спонтанным и неформальным, т. е. близким к устной бытовой речи¹. Таким образом, тексты, письменные по модусу, по стилю являются разговорными и как таковые используют особые стратегии передачи чужой речи.

Случайным образом было выбрано девять блогов, содержащих цитационные конструкции (семь авторов – женщины и двое – мужчины). В каждом блоге случайным образом выбиралось три поста, из которых методом сплошной выборки были выделены и задокументированы все цитационные конструкции.

Анализ нескольких постов одного автора позволил изучить речевые особенности автора, в частности набор стандартных речевых стратегий, которые проявляются как при цитации, так и вне ее, в том числе в типичных для данного автора стратегий выбора форм социального дейксиса: форм вежливости, бенефактивов, именований говорящего, слушающего, третьих лиц и проч.

Всего было задокументировано 324 цитационные конструкции. Из них – 163 с цитационным глаголом, из которых 72 – фразы с цитационным глаголом «говорения».

Результаты исследования, обсуждение

Кратко сформулируем основные понятия, необходимые для описания цитационных конструкций как самостоятельных единиц исследования. Для этого рассмотрим следующий пример: *Анна заявила мне: «Пойдем в кафе»*. В этом случае *Анна заявила мне* – авторская ремарка, слово *заявила* – цитационный глагол «говорения», а *«Пойдем в кафе»* – цитата.

Анна – говорящий, т. е. тот, чья фраза транслируется. Я (здесь «мне») – нарратор, тот, кто транслирует фразу говорящего (здесь – Анна), одновременно являющийся и адресатом Анны. В данном примере нарратор и говорящий – разные люди. Но встречаются случаи, где нарратор может быть также говорящим, например: *Я заявила Анне: «Пойдем в кафе»*. В этом случае нарратор и говорящий – одно лицо, выраженное через местоимение «я» в ремарке².

В японском языке «эталонная» «прямая» глагольная конструкция, передающая речь другого, включает в себя цитируемую фразу, цитационный маркер и цитационный глагол, а также именование говорящего³. Рассмотрим следующую конструк-

¹ Ермишина Е. С. Прямая и косвенная речь в японском языке // Балтийский гуманитарный журнал. 2021. № 2 (35). С. 267–270.

² Чиронов С.В. Японские иллокутивные глаголы в ремарочном употреблении: перспективы исследования // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 5. (1). С. 197–205.

³ Sunakawa Y. Inyoobun no kizoo to kinoo: inyoobun no mitsu no ruikai nit suite // Bungeigengo kenkyuu. Gengoben. 1988. № 13. С. 73–91.

цию, приведенную японской лингвисткой Сунакава Юрико (Sunakawa Yuriko), показывающую пример «эталонной» цитации.

(1) «Эталонная цитация»

Говорящий	GA/WA	"+"	цит	констр	TO	"+"	цит	гл	
↓	↓				↓		↓		↓
(1.1) <i>Kare</i>	<i>wa</i>	<i>boku</i>	<i>ga</i>		<i>mujitsu</i>		<i>d-a</i>	<i>to</i>	<i>it-ta</i>
он	TOP	я	NOM	невиновен	COP-PRS	QUOT	говорить	PST	
‘Он сказал: «Я невиновен»’.									
(1.2) <i>Watashi</i>	<i>wa</i>	<i>kare</i>	<i>wa</i>	<i>mujitsu</i>	<i>d-a</i>	<i>to</i>	<i>shinji-ru</i>		
я	TOP	он	TOP	невиновен	COP-PRS	QUOT	верить	PRS	
‘Я верю, что он невиновен’. ¹									

В двух приведенных выше примерах перед нами предстают цитационные глаголы – *itta* ‘сказал’ и *shinji-ru* ‘полагаю’. Это глаголы, которые могут присоединять к себе фрагмент, вводимый цитационным маркером *to*.

Пример (1.1) представляет собой конструкцию, транслирующую высказывание, а (1.2) – аналогичная конструкция, вводящая содержание мысли или мнения². Таким образом, в (1) представлена традиционная схема передачи чужой речи/мысли в японском языке, в которой имеется цитационный глагол³. Причем в (1) традиционная схема использует один из интересующих нас глаголов говорения.

Несмотря на наличие так называемого «эталона», в современном японском языке встречаются и другие виды конструкций, что можно будет увидеть и на примере нашей выборки (о структурных вариантах цитационных конструкций см. подробнее⁴). Так, даже в «прямой» глагольной конструкции (схема: X GA\WA to\tte Y цитационный глагол, где X – говорящий, Y – цитата) могут отсутствовать какие-либо элементы: комплементаризер, говорящий и/или нарратор в авторской ремарке⁵. Помимо эталонной, встречается, в частности, глагольная конструкция с инверсией цитаты (схема: X GA\WA цитационный глагол Y to\tte). В конструкциях с инверсией, как и в эталонной конструкции, комплементаризер и/или говорящий могут отсутствовать⁶.

¹ Здесь и далее все примеры (как из рабочего массива, так и из научной литературы) снабжаются собственным переводом и глоссингом в формате, разработанном в [2]. Список сокращений приведен в конце работы.

² Sunakawa Y. Inyoobun no kizoo to kinoo: inyoobun no mitsu no ruiki nit suite // Bungeigengo kenkyuu. Gengoben, 1988. № 13. С. 73–91.

³ Coulmas F. Direct and Indirect Speech: General Problems and Problems of Japanese // Journal of Pragmatics. 1985. № 9. С. 41–63.

⁴ Подлесская В. И., Ермишина Е. С. Цитационные конструкции в живой японской речи: грамматика и прагматика // Урало-алтайские исследования. 2021. № 3(42). С. 43–59.

⁵ Kadokura Masami. Nikhongo no «vakhoo» koo; // Iokokhama kokuritsu daigaku dzookhoo ripodzitori. 2000. № 7. С. 60–73.

⁶ Matsumura Yoshiko Nihongo no danwa ni okeru hatsuwa · shikoo no inyo: eigo to no taishoo wo chuushin ni // Gengo bunka kashoosho. 2003. № 8. С. 71–94; Nikitina T., Bugaeva A. Logophor-

Следующий тип конструкций, встречающихся в нашей выборке, – это релятивизированная глагольная конструкция с цитатой в определении к именованию говорящего (схема: *Y to/te* цитационный глагол *X*). Здесь также могут отсутствовать некоторые элементы: говорящий, комплементаризер и т. д. Кроме того, возможны конструкции с субстантиватором *koto* ‘вещь, факт, положение дел’, *mono* ‘вещь’, *no* ‘то’. В целом в современном японском языке цитационные конструкции не ограничиваются лишь «эталонами», а демонстрируют большое разнообразие. В данной работе основное внимание будет уделено поведению глаголов «говорения» в составе цитационных конструкций. Исследуемые нами цитационные глаголы могут варьироваться от нейтрального *yuu* ‘говорить’ до редких и специфических.

Глаголы данной группы представлены в нашей выборке в разных временах (прошедшее и настоящее-будущее), залогах (активном, пассивном и пр.), формах вежливости¹. Прежде чем перейти к описанию конкретных глаголов, сделаем несколько общих замечаний.

Настоящая статья включает разделы, посвященные цитационным глаголам «говорения», встречавшимся в выборке более одного раза. Исследуются цитационные глаголы:

- *yuu* ‘сказать’²;
- *hanasu* ‘говорить’;
- *kiku* ‘спрашивать’;
- *shitsumon suru* ‘спрашивать’;
- *kotaeru* ‘отвечать’.

Было проанализировано 72 примера с цитационными глаголами «говорения». В таблице можно увидеть количество употреблений каждого типа глагола «говорения».

Таблица

Цитационные глаголы «говорения» в выборке³

Глагол	Перевод	Количество
<i>yuu</i>	говорить; сказать	46
<i>hanasu</i>	говорить; разговаривать, беседовать с кем-л.	6
<i>kiku</i>	спрашивать, осведомляться, узнавать, слышать;	3
<i>shitsumon suru</i>	спрашивать	2
<i>kotaeru</i>	отвечать, давать ответ, откликаться, отвечать как-л.; отплачивать	2

ic speech is not indirect: towards a syntactic approach to reported speech constructions // *Linguistics*. 2021. № 59 (3). С. 609–633.

¹ Ермишина Е. С. Особенности конструкций с сентенциальным актантом в современном японском языке // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики*. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 09 (2). С. 55–58.

² Здесь и далее переводные эквиваленты глаголов даются по: Минору Р. Большой японско-русский / русско-японский словарь: 450 тысяч слов и словосочетаний. Москва: Славянский Дом Книги, 2005. 928 с.

³ Материал таблицы взят из корпуса японских блогов, собранного автором.

Продолжение таблицы

Глагол	Перевод	Количество
tsutaeru	передавать	1
teian suru	вносить предложение	1
nagekakeru	бросать, набрасывать	1
soodan suru	обсуждать; советоваться	1
hentoo suru	отвечать, давать ответ	1
shiteki suru	указывать на что-л.	1
gekirei suru	ободрять, поощрять, воодушевлять	1
toitsumeru	настойчиво спрашивать, осаждать вопросами	1
koe o kakeru	окликать; подавать голос	1
sakebu	кричать, восклицать	1
tazuneru	спрашивать	1
oshieru	объяснять, сообщать	1

1. Глагол *уии* ‘говорить’

Глагол *уии* имеет значение ‘говорить; сказать, заметить; заявить’. Он является наиболее общим и нейтральным глаголом «говорения». *Уии* часто встречается в конструкциях, которые принято относить к рассмотренной нами выше традиционной схеме передачи чужой речи/мысли в японском языке¹. Он подразумевает односторонний акт передачи информации без заботы о ее понимании адресатом².

В нашей выборке глагол *уии* ‘говорить’ встретился в 46 примерах из 72, т. е. мы можем квалифицировать его как наиболее часто употребляемый. Как было сказано выше, мы учитываем данный глагол (как и другие глаголы говорения) во всех грамматических, в том числе во всех видовременных, формах – в форме настоящего-будущего времени *уии*, форме прошедшего времени *итта* ‘сказал’, формах длительно-го вида (*itteita* ‘говорил’ и т. д.).

Рассмотрим некоторые примеры с этим цитационным глаголом.

(2) 6.2.12³

<i>Betto</i>	<i>ni</i>	<i>yoko</i>	<i>ni</i>	<i>nat-tara</i>	<i>Гatamaita-ku</i>
кровать	DAT	бок	DAT	стать-COND	голова болеть-ADV
<i>nari-soo.</i>	<i>Konya</i>	<i>wa</i>	<i>hido-ku</i>	<i>nari-soo</i>	<i>da</i> /
стать-EVD	сегодня.ночью	TOP	ужасный-ADV	стать-EVD	COP.PRS to it-ta.
QUOT	сказать-PST				

¹ Sunakawa Y. Inyoobun no kizoo to kinoo: inyoobun no mitsu no ruikai nit suite // Bungeigengo kenkyuu. Gengoben, 1988. № 13. С. 73–91.

² Kotobanku: сайт. URL: <https://kotobank.jp> (дата обращения: 30.01.2023).

³ Индекс примера формируется так: 9 – номер блога, 3 – номер поста, 31 – номер строки в посте.

‘Когда [я] легли в постель, то [он] сказал: «Вот-вот заболит голова. Сегодня ночью, похоже, будет особенно ужасно»’.

В примере (2) говорящий – мужчина (бойфренд нарратора), а нарратор – женщина. Говорящий и нарратор здесь – разные люди, личный дейксис которых при этом не представлен в цитации, а конструируется из контекста. При этом в авторской ремарке нарратор использует простую форму глагола *itta* ‘сказал’ в прошедшем времени для трансляции цитаты говорящего вместе с комплементаризером *to* ‘что’. Выбор этой формы обусловлен тем, что речевое событие в цитируемом фрагменте произошло раньше, чем трансляция цитаты нарратором. Поскольку в (2) присутствует цитата, выделенная японскими кавычками-каги, авторская ремарка, комплементаризер *to*, цитационный глагол после цитаты, то этот пример можно отнести к канонической, или «прямой» цитационной конструкции. «Прямые» цитационные конструкции встретились в 33 примерах из 46 примеров с глаголом *uii*.

Итак, как мы смогли убедиться, глагол *uii* ‘говорить’ наиболее часто встречающийся в нашей выборке, может использоваться как в «прямых» цитационных конструкциях, так и в конструкциях другого типа.

2. Глагол *hanasu* ‘говорить; разговаривать’

Еще одним глаголом говорения, вошедшим в нашу выборку, стал глагол *hanasu* ‘говорить, разговаривать, рассказывать’. Если *uii* ‘сказать’ предполагает одностороннюю передачу информации, то *hanasu* ‘говорить, разговаривать, рассказывать’ ставит во главу угла то, что адресат должен услышать, понять переданное ему сообщение¹.

В нашей выборке глагол *hanasu* встретился в шести примерах из 72, т. е. по частотности употребления он занимает второе место.

(3) 8.3.39

Hitokuchi nom-i, musuko ni hanashikake-ta. /Naa Natsuo,
глоток пить-CNV сын DAT заговорить-PST Эй Нацуо
ima tte Doraemon no eiga yat-te-ta

сейчас QUOT Дораэмон GEN фильм делать-CNV-UX.PRG.PST *kana?*] EVD

‘Сделав глоток, [муж] заговорил с сыном. ‘Эй, Нацуо, сейчас [же], наверное, идет фильм «Дораэмон»?」’

В (3) нарратор – женщина – транслирует слова своего мужа (говорящий), адресованные их сыну по имени Нацуо. При этом ни в авторской ремарке, ни в самой цитате говорящий не упоминается – кто он, можно понять лишь из контекста. Говорящий использует сложный цитационный глагол в прошедшем времени – *hanashikaketa* ‘заговорил’ (т. е. речевое событие в цитируемом фрагменте произошло раньше, чем передача нарратором цитаты), где второй компонент сложного глагола *kakeru* вносит дополнительное значение начала действия². Говорящий ожидает получить ответ на свой вопрос, поэтому использование глагола *hanasu* ‘говорить, разговаривать’ ста-

¹ Kotobanku: сайт. URL: <https://kotobank.jp> (дата обращения: 30.01.2023).

² Алпатов В. М., Аркадьев П. М., Подлесская В. И. Теоретическая грамматика японского языка: в 2 кн. Кн. 1. Москва: Наталис, 2008. 560 с.

новится понятным – он предполагает понимание адресатом сказанного, приглашение к дальнейшему диалогу¹.

Пример (3) является глагольной конструкцией с инверсией, так как авторская ремарка с цитационным глаголом находится перед цитатой, выделенной кавычками-каги, говорящий и комплементаризер в авторской ремарке отсутствуют. Такого рода конструкция встретила один раз из шести примеров с цитационным глаголом *hanasu*.

3. Глагол *kiku* ‘спрашивать’

Глагол *kiku* ‘спрашивать, осведомляться, узнавать’ в нашей выборке встретился три раза (у одного и того же нарратора), т. е. занял третье место по частотности употребления. Однако с учетом небольшого размера выборки это может быть следствием стилистических предпочтений конкретного говорящего.

Глагол *kiku* может иметь несколько значений. Например, восприятие какой-либо информации органами слуха, ее последующее понимание (в значении ‘слушать’); спрашивать, задавать вопрос (в значении ‘осведомляться, узнавать’), что сближает его с такими встречающимися в выборке цитационными глаголами, как *shitsumon suru* ‘задавать вопрос’ и *tazuneru* ‘спрашивать’². Поскольку в рамках исследования мы рассматриваем только цитационные глаголы «говорения», то и глагол *kiku* нас интересует лишь в значении ‘осведомляться, узнавать’.

(4) 4.3.33

<i>Sonna koto</i>	<i>de,</i>	<i>19</i>	<i>nenkan</i>	<i>sootoo-na</i>	<i>kazu</i>	
такой	NML	COP.CNV	19	лет	достаточный-PRS	число
<i>no</i>	<i>furin</i>	<i>onna</i>	<i>(iwayuru</i>	<i>otto</i>	<i>no</i>	<i>furin</i>
GEN	измена	женщина	так.называемый муж	GEN	измена	
<i>aite)</i>	<i>o</i>	<i>mi-te-ki-ta</i>	<i>tantei-san</i>	<i>ga</i>		
партнер	ACC	смотреть-CNV-AUX.DIR-PST	детектив-HON	NOM		
<i>ГOtto</i>	<i>no</i>	<i>uwaki</i>	<i>aite</i>	<i>no</i>	<i>josei</i>	<i>tte okusan</i>
муж	GEN	измена	партнер	GEN	женщина	QUOT жена
<i>to docchi</i>	<i>ga</i>	<i>gaiken</i>	<i>ga</i>	<i>i-i.</i>		<i>onna</i>
и	какой	NOM	внешний.вид	NOM	хороший-PRS	женщина
<i>nan ka? J</i>	<i>toyuu</i>	<i>koto</i>	<i>o</i>	<i>kik-are-tara....</i>		
что	Q	такой	NML	ACC	спросить-PASS-COND	

‘Потому если спросить детектива, который за 18 лет видел достаточное число изменниц (так называемых партнерш мужа по измене): «кто внешне лучше выглядит – жена или любовница мужа?», то...’

В (4) тот же нарратор-мужчина (*tantei-san* ‘детектив’), что и в примере (7), продолжает рассуждать на тему внешности жен-клиенток и «партнерш мужа по измене». Отвечая на условный вопрос говорящего, нарратор использует пассивную форму цитационного глагола говорения *kikareru* в условной форме *kikaretara* ‘если спросить’. Пример (4) представляет собой субстантивированную цитату, вводимую субстантиватором *koto* ‘вещь, факт, положение дел’ с атрибутивным аналогом ком-

¹ Kotobanku: сайт. URL: <https://kotobank.jp> (дата обращения: 30.01.2023).

² Там же.

плементайзера *toyuu* ‘такой’. При этом *koto* присоединяет маркер аккузатива *o*, который в свою очередь является прямым дополнением цитационного глагола *kikareru* после цитаты, выделенной японскими кавычками-каги. Также в авторской ремарке до цитаты присутствует *narrator tantei-san* ‘адвокат’. В нашей выборке обнаружилась единственная цитата такого рода с глаголом *kiku*.

4. Глагол *shitsumon suru* ‘спрашивать’

Цитационный глагол говорения *shitsumon suru* ‘спрашивать’ по значению близок к уже рассмотренному нами выше глаголу *kiku* в значении ‘спрашивать, осведомляться, узнавать’¹. В нашей выборке он встретился два раза (у одного нарратора). Рассмотрим оба этих случая:

(5) 2.2.6

Nagoya no mariottode no seminaa de ageman

Нагоя GEN Мариотт INS GEN семинар INS женщина-талисман

ni nar-ita-i! tte shitsumon shi-ta mono

DATстатья-DSD-PRS QUOT вопрос VRB-PST человек *de-su*COP.ADR-PRS

‘[Я] тот человек, который спросил [у Вас] на семинаре [проходившем в гостинице] Мариотт в Нагое: «как стать женщиной-талисманом [букв., хочу стать женщиной-талисманом]»’.

В (5) мужчина-нарратор, сферой деятельности которого является лайф-коучинг, цитирует слова одной из посетительниц своего семинара (говорящий), задавшей ему вопрос по тематике этого семинара. В данном случае цитационный глагол *shitsumon suru* ‘спрашивать’ в прошедшем времени используется для обрамления цитации, в которой ставится конкретный вопрос, на который говорящий хотел бы получить ответ. При этом данный пример также является релятивизированной глагольной конструкцией с цитатой в определении к именованию говорящего (*mono* ‘лицо, человек’).

В цитате также присутствует цитационный разговорный маркер *tte* ‘что’. Сама цитата представляет собой не прямой речевой акт и не является вопросительной, а буквально переводится как «хочу стать женщиной-талисманом». Именно цитационный глагол *shitsumon suru* показывает нам, что говорящий все же задает вопрос (т. е. хочет знать, что конкретно необходимо сделать для того, чтобы стать женщиной-талисманом). Стоит отметить, что далее в посте нарратор отвечает на поставленный говорящей вопрос и дает советы, как ей добиться желаемого. Таким образом, благодаря цитационному глаголу в (5) можно понять интенцию говорящего.

5. Глагол *kotaeru* ‘отвечать’

Цитационный глагол говорения *kotaeru* ‘отвечать, давать ответ, откликаться’ используется для того, чтобы давать ответ на слова другого лица, обращенные к индивиду, давать ответ на какой-либо вопрос или задачу². В нашей выборке этот глагол встретился дважды.

¹ Kotobanku: сайт. URL: <https://kotobank.jp> (дата обращения: 30.01.2023).

² Там же.

(6) 8.1.101

<i>Soo da</i>	yo.	<i>Hito</i>	<i>wa</i>	<i>mitame</i>	<i>ja-na-i</i>
так COP.PRS PRT	человек	TOP	внешний.вид	COP.PRS-NEG-PRS	
<i>n da</i>	yo!	<i>Nakami</i>	<i>da</i>	<i>yo!!/ soo</i>	
NML	COP.PRS	PRT	содержание	COP.PRS	PRT так
<i>tikarazuyo-ku</i>	<i>kotae-ta</i>	<i>watashi ni,..</i>			
яростный-ADV	ответить-PST	я	=DAT		

‘Мне, яростно ответившей: «Это так. В человеке важна не оболочка! [а] Содержимое!! [букв., человек – не внешний вид! Содержимое!!]». ’

В этом примере нарратор-женщина, также являющаяся говорящим и выраженная в авторской ремарке через местоимение первого лица *watashi* ‘я’, дает ответ на предположение сына. Для ответа на поставленный вопрос и одновременно выражения своего мнения нарратор использует цитационный глагол *kotaeru* ‘отвечать, давать ответ, откликаться’ в простой форме прошедшего времени *kotaeta* ‘ответила’ (как и в предыдущих случаях, это говорит о расхождении во времени цитаты и ее трансляции нарратором). (6) можно отнести к релятивизированным глагольным конструкциям с цитатой в определении к говорящему (*watashi*), при этом сама цитата вводится не через комплементаризатор *to* или *tte*, а с помощью анафорического местоименного наречия *soo*.

Заключение

В работе последовательно были рассмотрены встретившиеся более одного раза цитационные глаголы «говорения». На материале проведенной выборки стало заметно, что респонденты предпочитают использовать в своей речи глаголы более широкого спектра (например, *yuu* ‘говорить, сказать’). Тогда как глаголы с более узкими значениями использовались лишь в одиночных случаях (например, *gekirei suru* ‘ободрять, воодушевлять’) для указания на какую-либо специфическую ситуацию цитации (например, сообщение шокирующих новостей, настойчивое желание что-либо узнать и т. д.).

Что же касается способов оформления цитаты, то на материале нашей выборки можно увидеть, что несмотря на то, что «прямая» глагольная конструкция является наиболее частотной (всего встречалась 47 раз из 72), она вовсе не является единственной опцией для нарраторов. Так, в выборке можно увидеть и релятивизированные глагольные конструкции, и глагольные конструкции с инверсией цитаты, и даже цитаты, вводимые субстантиватором. Более того, даже в «прямых» глагольных конструкциях часто опускался комплементаризатор, нарратор и/или говорящий, кавычки. То есть так называемый «эталон» цитации вовсе не являлся наиболее частотным вариантом – по крайней мере, для некоторых говорящих. Все это может говорить о том, что данный вопрос нуждается в дальнейшем изучении на материале более широкого материала, результатом которого стала бы адаптация «эталона» к условиям современного японского языка – в особенности к таким особым его регистрам, как неформальная интернет-коммуникация.

Список сокращений

ACC – аккумулятив
ADR – адрессив
ADV – адвербиальная форма
ATR – атрибутивная форма
AUX – вспомогательный глагол
AUX.M – вспомогательный глагол подготовительного действия *miru*
AUX.S – вспомогательный глагол окончательного действия *shimau*
BEN – бенефактив
CNV – дееспричастие
COP – связка
COND – условная форма
DAT – датив
DEB – дебитив
DIR – директивный вспомогательный глагол (*iku, kuru*)
DSD – дезиратив
EVD – эвиденциальность
GEN – генетив
HON – гоноратив
IMP – императив
INS – инструменталис
NEG – отрицание
NML – субстантиватор
NOM – номинатив
PASS – пассив
PMT – презумптив
POT – потенциалис
PRG – прогрессив
PRS – настоящее-будущее время
PRT – частица
PST – прошедшее время
Q – вопросительная частица
QUOT – цитационный союз
TOP – топик
VRB – вербализатор

Список источников

Ермишина Е. С. Особенности конструкций с сентенциальным актантом в современном японском языке // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 09 (2). С. 55–58.

Ермишина Е. С. Прямая и косвенная речь в японском языке // Балтийский гуманитарный журнал. 2021. № 2 (35). С. 267–270.

Подлеская В. И., Ермишина Е. С. Цитационные конструкции в живой японской речи: грамматика и прагматика // Урало-алтайские исследования. 2021. № 3(42). С. 43–59.

Чиронов С.В. Японские иллюкутивные глаголы в ремарочном употреблении: перспективы исследования // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 5 (1). С. 197–205.

Coulmas F. Direct and Indirect Speech: General Problems and Problems of Japanese // Journal of Pragmatics. 1985. № 9. С. 41–63.

Kadokura Masami (門倉 正美). Nihongo no «vakhoo» koo; 日本語の「話法」考 // Iokokhama kokuritsu daigaku dzookhoo ripodzitori. 2000. № 7. С. 60–73.

- Kotobanku: сайт. URL: <https://kotobank.jp> (дата обращения: 30.01.2023)
- Matsumura Yoshiko Nihongo no danwa ni okeru hatsuwa · shikoo no inyo: eigo to no taishoo wo chuushin ni // Gengo bunka kashoosho. 2003. № 8. С. 71–94. (日本語の談話における発話・思考の引用-英語との対照を中心に-. 言語文化叢書. 2003. VIII, 71-94).
- Nikitina T., Bugaeva A. Logophoric speech is not indirect: towards a syntactic approach to reported speech constructions // *Linguistics*. 2021. № 59 (3). С. 609–633.
- Sunakawa Y. Inyoobun no kizoo to kinoo: inyoobun no mitsu no ruikai ni tsuite // *Bungeigengo kenkyuu*. Gengoben, 1988. № 13. С. 73–91.

References

- Chironov S.V. Iaponskie illokutivnye glagoly v remarochnom upotreblenii: perspektivy issledovaniia [The Japanese illocutionary verbs in note use: research prospects]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2014, no. 5 (1), pp. 197–205.
- Coulmas F. Direct and indirect speech: General problems and problems of Japanese. *Journal of Pragmatics*, 1985, no. 9, pp. 41–63. (In Eng.).
- Ermishina E. S. Osobennosti konstruktssii s sententsial'nym aktantom v sovremennom iaponskom iazyke [Features of constructions with a sentential argument in modern Japanese]. *Sovremennaiia nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Modern Science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities], 2020, no. 09 (2), pp. 55–58.
- Ermishina E. S. Priamaia i kosvennaia rech' v iaponskom iazyke [Direct and indirect speech in the Japanese language]. *Baltiiskii humanitarnyi zhurnal* [Baltic Humanitarian Journal], 2021, no. 2 (35), pp. 267–270.
- Kadokura M. (門倉 正美). Nihongo no «vakhoo» koo; 日本語の「話法」考). *Iokokhama kokuritsu daigaku dzookhoo ripodzitori*, 2000, no. 7, pp. 60–73. (In Jap.).
- Kotobanku. Available at: <https://kotobank.jp>. (accessed: 30.01.2023) (In Jap.).
- Matsumura Y. Nihongo no danwa ni okeru hatsuwa · shikoo no inyo: eigo to no taishoo wo chuushin ni. *Gengo bunka kashoosho*, 2003, no. 8, pp. 71–94. (日本語の談話における発話・思考の引用-英語との対照を中心に-. 言語文化叢書. 2003. VIII, 71-94). (In Jap.).
- Nikitina T., Bugaeva A. Logophoric speech is not indirect: towards a syntactic approach to reported speech constructions. *Linguistics*, 2021, no. 59(3), pp. 609–633. (In Eng.).
- Podlesskaia V. I., Ermishina E. S. Tsitatsionnye konstruktssii v zhivoi iaponskoi rechi: grammatika i pragmatika [Quotatives in informal Japanese discourse: grammar and pragmatics]. *Uraloaltaiskie issledovaniia* [Ural-Altaic Studies], 2021, no. 3 (42), pp. 43–59.
- Sunakawa Y. Inyoobun no kizoo to kinoo: inyoobun no mitsu no ruikai nit suite. *Bungeigengo kenkyuu*. Gengoben, 1988, no. 13, pp. 73–91. (In Jap.).

Сведения об авторе

Екатерина Сергеевна Ермишина – преподаватель; <https://orcid.org/0000-0001-7053-5527>, kyermishina@mail.ru, Российский государственный гуманитарный университет (д. 6, Миусская площадь, 125993 Москва, Россия). **Ekaterina S. Ermishina** – Lecturer, <https://orcid.org/0000-0001-7053-5527>, kyermishina@mail.ru, The Russian State University for the Humanities (6, pl. Miusskaia, 125993 Moscow, Russia).

Статья поступила в редакцию 22.03.2023; одобрена после рецензирования 12.04.2023; принята к публикации 14.04.2023.

The article was submitted 22.03.2023; Approved after reviewing 12.04.2023; Accepted for publication 14.04.2023.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2023. № 4 (115). С. 62–76.
Cherepovets State University Bulletin, 2023, no. 4 (115), pp. 62–76.

Научная статья

УДК 811.111

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-4-115-6>

EDN: BXDDPB

Структура прецедентных феноменов и проблема их перевода в романе М. Пьюзо «Крестный отец»

Дмитрий Константинович Ефимов

Шадринский государственный педагогический университет,

Шадринск, Россия

vomifemid@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3083-9686>

Аннотация. Цель данной статьи – изучить прецедентные феномены, особенности их построения, употребления и сложности, возникающие при их переводе в романе М. Пьюзо «Крестный отец». В данной статье рассматриваются такие термины, как «прецедентный феномен», «прецедентное имя», особенности их происхождения, способы перевода на русский язык. Задачи исследования: выделить прецедентные феномены в романе М. Пьюзо «Крестный отец»; определить основные модели их перевода, охарактеризовать специфику употребления прецедентных феноменов; объяснить роль прецедентных феноменов в сюжете романа. Исследование проведено с использованием метода сплошной выборки, методов компонентного и контекстуального анализа. Практическая значимость статьи состоит в возможности использования полученных результатов в лексикографической практике. В результате были получены выводы об основных приемах перевода прецедентных феноменов, подкрепленные иллюстративным материалом.

Ключевые слова: прецедентный феномен, прецедентное имя, реалия, эквивалент, перевод, роман М. Пьюзо «Крестный отец»

Для цитирования: *Ефимов Д. К.* Структура прецедентных феноменов и проблема их перевода в романе М. Пьюзо «Крестный отец» // Вестник Череповецкого государственного университета. 2023. № 4 (115). С. 62–76. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-4-115-6>.

The structure of precedent phenomena and the problem of their translation in M. Puzo's novel "The Godfather"

Dmitry K. Efimov

Shadrinsk State Pedagogical University,

Shadrinsk, Russia

vomifemid@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3083-9686>

Abstract. The purpose of this article is to study the precedent phenomena, the features of their construction, use and the difficulties that arise when translating them in M. Puzo's novel "The Godfather". This article discusses such terms as "precedent phenomenon", "precedent name", features of their origin, and methods of translation into Russian.

Research objectives: highlight the precedent phenomena in M. Puzo's novel "The Godfather"; determine the main models of their translation, characterize the specifics of the use of precedent phenomena; explain the role of precedent phenomena in the plot of the novel. The study was conducted using the method of continuous sampling, component and contextual analysis. The practical significance of the article lies in the possibility of using the obtained results in lexicographic practice. As a result, conclusions were drawn about the main methods of precedent phenomenon translation, supported by illustrative material.

Keywords: precedent phenomena, precedent name, reality, equivalent, translation, M. Puzo's novel "The Godfather"

For citation: Efimov D. K. The structure of precedent phenomena and the problem of their translation in M. Puzo's novel "The Godfather". *Cherepovets State University Bulletin*, 2023, no. 4 (115), pp. 62–76 (In Rus.). <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-4-115-6>.

Введение

Переводческие проблемы, возникающие при работе над произведениями, затрагивающими двуязычные реалии и прецеденты, изначально связаны с формированием определенной картины мира в двух различных культурах, имеющимися нормами в двух языках, популяризацией определенного круга ценностей, вхождением неких специфических ценностей в круг ценностей другой культуры, столкновением отличий в менталитете. Все это накладывает определенные сложности при переводе конкретных произведений и входит в круг основных задач переводчика. Понятное, адекватное, грамотно оформленное и уместное отражение реалий на русском языке имеет важное значение для решения задач, поставленных перед переводчиком.

Цель нашего исследования заключается в изучении прецедентных феноменов в англоязычном романе американского писателя итальянского происхождения Марио Пьюзо «Крестный отец» и анализе сложностей, с которыми приходится сталкиваться переводчику при их переводе с английского языка на русский. Данное произведение было выбрано в связи с характерными языковыми особенностями, связанными с двуязычным характером языковых особенностей романа, наличием метафор, идиом, реалий и прецедентных феноменов, что способствует решению задач, связанных с отбором прецедентных феноменов, и их анализом с точки зрения трудностей, возникающих при их переводе с английского языка на русский. В свете проблематики нашего исследования отметим тот факт, что использование прецедентных феноме-

нов является отличительной особенностью творчества Марио Пьюзо, а многие метафоры, идиомы, реалии итальянского и итало-американского происхождения, используемые им в произведениях, впоследствии стали настолько узнаваемыми, что сами в свою очередь приобрели статус прецедентных феноменов. Выявление отличительных особенностей прецедентных феноменов в романе «Крестный отец» воздействует на перспективу исследования данной проблемы и представляет интерес для нашего исследования. В задачи нашей работы также входит раскрытие понятия «прецедентный феномен» и анализ примеров их использования в указанном романе. В качестве материала исследования нами использованы прецедентные феномены, отобранные методом сплошной выборки из английской версии романа «Крестный отец».

Основная часть

Прецедентные феномены функционируют как открытая система понятий и их значений со своей уникальной национально-когнитивной составляющей, которая состоит в том, что «наряду со знаниями, общими для всего человечества, в ней содержатся уникальные для данного лингвокультурного сообщества представления, которые включают собственно представления и образы, а также связанные с ними коннотации.

Знания и представления, входящие в коммуникативную базу, чрезвычайно редко эксплицируются носителями языков в своей речи, присутствуя в ней имплицитно, воспринимаясь как нечто «всем известное», «само собой разумеющееся»¹.

В связи с этим необходимо привести тезис В. В. Красных о том, что феномен нельзя передать словами. Он должен быть нам известным, но не в смысле нашей возможности пересказа содержания этого феномена. Отличительной особенностью прецедентных феноменов является то, что они обладают способностью выполнять роль эталона культуры, функционировать как свернутая метафора, выступать как символ какого-то феномена или ситуации². Таким образом, в самом широком смысле прецедентный феномен есть шаблон, который используют носители языка для описания ситуаций действительности³.

В нашей работе для целей рассмотрения и анализа прецедентных феноменов мы использовали классификации В. В. Красных⁴ и Д. Б. Гудкова.⁵ Несомненная важность этих трудов состоит в том, что в них выделяются автопрецеденты, а также национальные, универсальные и социумные прецедентные феномены. Авторы подробно рассматривают прецедентные тексты, ситуации, высказывания, а также прецедентные имена. В зарубежной лингвистике само понятие «прецедентности», в том виде, в каком оно присутствует в отечественной лингвистике, стилистике и практике

¹ Шабес В. Я. Событие и текст. Москва: Высшая школа, 1989. 175 с.

² Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. Москва, 2002. 375 с.

³ Кремнева А. В. Прецедентное имя как синкретный семиотический знак и его культурная обусловленность // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 4. С. 46–53.

⁴ Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? Москва: Гнозис, 2003. 375 с.

⁵ Гудков Д. Б. Прецедентные имена и парадигма социального поведения // Лингвостилистические и лингводидактические проблемы коммуникации. Москва: МАЛПИ, 1996. С. 16–26.

перевода, отсутствует. Вместо этого принято выделять понятие аллюзии, клише и распространять его на имена, ситуации, тексты, а также выделять интертекстуальные аллюзии. В современной зарубежной стилистике рассматривают проблемы, которые традиционно выносились далеко за пределы текстуальности. Интертекстуальность и аллюзия наряду с воздействием на читателя являются наиболее широко обсуждаемыми формами текстуальной взаимосвязи¹.

М. Руоконен отмечает, что аллюзия – это интертекстуальная ссылка, которая «вызывает в памяти другой текст (референт) и передает имплицитные значения читателям, которые могут распознать референт и интерпретировать текст аллюзии по отношению к нему»². Продуктивными источниками прецедентных феноменов служат географические названия, традиции, художественные произведения, легенды, мифы, библейские тексты, известные песни, фильмы и т. д.

Прецедентные феномены содержат в себе характерные факты истории и национальной культуры, особенности ее географической среды, специфические предметы материального окружения; таким образом, они взаимосвязаны с понятием «фоновая информация».

В этом контексте представляется убедительным, что национальные, социумные и универсальные прецедентные феномены тесно взаимосвязаны, поскольку при задействовании одного из них может происходить задействие остальных.

При более тщательном анализе содержательных аспектов фоновой информации и их отношении к прецедентным феноменам мы приходим к выводу об их взаимосвязи. Следует отметить, что фоновая информация служит требуемой базой для адекватного понимания прецедентных феноменов, а сами прецедентные феномены функционируют в качестве одного из проявлений фоновой информации, без знания которой эффективная межкультурная коммуникация и адекватный перевод практически невозможен.

Роман Марио Пьюзо «Крестный отец» (“The Godfather”)³, опубликованный в США в 1969 году, впоследствии экранизированный в 1972 году, на русском языке был впервые опубликован в журнале «Знамя» в 1987 году. Данное художественное произведение представляется нам подходящим для целей нашего исследования и изучения особенностей прецедентных феноменов, возникающих при их переводе, поскольку написано на стыке культур — итальянской и американской, представляющих собой отличающиеся картины мира, и включает большое количество прецедентных феноменов. Из большого числа имеющихся переводов данного романа нами был выбран перевод М. И. Кан⁴, как наиболее полный, и соответственно, отвечающий нашим требованиям. Мы отобрали и проанализировали определенное количество прецедентных феноменов (включая прецедентные имена), использованных

¹ The Cambridge Handbook of Stylistics. Edited by Peter Stockwell Sara Whiteley. University Printing House; Cambridge: United Kingdom Cambridge University Press, 2014. 692 p.

² Ruokonen M. Analysing Translated Allusions: Exploring a Statistical Approach. Vaasa, Finland Text and Textuality, VAKKI Publications. 2016. № 7.

³ Puzo Mario. The Godfather. Arrow, 2009. 595 p.

⁴ Пьюзо Марио. Крестный отец / перевод с английского М. И. Кан. Москва: Э, 2000. 640 с.

автором данного произведения, и способы их перевода на русский язык. Прецедентное имя онтологически относится к прецедентному тексту и способно выступать в качестве символа определенной характеристики или характера поступков. Как указывает Р. В. Попадинец, носитель языка воспринимает любой объект действительно-сти в разных аспектах, но наше внимание чаще всего останавливается на самых значимых деталях¹. Относительно выявления специфических особенностей прецедентного имени следует упомянуть, что к ним относят индивидуальные имена, связанные или с широко известным текстом, относящимся, как правило, к числу прецедентных, или с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная².

Прецедентные имена, которые в немалом количестве встречаются на страницах романа, формируют прецедентную ситуацию, которая не всегда может быть адекватно воспринята читателем при переводе на русский язык. Это происходит даже при полном знакомстве читателя с этими прецедентными именами, поскольку прецедентная ситуация (по мнению Д. Б. Гудкова) имеет не лингвистический, а скорее когнитивный характер и хранится в сознании носителей языка в виде инвариантов восприятия. Реальная ситуация речи может сопоставляться с автором некой прецедентной ситуации, выступающей как эталон для актуализации такого типа вообще³.

С. В. Иванова определяет прецедентное имя как «вербальный прецедентный феномен, имя собственное: антропоним или топоним реального или вымышленного характера, но широко известное носителям языка и имеющее определенную связь с культурной историей данного лингво-культурного сообщества»⁴.

Прецедентное имя представляет собой своего рода сложный знак, при употреблении которого происходит апелляция к набору дифференциальных признаков данного прецедентного имени. Оно может состоять из одного или нескольких элементов, обозначая при этом одно понятие. В когнитивной базе хранится сам вербальный феномен, а также то, что за ним стоит и что, собственно, и делает его прецедентным – совокупность дифференциальных признаков и атрибутов⁵. Для прецедентных имен важную роль играет культурный фон, концентрация комплексных понятий в ограниченном количестве составляющих, значимых в контексте определенной культуры и определенного вида деятельности. Прецедентные имена и прецедентные высказыва-

¹ Попадинец Р. В. Прецедентное имя в сознании носителя русского языка: опыт психолингвистического исследования. Курск: Курский государственный технический университет, 2010. 126 с.

² Гудков Д. Б. Прецедентные имена и парадигма социального поведения // Лингвостилистические и лингводидактические проблемы коммуникации. Москва: МАЛПИ, 1996. С. 16–26.

³ Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. Москва: Гнозис, 2003. 288 с.

⁴ Иванова С. В. Лингвокультурологический анализ прагматикона языковой личности. Уфа: БашГУ, 2004. 134 с.

⁵ Гудков Д. Б. Структура и функционирование двусторонних имен (к вопросу о взаимодействии языка и культуры) // Вестник МГУ. Сер. 9: Филология. 1994. № 6. С. 14–21.

ния служат символом, репрезентирующим некое культурно значимое качество, класс событий или группу людей.¹

Необходимо отличать использование имен собственных в их прямом значении от тех случаев, когда они употребляются как прецедентные. Основной показатель того, что в данном случае данное имя является прецедентным, – это использование имени не в прямом значении (для названия определенного героя или персонажа), а посредством инварианта восприятия.

В качестве характерных примеров данного феномена можно привести прецедентные имена, которые с большой степенью вероятности знакомы читателю: *Wall Street* – Уолл-стрит, *Madonna* – Мадонна, *Cadillac* – Кадиллак, *Ivy League* – лига плюща, *Dartmouth College* – Дартмутский колледж, *Camel* – Кэмел, *Nevada* – Невада, *Jesus Christ* – Иисус Христос, *Long Beach* – Лонг Бич, *Atlantic Beach Bridge* – мост Атлантик Бич и мн. др. Однако знакомство с указанными прецедентными именами не гарантирует тот факт, что прецедентная ситуация, создаваемая при их помощи, полноценно воспринимается русскоязычным читателем. Например, *Уолл-стрит* используется не просто в качестве названия улицы, а как общий термин для описания финансовых рынков и компаний, которые публично торгуются на биржах по всей территории США. Исторически Уолл-стрит была местом расположения некоторых из крупнейших американских брокерских и инвестиционно-банковских фирм, а в романе используется для придания негативной окраски представителям мира финансовых капиталов.

His hand was in every unlawful pie. He was even rumored to have a toehold in Wall Street. He had supported the Tattaglia Family with money and influence since the start of the war. – В каждом незаконном блюде чувствовалась его рука. Ходили слухи, что он связан с Уолл-стритом. С начала войны он снабжал семейство Татаглия деньгами и связями.

He swore he had made more millionaires than Wall Street with the money he had paid those thieving guardians of official seals. – Он клялся, что сделал больше миллионеров, чем Уолл-Стрит, на деньги, которые он заплатил этим вороватым хранителям официальных лицензий. (Отсутствует в рассматриваемом переводе).

Мадонна – имя XVI века, первоначально использовавшееся как уважительная форма обращения к итальянской женщине. Оно происходит от древнеитальянской фразы *ma donna*, что означает «моя госпожа». Позже он был принят как один из титулов Марии, матери Иисуса в римско-католической традиции XVII века. Следовательно, для итало-американского сообщества это имя значит намного больше, чем для русского читателя.

Кадиллак является не просто одной из марок автомобилей, производящихся в США, а в разговорном английском обозначает что-то самое роскошное или самое качественное в своем роде, именно поэтому в книге все боссы мафии передвигаются, используя именно данную марку автомобиля.

¹ Голубкова Е. Е. Прецедентные имена как репрезентанты событий // Репрезентация событий: интегрированный подход с позиции когнитивных наук / ответственный редактор В. И. Заботкина. Москва: ИД ЯСК, 2017. С. 252–279.

Ivy League (лига плюща) представляет собой группу из восьми университетов в северо-восточной части США, имеющих высокий академический и социальный статус, учеба в которых является престижной и в некоторой степени гарантирует хорошую карьеру. Именно поэтому сын Дона Корлеоне – Майкл, закончивший *Дартмутский колледж (Dartmouth College)* – один из университетов, входящих в лигу плюща, изначально воспринимается посторонним в семье, не вникающим в их криминальные дела.

Сигареты *Camel* во времена событий, описанных в романе, не воспринимались как однозначно пагубная привычка. Это было связано с популярной рекламной кампанией, запущенной в 1946 году под слоганом: «Врачи курят *Camels* чаще, чем любые другие сигареты». Подобного «эффекта» добились, давая врачам бесплатную пачку сигарет *Camel*, а затем спрашивая, какую марку они курят.

Невада на страницах произведения преподносится и воспринимается, в первую очередь, как штат, в котором разрешены азартные игры и казино, а следовательно, узаконен тот вид деятельности, который является нелегальным в Нью-Йорке, где проживала семья Корлеоне.

Иисус Христос для очень набожной матери Майкла Корлеоне служит важным аргументом в ее просьбе к Майклу исправить поврежденное лицо.

You look like a gangster in the movies, get your face fixed for the sake of Jesus Christ and your poor wife. – Ты похож на гангстера из фильмов. Ради Христа и твоей несчастной жены дай исправить лицо.

Можно отметить тот факт, что, несмотря на относительную простоту перевода прецедентных имен на русский язык, степень их воздействия на реципиента в переводе может снижаться, что отрицательным образом сказывается на восприятии отдельных сюжетных ситуаций. Это неизбежно происходит при переводческих трансформациях в связи с ограниченностью приемов перевода.

В результате анализа отобранных прецедентных феноменов и способов их перевода нами был получен материал, анализ которого позволил выделить основные приемы трансформации прецедентных феноменов, использованных в данном произведении, и расположить их в порядке убывания.

1. Использование кальки, в результате чего высказывание либо его фрагменты при отсутствии эквивалентов в языке перевода заменяются на буквальное соответствие в родном языке.

«*Moustache Pete*» – «*Усатый Пит*» – член сицилийской мафии, приехавший в Соединенные Штаты (особенно в Нью-Йорк) взрослым в начале XX века. В романе Дон Корлеоне и представители первого поколения итальянских мафиози называются именно так, в противовес молодому, более агрессивному, поколению гангстеров, продвигающих распространение наркотиков. Именно таким изображен Солоццо, который является антагонистом Дона и неспроста носит кличку «*Турок*». Таких молодых представителей уголовной среды называли «*Young Turks*» – «молодые турки» (новая мафия). Использование кальки переводчиком в данном случае вполне оправдано, поскольку, несмотря на отсутствие подобного выражения в русском языке, оно представляет собой описательную картину типичного, стереотипного члена мафии первого поколения. В свою очередь, калька «молодые турки» является, вероятно, не

вполне адекватным вариантом, поскольку правильно отражает лишь возрастной критерий, но может быть неверно истолкована в плане национальности, ведь «*Young Turks*» не обязательно были турками в этническом аспекте.

The Don was an old «Moustache Pete», his day was over but he didn't know it. – Дон был старым «Усатым Питом», его время подошло к концу, но он об этом не знал. Однако в рассматриваемом переводе данное определение отсутствует.

In any case I'm having my own troubles with the young Turks in Palermo. – У меня много проблем с молодыми турками в Палермо.

«*Sonna cosa nostra*» – буквальное значение итальянского выражения «Это наше дело». В рассматриваемом переводе романа отсутствует словосочетание «Ко́за Но́стра» и фрагмент речи Дона Корлеоне, в котором он употребляет данное словосочетание, которое является названием итальянской мафии, хотя в данный момент оно является знакомым читателю. Объяснить этот факт можно предположением: на момент выхода перевода читателю было незнакомо данное словосочетание, а переводчик посчитал, что подробное описание сделает перевод тяжеловесным.

Sonna cosa nostra,” *Don Corleone said, “these are our own affairs. We will manage our world for ourselves because it is our world, cosa nostra.* – Это «Ко́за Но́стра», – сказал дон Корлеоне, – это наши собственные дела. Мы будем управлять нашим миром для себя, потому что это наш мир, «Ко́за Но́стра».

«90 caliber» — по аналогии с очень крупным калибром, используемым в оружии; данное выражение употребляется в значении «большой босс, шишка». Использование кальки в данном случае является, на наш взгляд, оправданным, поскольку, несмотря на специфические детали, само слово «калибр» воспринимается адекватно.

Don't underrate Sollozzo, he's got to be a pezzonovante, a real 90 caliber. – Не пребрегайте Солоццо. Он настоящий мужчина, калибр девяносто.

Однако данное выражение, несмотря на неоднократное использование в романе, в рассматриваемом переводе используется только единожды.

Godfather, the man who runs it is a real 90 caliber pezzonovante. – Крестный отец, человек, который всем заправляет, настоящий босс 90-го калибра. (Отсутствует в рассматриваемом переводе).

As for our own deeds, we are not responsible to the 90 calibers the pezzonovantis who take it upon themselves to decide what we shall do with our lives, who declare wars they wish us to fight in to protect what they own. – Что же касается наших собственных дел, то мы не несем ответственности перед боссами 90-го калибра, воротилами, которые берут на себя ответственность решать, что нам делать со своей жизнью, которые объявляют войны, в которых они хотят, чтобы мы участвовали, чтобы защитить то, что им принадлежит. (Отсутствует в рассматриваемом переводе).

At the end of the month you can go back to Hollywood and this pezzonovante, this 90 caliber will give you that job you want. – В конце месяца ты сможешь вернуться в Голливуд, а эта шишка 90 калибра даст тебе ту работу, которую ты хочешь. (Отсутствует в рассматриваемом переводе).

«*Tarantella*» – «тарантелла» – итальянский национальный танец, также извест-

ный как «танец паука», тарантелла происходит от итальянского слова *tarantola*, что означает «тарантул». Тарантола, в свою очередь, получил данное название от города Таранто в Апулии, где укус местного паука-волка (птицееда) считался очень ядовитым. В данном случае иной вариант перевода не представляется возможным, хотя символизм в переводе, несомненно, утрачивается. Ведь неспроста Марио Пьюзо выбрал именно этот танец и снабдил его эпитетом «lusty» – «похотливый» для описания «хищнической» сущности правой руки дона Корлеоне, престарелого Питера Клеменцы.

He watched his boss, fat, middle-aged Peter Clemenza whirling young girls around the wooden dance floor in a rustic and lusty Tarantella. – Он посмотрел на своего босса, Петера Клеменца, тучного пожилого господина, который кружил молодых девушек в вихре деревенской тарантеллы.

«Omerta» – «омерта», «кодекс молчания». Молчание о преступной деятельности и отказ от дачи показаний полиции. Записанное в конце XIX века это итальянское слово является региональной вариацией итальянского «umilta» – «смирение» и относится к кодексу мафии, который предписывает подчинение группы лидеру, а также молчание обо всех проблемах мафии. В связи с подробным описанием на страницах романа самой сути данного явления данный способ перевода является наиболее подходящим.

One rash man, an arrogant Milanese with more faith in the police than a saint has in Christ, actually went to the authorities with a complaint against his fellow Italians, breaking the ten-century-old law, of omerta. – Один из оптовиков, уроженец Милана, потопился обратиться в полицию с жалобой на своих соплеменников, нарушив тем самым тысячелетний закон омерты.

«Consigliere» – «консильери» – советник Семьи. Человек, которому дон может доверять и к советам которого прислушивается. Он служит посредником при разрешении спорных вопросов, выступает посредником между доном и подкупленными политическими, профсоюзными или судебными деятелями либо выполняет роль представителя Семьи. Для англоязычного читателя слово не требует подробного объяснения, поскольку является внешне похожим на «counselor» – «советник», однако выбранный при переводе вариант «консильери» вполне удачный, ведь в данном случае речь идет не просто о юридических консультациях.

He named Genco Abbandando his counselor, or Consigliere. – Дженко Аббандандо был назначен его личным советником, консильори.

«Padrone» – «падроне» – человек, который обеспечивает работу специально для итальянских иммигрантов, итальянское слово, которое в переводе означает «босс», «менеджер» или «владелец».

«Luparas» – «лупара» – это итальянское слово, используемое для обозначения обреза отрывного ружья. Он традиционно ассоциируется с Коза Нострой, итальянской организованной преступной группировкой, доминирующей на Сицилии. Если в случае с обрезом ружья переводчик использует только кальку «лупара», то «padrone» переводится как при помощи кальки, так и прямого соответствия, в зависимости от ситуации. Предположительно в зависимости от места, где происходят события (Италия или Соединенные Штаты).

He took a look at the two shepherds carrying their luparas quite openly without fear and remembered how they had come into his cafe and told him their padrone wanted to talk to him. – Он посмотрел на пастухов, которые не скрывали своих люпар, и вспомнил, как они вошли в трактир и сказали, что падроне хочет с ним говорить.

Следующие слова употребляются в тексте романа настолько часто, что способствуют возникновению у читателя полноценной картины взаимоотношений внутри криминальной группировки, создавая необходимый для понимания прецедентный феномен.

«Regime» — «режиме» – солдат, самый младший член Семьи.

«Caporegime» – «капорегиме», обычно сокращаемое до «капо» или неофициально называемое «капитан» или «шкипер», – это должность в мафии, представитель одной из высших «ступеней» в криминальной лестнице, который подчиняется непосредственно боссу криминальной «семьи» или его заместителю.

«Don», «boss» – «Дон», «босс», глава Семьи. Получает сведения о любом «деле», совершаемом каждым членом Семьи. Как отмечает З. Янг, «Vito Corleone, head of this mythologized family, is worshiped as the Don. The Don itself is a commonly heard example of argot»¹.

«Godfather» – «крестный отец», в более широком, не религиозном смысле – покровитель, глава семьи.

«Mafioso» – «Мафиозо». Слово «мафия» возникло на Сицилии. Сицилийское существительное примерно переводится как «чванство», но также может быть переведено и как «смелость, бравада».

Использование кальки при переводе иерархических отношений внутри преступной организации следует считать настолько же оправданным, насколько и вынужденным. Взаимоотношения внутри подобных организаций носят кодифицированный характер, зачастую даже представители правоохранительных организаций не в силах разобраться в их хитросплетениях. Для переводчика, как и для читателя, подобный способ перевода является вынужденным компромиссом.

2. Приближенный перевод – использование части выражения, перефраз, что в результате может произвести похожий эффект в восприятии.

«Underboss» — «заместитель дона».

It was not simply a joke; he was considering making his son his underboss. – Это было не просто шуткой. Дон взвешивал возможность сделать сына своим заместителем и решил подвергнуть его испытанию.

«Pezzonovante» – «большой босс», «шишка», за которым, однако, нет реальной физической силы. В романе используется скорее пренебрежительно в значении «человек из мира бизнеса, религии или политики». Использование приближенного перевода способно передать авторский посыл без излишней перегрузки иноязычными вкраплениями.

It's not like whiskey or gambling or even women which most people want and is forbidden them by the pezzonovante of the church and the government. – Это не виски, не

¹ Yang Z. The Sociolinguistic Features of Gangster Argot in the Godfather. Global Journal of Human-Social Science: Linguistics & Education. Vol. 17. Is. 7; Global Journals Inc. USA, 2017.

игры и даже не женщины, которых большинство страстно желает и которые находятся под запретом церкви и правительства.

Now tell me the trouble you're having with this Hollywood pezzonovante who won't let you work. – А теперь расскажи, что у тебя с этим мыльным пузырем из Голливуда, который не дает тебе работать.

Как видим, в предложенных вариантах перевода переводчик не стремился к унификации «pezzonovante» в переводе, а вполне обоснованно использовала приближенные варианты для адекватного отражения сути.

3. Описательный перевод – передача значения при помощи более развернутого ситуативного описания, которое в тексте может располагаться до или после используемого в оригинале прецедентного феномена.

«Make one's bones» – «сделать кости». Убить кого-то, чтобы получить членство в преступной организации. Используемая таким образом фраза часто ассоциируется с мафией.

He was, after all was said, a murderer, a Mafioso who had "made his bones." – Ведь он убийца, мафиози, «сделавший кости».

"Points" in the hotel – «акции» отеля, а также тип валюты, которую можно потратить в сети отелей.

He also told her that as a matter of form she would be listed as owner of five "points" in the hotel in which she worked. – Он добавил, что она будет официально числиться владелицей пяти процентов акций гостиницы, в которой работает.

Незнакомые для читателя понятия не переводятся в данном случае «в лоб», а последовательно объясняются в романе, сохраняя, таким образом, свою первоначальную модель.

4. Контекстуальный перевод – подобный способ перевода традиционно противопоставляется словарному переводу, в процессе которого автором используются возможные соответствия. Они могут появляться у слова в имеющемся контексте, отличном от указанного в словаре.

«Taralles» – «таралес» – крекер, похожий по консистенции на хлебную палочку, крендель, бублик, сушки или баранки, таралли, может быть сладким или соленым.

And perhaps, to show respect only, never for profit, some humble gift – a gallon of homemade wine or a basket of peppered taralles – specially baked to grace his Christmas table. – Символические, для выражения чувства уважения: галлон домашнего вина или корзина поперченных пицц, испеченных специально к Рождеству.

«Garrot/garrote» – «гапотта» – инструмент для удушения человека.

At that moment, Clemenza, as cunningly and daintily as a little girl slipping a ribbon over the head of a kitten, threw his garrot around Carlo Rizzis neck. – В тот же момент Клеменца проворно, словно маленькая девочка, надевающая бантик на голову своего котенка, обмотал шелковой нитью шею Карло Ричи.

«Finocchio» – «голубой», оскорбительное слово для женоподобного мужчины.

A Hollywood finocchio who weeps and begs for pity! – Голливудская тряпка, которая плачет и умоляет о жалости!

«Infamita» – «позор» – самый гнусный поступок против собственной семьи или против семейной жизни вообще.

He had murmured “infamita,” his strongest disapproval. – Он пробормотал «стыд и срам» по-итальянски – самое крепкое свое ругательство.

«Paisan» – «земляк», друг (часто как обращение).

He said, “Hey, paisan,” and Nino glanced up and tried to smile. – Эй, друг, — сказал он Нино. Нино поднял взгляд и попробовал улыбнуться.

«Sit down» – «разборка», переговоры.

Sollozzo finally got in touch and wants to sit down with us. – Солоццо решил, наконец, начать с нами переговоры.

«To do the job» – «устранить», сильно повредить (что-то или кого-то), убить.

“Did you do the job on Sollozzo?” Tessio asked. – Прodelал работу над Солоццо? – спросил Тессео.

Не всегда прямой перевод является лучшим способом перевода. Как видно из примеров, контекстуальный перевод может вполне соответствовать целям, не перегружая читателя излишними незнакомыми деталями.

В качестве основного приема перевода прецедентных феноменов, использованных в русскоязычной версии романа, выступала калька (см. таблицу), поскольку специфика описываемых событий оказывает большое влияние на используемые автором романа феномены, их узнаваемость, частотность и характер употребления, а факт их отсутствия в русском языке вынуждает переводчика использовать именно данный прием.

Таблица

Приемы перевода прецедентных феноменов

Прием	Количество прецедентных феноменов	% от общего количества
Калька	27	33.7
Приближенный перевод	19	23.8
Описательный перевод	18	22.5
Контекстуальный перевод	12	15
Общее количество	80	100

Отдельно можно выделить группу прецедентных имен, которые могут считаться прецедентными только на страницах романа либо способствующими популяризации их употребления в качестве прецедентных впоследствии. Сами же прецедентные феномены, несомненно, выполняют важнейшую роль в романе, поскольку служат средством достижения авторского замысла, формируют у читателя необходимые, с точки зрения автора, образы. Таким образом, можно констатировать, что выбор приемов перевода прецедентных феноменов, сделанный переводчиком, оказывает непосредственное влияние на восприятие сюжета и авторской идеи.

Выводы

Полученные в результате анализа произведения и его перевода материалы показывают, что проблема прецедентных феноменов является актуальной и привлекает внимание как лингвистов, так и переводчиков. Перевод в некоторых случаях вызывает затруднения, поскольку многие единицы неизвестны и русскоязычному, и англоязычному читателю, не являющемуся представителем итало-американского общества. Активное использование автором прецедентных феноменов в тексте романа является одним из способов погружения читателя в специфический мир уголовной среды итало-американской мафии, обыкновенно являющийся закрытым. Использование подобных приемов создает картину родственных, иерархических отношений в данной среде, ее ценностей, идеалов и стремлений. Все это, несомненно, представляет сложности при переводе. В итоге хотелось бы подчеркнуть тот факт, что прецедентный феномен не является закрытой системой единиц и значений, он выходит за границы своего употребления, даже если является прецедентом для достаточно закрытой группы людей. С течением времени появляются новые прецедентные феномены, тогда как уже существующие в речи могут устаревать либо меняться, обновлять внешнюю форму и даже их смысл.

Список литературы

- Голубкова Е. Е. Прецедентные имена как репрезентанты событий // Репрезентация событий: интегрированный подход с позиции когнитивных наук / ответственный редактор В. И. Заботкина. Москва: ИД ЯСК, 2017. С. 252–279.
- Гудков Д. Б. Прецедентные имена и парадигма социального поведения // Лингвостилистические и лингводидактические проблемы коммуникации. Москва: МАЛПИ, 1996. С. 16–26.
- Гудков Д. Б. Структура и функционирование двусторонних имен (к вопросу о взаимодействии языка и культуры) // Вестник Московского государственного университета. Сер. 9: Филология. 1994. № 6. С. 14–21.
- Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. Москва: Гнозис, 2003. 288 с.
- Ермолович Д. И. Англо-русский словарь персоналий. Москва: Русский язык, 1999. 336 с.
- Ермолович Д. И. Англо-русский и русско-английский словарь религиозной и возвышенной лексики. Москва: Р. Валент, 2005. 416 с.
- Загот М. Ищите и найдите, или англо-русский словарь библеизмов для всех и каждого. Москва: Р. Валент, 2004. 280 с.
- Иванова С. В. Лингвокультурологический анализ прагматикона языковой личности. Уфа: БашГУ, 2004. 134 с.
- Кабакчи В. В. Англо-русский словарь русской культурной терминологии. Санкт-Петербург: Союз, 2002. 576 с.
- Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? Москва: Гнозис, 2003. 375 с.
- Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций. Москва, 2002. 375 с.
- Кремнева А. В. Прецедентное имя как синкретный семиотический знак и его культурная обусловленность // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 4. С. 46–53.
- Кузьмин С. С. Русско-английский фразеологический словарь переводчика. Москва: Флинта; Наука, 2001. 776 с.

Попадинец Р. В. Прецедентное имя в сознании носителя русского языка: опыт психолингвистического исследования. Курск: Курский государственный технический университет, 2010. 126 с.

Шабес В. Я. Событие и текст. Москва: Высшая школа, 1989. 175 с.

Пьюзо Марио. Крестный отец. Москва: Э, 2000. 640 с.

Puzo Mario. The Godfather. London: Arrow, 2009. 595p.

Ruokonen M. Analysing Translated Allusions: Exploring a Statistical Approach. *Text and Textuality, VAKKI-symposium XXXVI 11.2.2016 – 12.2.2016*, 2016, no. 7, pp. 450–461.

The Cambridge Handbook of Stylistics. Edited by Peter Stockwell Sara Whiteley. University Printing House; Cambridge; United Kingdom Cambridge University Press, 2014. 692p.

Yang Z. The Sociolinguistic Features of Gangster Argot in the Godfather. *Global Journal of Human-Social Science: Linguistics & Education*. Vol. 17. Is. 7. Global Journals Inc. USA, 2017.

References

Ermolovich D. I. *Anglo-russkii i russko-angliiskii slovar' religioznoi i vozvyshennoi leksiki* [English-Russian and Russian-English dictionary of religious and poetic vocabulary]. Moscow: R. Valent, 2005. 416 p.

Ermolovich D. I. *Anglo-russkii slovar' personalii* [English-Russian Dictionary of personalities]. Moscow: Russkii iazyk, 1999. 336 p.

Golubkova E. E. Pretsedentnye imena kak reprezentanty sobytii [Precedent names as the names of events]. *Reprezentatsiia sobytii: integrirovannyi podkhod s pozitsii kognitivnykh nauk* [Representation of events: integrative approach from the perspective of cognitive studies; ed. by V. I. Zabolotkina]. Moscow: ID IaSK, 2017, pp. 252–279.

Gudkov D. B. Pretsedentnye imena i paradigma sotsial'nogo povedeniia [Precedent names and the paradigm of social behaviour]. *Lingvostilisticheskie i lingvodidakticheskie problemy kommunikatsii* [Linguistic and linguodidactic problems of communication]. Moscow, 1996, pp. 16–26.

Gudkov D. B. Struktura i funktsionirovanie dvustoronnikh imen (k voprosu vzaimodeistvii iazyka i kul'tury) [The structure and functioning of bilateral names (to the question of the interaction of language and culture)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filologiya* [Moscow University Philology Bulletin], 1994, no. 6, pp. 14–21.

Gudkov D. B. *Teoriia i praktika mezhkul'turnoi kommunikatsii* [Theory and practice of intercultural communication]. Moscow: Gnozis, 2003. 288 p.

Ivanova S. V. *Lingvokul'turologicheskii analiz pragmatikona iazykovoi lichnosti* [Linguocultural analysis of linguistic personality pragmatics]. Ufa: BashGU, 2004. 134 p.

Kabachki V. V. *Anglo-russkii slovar' russkoi kul'turnoi terminologii* [English-Russian dictionary of Russian cultural terminology]. St Petersburg: Soiuz, 2002. 576 p.

Krasnykh V. V. *Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiia* [Ethnopsycholinguistics and linguoculturology]. Moscow, 2002. 375 p.

Krasnykh V. V. «Svoi» sredi «chuzhikh»: mif ili real'nost'? ["Friend" among "strangers": myth or reality?]. Moscow: Gnozis, 2003. 375 p.

Kremneva A. V. Pretsedentnoe imia kak sinkretnyi semioticheskii znak i ego kul'turnaia obuslovlennost' [The precedent name as a syncretic semiotic sign and its culture-related character]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2019, no. 4, pp. 46–53.

Kuz'min S. S. *Russko-angliiskii frazeologicheskii slovar' perevodchika* [Russian-English phraseological translator's dictionary]. Moscow: Flinta; Nauka, 2001. 776 p.

P'iuзо M. *Krestnyi otets* [The Godfather]. Moscow, 2000. 640 p.

Popadinets R. V. *Pretsedentnoe imia v soznanii nositelia russkogo iazyka: opyt psikholingvisticheskogo issledovaniia* [Precedent name in the consciousness of the Russian language speaker: the experience of psycholinguistic research]. Kursk, 2010. 126 p.

- Puzo M. *The Godfather*. London: Arrow, 2009. 595 p.
- Ruokonen M. Analysing Translated Allusions: Exploring a Statistical Approach. *Text and Textuality, VAKKI-symposium XXXVI 11.2.2016 – 12.2.2016*, 2016, no. 7, pp. 450–461.
- Shabes V. Ia. *Sobytie i tekst* [Event and text]. Moscow: Vysshiaia shkola, 1989. 175 p.
- The Cambridge Handbook of Stylistics. Edited by Peter Stockwell Sara Whiteley*. University Printing House; Cambridge: United Kingdom Cambridge University Press, 2014. 692 p.
- Yang Z. The Sociolinguistic Features of Gangster Argot in the Godfather. *Global Journal of Human-Social Science: Linguistics & Education*, 2017, Volume 17, Issue 7.
- Zagot M. *Ishchite i naidite, ili anglo-russkii slovar' bibleizmov dlia vsekh i kazhdogo* [Seek and find. English-Russian dictionary of bibleisms for everybody]. Moscow: R. Valent, 2004. 280 p.

Сведения об авторе

Дмитрий Константинович Ефимов – кандидат филологических наук, доцент, <https://orcid.org/0000-0003-3083-9686>, vomifemid@mail.ru, Шадринский государственный педагогический университет (д. 3, ул. К. Либнехта, 641870 Шадринск, Россия); **Dmitry K. Efimov** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, <https://orcid.org/0000-0003-3083-9686>, vomifemid@mail.ru, Shadrinsk State Pedagogical University (3, ul. K. Libnekhta, 641870 Shadrinsk, Russia).

Статья поступила в редакцию 14.04.2023; одобрена после рецензирования 29.05.2023; принята к публикации 01.06.2023.

The article was submitted 14.04.2023; Approved after reviewing 29.05.2023; Accepted for publication 01.06.2023.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2023. № 4 (115). С. 77–87.
Cherepovets State University Bulletin, 2023, no. 4 (115), pp. 77–87.

Научная статья

УДК 811.161.1'373.2: 664.8(476.7)

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-4-115-7>

EDN: CDSL RB

Топонимы *Берестье, Брест-Литовск, Брест-над-Бугом, Брест* в ономастическом пространстве Брестчины

Инна Леонидовна Ильичева

Минский государственный лингвистический университет,

Минск, Республика Беларусь

ilicheva@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3610-8147>

Аннотация. В статье рассматриваются топонимы *Берестье, Брест-Литовск, Брест-над-Бугом, Брест* и их производные, образующие в ономастическом пространстве особый пласт единиц. Данный ономастический пласт отличается открытостью, постоянно пополняется новыми единицами и характеризует процессы искусственной номинации. Описываются способы образования оттопонимных ономастических единиц, акцентируется их этнокультурная маркированность.

Ключевые слова: ономастическое пространство, топоним, эргоним, прагматоним, ивентоним, поликодовый текст

Для цитирования: Ильичева И. Л. Топонимы *Берестье, Брест-Литовск, Брест-над-Бугом, Брест* в ономастическом пространстве Брестчины // Вестник Череповецкого государственного университета. 2023. № 4 (115). С. 77–87. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-4-115-7>.

Toponyms Berestye, Brest-Litovsk, Brest-nad-Bugom, Brest in the onomastic space of Brest region

Inna L. Ilyicheva

Minsk State Linguistic University,

Minsk, Republic of Belarus

ilicheva@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3610-8147>

Abstract. The article deals with the toponyms Berestye, Brest-Litovsk, Brest-nad-Bugom, Brest and their derivatives, which form a special layer of units in the onomastic space. This onomastic layer is distinguished by openness, is constantly being supplemented with new units and characterizes the processes of artificial nomination. The author describes formation of onomastic units derived from toponyms, their ethnocultural marking; highlights the standpoint of a transdisciplinary approach and the dominant vectors of its study.

Keywords: onomastic space, toponym, ergonym, pragmatonym, eventonym, polycode text

For citation: Ilyicheva I. L. Toponyms Berestye, Brest-Litovsk, Brest-nad-Bugom, Brest in the onomastic space of Brest region. *Cherepovets State University Bulletin*, 2023, no. 4 (115), pp. 77–87 (In Rus.). <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-4-115-7>.

Введение

Вербальная коммуникация является самой распространенной формой передачи информации. Именно с помощью данного вида коммуникации в процессе своей жизнедеятельности человек «постигает, познает, понимает, осмысляет и интерпретирует окружающий мир»¹ и называет находящиеся в нем предметы, в итоге формируя особый вид континуума – ономастическое пространство.

В гуманитарные науки данный термин, а точнее, сразу два термина «ономастическое пространство» и «топонимическое пространство» пришли из работы известного лингвиста В. Н. Топорова «О палийской топонимике» (1969). Описывая ономастическое пространство пали, ученый в список анализируемых позиций включает названия не только географических объектов, но и отдельных предметов, названия религиозно-обрядовых практик и их участников, названия титулов, архитектурно-скульптурных культовых сооружений². Замечая различия в названиях предметов и вещей в разные исторические промежутки и в разных странах, В. Н. Топоров пришел к выводу, что ономастическое пространство является не чем-то абстрактным, а конкретным, ономастическое восприятие напрямую зависит от мировоззрения и определяется моделью мира, существующей в представлениях данного народа в определенное время³.

Эту мысль в своих исследованиях поддерживают и развивают многие ученые, подчеркивая, что ономастическое пространство разных культур, территорий и эпох заполнено не одинаково, поскольку онимизации подвержены различные денотаты⁴. По словам Е. В. Ворошиловой, ономастические единицы являются «уникальными единицами языка, в которых особым образом “аккумулируется” социальная история, особенности культурного развития, ментальные представления и многое другое»⁵. Действительно, ономастическое пространство определяется моделью мира, существующей в представлениях жителей региона в конкретный период, но в нем всегда прослеживаются следы прежних эпох⁶.

Ономастическое пространство любого территориального локуса многогранно и разнопланово, постоянно подвержено воздействию со стороны социальных и эконо-

¹ Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. Москва: Наука, 1988. 216 с.

² Романова Т. П. Коммуникативный потенциал самарских ивентонимов // Ономастика Поволжья: материалы XVII Международной научной конференции (Великий Новгород, 17–20 сентября 2019 г.). Великий Новгород: Новгородский печатный двор, 2019. С. 452–456.

³ Там же.

⁴ Емельянова А. М. Эргонимы в лингвистическом ландшафте полиэтничного города (на примере названий деловых, коммерческих, культурных, спортивных объектов г. Уфы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа: [б. и.], 2007. 24 с.

⁵ Ворошилова Е. В. Ономастикон города Канска как отражение истории и культуры народа: дис. ...канд. филол. наук. Красноярск: [б. и.], 2007. 244 л.

⁶ Емельянова А. М. Эргонимы в лингвистическом ландшафте полиэтничного города (на примере названий деловых, коммерческих, культурных, спортивных объектов г. Уфы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа: [б. и.], 2007. 24 с.

мических приоритетов¹. На фоне стихийно исчезающих и появляющихся онимов доминантно выделяются стержневые (ядерные) ономастические единицы, представляющие ключевые понятия региональной культуры. Стержневые ономастические единицы указывают на географические и исторические особенности формирования и функционирования регионального пространства.

Цель данной статьи – выявление коммуникативно-прагматического потенциала ядерных тополекем (*Берестье, Брест-Литовск, Брест-над-Бугом, Брест*) и их производных в ономастическом пространстве Брестчины.

Материалом исследования послужили более 120 оттопонимных единиц. Данные ономастические единицы методом сплошной выборки были выделены из специальных источников (интернет-сайтов [www. savushkin.com](http://www.savushkin.com), bhp.by, brestvodka.com, адресно-телефонных справочников Беларуси «Желтые страницы» за 2020–2022 гг. и т. д.), электронного учебного словаря «Ономастикон Брестчины» Ч.1: Прагматонимия: названия продовольственных товаров (авторы: Л. А. Годуйко, О. Б. Переход, О. А. Корабо), а также собраны автором в результате собственных наблюдений.

Основная часть

В качестве преамбулы необходимо сказать, что город Брест уникален в плане своего приграничного расположения и собственной номинации. Впервые один из древнейших городов Беларуси упоминается в Новгородской (1017 г.) и Ипатьевской (1019 г.) летописях как город древлян – Берестье. С тех пор название города менялось несколько раз: *Брест-Литовский, Брест-Литовск, Брест-над-Бугом, Брест*. В летописях XII–XIII веков можно также встретить название *Берестий*, в исторических документах XVI века – *Бéресть*. В XVII – начале XX века город меняет свое название на *Брест-Литовский*, свидетельствующее о его принадлежности Великому княжеству Литовскому. В 1795 году в результате третьего раздела Речи Посполитой город получает название *Брест-Литовск*. С 1921 года по 1939 город находится в составе Польши под названием *Брест-над-Бугом (Brześć nad Bugiem)*. В сентябре 1939 года город был присоединен к БССР и получил название *Брест*.

Согласно одной из существующих версий, название «Берестье» связано с березовой корой – берестой. По преданию, богатый купец обосновался здесь с дружиной. Проезжая с товаром, он замостил болото березовыми бревнами, построил капище Велесу и назвал это место *Берестенем (Берестем)*.

В своей первичной номинации лексемы *Берестье, Брест-Литовск, Брест* представляют топонимы – языковые знаки, репрезентирующие категорию пространства и обозначающие географические объекты. В коммуникативном пространстве Брестчины они чаще всего фиксируются в официальных документах и региональных СМИ, выполняя свою номинативную функцию: «510 лет назад, в 1511 году, наш город, тогда Берестье, на полгода стал фактической столицей двух государств – Великого княжества Литовского (ВКЛ) и Королевства Польского» («Вечерний

¹ Носенко Н. В. Названия городских объектов Новосибирска: структурно-семантический и коммуникативно-прагматический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск: [б. и.], 2007. 23 с.

Брест», далее по тексту – ВБ, 03.07.21)¹; «Новый город Брест-Литовск с населением около 10 тысяч человек стал возводиться в 2 км к востоку от крепости ...<...>... в 1921 году по условиям Рижского мирного соглашения город отошел к Польше, стал центром Полесского воеводства и переименован в г. Брест-над-Бугом» (ВБ, 16.06.20).

Топонимы *Берестье, Брест-Литовск, Брест* составляют ядро ономастического пласта, все остальные зафиксированные имена собственные образуют околядерную (*брестский, берестейский, берестеец, брест-литовский*) и периферийную зоны. Совокупность ядерных и периферийных онимов образует значимый ономастический пласт, который служит одним из важных средств моделирования коммуникативного пространства Брестского региона в целом. Несмотря на то, что выборка оттопонимных единиц составляет лишь незначительный процент – 120 единиц от общего числа ономастических единиц Брестчины, составляющих авторскую картотеку (5000 единиц), она содержит богатый материал в плане региональной идентичности.

Первичный анализ материала сразу указывает на несколько параметров, которые неразрывно связаны между собой сложной причинно-следственной связью. Прежде всего, это неравномерная частотность употребления топонимов *Берестье, Брест-Литовск, Брест-над-Бугом, Брест* и их производных.

Вторым релевантным фактом, на наш взгляд, следует признать поликодовый характер репрезентации отдельных оттопонимных единиц в коммуникативном пространстве Брестчины. Как справедливо отмечает Т. В. Шмелева, городскому ономастикону присуща поликодовость, «которая обнаруживает специфику в плане выражения и в плане содержания, а также система терминов, с помощью которых ее можно описывать: ксенокод, ретрокод в плане выражения, а в плане содержания – персонный, пространственный, растительный, анимальный и др.»².

Исследуемый ономастический пласт отличается открытостью и постоянно пополняется новыми единицами – вторичными номинациями. В функциональном плане вторичные номинации анализируемых топонимов представляют собой полифункциональные средства именования с разной степенью выраженности функций идентификации, квалификации или характеристики объекта.

По характеру денотата (так называемого именуемого объекта) зафиксированные онимы репрезентируют 9 разрядов имен собственных (годонимы, архитектонимы, эргонимы, прагматонимы, гефиронимы, гемеронимы, экклезионимы, фалеронимы, дримонимы). Город Брест является административным центром Брестской области и вполне закономерно становится мотивирующей базой для годонимов в ряде городов региона: *ул. Брестская* (города Брест, Барановичи, Пинск, Лунинец, Каменец, Жабинка, Столин, Ивацевичи, Малорита, Дрогичин, Высокое), *ул. Берестейская* (г. Брест), *пер. 1-й Брестский, пер. 2-й Брестский, пер. 3-й Брестский* (г. Барановичи), *пер. Брестский* (г. Брест), *ул. Брестских дивизий* (г. Брест).

¹ В статье приводятся примеры из местной прессы, сокращения автора.

² Шмелева Т. В. Поликодовость городского ономастикона // Коммуникативные исследования. 2019. Т. 6. № 1. С. 51–66. DOI: 10.25513/2413- 6182.2019.6(1).51-66.

Меняющиеся запросы городской коммуникации и городской культуры, потребность города как хозяйствующего субъекта в своем успешном геобрендинге и позиционировании оказывают влияние на общую топонимическую политику города, явно смещая номинативный вектор в сторону символизации. Так, к тысячелетию города Бреста в городском ландшафте появились новые внутригородские пространственные объекты, а ономастикон пополнился новыми урбанонимическими единицами: гефироним *Берестейский мост*, годоним *Берестейское шоссе*, дримоним *Парк 1000-летия Бреста*, архитектонимы *Памятный знак Брестской Библии*, *Памятник Тысячелетия Бреста*.

С момента своего появления новые урбанонимы приобретают высокую степень вовлеченности в массовую коммуникацию (публицистическую, художественную, просветительскую и т. д.), о чем свидетельствуют многочисленные региональные медиатексты: «Сегодня *мост*, получивший официальное название «*Берестейский*», включен в новые карты и атласы» (ВБ, 23.09.14); «В парке 1000-летия Бреста появилась еще одна аллея – семейная (ВБ, 13.03.19); «В Бресте заложили парк тысячелетия города» (ВБ, 17.03.16); «В Бресте торжественно открыли памятный знак «*Біблія Брэска. 1563*» (ВБ, 15.12.17). Указанные онимические единицы отчетливо прорисовывают геокультурный образ, связывающий ландшафтные объекты региона с его историей.

Следующим разрядом, отражающим информацию не только лингвистического, но и экстралингвистического характера, являются эргонимы. Семантика данной ономастической единицы «является сложным комплексом и может быть представлена в виде многоуровневой модели»¹. По словам Е. А. Трифоновой, «на коннотативном уровне семантической модели эргонима можно выявить национально-культурные, социальные, эмоциональные, художественные ассоциации, лежащие в основе названия и способствующие созданию определенного эмоционального состояния у адресата»².

В эргонимиконе Брестчины этнокультурная маркированность актуальна прежде всего для названий, функционирующих в:

1) производственной сфере: ОАО «*Брестский чулочный комбинат*», ОАО «*Брестский электроламповый завод*»; «*Брестский мясокомбинат*», РУП «*Брест-энерго*», СП ОАО «*Брестгазоаппарат*», ОАО «*Брестский ликеро-водочный завод «Белалко*», ОАО «*Брестское мороженое*», ОАО «*Берестейский пекарь*», ОАО «*Брестмаш*», ОАО «*Брестпроект*», ОАО «*Брестсельмаш*», ОАО «*Брестский завод бытовой химии*», ОАО «*Брестский радиотехнический завод*», ОАО «*Брестский чулочный комбинат*», фермерское хозяйство «*Берестейское*»;

2) здравоохранении: УЗ «*Брестская областная стоматологическая поликлиника*», Аптека № 1 *Брестское* РУП Фармация;

3) образовании: УО «*Брестский государственный технический университет*», ГУО «*Брестский областной центр детско-юношеского туризма и экскурсий*»;

4) торговле, общественном питании: кафе «*Берестье*», «*Берестейский пекарь*»;

¹ Трифонова Е. А. Названия деловых объектов: семантика, прагматика, поэтика: на материале русских и английских эргонимов: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград: [б. и.], 2006. 247 л.

² Там же.

5) туристической сфере: туристический комплекс **«Брест-Интурист»**, гостиница **«Берестье»**, санаторий **«Берестье»**, туристическое агентство **«24Travel Брест»**, **«Брест экскурс»**, **«Славянка-Брест»**, **«Фортуна-Тревел (Брест)»**, **«Бресттурист»**;

б) в сфере культуры: УК **«Брестская областная библиотека имени М. Горького»**, ГУ **«Брестский театр кукол»**, археологический музей **«Берестье»**, усадьба **Берестейского Деда Мороза**, ГУ **«Брестская областная филармония»**. Этот же принцип номинации заложен в ряде собственных имен, относящихся к спортивной деятельности: ГУ **«Легкоатлетический манеж Брестской областной СДЮШОР»**, стадион ГУ ОСК **«Брестский»**; к общественным организациям и объединениям: **Брестская областная организация ОО «Белорусский союз журналистов»**, **Брестская областная коллегия адвокатов**.

Как видно из примеров, в большинстве случаев созданные на основе топонимов ономастические единицы являются координатными, т. е. передают информацию о местонахождении предприятия. Мы полагаем, что номинации данного типа, имеющие привязку к определенной географической реалии, можно рассматривать как результат «топонимической метонимии». Топонимическая метонимия свойственна и экклезионимам (названиям церквей, храмов, мест совершения обрядов и поклонения): **Брестский Воскресенский собор**, **Брестский Николаевский храм**, **Брестский Свято-Николаевский гарнизонный собор**, **Брестский Свято-Симеоновский собор**.

В большинстве случаев эргонимы, как и годонимы, образуются лексико-синтаксическим способом на основе свободного словосочетания, в структуре которого чаще всего функционирует прилагательное **Брестский (Брестский Николаевский храм, ОАО «Брестский чулочный комбинат», ГУ «Брестский театр кукол»)**. Для других моделей эргонимов характерно словосложение двух существительных, одним из которых является лексема **Брест («Славянка-Брест», туристический комплекс «Брест-Интурист», «Брестэнерго», СП ОАО «Брестгазоаппарат»)**.

В формировании языковой картины мира жителей региона активное участие принимают прагматонимы, обозначая практически значимые в жизнедеятельности людей предметы. Прагматонимы, воспроизводящие значимые для региональной культуры понятия, составляют продуктивный тип номинаций. Мы солидарны с Е. А. Яковлевой в том, что «использование собственных и нарицательных имен – элементов духовной культуры оправдано не только их прагматической целесообразностью, поскольку каждое их таких названий оценивается потребителем как «свое», «известное», а следовательно, заслуживающее доверия»¹.

Изучение плана содержания прагматонимов на основе анализа их мотивировочного значения и соотносительности мотивом с денотатом позволило установить, что данные онимические единицы региона чаще всего репрезентируют вторичную номинацию на основе онимизации и трансонимизации.

¹ Яковлева О. Е. Семиотические типы прагматонимов современного русского языка (на материале номинаций продуктов питания): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск: [б. и.], 2006. 24 с.

Наибольшим номинативным потенциалом исследуемые топонимы и их производные обладают по отношению к наименованиям продуктов питания и алкогольных напитков: торт *«Берестье»*, набор печенья *«Берестейский»*, пирог *«Берестей маковый»*, хлеб *«Берестейский»*, бальзам *«Берестье»*, булочка хот-дог *«Берестейская»*; молочные продукты серии *«Брест-Литовск»*, сыр нарезка-слайсер *«Брест-Литовск выдержанный»*, светлое пиво *«Брестъ-Литовскъ»*, водка *«Брестъ-Литовскъ. Классический рецепт»*, сырок глазированный шоколадный *«Брестская картошка»*, салат *«Брестский»*, пирог *«Брестский»*, основа для пиццы *«Берестейская»*, пиво *«Брестское живое»*, пиво *«Брестское светлое»*, пиво *«Брестское тёмное»*, пиво *«Брестское Экспорт»*, настойка *«Брестская зубровка»*.

Как видно из приведенных примеров, большая часть зафиксированных прагматонимов соотносится с топонимами *Брест*, *Берестье* и *Брест-Литовск*, что вполне объяснимо. Согласно историческим данным, город Берестье в XVI веке служил важным торгово-ремесленным центром Великого княжества Литовского, местные купцы поддерживали тесные торговые связи с важными торговыми центрами Восточной Европы, городами Русского государства. В XVIII веке город, переименованный в Брест-Литовск, стал главным речным портом на Западном Буге, через который экспортировали зерно, пеньку, лес и другие товары.

Ведущим принципом номинации для перечисленных прагматонимов служит отобъектный. Как видно из примеров, стратегия производителя очевидна – маркировать место производства именуемого продукта, позиционировать его как продукт, заботливо приготовленный по старинным рецептам с особым домашним вкусом.

Культурно-маркированные прагматонимы региона образуются лексико-семантическим способом (*«Брестский»*, *«Берестейский»*, *«Берестей»*), а также лексико-синтаксическим способом (*«Брестская зубровка»*, *«Брестское светлое»*, *«Брест-Литовск легкий»* и др.). Прагматонимы, образованные лексико-синтаксическим способом, представляют собой номинации-словосочетания, построенные по морфологическим моделям «прилагательное в именительном падеже + существительное в именительном падеже», «прилагательное + существительное» или номинации-предложения.

Несколько предприятий города Бреста с начала 2000-х годов используют топоним *Брест-Литовск* в качестве названия бренда продукции и торговой марки. ОАО «Брестский ликеро-водочного завод “Белалко”» на внутреннем и внешнем рынках позиционирует торговую марку «Брестъ-Литовскъ» в 4-х исполнениях: *«Брестъ-Литовскъ. Классический рецепт»*, *«Брестъ-Литовскъ. Думский рецепт»*, *«Брестъ-Литовскъ. Городской рецепт»*, *«Брестъ-Литовскъ. Европейский рецепт»* как символ предприятия «Белалко» и Брестчины в целом. Образ торговой марки многомерен и многогранен, его формируют знаки разных семиотических систем. При этом немаловажную роль играет орфография. Для стилизации под старину активно используются элементы старой графики, в частности буква «ер» (Ъ), что способствует реализации прагматических установок номинатора.

Попадая в поликодовое рекламное пространство, ономастические единицы вступают в тесное взаимодействие с другими семиотическими модусами: визуальными (шрифты, цветовая гамма, графические символы, рисунки, фотографии и т. п.), т. е.

образуют мультимодальные комплексы. Так, главным невербальным элементом дизайна торговой марки «Брест-Литовск» ОАО «Брестский ликеро-водочный завод “Белалко”» служит старинный фонарь – связующее звено между Брестом современным и Брестом историческим.

В 2019 году компания «Савушкин продукт» осуществила редизайн упаковок молочной продукции бренда «Брест-Литовск». Новый поликодовый образ представляет собой изовербальную модель рекламного текста, в которой в композиционном построении и раскрытии темы сообщения участвуют и коррелируют между собой знаки разных модальностей. Как сообщается в медийном пространстве региона, *«это подразумевает совершенствование внешнего вида (оформления)...<...>... при создании нового дизайна сохранен основной бежевый цвет упаковки в сочетании с контрастным коричневым. Несколько изменился логотип...<...>... появились иллюстрации пригородов, природные пейзажи в технике гравюры. По задумке, они подчеркивают дух ушедшей эпохи, натуральность и качество продукта, продолжение традиций»* (ВБ, 12.11.19).

ОАО «Берестейский пекарь» также в логотипе предприятия использует символы города – фонарщик и герб Бреста. Такой симбиоз – переключение из одной системы семиотического сознания текста в другую. Во всех случаях визуальные прецедентные феномены вместе с ономастическими единицами эксплицитно устанавливают образно-ассоциативные связи между историческим прошлым города, его традициями и производимыми товарами.

В настоящее время на Брестчине организуется большое количество разнообразных культурно-массовых и спортивно-оздоровительных событий, обладающих значительным информационно-коммуникативным ресурсом для формирования и продвижения имиджа территории, иными словами, выступающих геобрендинговыми маркерами. В ономастической терминологии для маркировки событий данного типа Т. П. Романовой предложен термин «ивентоним»¹.

Проведенный анализ свидетельствует о том, что собственные имена специальных событий отличаются от других разрядов онимов спецификой денотата. Ивентонимам, невзирая на формат, статус или тематическую направленность события, свойственно проявление определенной лингвистической креативности.

В плане структурной организации мы, вслед за Т. П. Романовой, выделяем две основные модели: описательную и условно-символическую. Первая модель представляет собой «развернутую конструкцию, подробно описывающую тип мероприятия, его статус, место и время проведения»². Основное назначение первой модели – информирование целевой аудитории о предстоящем событии. С этой целью номинатором широко используются специальные лексические единицы: *международная конференция «Берасцейскія кнігазборы», открытая олимпиада по географии среди*

¹ Романова Т. П. Коммуникативный потенциал самарских ивентонимов // Ономастика Поволжья: материалы XVII Международной научной конференции (Великий Новгород, 17–20 сентября 2019 г.). Великий Новгород: Новгородский печатный двор, 2019. С. 452–456.

² Романова Т. П. Ивентоним как рекламно-информативный тип имени собственного // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17, № 2. С. 220–240.

студентов и школьников «Берестейский диктант 2022», форум молодых специалистов «Агропромышленный комплекс Брестчины: строим будущее вместе».

Вторая модель содержит (имеет, характеризуется) условно-символический характер в проприальной части. В материале зафиксированы онимы с элементами «палитра», «осень», «сани», «маевка», которые без специального пояснения не могут быть идентифицированы: «Берестейская маевка», «Берестейская палитра», «Берестейская осень», «Берестейской карнавал масок», «Берестейские сани». Ассоциативный потенциал лексем накладывает отпечаток на прилагательное *берестейский*. Например, оним «Берестейские сани» успешно выполняет не только номинативную функцию, но и рекламную. Для носителя славянской культуры лексическая единица *сани* связана с рядом традиционных ассоциаций – зима, снег, веселье, радость, катание, смех, упряжка, развлечения и т. д. Возможно, благодаря именно таким ассоциациям номинатор стремился вызвать положительный ассоциативный ряд у целевой аудитории.

В региональном медийном пространстве новый оним «Берестейские сани» получает дополнительную семантическую «расшифровку». С целью успешного позиционирования культурного события в медиатекстах выступают разнообразные языковые средства – от отдельных прилагательных до целых глагольных словосочетаний: «Берестейские сани» едут к нам сами (ВБ, 14.01.23), «Зимние песни под солнцем весенним» (ВБ, 15.01.23), «...впереди много чудес, которые обещает подарить жителям Барановичей и его гостям фантастический фестиваль-ярмарка «Берестейские сани»» (ВБ, 14.01.23), «У гостей фестиваля-ярмарки «Берестейские сани» будет уникальная возможность погрузиться в эпоху средневековья» (Заря, 24.12.21). Большинство оттопонимных ивентонимов, с точки зрения их функциональной нагрузки, можно отнести к рекламно-информативным, поскольку в данных номинациях не только представляется важная для целевой аудитории информация о предстоящем событии, но и успешно формируется геобрендинговый потенциал региона.

В ходе исследования установлено, что топоним (*Брест*) часто используется в качестве мотивировочной основы для образования названий газет и журналов (гемеронимов) Брестской области: «Брестская газета», «Брестский курьер», «Брестский вестник», «Вечерний Брест», «Брестский калейдоскоп».

Анализ зафиксированных онимов позволил выделить, пожалуй, самую необычную и немногочисленную ономастическую группу (дримонимы). Новые ономастические единицы, относящиеся к названиям деревьев – «Берестейские платаны», «Брестские гледичии», «Брестский пихтарник», в ономастиконе Брестчины появились в 2020 году по решению горисполкома о создании ботанических памятников природы местного значения. Новые оттопонимные ономастические единицы сразу нашли свое отражение в региональном медийном пространстве: «Вступившее в силу решение горисполкома объявило памятниками природы местного значения «Брестский пихтарник», «Берестейские платаны», «Брестские гледичии», «Бульварный каштан». Удостоенные статуса деревья произрастали на своих местах много лет, но охранной грамотой в виде решения властей наделены недавно» (ВБ, 06.02.20).

Еще одним периферийным разрядом онимов, зафиксированном в нашем материале, являются фалеронимы. Единицы этого разряда являются важными, функцио-

нально нагруженными элементами ономастического пространства, поскольку содержат страноведческие и культурно-исторические коннотации. Поликодовая объективация фалеронимов соотносится с местом, временем и важным для региона событием: монета «Берестье» (Магдебургское право, 1390 г.), памятная медаль в честь взятия Брест-Литовска (1915 г.), художественная плакетка «Вступление войск 26.08.1915 в Брест-Литовск после штурма» (1915 г.), памятная монета из серии «Города Беларуси» «Брест» (2005 г.), памятная монета «Брест. 1000 лет» (2019 г.)

Выводы

Таким образом, можно сделать вывод о том, что оттопонимные единицы вместе с ядерными топонимами представляют собой открытый, динамично развивающийся ономастический пласт. В различных видах дискурсивной практики оттопонимические единицы выполняют различные функции: номинативную, регионально идентифицирующую, рекламную и консолидирующую. Благодаря топонимам и их производным в ономастическом пространстве ярко маркируется «культурная память» динамично развивающегося Брестского региона.

Список источников

- Ворошилова Е. В. Ономастикон города Канска как отражение истории и культуры народа: дис. ... канд. филол. наук. Красноярск: [б. и.], 2007. 244 л.
- Емельянова А. М. Эргонимы в лингвистическом ландшафте полиэтничного города (на примере названий деловых, коммерческих, культурных, спортивных объектов г. Уфы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа: [б. и.], 2007. 24 с.
- Носенко Н. В. Названия городских объектов Новосибирска: структурно-семантический и коммуникативно-прагматический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск: [б. и.], 2007. 23 с.
- Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. Москва: Наука, 1988. 216 с.
- Романова Т. П. Ивентоним как рекламно-информативный тип имени собственного // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17, № 2. С. 220–240.
- Романова Т. П. Коммуникативный потенциал самарских ивентонимов // Ономастика Поволжья: материалы XVII Международной научной конференции (Великий Новгород, 17–20 сентября 2019 г.). Великий Новгород: Новгородский печатный двор, 2019. С. 452–456.
- Топоров В. Н. О палийской топонимике // Ономастика Востока: Исследования и материалы. Москва: Наука, 1969. С. 33–48.
- Трифонов Е. А. Названия деловых объектов: семантика, прагматика, поэтика: на материале русских и английских эргонимов: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград: [б. и.], 2006. 247 л.
- Шмелева Т. В. Поликодовость городского ономастикона // Коммуникативные исследования. 2019. Т. 6, № 1. С. 51–66. DOI: 10.25513/2413- 6182.2019.6(1).51-66.
- Яковлева О. Е. Семиотические типы прагматонимов современного русского языка (на материале номинаций продуктов питания): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск: [б. и.], 2006. 24 с.

References

- Emel'ianova A. M. *Ergonimy v lingvisticheskom landshafte polietnicheskogo goroda (na primere nazvanii delovykh, kommercheskikh, kul'turnykh, sportivnykh ob"ektov g. Ufy)* [Ergonyms in the

linguistic landscape of a multi-ethnic city (by the names of business, commercial, cultural, sports facilities in Ufa): Abstract Cand. thesis in Philological Sciences]. Ufa, 2007. 24 p.

Iakovleva O. E. *Semioticheskie tipy pragmatonimov sovremennogo russkogo iazyka (na materiale nominatsii produktov pitaniia)* [Semiotic types of pragmatonyms of the modern Russian language (by food nominations): Abstract Cand. thesis in Philological Sciences]. Novosibirsk, 2006. 24 p.

Nosenko N. V. *Nazvaniia gorodskikh ob'ektov Novosibirska: strukturno-semanticheskii i kommunikativno-pragmaticheskii aspekty* [Names of urban objects in Novosibirsk: structural-semantic and communicative-pragmatic aspects: Abstract Cand. thesis in Philological Sciences]. Novosibirsk, 2007. 23 p.

Rol' chelovecheskogo faktora v iazyke: Iazyk i kartina mira [The role of the human factor in language: Language and worldview]. Moscow, 1988. 216 p.

Romanova T. P. Iventonim kak reklamno-informativnyi tip imeni sobstvennogo [Eventonym: a specific type of advertising proper name]. *Voprosy onomastiki* [Problems of onomastics], 2020, vol. 17, no. 2, pp. 220–240.

Romanova T. P. Kommunikativnyi potentsial samarskikh iventonimov [Communicative potential of Samara eventonyms]. *Onomastika Povolzh'ia: materialy XVII Mezhdunar. nauch. konf. (Velikii Novgorod, 17–20 sentiabria 2019 g.)* [Onomastics of Volga region: Proceedings of the XVII International scientific conf. (Veliky Novgorod, 17–20 September 2019)]. Velikii Novgorod: Novgorodskii pechatnyi dvor, 2019, pp. 452–456.

Shmeleva T. V. Polikodovost' gorodskogo onomastikona [Polycode phenomenon of the urban onomasticon]. *Kommunikativnye issledovaniia* [Communication Studies], 2019, vol. 6, no. 1, pp. 51–66. DOI: 10.25513/2413- 6182.2019.6(1).51-66.

Toporov V. N. O paliiskoi toponomastike [On Pali toponomastics]. *Onomastika Vostok: Issledovaniia i materialy* [Onomastics of the East: Research and Materials]. Moscow: Nauka, 1969, pp. 31–50.

Trifonova E. A. *Nazvaniia delovykh ob'ektov: semantika, pragmatika, poetika: na materiale russkikh i angliiskikh ergonimov* [Names of business objects: semantics, pragmatics, poetics: based on the Russian and English ergonyms: Cand. thesis in Philological Sciences]. Volgograd, 2006. 247 p.

Voroshilova E. V. *Onomastikon goroda Kanska kak otrazhenie istorii i kul'tury naroda* [Onomasticon of the city of Kansk as a reflection of the history and culture of the people: Cand. thesis in Philological Sciences]. Krasnoiar'sk, 2007. 244 p.

Сведения об авторе

Инна Леонидовна Ильичева – кандидат филологических наук, доцент; <https://orcid.org/0000-0003-3610-8147>, ilicheva@list.ru, Минский государственный лингвистический университет (21, ул. Захарова, 220034 Минск, Республика Беларусь); **Inna L. Ilyicheva** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor; <https://orcid.org/0000-0003-3610-8147>, ilicheva@list.ru, Minsk State Linguistic University (21, ul. Zakharova, 220034 Minsk, Republic of Belarus).

Статья поступила в редакцию 15.03.2023; одобрена после рецензирования 06.04.2023; принята к публикации 13.04.2023.

The article was submitted 15.03.2023; Approved after reviewing 06.04.2023; Accepted for publication 13.04.2023.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2023. № 4 (115). С. 88–104.
Cherepovets State University Bulletin, 2023, no. 4 (115), pp. 88–104.

Научная статья

УДК 821.161.1

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-4-115-8>

EDN: CJQUUY

Ольга Сергеевна Камышева

Шадринский государственный педагогический университет,

Шадринск, Россия

olga.kamysheva.79@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5430-3371>

**Метафоры со сферой-источником «Музыка» и особенности их структуры
в романе Р. Валиуллина «Соло на одной клавише»**

Аннотация. Цель данной статьи – изучить метафоры со сферой-источником «Музыка» и особенности их строения в романе Р. Валиуллина «Соло на одной клавише». Задачи исследования: выделить метафоры со сферой-источником «Музыка» в романе Р. Валиуллина «Соло на одной клавише»; определить основные метафорические модели, проанализировав их с использованием фреймо-слововой концепции и метода исследования структуры метафорических моделей Е. Б. Рябых; привести количественные данные исследуемых метафор, отметив наиболее частотные модели; охарактеризовать специфику употребления сферы-источника «Музыка» исследуемых метафор; объяснить роль метафор со сферой-источником «Музыка» в сюжете романа Р. Валиуллина «Соло на одной клавише». Исследование проведено с использованием как традиционных методов когнитивной лингвистики (метафорического моделирования, когнитивного и контекстуального анализа), так и метода исследования структуры метафорических моделей предложенного и разработанного Е. Б. Рябых. В результате были получены следующие выводы. Во-первых, в метафорах романа Р. Валиуллина «Соло на одной клавише» через сферу-источник «Музыка» наиболее продуктивно представлен мир человека. Меньшей частотностью наделяются метафоры неодушевленных предметов. Природоморфные метафоры отражены в единичных примерах. При этом в сфере-источнике «Музыка» часто встречается музыкальная терминология и аллюзивные вкрапления. Во-вторых, было обнаружено, что в исследуемом романе метафоры со сферой-источником «Музыка» относятся чаще всего к монометафорической модели, выступая как некие штрихи, которые лишь подчеркивают эстетическую значимость людей, неодушевленных предметов и природы. Полиметафорические инкорпорирующие и коррелятивные модели не многочисленны, но они создают оригинальные и объемные метафорические образы. Как монометафорические, так и полиметафорические модели могут быть двухслойными и цепными.

Ключевые слова: сфера-источник «Музыка», сфера-магнит, метафорическая модель, концептуальная метафора, фрейм, слот

Для цитирования: Камышева О. С. Метафоры со сферой-источником «Музыка» и особенности их структуры в романе Р. Валиуллина «Соло на одной клавише» // Вестник Череповецкого государственного университета. 2023. № 4 (115). С. 88–104. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-4-115-8>.

**Metaphors with the source sphere "Music" and features of their structure
in R. Valiullin's novel "Solo on one key"**

Olga S. Kamysheva

Shadrinsk State Pedagogical University,
Shadrinsk, Russia

olga.kamysheva.79@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5430-3371>

Abstract. The purpose of this article is to study metaphors with the source sphere "Music" and the features of their structure in R. Valiullin's novel "Solo on one key". Research objectives: to identify metaphors with the source sphere "Music" in R. Valiullin's novel "Solo on one key"; define the main metaphorical models by applying the frame-slot concept and the method for studying the structure of metaphorical models by E. B. Ryabykh; provide quantitative data of the metaphors, pointing to the most frequent models; characterize the specifics of using the source sphere "Music" for the metaphors under study; explain the role of metaphors with the source sphere "Music" in the plot of R. Valiullin's novel "Solo on one key". The study was conducted using both traditional methods of cognitive linguistics (metaphorical modeling, cognitive and contextual analysis) and the method of studying the structure of metaphorical models by E. B. Ryabykh. As a result, the following conclusions were drawn. Firstly, in the metaphors of R. Valiullin's novel "Solo on one key" through the source sphere "Music" the human world is most productively represented. Metaphors of inanimate objects are less frequent. There are only a few examples of nature metaphors. At the same time, musical terminology and allusive inclusions are common in the source sphere "Music". Secondly, it has been found that in the studied novel metaphors with the source sphere "Music" refer most often to the monometaphoric model, acting as certain strokes which only emphasise the aesthetic significance of people, inanimate objects and nature. The polymetaphoric incorporation and correlation models are not numerous, but they create original and voluminous metaphorical images. Both monometaphoric and polymetaphoric models can be two-layer and chain ones.

Keywords: source sphere "Music", sphere-magnet, metaphorical model, conceptual metaphor, frame, slot

For citation: Kamysheva O. S. Metaphors with the source sphere "Music" and features of their structure in R. Valiullin's novel "Solo on one key". *Cherepovets State University Bulletin*, 2023, no. 4 (115), pp. 88–104 (In Rus.). <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-4-115-8>.

Введение

Когнитивная лингвистика – одно из перспективных направлений современного языкознания, основным понятием которого является «концепт». Несмотря на многочисленные исследования, у данного термина до сих пор отсутствует единое определение. Чаще всего концепт рассматривается как ментальная единица, которая находит отражение в языке. На основе понятия «концепт» возник термин «концептуальная метафора». Когнитивисты считают, что метафора – это не только стилистический прием, но и способ познания человеком мира.

Первые исследования концептуальной метафоры проводились на материале повседневной речи (Дж. Лакофф, М. Джонсон¹). Затем отечественные лингвисты

¹ Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. Москва: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

(А. Н. Баранов¹, И. М. Кобозева², Е. С. Кубрякова³, А. П. Чудинов⁴) применили теорию концептуальной метафоры к текстам СМИ, разработав теорию метафорического моделирования, которая предполагала детальное изучение метафор. В связи с этим появляется понятие «метафорическая модель», включающее ментальные сферы (сферу-источник и сферу-магнит). При изучении метафорических моделей в когнитивной лингвистике часто используется фреймо-слотовая концепция, которая предполагает выделение в каждой ментальной сфере системы фреймов и их более мелких единиц – слотов.

В последнее время предпринимаются попытки применить теорию метафорического моделирования к художественному тексту, что вызывает ряд трудностей. Во-первых, художественный текст часто наполнен сложными развернутыми и переплетающимися метафорами, которые достаточно трудно разобрать на отдельные модели. Во-вторых, нужно учитывать, что в рамках художественного текста метафоры функционируют по-разному. Они могут занимать сильную позицию в тексте, использоваться обособленно, или, наоборот, развиваться взаимосвязано на протяжении всего произведения. В-третьих, кроме выделения и описания метафорических моделей, необходимо принимать во внимание их роль в сюжете художественного произведения в целом.

Следует отметить, что в настоящее время проводится мало исследований, посвященных изучению структуры и реализации метафорических моделей в художественном тексте. Считаем наиболее удачной методику Е. Б. Рябых⁵, которая предполагает выделение монометафорических и полиметафорических моделей. Монометафорическая модель предусматривает использование одной сферы-магнита и одной сферы-источника, что может быть реализовано в формуле: X – это Y. Полиметафорические модели представляют более сложные связи между сферой-магнитом и сферой-источником и, в свою очередь, делятся на инкорпорирующие и коррелятивные. Инкорпорирующая модель трактуется «как существующая и/или складывающаяся в сознании представителей той или иной лингвокультуры сложная схема связи между понятийными областями, репрезентируемая формулой: X – это Y + Y1... + Yn»⁶. Под коррелятивной метафорической моделью понимается «наличествующая и/или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между двумя (и более) группами непосредственно соотносящихся между собой понятийных областей и

¹ Баранов А. Н. О типах сочетаемости метафорических моделей // Вопросы языкознания. 2003. № 2. С. 73–94.

² Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. Москва: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.

³ Кубрякова Е. С. Семантика в когнитивной лингвистике (о концепте контейнера и формах его объективации в языке) // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1999. Т. 58, № 5–6. С. 3–12.

⁴ Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2003. С. 71.

⁵ Рябых Е. Б. Метафорические концепты природных явлений в поэтическом дискурсе (на материале русского и немецкого языков): автореф. дис. ...канд. филол. наук. Томск: [б. и.], 2006. 22 с.

⁶ Там же. С. 13.

представляющих собой связанный метафорический образ»¹ нескольких объектов, т. е. $(X - \text{это } Y) + (X1 - \text{это } Y1) \dots + (Xn - \text{это } Yn)$. Полагаем, что при изучении концептуальных метафор в художественном тексте можно успешно сочетать данную методику с концепцией фреймов и слотов.

В данной статье предпринимается попытка проанализировать концептуальные метафоры со сферой-источником «Музыка» на материале современного романа Р. Валиуллина «Соло на одной клавише» с использованием как традиционных методов когнитивной лингвистики (метафорического моделирования, когнитивного и контекстуального анализа), так и метода исследования структуры метафорических моделей, предложенного Е. Б. Рябых.

Цель данной статьи – изучить метафоры со сферой-источником «Музыка» и особенности их строения в романе Р. Валиуллина «Соло на одной клавише».

Задачи исследования:

- 1) выделить метафоры со сферой-источником «Музыка» в романе Р. Валиуллина «Соло на одной клавише»;
- 2) определить основные метафорические модели, проанализировав их с использованием фреймо-слотовой концепции и метода исследования структуры метафорических моделей Е. Б. Рябых;
- 3) привести количественные данные исследуемых метафор, отметив наиболее частотные модели;
- 4) охарактеризовать специфику употребления сферы-источника «Музыка» исследуемых метафор;
- 5) объяснить роль метафор со сферой-источником «Музыка» в сюжете романа Р. Валиуллина «Соло на одной клавише».

Основная часть

Роман «Соло на одной клавише» был написан современным талантливым писателем Р. Валиуллиным в 2008 году, роман сразу стал популярным среди читателей. Многие высказывания из этого произведения разлетелись на цитаты и крылатые выражения.

При внимательном прочтении романа Р. Валиуллина «Соло на одной клавише» были обнаружены 40 разнообразных метафор со сферой-источником «Музыка». Эти метафоры передают образы окружающего мира посредством музыкальных характеристик. Они выполняют не только важную когнитивную, но и эстетическую функцию, поскольку украшают художественный текст. Более того, можно предположить, что использование метафор со сферой-источником «Музыка» в художественном произведении свидетельствует об эрудиции и образованности автора.

В романе Р. Валиуллина «Соло на одной клавише» раскрывается типичный образ современного человека средних лет по имени Максим. Несмотря на то, что у него есть интересная творческая работа и устроен быт, он не может найти свою вторую

¹ Рябых Е. Б. Метафорические концепты природных явлений в поэтическом дискурсе (на материале русского и немецкого языков): автореф. дис. ...канд. филол. наук. Томск: [б. и.], 2006. С. 14.

половинку и, следовательно, не получает удовлетворения от жизни, чувствуя себя одиноким.

Первая метафора со сферой-источником «Музыка» находится в заголовке романа, следовательно, в сильной позиции текста. Вероятно, внутренний мир героя сопоставляется с исполнением однообразной и монотонной мелодии.

Следует отметить, что метафоры со сферой-источником «Музыка» встречаются на протяжении всего романа. Однако они разрознены и не связаны как с заголовком романа, так и между собой. Полагаем, что их функция – отметить наиболее значимое и эстетически привлекательное для главного героя.

Анализ метафор в романе Р. Валиуллина «Соло на одной клавише» позволил выделить три основные метафорические модели со сферой-источником «Музыка»: «Неодушевленные предметы – музыка», «Человек – музыка» и «Природа – музыка». Проанализируем каждую из них с точки зрения сферы-магнита.

Метафорическая модель «Неодушевленные предметы – музыка»

Фрейм «Неодушевленные объекты»

Главный герой фокусирует внимание на зрительных и звуковых образах окружающих его неодушевленных предметов.

Слот «Транспорт»

Довольно часто через музыкальные метафоры характеризуются транспортные средства.

Ряды машин, мчащихся по проспекту в час пик, – музыкальный ансамбль, состоящий из солистов. Данный пример можно отнести к монометафорической модели «Автомобили – хор».

*Ноги суетливо несли уже одетые в зимнее тела, мечтая воткнуть их скорее в тепло квартиры или машины. Последние неслись дружным **хором** по проспекту, разбивая лужи¹.*

Складывающиеся двери автобуса напоминают Максиму строение музыкального инструмента – гармошки, а скрипучий звук, с которым эти двери открываются, – звучание музыкального произведения. В этом случае в музыкальной метафоре оказывается задействованным как зрительный, так и звуковой образ двери. Следовательно, находит место полиметафорическая инкорпорирующая модель, фокусирующая внимание на разных характеристиках одного объекта: «Закрывающиеся двери автобуса – гармошка» + «Скрип двери – тоскливая песня». Кроме того, сфера-источник «песня» в этом же примере подвергается дополнительной метафоризации: тоска передает минорный лад звучания. В результате метафора становится двухслойной.

*Наконец, транспорт доковывлял до нужной мне остановки, **двери сыграли на гармошке короткую тоскливую песню².***

¹ Валиуллин Р. Соло на одной клавише. Санкт-Петербург: Антология, 2017. С. 392.

² Там же. С. 361.

Движущийся поезд издает довольно громкие звуки, что позволяет провести метафорическую параллель между транспортным средством как источником шума и исполнителем, а также между стуком колес и песней. Отнесем подобную метафору к полиметафорической инкорпорирующей модели: «Поезд – певец» + «Звуки поезда – песня».

Поезд продолжал напевать свою песню, я снова вернулся в камеру, словно осужденный на сутки, после прогулки¹.

Таким образом, в метафорической картине мира романа Р. Валиуллина транспортные средства (машины, автобус и поезд) – это исполнители музыки (хор, певец, гармонист), а их звуки – звучание песни. В одном из примеров обнаруживается внешнее сопоставление дверей автобуса с гармошкой. По структуре метафоры данного фрейма могут быть монометафорическими и полиметафорическими инкорпорирующими.

Слот «Устройства»

Разные устройства являются неотъемлемой частью жизни современного человека. В романе они также представлены посредством музыкальных ассоциаций.

Герою романа эстетическое наслаждение доставляют телефонные звонки, особенно, если звонит любимая женщина. Обнаруживаются монометафорические модели: «Телефонный звонок – музыка» и «Телефонный звонок – пение».

– *Нет. Какая у тебя любимая музыка?*

– *Твой звонок².*

Будто сигнализация, среагировав на это безобразие, запел телефон³.

Мерцающие огни светофоров на улицах города сравниваются с устройством светомузыки, которое обеспечивает музыкальное звучание с сопровождением динамического цветного освещения. Поскольку светофоры не воспроизводят звуки, в данном контексте находит место явление синестезии: зрительный образ передается посредством звукового. Используется монометафорическая модель: «Мерцание огней светофоров – звучание светомузыки».

Под светомузыку желтых светофоров, которые мерцали на перекрестках своим безразличием к ПДД, я доехал до дома⁴.

Полиметафорическая инкорпорирующая модель характеризует кассовые аппараты в магазине: «Кассовые аппараты – клавишные музыкальные инструменты» + «Шум от кассовых аппаратов – мелодия в одной тональности + соло на одной клавише + музыка в новом джазовом направлении». Во второй части данной модели представлены разные варианты сферы-источника «Музыка».

Кассы играли свою скучную мелодию Кэши в одной тональности. Соло на одной клавише. В этот момент кассир пробивал чью-то банку абрикосового джема. «Да, верно. Душа требует джем-сейшена». Если бы каждую кассу настроить на

¹ Валиуллин Р. Соло на одной клавише. Санкт-Петербург: Антология, 2017. С. 365.

² Там же. С. 131.

³ Там же. С. 169–170.

⁴ Там же. С. 8.

*свою ноту, то могла бы получиться неплохая мелодия, а может даже новое направление джаз-хаос-кэш*¹.

Резкий, раздражающий звук дрели в соседской квартире напоминает Максиму и Алисе (возлюбленной Максима) соло в симфоническом концерте, который настолько утомил зрителей, что они с нетерпением ждут его окончания. Вероятно, данная метафора является полиметафорической инкорпорирующей. Следовательно, реализуется модель: «Звук дрели – соло в симфоническом оркестре» + «Соседи – зрители на концерте».

*... услышали мы в этот раз дрель. Пронзительное соло на дрели в симфоническом концерте, конца которого все с нетерпением ждали*².

Бытовые приборы в доме напоминают оркестровые инструменты, на которых метафорически играет хозяин. В частности, открывание дверей холодильника сопоставляется с раздуванием мехов музыкального инструмента. Обнаруживается полиметафорическая инкорпорирующая модель, характеризующая действия жильцов дома и холодильник: «Использование бытовых приборов – игра на музыкальных инструментах» + «Холодильник – меха музыкального инструмента».

И в это время кто-то входит со своим оркестром, начинает играть на бытовых инструментах, раздувая меха холодильника...³.

Таким образом, в рассматриваемом романе телефон, светофоры, кассовые аппараты, дрель и холодильник создают однообразные утомляющие звуковые и визуальные образы. Строение кассовых аппаратов и холодильника напоминают главному герою части музыкальных инструментов (клавиши пианино, меха гармошки). Использование устройств в некоторых случаях рассматривается как игра на музыкальных инструментах. Что касается структуры описываемых метафор, то они могут функционировать как монометафорические, так и полиметафорические коррелятивные модели.

Слот «Дверь дома»

Громкий стук входной двери рассматривается как пощечина (используется антропоморфный образ), которая, в свою очередь, становится последним аккордом музыкального произведения. Наблюдается наслоение метафор, в котором монометафорической модели «Стук двери – финальный аккорд» отводится место во втором слое.

*Я слышал, как стучат ее каблучки, и финальным аккордом стала пощечина входной двери*⁴.

Таким образом, в романе Р. Валиуллина через музыкальные образы описываются обычные окружающие объекты: транспорт (автомобили, автобус, поезд), устройства (телефон, светофоры, кассовые аппараты, дрель и холодильник) и часть дома

¹ Валиуллин Р. Соло на одной клавише. Санкт-Петербург: Антология, 2017. С. 310.

² Там же. С. 165.

³ Там же. С. 290.

⁴ Там же. С. 148.

(дверь). По структуре данные метафоры – монометафорические и полиметафорические (инкорпорирующие и коррелятивные) модели.

Метафорическая модель «Человек – музыка»

Фрейм «Человек»

Главный герой концептуализирует внешние и внутренние качества как близких ему людей, так и случайно встретившихся.

Слот «Профессиональные действия»

В метафорической картине мира романа водитель автобуса – это дирижер, в такт музыки которого покачиваются пассажиры. Можно предположить, что автобус идет достаточно быстро, напоминая Максиму рок-н-ролл (жанр музыки, исполняемой в довольно оживленном и зажигательном темпе). Находит место полиметафорическая коррелятивная модель, которая репрезентирует водителя, автобус и пассажиров: «Водитель – дирижер» + «Руль – дирижерская палочка» + «Автобус с пассажирами – оркестр» + «Движение автобуса – звучание рок-н-ролла».

Сегодня поехал на работу в автобусе, подумал, что живу остановками, жизнь из окна автобуса идет медленнее. Люди сидели, покачиваясь в такт дирижеру, в руках которого вместо палочек был руль. Надо сказать, что вел он бестактно. От того пассажиры нередко дергались, наступали друг другу на ноги и даже падали. Оркестр играл рок-н-ролл в прямом смысле. Климат в оркестре был плохой, дирижера откровенно не любили, поэтому утечка кадров все больше опустошала автобус¹.

Полиметафорическая инкорпорирующая модель характеризует профессиональные действия врача посредством одновременно теологической и музыкальной метафор. Сначала писатель описывает врача как кудесника от Бога, затем как виртуоза, приводя пример известного американского певца и пианиста Рэя Чарльза, что осложняет метафору аллюзивным вкраплением.

– А что врачи? Это такие же люди, как и все остальные...

– Неужели нет таких же способных, кудесников от Бога, вроде тебя виртуозов, которые бы не души лечили, а тела? Таких как Рэй Чарльз к примеру, я как-то попал на его единственный в Питере концерт, чем он только не играл, а все равно получалась великая музыка...²

Далее метафора трансформируется обратно: бэк-вокалистки Рэя Чарльза становятся метафорическими медсестрами, которые помогают маэстро провести «успешную операцию». Реализуется метафорическая модель «Врач – музыкант – врач», которую мы предлагаем назвать цепной метафорой, поскольку в процессе развития метафоры сфера-источник «Музыкант» становится одновременно и сферой магнитом.

– И женичины, знаешь, какие женичины были у него на подпевках? – все больше воспламенялся я.

¹ Валиуллин Р. Соло на одной клавише. Санкт-Петербург: Антология, 2017. С. 444.

² Там же. С. 258.

– Черные, наверное, – не стал прикуривать Томас. Видимо, такие музы его не зажигали.

– Сестры, медсестры, которые знали, какой инструмент надо подать маэстро, чтобы операция прошла успешно¹.

Таким образом, профессиональные действия водителя автобуса и врача репрезентированы в полиметафорических инкорпорирующих и коррелятивных моделях: они уподобляются музыкантам (дирижеру и виртуозу). Развернутой структурой обладает метафора водителя автобуса: его руль представлен как дирижерская палочка, пассажиры – оркестранты, а движение автобуса – звучание музыки. При репрезентации действий врача обнаруживается редкая цепная метафора, которая реализуется в модели «Врач – музыкант – врач».

Слот «Взаимоотношения»

В современном русском языке монометафорическая модель «Выяснение отношений – прелюдия» часто употребляется как стертая.

Не то, что им некогда было трепать друг другу нервы, просто делали они это настолько изящно, что это стало больше похоже на прелюдию перед утомительной возвышающей битвой любви, нежели на выяснение отношений².

Непростые взаимоотношения – это самая сложная музыкальная учебная дисциплина. В романе обнаруживается монометафорическая модель «Взаимоотношения – сольфеджио».

Я почему-то вспомнил, как бросил музыкальную школу во втором классе, нашу любовь можно было охарактеризовать как сольфеджио, в котором я ограничивался непониманием...³.

Максим проводит метафорическую параллель между Алисой и букашкой. Алиса же развивает данную метафору, делая ее двухслойной. Монометафорическая модель «Насекомое – запавшая клавиша» проявляется во втором слое.

– Ты похожа на букашку, которой оторвали остальные лапки...

– А букашка **просто залипла, как клавиша, на одном тебе⁴.**

Таким образом, межличностные отношения героев романа реализуются в разных монометафорических моделях: отношения напоминают музыкальное произведение (прелюдию), теорию музыки (сольфеджио) и часть музыкального инструмента (запавшую клавишу).

Слот «Части тела»

Р. Валиуллин передает в музыкальных метафорах физические черты героев, в частности, части их тел. Метафора-сравнение позволяет сопоставить продолговатую форму ребер с клавишами музыкального инструмента. Находит место монометафорическая модель «Ребра – клавиши пианино».

¹ Валиуллин Р. Соло на одной клавише. Санкт-Петербург: Антология, 2017. С. 259.

² Там же. С. 28.

³ Там же. С. 375.

⁴ Там же. С. 448.

– Ну так вот, – побежала она пальцами по моим ребрам, словно это были клавиши пианино¹.

Альвеолы Алисы в момент экстаза – это струны, при ударе чувств которых раздается ее громкий голос: полиметафорическая коррелятивная модель «Альвеолы – струны» + «Чувства – игра на струнном музыкальном инструменте».

В этот момент у их госпожи все напрялось, она задрожала, из недр вырвался дикий стон, будто кто-то ударил по струнам ее альвеол всей пятерней своих чувств².

Женские части тела представлены как музыкальные инструменты, которые расчехляются в весеннее время, а весна, в свою очередь, напоминает концерт. Однако, оказывается, что женщины «исполняют музыку» не на них, а уже на инстинктах мужчин, которые, вероятно, также являются музыкальными инструментами. Проявляется полиметафорическая коррелятивная модель: «Весна – концерт» + «Женщины – музыканты» + «Части их тел – музыкальные инструменты» + «Очаровывать – играть на музыкальных инструментах» + «Мужские инстинкты – музыкальные инструменты».

Весна – это музыка, это большой концерт, когда женщины расчехляют все свои драгоценные инструменты любви, чтобы сыграть на мужских инстинктах ту самую мелодию, от которой рождаются цветы³.

Таким образом, в художественной картине мира Р. Валиуллина части человеческих тел (ребра, альвеолы, части женского тела) часто изображаются по подобию музыкальных инструментов или их частей. Используются монометафорическая и полиметафорическая коррелятивные модели.

Слот «Внешность»

Широко раскрытые глаза жены Максима Марины, в которых один и тот же вопрос, напоминают герою CD диски с одной и той же песней. В качестве источника метафоризации выступает как визуальный образ (круглая форма дисков), так и звуковой образ (звучание песни). Обнаруживается полиметафорическая инкорпорирующая модель «Глаза – CD диски» + «Вопрос в глазах – звучание песни». Метафора осложнена синестезией.

– Где ты был?

– «Где ты был, где ты был, CD твоих вопросительных глаз крутят одну и ту же песню...»⁴

Стертая музыкальная метафора передает неискренние, натянутые улыбки людей: монометафорическая модель «Улыбки – фальшивая музыка».

Жена вдруг стала похожа на людей из метро, такие же люди, злые, скучные, грустные, есть время отдохнуть от фальшивых улыбок, хотя я и сам улыбаюсь редко⁵.

¹ Валиуллин Р. Соло на одной клавише. Санкт-Петербург: Антология, 2017. С. 219.

² Там же. С. 449.

³ Там же. С. 338.

⁴ Там же. С. 12.

⁵ Там же. С. 292.

Таким образом, глаза героини сопоставляются с CD дисками, а улыбки и вопросы в глазах – со звучанием музыки. Находят место как монометафорические, так и полиметафорические инкорпорирующие модели.

Слот «Эмоциональное состояние»

Страсть Алисы ассоциируется с наступлением весны, неотъемлемой частью которой является щебетание птиц. Оно репрезентируется как звучание симфонии, а симфония, в свою очередь, опять же, становится страстью. В монометафорической модели «Страсть – щебетание птиц – симфония – страсть» музыкальная метафора находится во втором слое, который подхватывается цепной метафорой.

*Я тебя люблю! – крикнул я. Весть быстро распространилась по всему ее телу, и к тому времени, как она достигла самых заповедных уголков организма, там уже наступила весна: побежали ручьи желаний, вылупились зеленые листочки надежд, брызнуло эндорфинами солнце чувств, а **птицы залились симфонией страсти**¹.*

Чувства Максима антропоморфны: сердце пытается достучаться, что реализуется в стертой монометафорической модели «Эмоциональное состояние – игра на барабане».

*Я слышу, как сердце твое **барабанит** в дверь. Где же оно было раньше?²*

Подобная модель «Паника – игра на барабане» характеризует паническое настроение.

*Паника **барабанила** в голову, последнюю хотелось отвлечь, но чем?³*

Страх остаться одиноким сравнивается со звонарем, а звон колокола – со стуком колес железнодорожного состава: полиметафорическая коррелятивная модель «Страх одиночества – звонарь» + «Стук колес поезда – колокольный звон».

*Животный страх одиночества **бил в колокол** скачущими по шпалам колесами состава⁴.*

Таким образом, разные чувства героев (любовь, паника, страх) чаще всего уподобляются музыкантам, играющим на ударных инструментах. Вероятно, имплицитно осуществляется связь между сердцебиением и ударами в барабан или колокол. В одном примере страсть передается через щебетание птиц, преобразованное в симфонию, которое снова становится страстью. В основном, находят место монометафорические модели. Одна модель является полиметафорической коррелятивной.

Слот «Речь»

Постоянные претензии Марины к Максиму – это метафорически солирующая партия и музыка, звучащая с виниловой пластинки. Реализуются монометафорические модели «Речь – соло» и «Речь – музыка».

*– Где ты был? – в третий раз **солировала** моя законная супруга⁵.*

¹ Валиуллин Р. Соло на одной клавише. Санкт-Петербург: Антология, 2017. С. 141.

² Там же. С. 306.

³ Там же. С. 368.

⁴ Там же. С. 368.

⁵ Там же. С. 12.

*... если ты настаиваешь, я тебе расскажу, только сделай потише **музыку своей занудной пластинки**...*¹.

Слова Алисы воспринимаются Максимом как старая песня. В данном случае используется стертая монометафорическая модель «Речь – песня».

– *Как я могу теперь не думать?*

– *Снова ты свою **старую песню**. Надоело*².

Таким образом, посредством монометафорических моделей звучит преимущественно речь женщин Максима. Она репрезентируется как солирующая партия, музыка с пластинки и песня. Подобные метафоры наделяются негативным эмотивным потенциалом.

Слот «Голос»

В голосе Томаса Максим слышит интервал и тембр музыкального инструмента, который, в свою очередь, снова метафорически трансформируется в голос человека. Полиметафорическая инкорпорирующая модель «Смех – музыкальное звучание + тембр флейты – смех» становится цепной метафорой.

*... засмеялся Томас тоненьким смехом. Смех его был **не выше второй октавы, будто смех флейты***³.

Мужские голоса концептуализируются в метафоре самого низкого певческого голоса: монометафорическая модель «Голос – бас».

– *Молчи, урод, – **пробасил** другой мужской голос за весь автобус*⁴.

– *Есть. Чувство юмора, – добавил я **басов** своему голосу*⁵.

В голосах окружающих людей главному герою «слышатся» ноты: монометафорическая модель «Голос – звучащие ноты». Ср. :

– *... Как сам? – ответил мне **фа-диезом** из трубки знакомый голос старого друга Владимира*⁶.

– *Все хотят на красную ковровую дорожку, – услышал я в его **басе нотки** тех самых незапланированных телодвижений, которые придется ему предпринять, чтобы решить вопрос*⁷.

Таким образом, в музыкальных метафорах романа можно услышать голоса мужчин, которые представлены через метафоры музыкальных характеристик (октава, фа-диез, нота), тембра музыкального инструмента (флейты) и певческого голоса (баса). Присутствуют монометафорические модели и одна полиметафорическая инкорпорирующая модель.

¹ Валиуллин Р. Соло на одной клавише. Санкт-Петербург: Антология, 2017. С. 12.

² Там же. С. 245.

³ Там же С. 115.

⁴ Там же. С. 359.

⁵ Там же. С. 450.

⁶ Там же. С. 266.

⁷ Там же. С. 268.

Слот «Физические действия»

Максим пытается удержать Алису, его действия метафорически отражаются в музыкальном приеме, который передает последовательность звуков в быстром темпе: монометафорическая модель «Действия – пассаж».

*... протянул я руки, чувствуя, как из них ускользает моя муза. Потом уронил их обессиленные. Но мой **пассаж** не имел результата: шмякнулся журнал на стул, а халат исчез¹.*

Шаги мясника ритмичны и соответствуют единице музыкального метра, начинающейся с наиболее сильной доли: монометафорическая модель «Шаги – музыкальный такт».

*Мне пересек дорогу мясник в окровавленном фартуке, на плече он тащил тушу быка. Голова животного свисала и потряхивала ушами в **такт** шагам².*

Таким образом, действия рук и ног людей реализуются в монометафорических моделях с использованием музыкальных характеристик.

Слот «Чувство юмора»

Каламбурная музыкальная метафора позволяет передать черный юмор как музыку африканцев, к которой относятся, например, госпел, румба, блюз, рок-н-ролл, рок, джаз, регги. Реализуется монометафорическая модель «Черный юмор – африканская музыка».

*– Черный юмор как **черная музыка**, он циничен, но правдив³.*

Слот «Талант»

Музыкальная метафора-идиома характеризует Алису как способную и талантливую. Выделяется монометафорическая модель «Талант – способность играть на дуде».

*– Девка ой-ой-ой, с ней не шути, и швея, и жница, и в **дуду** **игрица**, и за себя постоять мастерица...⁴.*

Слот «Мысли»

Размышления Максима – это музыка из колонок музыкального устройства, роль которых играет его воображение: полиметафорическая коррелятивная модель «Мысли – звучащая музыка» + «Воображение – колонки музыкального устройства».

*Но **музыка резко оборвалась в колонках** моего воображения. Не то, чтобы **иссяк родник**, просто меня отвлек телефонный звонок⁵.*

Подводя итоги, отметим, что в романе Р. Валиуллина «Соло на одной клавише» образ человека раскрывается через музыкальные метафоры наиболее полно. Писатель описывает главного героя, его женщин, коллег и случайных людей, характери-

¹ Валиуллин Р. Соло на одной клавише. Санкт-Петербург: Антология, 2017. С. 251.

² Там же. С. 365.

³ Там же. С. 71.

⁴ Там же. С. 128.

⁵ Там же. С. 402.

зуя их профессиональные действия, взаимоотношения, части тела, внешность, эмоциональное состояние, речь, голоса, физические действия, чувство юмора, талант и мысли. Обнаруживаются монометафорические и полиметафорические (инкорпорирующие и коррелятивные) модели.

Метафорическая модель «Природа – музыка» Фрейм «Природа»

В некоторых контекстах романа внимание уделяется образам природы.

Слот «Природное явление»

Дождь традиционно сравнивается с ударами в барабан: монометафорическая модель «Дождь – игра на барабане».

*... уже было видно, что дождь **барабанит** в воду все сильнее¹.*

Данная модель может быть трансформирована в полиметафорическую коррелятивную: «Осень – барабанщик» + «Дождь – барабанная дробь».

*Осень снова постучалась в самую душу. Она **барабанила** то дождем, то пыталась проникнуть в тепло порывами ветра².*

Слот «Насекомое»

Оригинальная авторская метафора позволяет описать стрекот сверчка. Используется полиметафорическая инкорпорирующая модель «Звуки сверчка – серенада» + «Стридуляционный орган сверчка – динамик».

*Одинокий сверчок, забыв **выключить свой динамик**, продолжал надоедать **серенадой**³.*

Слот «Растение»

Стертая музыкальная метафора репрезентирует ненавязчивый запах эвкалипта, который доносится с ветром: монометафорическая модель «Запах эвкалипта – звучащие ноты».

*В меня дуло прохладой кипарисов с **нотками** эвкалипта⁴.*

Таким образом, в музыкальных метафорах раскрывается природный мир, в частности, шум дождя, стрекот сверчка и запах эвкалипта. Используются монометафорические и полиметафорические (инкорпорирующие и коррелятивные) модели.

Выводы

В процессе исследования трех основных метафорических моделей со сферой-источником «Музыка» в романе Р. Валиуллина «Соло на одной клавише» были обнаружены следующие количественные данные метафор (см. табл. 1).

¹ Валиуллин Р. Соло на одной клавише. Санкт-Петербург: Антология, 2017. С. 132.

² Там же. С. 35.

³ Там же. С. 183.

⁴ Там же. С. 183.

Таблица 1

Музыкальные метафоры в романе Р. Валиуллина «Соло на одной клавише».
Сферы-магниты

Сфера-магнит	Количество метафор	В проценте от общего количества метафор
Неодушевленные объекты	10	25
Человек	26	65
Природа	4	10
Общее количество	40	100

Согласно результатам табл. 1, для главного героя наибольшей эстетической значимостью обладает мир человека: взаимоотношения, профессиональные действия, части тела, внешность, эмоциональное состояние, речь, голос, физические действия, чувство юмора, талант, мысли. Посредством музыкальных ассоциаций довольно часто передаются неодушевленные объекты: транспорт (автомобили, автобусы, поезда), устройства (телефон, светофоры, кассовые аппараты, дрель, холодильник) и дом (дверь). Мир природы, несмотря на его красоту и гармонию, представлен в музыкальных метафорах незначительно: характеризуется шум дождя, стрекот сверчка и запах эвкалипта. Можно предположить, что это свидетельствует о маловажности природного мира для современного человека, особенно живущего в мегаполисе.

Следует обратить внимание на функционирование сферы-источника «Музыка» исследуемых метафор. Сфера-источник представлена *исполнителями* (хор, дирижер, виртуоз, Рэй Чарльз, в дуду игрица), *исполнением* (петь, солировать, играть), *музыкальными инструментами и их частями* (дирижерская палочка, запавшая клавиша, клавиши пианино, струны, меха, гармошка), *музыкальными устройствами* (светомузыка, колонки, CD, динамик, пластинка), *игрой на музыкальных инструментах* (играть на гармошке, раздувать меха, ударять по струнам, барабанить, бить в колокол), *действиями с музыкальными инструментами* (настраивать, расчехлять), *музыкальной дисциплиной* (сольфеджио), *тембром музыкального инструмента* (тембр колокола, тембр флейты), *певческим голосом* (бас) и *звучанием музыки* (мелодия, музыка, соло, черная музыка, фальшивая музыка, песня, концерт, прелюдия, серенада, симфония, тональность, джаз, рок-н-ролл, фа-диез, вторая октава, ноты, пассаж, такт, аккорд). При этом в музыкальных метафорах часто фигурируют различные музыкальные термины и аллюзивные вкрапления, что, вероятно, усложняет восприятие текста неподготовленным читателем. В этом случае музыкальные метафоры могут восприниматься как закодированный знак с неизвестным содержанием.

Приведем количественные данные исследуемых метафор в соответствии с их структурой (табл. 2).

**Структура музыкальных метафор
в романе Р. Валиуллина «Соло на одной клавише» Модели**

Модель	Количество метафор	В проценте от общего количества метафор
Монометафорическая	25	62,5
Полиметафорическая инкорпорирующая	9	22,5
Полиметафорическая коррелятивная	6	15
Общее количество	40	100

Согласно табл. 2, в романе Р. Валиуллина «Соло на одной клавише» метафоры со сферой-источником «Музыка» относятся чаще всего к монометафорической модели. Предполагаем, что в этом случае они выступают как некие штрихи, которые лишь подчеркивают эстетическую значимость людей, некоторых неодушевленных предметов и природы. Полиметафорические инкорпорирующие и коррелятивные модели не многочисленны, но, как правило, создают яркие, оригинальные и объемные метафорические образы.

Как монометафорические, так и полиметафорические модели могут быть двухслойными и цепными. Кроме того, они могут быть осложнены синестезией. Полагаем, что использование таких сложных метафор позволяет писателю выразить непростые идеи, проявить фантазию и продемонстрировать свое мастерство в искусстве слова.

Подводя итоги, отметим, что метафоры со сферой-источником «Музыка» играют важную роль в романе Р. Валиуллина «Соло на одной клавише». Во-первых, метафора со сферой-источником «Музыка» находится в сильной позиции текста, определяя настроение и эмоциональное состояние главного героя. Несмотря на внешнее благополучие, он не может найти свое личное счастье и обрести душевную гармонию. Во-вторых, такие метафоры показывают, что герою доставляет эстетическое наслаждение и что для него по-настоящему значимо. В соответствии с полученными результатами можно понять, что для Максима, как современного человека, вероятно, наиболее важны окружающие люди и неодушевленные объекты, которые обеспечивают комфорт жизни. Мир же природы представляется малозначимым.

Список литературы

- Баранов А. Н. О типах сочетаемости метафорических моделей // Вопросы языкознания. 2003. № 2. С. 73–94.
- Валиуллин Р. Соло на одной клавише. Санкт-Петербург: Антология, 2017. 480 с.
- Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. Москва: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.
- Кубрякова Е. С. Семантика в когнитивной лингвистике (о концепте контейнера и формах его объективации в языке) // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1999. Т. 58, № 5–6. С. 3–12.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. Москва: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

Рябых Е. Б. Метафорические концепты природных явлений в поэтическом дискурсе (на материале русского и немецкого языков): автореф. дис. ...канд. филол. наук. Томск: [б. и.], 2006. 22 с.

Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2003. 248 с.

References

Baranov A. N. O tipakh sochetaemosti metaforicheskikh modelei [On the types of compatibility of metaphorical models]. *Voprosy iazykoznaviia* [Topics in the study of language], 2003, no. 2, pp. 73–94.

Valiullin R. *Solo na odnoi klavishe* [Solo on one key]. St Petersburg: Antologiya, 2017. 480 p.

Kobozeva I. M. *Lingvisticheskaia semantika* [Linguistic semantics]. Moscow: Editorial URSS, 2000. 352 p.

Kubriakova E. S. Semantika v kognitivnoi lingvistike (o kontsepte konteynera i formakh ego ob"ektivatsii v iazyke) [Semantics in cognitive linguistics (on the concept of container and ways of its objectification in the language)]. *Izvestiia RAN. Seriya literatury i iazyka* [The Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Studies in literature and language], 1999, vol. 58, no. 5–6, pp. 3–12.

Lakoff Dzh., Dzhonson M. *Metafora, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Moscow: Editorial URSS, 2004. 256 p.

Riabykh E. B. *Metaforicheskie kontsepty prirodnykh yavlenii v poeticheskom diskurse (na materiale russkogo i nemetskogo iazykov)* [Metaphorical concepts of natural phenomena in poetic discourse (by the material of the Russian and German languages): Abstract Cand. thesis in Philological Sciences]. Tomsk, 2006. 22 p.

Chudinov A. P. *Metaforicheskaya mozaika v sovremennoi politicheskoi kommunikatsii* [Metaphorical mosaic in modern political communication]. Ekaterinburg: Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2003. 248 p.

Сведения об авторе

Ольга Сергеевна Камышева – кандидат филологических наук, доцент; <https://orcid.org/0000-0001-5430-3371>, olga.kamysheva.79@mail.ru, Шадринский государственный педагогический университет (д. 3, ул. К. Либкнехта, 641871 Шадринск, Курганская область, Россия); **Olga S. Kamysheva** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, <https://orcid.org/0000-0001-5430-3371>, olga.kamysheva.79@mail.ru, Shadrinsk State Pedagogical University (3, ul. K. Libknekhta, 641871 Shadrinsk, Russia).

Статья поступила в редакцию 10.03.2023; одобрена после рецензирования 07.04.2023; принята к публикации 13.04.2023.

The article was submitted 10.03.2023; Approved after reviewing 07.04.2023; Accepted for publication 13.04.2023.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2023. № 4 (115). С. 105–115.
Cherepovets State University Bulletin, 2023, no. 4 (115), pp. 105–115.

Научная статья

УДК 81-119

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-4-115-9>

EDN: CKXECQ

Пропозиционально-семантический аспект описания словообразовательной ниши с формантом *-ush/a* в русских народных говорах

Павел Алексеевич Катышев¹, Анастасия Александровна Лушпей^{2✉}

¹Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина,
Москва, Россия,

²Кемеровский государственный институт культуры,
Кемерово, Россия,

¹katpa@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2492-6495>

²ana1534@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8418-0453>

Аннотация. Статья посвящена описанию типов с формантом *-ush/a* в пределах словообразовательной ниши в пропозиционально-семантическом аспекте. Рассмотрение пропозициональной организации словообразовательной ниши с ядерными и периферийными зонами позволяет провести анализ производных диалектных дериватов на качественно ином уровне, так как вопрос об отнесении производных слов к определенному типу на основании тождества частеречной принадлежности мотивирующих теряет свою актуальность.

Ключевые слова: словообразовательный тип, словообразовательная ниша, пропозиция, диалекты, семантический рисунок словообразовательной ниши

Для цитирования: Катышев П. А., Лушпей А. А. Пропозиционально-семантический аспект описания словообразовательной ниши с формантом *-ush/a* в русских народных говорах // Вестник Череповецкого государственного университета. 2023. № 4 (115). С. 105–115. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-4-115-9>.

Propositional-semantic aspect of the word-formation niche description with the formant *-ush/a* in Russian vernacular dialects

Pavel A. Katyshev¹, Anastasia A. Lushpey^{2✉}

¹Pushkin State Russian Language Institute,
Moscow, Russia,

²Kemerovo State Institute of Culture,
Kemerovo, Russia

¹katpa@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2492-6495>

²ana1534@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8418-0453>

Abstract. The article considers the word-formation types with the formant *-ush/a* within the word-formation niche. The described phenomenon seems significant, because, in the language, there is a tendency for suffixes to actualize derivatives, the semantics of which represents a certain type of

proposition. In turn, propositional structures direct the mental activity of a person cognizing the world by forming names according to already existing models; at the same time, the periphery associated with the center (background knowledge correlated with the core) is formed.

Keywords: word-formation type, word-formation niche, proposition, dialects, semantic pattern of word-formation niche

For citation: Katyshev P. A., Lushpey A. A. Propositional-semantic aspect of the word-formation niche description with the formant -ush/a in Russian vernacular dialects. *Cherepovets State University Bulletin*, 2023, no. 4 (115), pp. 105–115 (In Rus.). <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-4-115-9>.

Введение

Контаминация теоретических положений в определении термина «словообразовательная ниша» позволяет применять его при анализе семантической, семантико-пропозициональной структуры словообразовательных типов, входящих в словообразовательную нишу на правах общности форманта и его значения, а также тождества инвариантного словообразовательного значения.

В частных диалектных подсистемах наблюдаются процессы, тождественные процессам в литературном языке: и здесь подразумевается тенденция суффиксов в русском языке сочетаться с мотивирующими разных частей речи. Важным теоретическим положением для статьи является утверждение, что «словообразовательные ниши по-разному реализуются в частных диалектных системах, что делает возможным использование этой комплексной единицы в качестве основной при сопоставительном описании русских говоров»¹.

Попытка рассмотрения деривационной системы общенационального русского языка посредством использования таких комплексных единиц, как словообразовательное гнездо, словообразовательный тип и словообразовательная ниша, представлена в диссертационном исследовании Т. В. Ковалевой². Использование такого подхода при исследовании производных русского языка –*атор/-тор* позволяет взглянуть на функционирование производных многоаспектно, через призму функционирования словообразовательных типов с таким формантом в рамках словообразовательной ниши и через призму реализации их функциональной потенции в рамках уже словообразовательного гнезда посредством пропозиционального анализа (такой анализ используется в работах Л. А. Араевой³, Е. С. Кубряковой⁴, З. И. Резановой¹,

¹ Араева Л. А. Словообразовательный тип. Москва: RSS; Либроком, 2009. С. 193.

² Ковалева Т. В. Производные с -*атор/-тор* в деривационной системе русского языка: когнитивный аспект : дис. ... канд. филол. наук. Кемерово: [б. и.], 2004. 190 с.

³ Араева Л. А. Раздел «словообразование» в «русской грамматике 4.0» с позиции пропозиционально фреймового моделирования (из опыта работы Кемеровской дериватологической школы) // Русский язык за рубежом. Москва: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2016. С. 73–77.

⁴ Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 555 с.

М. Н. Янценецкой²). Важно отметить, что исследование словообразовательных типов и гнезд в функциональном аспекте – основная особенность этих научных исследований, так как производные с функциональным значением в большинстве случаев позволяют выявлять пропозиции, общие для ряда словообразовательных типов. И здесь значимым оказывается не только лексическое значение слов (доминирует класс глаголов), входящих в мотивирующую базу для производных словообразовательной ниши с -атор/-тор, но и сфера семантического влияния форманта, детерминирующего в некоторой степени и сферу функционирования дериватов. Сама природа форманта, предполагающая интенциональную и потенциальную способность сочетаться только со словами определенной части речи или же со словами разных частей речи, задает вектор выбора комплексной единицы словообразования для репрезентации эмпирического материала (на такую способность суффикса к сочетанию указывал И. С. Улуханов³).

Подтверждение роли форманта в формировании семантического рисунка словообразовательного типа в частности и словообразовательной ниши в целом отражено в работе И. П. Фаломкиной⁴, которая исследует на материале русских говоров пропозиционально-фреймовое моделирование словообразовательной ниши с формантом -н/я. Производные субстантивы с формантом -н/я рассмотрены в работе в рамках их функционирования в словообразовательной нише, т. е. для рассмотрения принцип частеречного тождества мотивирующих, такой значимый для определения словообразовательного типа, здесь оказывается не принципиальным, что позволяет иначе взглянуть на словообразовательные процессы семантического пространства таких дериватов. Пропозициональный анализ, примененный в работе, позволяет определить набор пропозиций, характерных для реализации семантического рисунка каждого из словообразовательных типов, входящих в словообразовательную нишу с формантом -н/я (формант обращает внимание своей историей и сферой функционирования: обозначение пространства для осуществления ремесленных процессов в диалектной подсистеме русского национального языка постепенно сменяется эквивалентами из литературной подсистемы, что закономерно приводит к утрате продуктивности словообразовательных типов с таким формантом).

Выбор в качестве единицы исследования словообразовательной ниши при анализе производных, номинирующих лица, артефакты и натурфакты в функциональном аспекте, дает ряд преимуществ: например, при объективации пропозиций в рамках

¹ Резанова З. И. Функциональный аспект словообразования: русское производное имя. Томск: Издательство Томского университета, 1996. 219 с.

² Янценецкая М. Н. Пропозициональный аспект словообразования (обзор работ сибирских диалектологов) // Актуальные проблемы региональной лингвистики и истории Сибири: материалы Всесоюзной научной конференции «Говоры и разговорная речь». Кемерово: Кемеровский государственный университет, 1992. С. 4–33.

³ Улуханов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. Москва: ЛИБРОКОМ, 2011. 258 с.

⁴ Фаломкина И. П. Действие принципа конкурентного исключения в рамках диалектной словообразовательной ниши с формантом - н/я/ // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 4-3 (52). С. 190–193.

каждого словообразовательного типа, входящего в словообразовательную нишу, формируется перечень базовых пропозиций, характерных для ниши в целом. Набор таких пропозиций определяется семантикой мотивирующей базы и семантической сферой функционирования самого форманта и создает особенность семантического рисунка словообразовательной ниши. Рассмотрение множественной мотивации в рамках словообразовательной ниши производных с доминированием дериватов с функциональным значением обосновано в работах Н. В. Гришиной, которая в качестве материала для исследования использует производные субстантивы с формантом *-ник/ница*¹. В случае, когда дериваты с такими формантами рассматриваются носителями русского языка как производные в равной степени и от глагола, и от глагольного существительного (например, *охотник: человек, который охотится и человек, который занимается охотой*), именно рассмотрение их в рамках словообразовательной ниши позволяет анализировать процессы полимотивации и множественной мотивации.

При определении ядерных/периферийных словообразовательных типов путем подсчета входящих в них лексем мы по умолчанию учитываем возможные различия при отнесении дериватов к тому или иному типу на основании частеречной принадлежности мотивирующей основы, тем значимее становится использование именно словообразовательной ниши в качестве единицы исследования словообразовательной системы русских говоров, позволяющей нивелировать значимость частеречной маркированности мотивирующего и актуализировать гносеологический вектор исследования словообразовательной ниши в целом.

Потенциальная значимость применения метода пропозиционально-семантического анализа именно на материале диалектных субстантивов с тождественным формантом в рамках словообразовательной ниши определяется новыми перспективами такого применения в самых разных отраслях научного знания.

Основная часть

Диалектный словообразовательный тип «Г + -уш/а» в рассматриваемой нами словообразовательной нише является ядерным, о чем свидетельствует количество дериватов: 385.

Грамматико-словообразовательное значение типа – «предмет (одуш., неод.) по действию». На уровне частного словообразовательного значения представлены:

- словообразовательно-характеризующее значение (СХЗ) «предмет (одуш., неод.), характеризуемый через действие»: 283 деривата;
- словообразовательно-функциональное значение (СФЗ) «предмет (одуш., неод.) по функционально значимому действию»: 102 деривата.

Такое количественное соотношение на уровне словообразовательно-характеризующего значения указывает на специфику полевого устройства словообразовательного типа «Г+уша/а», в котором на уровне уже словообразовательно-

¹ Гришина Н. В. О полимотивационных процессах в словообразовательных нишах с формантами *-ник* и *-ница/а* // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 4–3 (52). С. 152–155.

субкатегориального значения ядерной является группа имен лиц, характеризующихся через действие (263 деривата); вместе с тем, группа имен лиц по функционально значимому действию таким доминирующим характером не обладает – всего 17 дериватов. Подобный эффект полярности наблюдается и в группе имен натурфактов: если для ядерной группы имен натурфактов, характеризующихся через действие, количество дериватов составляет всего 1, то группа имен натурфактов по функционально значимому действию является ядерной – 39 дериватов. Группа имен артефактов отражает более сбалансированный состав дериватов, однако и здесь оппозиция характеризующего и функционального аспекта представлена достаточно ярко: имена артефактов, характеризующихся через действие, – 19 дериватов, имен артефактов по функционально значимому действию – 46 дериватов. Значимо, что при определении ядерности/периферийности групп имен лиц, артефактов и натурфактов мы берем в качестве критерия количественный показатель представленности дериватов на словообразовательно-субкатегориальном уровне, т. е. дифференцирующим основанием является соотношение «общее количество лексем в типе» к «количеству лексем в каждой группе имен лиц, натурфактов и артефактов». Такая количественная характеристика лексем свидетельствует о полевой организации групп имен, проявляющейся на уровне словообразовательно-субкатегориального значения. Это позволяет говорить о полевой организации словообразовательного типа как категории и детерминирует описание организации семантических зон на уровне словообразовательно-пропозиционального значения.

Диалектный словообразовательный тип «П + *-уш/а*» в рассматриваемой нами словообразовательной нише является периферийным, о чем свидетельствует количество дериватов: 149.

Грамматико-словообразовательное значение типа – «предмет (одуш., неод.) по признаку». На уровне частного словообразовательного значения представлены:

- словообразовательно-характеризующее значение (СХЗ) «предмет (одуш., неод.) по значимому характеризующему признаку»: 124 деривата;
- словообразовательно-функциональное значение (СФЗ) «предмет (одуш., неод.) по функционально значимому признаку»: 25 дериватов.

Диалектный словообразовательный тип «С + *-уш/а*» в рассматриваемой нами словообразовательной нише находится на крайней периферии, о чем свидетельствует количество дериватов: 24. В качестве мотивирующих в словообразовательном типе «Сущ + *-уш/а*» выступают существительные с общим значением «части тела»: *мозг, хвост, горло*; существительные, обозначающие предметы: *хохол, пар, мех, корень, пиво, под*; существительное, обозначающее абстрактное понятие: *морок*.

Столь немногочисленная представленность мотивирующих существительных связана с детерминантами

– экстралингвистического характера: процесс изменения государственного строя, переход общества в индустриальную эпоху развития неизменно влечет изменение словарного состава языка; многие предметы быта, орудия труда и т. д. исчезли из повседневной деятельности человека;

– лингвистического характера: конкуренция за сферу семантического влияния среди словообразовательных типов разных словообразовательных ниш достаточно

высока, более продуктивные, обладающие большим количеством пропозиций синонимичные типы вытесняют менее продуктивные.

В данном случае под «продуктивностью» мы подразумеваем эмпирическую продуктивность, о которой говорит М. Докулил, выделяя два вида продуктивности в словообразовании: системную и эмпирическую¹. Е. А. Земская, рассматривая понятия системной и эмпирической продуктивности словообразовательных типов, отмечает, что «эмпирической продуктивностью обладает словообразовательный тип, по образцу которого в языке определенной эпохи производятся новые слова. Чтобы решить, продуктивен или нет тот или иной тип в тот или иной период времени, следует установить, служит ли он в этот период образцом для производства новых слов»². В диссертационном исследовании «Внутренняя форма типа словообразовательного типа “С+ *-ин/а*”» на материале русских народных говоров А. В. Проскурина выделяет 23 пропозиции на уровне словообразовательно-пропозиционального значения: СПЗ «Артефакт – средство по объекту назначения», СПЗ «Артефакт – средство по функционально значимому месту», СПЗ «Артефакт – средство по функционально значимому результату», СПЗ «Артефакт – результат по функционально значимому средству», «Артефакт – результат по функционально значимому месту», «Артефакт – результат по способу воздействия объекта», «Артефакт – результат, характеризующийся через объект», «Артефакт – место по функционально значимому объекту», «Артефакт – место по функционально значимому времени» и т. д.³ Широкий спектр пропозиций подтверждает эмпирическую продуктивность словообразовательного типа «Существительное + *ин/а*» в рамках диалектной подсистемы русского национального языка (количественный показатель анализируемых дериватов: 1130).

Словообразовательный тип «Существительное + *-уш/а*» относится к эмпирически непродуктивным словообразовательным типам на основании количественного показателя дериватов (24) и пропозиций (6). Грамматико-словообразовательное значение типа – «предмет (одуш., неодуш.), имеющий отношение к предмету: собственно предмету, опредмеченному действию и признаку». На уровне частного словообразовательного значения представлены:

- словообразовательно-характеризующее значение (СХЗ) «предмет (одуш., неодуш.) по характеризующему предмету»: 18 дериватов;
- словообразовательно-функциональное значение (СФЗ) «предмет (одуш., неодуш.) по функционально значимому предмету: собственно предмету, опредмеченному действию, признаку»: 6 дериватов.

Мотивирующая база словообразовательной ниши с формантом *-уш/а* представлена лексикой разных частей речи. Семантическая классификация такого материала представляет собой сложный многоступенчатый процесс, обусловленный как спе-

¹ Докулил М. Словообразование слов в чешском языке. Прага, 1962. 263 с.

² Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. Москва: Флинта, 2012. С. 218.

³ Проскурина А. В. Внутренняя форма словообразовательного типа «с+*-ин(а)*» (на материале русских народных говоров): дис. ... канд. филол. наук. Кемерово: [б. и.], 2008. 268 с.

цифкой мотивационных связей с производным словом, так и с отсутствием единого подхода к такой классификации.

Диалектные дериваты словообразовательного типа «Г + -уш/а» мотивируются глаголами различных тематических групп. Одной из особенностей мотивирующей базы словообразовательного типа является наличие в ней глаголов, относящихся как к литературной, так и к диалектной подсистеме русского национального языка, в то время как производные, образованные от них при помощи форманта -уш/а, относятся только к диалектной подсистеме. Такая дифференциация мотивирующих глаголов говорит, с одной стороны, о диахроническом аспекте процесса вхождения диалектных дериватов в кодифицированную систему языка; с другой стороны, – о специфике функционирования самого форманта -уш/а, который в силу исторического развития языковой системы занял лакуну суффиксов, обслуживающих потребности диалектной подсистемы русского языка.

При определении мотивирующей базы дериватов необходимым условием является выделение семантических классов мотивирующих, однако сложность заключается в том, что семантическая классификация глаголов – вопрос дискуссионный, имеющий отношение как к самой природе глагола (большое количество категорий и форм), предполагающей широкий спектр исследовательских подходов к ее описанию; так и к отсутствию единой классификации глагольной лексики. Так, например, авторы «Толкового словаря русских глаголов: Идеографическое описание»¹ всю глагольную лексику делят на три большие денотативные сферы процессуально-событийного мира (действие и деятельность; бытие, состояние, качество; отношение), каждая из которых состоит из ЛСГ глаголов (около 150) и подгрупп. Базовые глаголы являются идентификаторами ЛСГ: так, например, выделяются ЛСГ «приготовление пищи» с прототипичным глаголом *варить*; ЛСГ «зрительное восприятие» – глаголом *смотреть*. Полипропозитивные мотивирующие глаголы, включающие набор пропозиций с актуализацией различных актантов (объект действия, место действия, результат действия, длительность действия и т. д.), в разной степени определяют лексико-словообразовательное значение девербативов: «словообразовательные значения фиксируют многие действия, ситуации, отражаемые лексическими значениями русских глаголов»; «но в целом деривационно-семантическое и лексико-семантическое пространства действия находятся в отношениях пересечения, обладая как общей, так и специфической частями»². Однако принцип семантической классификации глаголов составителей «Толкового словаря русских глаголов: Идеографическое описание» осуществляется на материале глаголов литературной подсистемы русского национального языка, значения которых кодифицированы и представлены в толковых словарях, что позволяет увидеть реализацию глагольных пропозиций в выделяемых лексико-семантических группах. Анализ семантической классификации

¹ Толковый словарь русских глаголов: свыше 10 000 глаголов. Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / под общей редакцией Л. Г. Бабенко. Москва: АСТ-ПРЕСС, 2007. 573 с.

² Денотативное пространство русского глагола / под редакцией Л. Г. Бабенко. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1998. С. 150.

диалектных глаголов с выделением ЛСГ не представляется возможным в силу отсутствия словарей именно диалектных глаголов, в существующих словарях диалектной лексики глагольные статьи порой содержат простое перечисление синонимического ряда без уточнения актантов; зачастую даже выделение лексического значения диалектного глагола представляется сложной задачей в силу затемнения его этимологии и процессов мотивации диалектоносителем.

Следующий подход к объединению базовых единиц, образующих производные одной тематической группы, определен в работах Л. А. Араевой¹, которая вслед за М. Н. Янценецкой² вводит понятие «мотивирующий класс слов», под которым понимает совокупность мотивирующих различной частеречной оформленности, находящихся в основе тематически объединенных производных. Набор типов номинации (действие, средство, место и др.) тематически объединенных предметов и явлений внеязыковой действительности, отраженный на языковом уровне в семантике мотивирующих, регламентирован одним из принципов номинации — функциональным либо определительным, что позволяет выделить два вида мотивирующих классов слов. Первый — объединяет лексические единицы, являющиеся исходными для производных с функциональной семантикой, второй — состоит из слов, образующих дериваты, которые называют явления и предметы внеязыковой действительности по онтологически присущим качествам, свойствам. Конкретная организация каждого из выделенных мотивирующих классов рассматривается на материале лексики, являющейся исходной для суффиксальных существительных с конкретной семантикой.

Однако такая классификация на материале диалектных дериватов не представляется возможной в силу специфики такого материала. Так, например, уже на начальном этапе классификации разделение мотивационных классов на функциональный и характеризующий тип сталкивается с полисемией мотивирующих глаголов, которые при соединении с формантом -уш/а образуют производные как с функциональным, так и с характеризующим значением: например, глагол *зыкать* образует производное со значением лица в функциональном аспекте (*зыкуша* в свадебном обряде — плакальщица (обычно старая дева), оплакивающая невесту за день до свадьбы); в характеризующем аспекте образуют производные со значением лица (*зыкуша* — «крикуша») и со значением натурфакта (*зыкуша* у охотников — «табуистическое наименование коровы»); глагол *потаскаться* образует производное со значением лица в характеризующем аспекте (*потаскуша* — «развратный шатун, шатунья; бранное; позаборница, шатунья; развратный, преданный плотской страсти человек») и со значением артефакта в функциональном (*потаскуша* — «тяжелый предмет, например, бревно, прикрепляемый к капкану, чтобы затруднить ход зверя»). Полисемия мотивирующих прилагательных также затрудняет процесс разделения мотивирую-

¹ Араева Л. А. Словообразовательный тип как основная комплексная единица дериватологии // Словообразовательная система говоров Кузбасса. Субстантив. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1992. С. 6–18.

² Янценецкая М. Н., Араева Л. А. Явление множественной мотивации в русском языке // Производное слово и способы его формирования: сборник научных трудов. Кемерово: Издательство Кемеровского государственного университета, 1990. С. 5–20.

щих классов на функциональный и характеризующий тип: прилагательное *горбатый* с формантом -уш/а образуют производные со значением лица в характеризующем аспекте (*горбуша* – «горбун, горбунья») и со значением артефакта в функциональном (*горбуша* – «коса»). Вместе с тем, классификация лексики, мотивирующей диалектные производные, важна для понимания процесса актуализации гносеологической и аксиологической парадигмы языковой картины мира в рамках словообразовательной ниши с формантом -уш/а, что предопределяет дальнейший поиск методов классификации материала.

Выводы

Выделение в мотивирующей базе ядерных и периферийных лексико-тематических объединений мотивирующих слов позволяет говорить как о полевым устройстве мотивирующего пространства словообразовательной ниши, так и об экстраполяции такого устройства на семантическую организацию производных слов типов, входящих в эту нишу. Так, на уровне словообразовательно-пропозиционального значения анализируемых словообразовательных типов нами выделяется как ядерная группа имен лиц в характеризующем аспекте, которая на следующем уровне словообразовательного значения, лексико-семантическом, образует ядерные группы имен лиц по ведущей форме деятельности и говорения. Очевидная корреляция между лексико-тематическими объединениями мотивирующих слов и лексико-семантическими значениями производных слов приобретает особое значение в аспекте анализа сферы функционирования мотивирующих и производных: как уже было отмечено нами выше, большая часть мотивирующих относится к литературной, кодифицированной сфере языка, тогда как большая же часть производных слов анализируемых словообразовательных типов принадлежит к диалектной подсистеме русского национального языка. Таким образом, формируется потребность рассмотрения не только мотивирующей базы производных слов, но и функциональной принадлежности самого форманта -уш/а. Реализация такого рассмотрения анализируемого диалектного материала представляется более актуальной в аспекте уже лингвоаксиологическом, что детерминировано аксиологической окрашенностью производных слов ядерных групп на уровне словообразовательно-пропозиционального значения всех трех словообразовательных типов, входящих в словообразовательную нишу с формантом -уш/а.

Список источников

Араева Л. А. Раздел «словообразование» в «русской грамматике 4.0» с позиции пропозиционально-фреймового моделирования (из опыта работы Кемеровской дериватологической школы) // Русский язык за рубежом. Москва: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2016. С. 73–77.

Араева Л. А. Словообразовательный тип как основная комплексная единица дериватологии // Словообразовательная система говоров Кузбасса. Субстантив. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1992. С. 6–18.

Араева Л. А. Словообразовательный тип. Москва: RSS; Либроком, 2009. 268 с.

Гришина Н. В. О полимотивационных процессах в словообразовательных нишах с формантами -ник и -ниц/а/ // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 4-3 (52). С. 152–155.

Докулил М. Словообразование слов в чешском языке. Прага, 1962. 263 с.

Ковалева Т. В. Производные с -атор/-тор в деривационной системе русского языка: когнитивный аспект: дис. ... канд. филол. наук. Кемерово: [б. и.], 2004. 190 с.

Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 555 с.

Резанова З. И. Функциональный аспект словообразования: русское производное имя. Томск: Издательство Томского университета, 1996. 219 с.

Толковый словарь русских глаголов: свыше 10 000 глаголов. Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / под общей редакцией Л. Г. Бабенко. Москва: АСТ-ПРЕСС, 2007. 573 с.

Фаломкина И. П. Действие принципа конкурентного исключения в рамках диалектной словообразовательной ниши с формантом – н/я/ // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 4-3 (52). С. 190–193.

Янценецкая М. Н. Пропозициональный аспект словообразования (обзор работ сибирских диалектологов) // Актуальные проблемы региональной лингвистики и истории Сибири: материалы Всесоюзной научной конференции «Говоры и разговорная речь». Кемерово: Кемеровский государственный университет, 1992. С. 4–33.

Янценецкая М. Н., Араева Л. А. Явление множественной мотивации в русском языке // Производное слово и способы его формирования: сборник научных трудов. Кемерово: Издательство Кемеровского государственного университета, 1990. С. 5–20.

References

Araeva L. A. Razdel «slovoobrazovanie» v «russkoi grammatike 4.0» s pozitsii propozitsional'no freimovogo modelirovaniia (iz opyta raboty Kemerovskoi derivatologicheskoi shkoly) [The section "word formation" in "Russian grammar 4.0" from the perspective of propositional frame modeling (from the experience of the Kemerovo School of Derivatology)]. *Russkii iazyk za rubezhom* [Russian language abroad]. Moscow: Gosudarstvennyi institut russkogo iazyka im. A. S. Pushkina, 2016, pp. 73–77.

Araeva L. A. *Slovoobrazovatel'nyi tip* [Word-formation type]. Moscow: RSS; Librokom, 2009. 268 p.

Araeva L. A. Slovoobrazovatel'nyi tip kak osnovnaia kompleksnaia edinita derivatologii [Word-formation type as the main complex unit of derivatology]. *Slovoobrazovatel'naia sistema govorov Kuzbassa. Substantiv* [The word-formation system of Kuzbass dialects. Substantive]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1992, pp. 6–18.

Dokulil M. *Slovoobrazovanie slov v cheshskom iazyke* [Formation of words in the Czech language]. Praha, 1962. 263 p.

Falomkina I. P. Deistvie printsipa konkurentnogo iskliucheniia v ramkakh dialektnoi slovoobrazovatel'noi nishi s formantom – н/я/ [The principle of competitive exclusion in the framework of the dialect word-formation niche with the Russian formant – n/a/]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], 2012, no. 4-3 (52), pp. 190–193.

Grishina N. V. O polimotivatsionnykh protsessakh v slovoobrazovatel'nykh nishakh s formantami -nik i -nits/a/ [About polymotivation processes in word-formation niches with formants -nic and -nic/a/]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], 2012, no. 4-3 (52), pp. 152–155.

Iantsenetskaia M. N. Propozitsional'nyi aspekt slovoobrazovaniia (obzor rabot sibirskikh dialektologov) [Propositional aspect of word formation (review of the works of Siberian dialectologists)]. *Aktual'nye problemy regional'noi lingvistiki i istorii Sibiri: materialy Vsesoiuznoi nauchnoi konferentsii «Govory i razgovornaia rech'»* [Topical issues of regional linguistics and the history of Siberia: Proceedings of the All-Union Scientific Conference "Dialects and Colloquial Speech"]. Kemerovo: KGU, 1992, pp. 4–33.

Iantsenetskaia M. N., Araeva L. A. Iavlenie mnozhestvennoi motivatsii v russkom iazyke [The phenomenon of multiple motivation in the Russian language]. *Proizvodnoe slovo i sposoby ego formirovaniia* [A derivative word and its word-formation types: Collection of research papers]. Kemerovo: Izdatel'stvo Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta, 1990, pp. 5–20.

Kovaleva T. V. *Proizvodnye s -ator/-tor v derivatsionnoi sisteme russkogo iazyka: kognitivnyi aspekt* [Derivatives with -ator/-tor in the derivational system of the Russian language: cognitive aspect: Cand. thesis in Philological Sciences]. Kemerovo, 2004. 190 p.

Kubriakova E. S. *Iazyk i znanie: na puti polucheniia znaniia o iazyke: chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniia. Rol' iazyka v poznanii mira* [Language and knowledge: towards acquiring the knowledge about language: parts of speech from the cognitive point of view. The role of language in the world cognition]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2004. 555 p.

Rezanova Z. I. *Funktsional'nyi aspekt slovoobrazovaniia: russkoe proizvodnoe imia* [Functional aspect of word formation: Russian derived name]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 1996. 219 p.

Tolkovyi slovar' russkikh glagolov: svyshe 10 000 glagolov. Ideograficheskoe opisaniie. Sinonimy. Antonimy. Angliiskie ekvivalenty [Explanatory dictionary of Russian verbs: over 10,000 verbs. Ideographic description. Synonyms. Antonyms. English equivalents]. Moscow: AST-PRESS, 2007. 573 p.

Сведения об авторах

Павел Алексеевич Катышев – доктор филологических наук, профессор; <https://orcid.org/0000-0002-2492-6495>, katpa@rambler.ru, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (д. 6, ул. Академика Волгина, 117485 Москва, Россия); **Pavel A. Katyshev** – Doctor of Philological Sciences, Professor; <https://orcid.org/0000-0002-2492-6495>, katpa@rambler.ru, Pushkin State Russian Language Institute (6, ul. Akademika Volgina, 117485 Moscow, Russia).

Анастасия Александровна Лушпей – старший преподаватель, аспирант; <https://orcid.org/0000-0002-8418-0453>, ana1534@ya.ru, Кемеровский государственный институт культуры (д. 17, ул. Ворошилова, 650056 Кемерово, Россия); **Anastasia A. Lushpey** – Senior Lecturer, Postgraduate Student; <https://orcid.org/0000-0002-8418-0453>, ana1534@ya.ru, Kemerovo State Institute of Culture (17, ul. Voroshilova, 650056, Kemerovo, Russia).

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.03.2023; одобрена после рецензирования 04.04.2023; принята к публикации 10.04.2023.

The article was submitted 09.03.2023; Approved after reviewing 04.04.2023; Accepted for publication 10.04.2023.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2023. № 4 (115). С. 116–130.
Cherepovets State University Bulletin, 2023, no. 4 (115), pp. 116–130.

Научная статья

УДК 81'28

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-4-115-10>

EDN: DFPBUZ

**Сопоставительный анализ классов существительных с обстоятельственным значением
времени в тексте русской народной лирической песни и диалектной речи**

Татьяна Моисеевна Малаыхина^{1✉}, Алевтина Викторовна Кузьмина²

^{1,2}Курский государственный университет,
Курск, Россия

^{1✉}etnolingv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2350-9702>

²alevtina-kuzmina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7732-1919>

Аннотация. В данной статье анализируется семантика и структура обстоятельств времени в народной лирике и диалектной речи. В этой связи рассматриваются лексические классы существительных, выступающие в предложно-именных и беспредложно-именных группах со значением времени. Авторами выделяются явления, общие в использовании восьми номинативных групп с обстоятельственными функциями времени в народной лирике и диалектной речи, и специфические черты, обусловленные обработкой фольклорно-языкового строя под эстетическим углом зрения и своеобразием этой обработки; определяется роль обстоятельств времени в формировании художественной структуры песенно-стихотворного и диалектного текста.

Ключевые слова: фольклор, русская народная лирическая песня, диалект, обстоятельство времени

Для цитирования: Малаыхина Т. М., Кузьмина А. В. Сопоставительный анализ классов существительных с обстоятельственным значением времени в тексте русской народной лирической песни и диалектной речи // Вестник Череповецкого государственного университета. 2023. № 4 (115). С. 116–130. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-4-115-10>.

**Comparative analysis of noun classes with the adverbial meaning of time in the text of Russian
folk lyrical songs and dialect speech**

Tatyana M. Malykhina^{1✉}, Alevtina V. Kuzmina²

^{1,2}Kursk State University,
Kursk, Russia

^{1✉}etnolingv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2350-9702>

²alevtina-kuzmina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7732-1919>

Abstract. This article analyzes the semantics and structure of the time circumstances in folk lyrics and dialect speech. In this regard, the lexical classes of nouns that appear in prepositional-nominal and non-prepositional-nominal groups with the meaning of time are considered, because the choice of one or another case form often depends on the lexical class of words. The authors single out

phenomena that are common in the use of eight prepositional-nominal and non-prepositional-nominal groups with adverbial functions of time in folk lyrics and dialect speech, and specific features due to the processing of the folklore-linguistic system from an aesthetic point of view and the originality of this processing; the role of the circumstances of time in the formation of the artistic structure of the song-poetry and dialect text is determined.

Keywords: folklore, Russian folk lyrical song, dialect, circumstance of time

For citation: Malykhina T. M., Kuzmina A. V. Comparative analysis of noun classes with the adverbial meaning of time in the text of Russian folk lyrical songs and dialect speech. *Cherepovets State University Bulletin*, 2023, no. 4 (115), pp. 116–130 (In Rus.). <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-4-115-10>.

Введение

Каждая научная дисциплина имеет специфический для нее репертуар категорий, наряду с которыми возникают некоторые из них, функционирующие на стыке нескольких наук. Так, категория времени является предметом рассмотрения не только в философии, логике, в ряде естественных наук (физике, биологии, химии и др.), но и в лингвистике. Специфическими свойствами времени является его текучесть, одномерность, необратимость. Интересно, что в лингвистике речь идет не о реальном, объективном времени, а о тех грамматических и лексических значениях времени, которые выражаются различными языковыми средствами.

Средствами выражения обстоятельств времени в русском языке могут являться: 1) предложно-именные и беспредложно-именные группы с обстоятельственным значением времени; 2) наречия, обозначающие время действия.

Цель нашей работы – исследовать классы существительных, выступающие в именных группах со значением времени, в народной лирике и диалектной речи, провести их сравнительный анализ с точки зрения семантики и структуры.

Основная часть

Материалы и методы

Сложность и многоаспектность объекта и предмета исследования ставят вопрос выбора наиболее эффективных методов, методик и приемов его изучения. Определение состава обстоятельств времени, выявление их структурных особенностей потребовало привлечения методов валентностного и дистрибутивного анализа. Выявлению специфики использования изучаемых временных конструкций в народной лирике способствовал сопоставительный метод. Определение семантики обстоятельств времени потребовало методики компонентного анализа.

Источниками исследования послужили опубликованные собрания русской народной лирики. Основу нашей работы составили песенные тексты в записях XIX–XX вв.¹

¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955–1956; Песни, собранные П. В. Киреевским: в 2 вып. Москва: Новая серия, 1917–1929; Киреевский П. В. Собрание народных песен. URL: https://royallib.com/book/kireevskiy_petr/sobranie_narodnih_pesen.html (дата обращения: 10.02.2023); Мельниченко Г. Г. Хрестоматия по русской диалектологии.

Результаты

Предложно-именные и беспредложно-именные группы, выражающие временные отношения, характеризуются ограниченным лексическим составом. Исследователи конкретного лексического материала, которые изучали судьбу отдельных слов и различных классов слов, всегда приходили к выводу о том, что в лексике существуют определенные виды взаимодействия, «притяжения и отталкивания между составляющими ее единицами», т. е. к пониманию известной системности лексики¹. Общепринятым можно считать следующее определение лексико-семантической системы: «... вся область смысловых отношений лексических единиц, своеобразие типов их группировок и характер взаимодействия их друг с другом (лексическая парадигма) и с элементами других подсистем языка, условия и формы языкового выражения результатов семантического варьирования словесных знаков (лексическая синтагматика)². Одним из первых лингвистов, отметивших «внутренний» и «внешний» аспекты системных свойств языка, был Л. В. Щерба³. Внутренней семантической структуре слова посвящены работы В. В. Виноградова⁴, Р. А. Будагова⁵, Д. Н. Шмелева⁶. Исследование системных связей внутри отдельных лексико-семантических классов (групп), семантических полей (микролингвистический подход) посвящены работы Ю. Д. Апресяна⁷, Г. С. Щура⁸ и др. Анализ таких небольших конкретных лексических классов ведет к будущему четкому и обоснованному описанию организации лексической макросистемы.

Вопрос о лексическом наполнении падежных форм впервые был поставлен в работах Т. П. Ломтева, который показал зависимость выбора той или иной падежной формы от лексического класса слов и определил, что изучение лексики с точки зрения вхождения слова соответствующих классов в состав предложения с определенными моделями – задача не лексикологии, а синтаксиса⁹. Т. П. Ломтев ввел понятие класса, под которым понимал группу слов, принадлежащих к одной части речи и имеющих следующие признаки:

Москва: Просвещение, 1985. 192 с.; Русские народные песни Карельского Поморья. Ленинград: Наука, 1971. 282 с.; Собинникова В. И. Простое предложение в русских народных говорах. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 1961. 297 с.

¹ Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Москва: Просвещение, 1977. С. 184.

² Общее языкознание: внутренняя структура языка / ответственный редактор Б. А. Серебренников. Москва: Наука, 1972. 564 с.

³ Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. Москва: Учпедгиз, 1957. С. 113–129.

⁴ Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. Москва: Высшая школа, 1972. 613 с.

⁵ Будагов Р. А. Многозначность слова // Филологические науки. 1958. № 1. С. 5–18.

⁶ Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. Москва: Просвещение, 1972. 279 с.

⁷ Апресян Ю. Д. Дистрибутивный анализ и структурные семантические поля // Лексикографический сборник, 1962. Вып. 5. С. 52–72.

⁸ Щур Г. С. Теория поля в лингвистике. Москва: Наука, 1974. 254 с.

⁹ Ломтев Т. П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. Москва: Издательство Московского государственного университета, 1956. 336 с.

- 1) определенную семантическую общность;
- 2) единство форм употребления.

Объектом специального анализа лексика со значением времени стала в работах М. В. Всеволодовой¹, Н. А. Потаенко². Анализируя лексический состав именных групп с обстоятельственным значением времени, М. В. Всеволодова показала, что существительные в них образуют определенные семантически однородные классы, под которыми понимаются семантически однородные слова внутри части речи, участвующие в выражении данной лексико-грамматической, синтаксической категории (в данном случае в выражении значений временных отношений) и характеризующиеся способностью употребляться или не употребляться в определенных словоформах при определенных условиях, вступать или не вступать в сочетания с определенными классами слов других частей речи³.

Обсуждение результатов

Наиболее благодарный материал для изучения обстоятельств времени в устной народной поэзии предоставляет в распоряжение исследователя русская народная лирическая песня как наименее условный и наиболее жизненный в традиционном фольклоре жанр⁴. Отметим, что исследованию фольклорного материала посвящено значительное количество научных работ русских лингвистов⁵.

¹ Всеволодова М. В. Временные конструкции современного польского языка (прямое время) // Исследования по польскому языку. Москва: Издательство Московского государственного университета, 1969. 165 с.; Всеволодова М. В. О семантическом согласовании глаголов и именных темпоральных распространителей // Вопросы языкознания. 1979. № 1. С. 103–113; Всеволодова М. В. Способы выражения временных отношений в современном русском языке. Москва: Издательство Московского государственного университета, 1981. 283 с.

² Потаенко Н. А. Темпоральная лексика как объект лингвистического изучения // Известия АН СССР. Серия: Литература и язык. 1979. № 3. С. 242–248.

³ Всеволодова М. В. Способы выражения временных отношений в современном русском языке. Москва: Издательство Московского государственного университета, 1981. С. 27–28.

⁴ Артеменко Е. Б. Русская народная лирическая песня, ее мелодика, поэтический строй, синтаксические явления: монография. Воронеж: Воронежский педагогический институт, 1974. 87 с.; Артеменко Е. Б. Синтаксический строй русской народной лирической песни в аспекте ее художественной организации: монография. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1977. 159 с.; Артеменко Е. Б. Принципы народно-песенного текстообразования: монография. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1988. 174 с.; Климас И. С. Репрезентация лексем кластера «религия» в северных фольклорных песнях из свода А.И. Соболевского // Кубанские научные беседы: этнокультурный аспект: материалы конференции. Курск: Издательство Курского государственного технического университета, 1998. С. 28–30; Хроленко А. Т. Семантика фольклорного слова: монография. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1992. 140 с.

⁵ Бобунова М. А. О путях выявления региональной специфики языка фольклора // Слово и текст в культурном сознании эпохи: материалы IV Всероссийской научно-методической конференции (Вологда, 8–9 ноября 2012 года): сборник научных трудов. Вологда: Легия, 2012. С. 173–177; Бобунова М. А., Хроленко А. Т. Конкорданс русской народной песни: песни Курской губернии. Курск: Издательство Курского государственного технического университета, 2007. 258 с.; Климас И. С. Репрезентация лексем кластера «религия» в северных фольклорных песнях из свода А.И. Соболевского // Кубанские научные беседы: этнокультурный аспект:

Анализ народной лирики позволил выделить 8 лексико-семантических классов существительных, выступающих в именных группах со значением времени.

1. Названия временных единиц: *век; год, годок, гадо́к, годик, годочек, годочик; день, денек, денечек; месяц; минута, минуточка; неделя, неделька, неделюшка; сутки, суточки; час, часок, часочик:*

<i>Первый-то годо́чик млада в горе про- жила,</i>	<i>Ее братья вазлиляли, возлилявши замуж отдали;</i>
<i>Другой-то годо́чик сиротою прослыла,</i>	<i>Они думали: за боярина, на места та- во – за мирянина;</i>
<i>В третий-то годо́чик не гулливая была,</i>	<i>Они год жили, другой жили, на тре- тий гадо́к расставались².</i>
<i>В четвертый годо́чик малы детушки пошли¹.</i>	
<i>Я пришел к вам не на долго На один я на денечек,</i>	<i>Мой миленький на другой ли старане, Проситца миленький на минуточку ко мне⁴.</i>
<i>Что на единый на часочек!³</i>	

В русской народной лирической песне слово *век* – это не столетие, а какой-то неопределенный длительный период времени:

<i>Положила косыньку поперх головы: Тут тебе, косынька, и век вековать, Век вековать и конца не видать!⁵</i>	<i>А мы поем славу Борисову, Борисову славу и Глебову, Во веки веков, аминь⁶.</i>
---	---

материалы конференции. Курск: Издательство Курского государственного технического университета, 1998. С. 28–30; Климас И. С., Праведников С. П. Ворота в курском фольклоре // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2021. № 1 (3). С. 16–19. URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/4261/ (дата обращения: 10.02.2022); Кузьмина А. В. Фольклорные мотивы в творчестве П. И. Карпова // Лингвофольклористика. 2013. № 20. С. 76–81; Малыгина Т. М., Кузьмина А. В., Писарева Л. Е. Названия периодов по церковному календарю в тексте русской народной лирической песни // Лингвофольклористика. 2022. № 55. С. 33–42; Праведников С. П. О частушках курского региона: из записных книжек участника фольклорных экспедиций // Частушки Курского края. Курск: Издательство Курского государственного технического университета, 2021. С. 5–22; Хроленко А. Т. К вопросу об использовании паратактических конструкций в русской народной лирической песне // Лингвофольклористика. 2022. № 36. С. 82–94; Хроленко А. Т. Поэтическая фразеология русской народной лирической песни. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1981. 163 с.

¹ Киреевский П. В. Собрание народных песен. URL: https://royallib.com/book/kireevskiy_petr/sobranie_narodnih_pesen.html (дата обращения: 10.02.2023).

² Там же.

³ Там же. № 2974.

⁴ Там же. № 2267.

⁵ Киреевский П. В. Собрание народных песен. URL: https://royallib.com/book/kireevskiy_petr/sobranie_narodnih_pesen.html (дата обращения: 10.02.2023).

⁶ Там же.

Существительное *месяц* употребляется только в сочетании с названием определенного месяца:

*Что при марте при месяце,
При Прасковьином вечере...
Отставала Прасковьюшка
От своего рода-племени¹.*

*В сентябре первом месяце,
При девичьем было вечере...
На ковре, на красном золоте...
Иван чесал кудри².*

2. Названия частей суток.

Этот класс слов включает в себя два подкласса:

а) названия основных частей суток: *вечер, вечерок, вечерничек; день, денек; ночь, ночка, ночунька, ночушка, ноченька; утро:*

*Что при **вечере, вечерничке**...
Прилетал млад ясен сокол³.*

*Сказали про девицу
Напраслину небылицу,
Будто я, девка, гуляла,
Все **ночуньку** не спала⁴.*

б) названия частей суток по положению солнца, луны: *восход; закат; заря, зоря, зорюшка, зорька, зоринька; полдень; полночь, полуночь; свет; солнце; сумерки:*

*Плачет, плачет красна девица
На восходе ясной зорюшки⁵.
Да уж ты спи-ко, жена, высыпайся, молод-
да,
Да **до белого света, до красного солнца**⁷.*

***На заре** было на зориньке...
Жена мужа патерила⁶.
– Не губи же ты меня, муж, со вечера.
Погуби со полуночи,
Когда детушки спать улягутся⁸.*

3. Названия времен года: *весна; зима, зимушка, зимовочка; лето, летечко, лети-
ко; осень:*

*Не ждала бы **во все летечко** домой,
Во все летечко, до самой до зимы⁹.*

*Он остался, мой миленькой, хорошенькой,
Зимовочку, зимушку зимовать¹⁰.*

¹ Песни, собранные П.В. Киреевским. Москва: Новая серия, 1917–1929. № 43.

² Там же. № 59.

³ Песни, собранные П.В. Киреевским. Москва: Новая серия, 1917–1929. № 206.

⁴ Там же. № 2203.

⁵ Там же. № 1314.

⁶ Киреевский П. В. Собрание народных песен. URL: https://royallib.com/book/kireevskiy_petr/sobranie_narodnih_pesen.html (дата обращения: 10.02.2023).

⁷ Русские народные песни Карельского Поморья. Ленинград: Наука, 1971. № 127.

⁸ Киреевский П. В. Собрание народных песен. URL: https://royallib.com/book/kireevskiy_petr/sobranie_narodnih_pesen.html (дата обращения: 10.02.2023).

⁹ Песни, собранные П. В. Киреевским. Москва: Новая серия, 1917–1929. № 1272.

¹⁰ Русские народные песни Карельского Поморья. Ленинград: Наука, 1971. № 132.

4. Названия дней недели: *понедельник, панидельничек, вторник, вторничек, среда, четверг, четверток, пятница, пяток, суббота, воскресенье, воскресеньце*:

*В понедельник у банюшку топила,
А во вторник я в баню проходила,
И я в среду с угару пролежала,
А в четверг буйну голову чесала,*

*А в пятницу добрыя жены не пряли,
А в субботу на родителей ходила,
В воскресенье на веселье прогуляла¹.*

5. Названия месяцев.

Обстоятельства времени в проанализированном нами материале представлены только двумя названиями месяцев: *сентябрь* и *март*, причем только в сочетании со словом *месяц*:

*В сентябре, во первом месяце,
Во палате белокаменной...
Иван чесал кудри².*

*Что при марте при месяце...
Отставала Прасковьюшка
От своего рода-племени³.*

6. Из названий периодов по церковному календарю в тексте русской народной лирической песни нами отмечены следующие слова и сочетания слов: *вознесенье, воскресенье; масленица; Никола, Микола; Петров денек, Петровочки; Покров; радунца; Рождество; Троица* (об этом подробнее⁴): – *Уж вы, молодые горы, надевай-те бело вы платье, / Уж у нас заутра на праздник на Миколу / С турками штурм будет!*⁵

7. Слова, имеющие косвенное указание на время: *девичник, девишничек; лучина, лучинушка; праздники, празднички; роса; смерть*:

*Ты носи, жена, наблюдай,
Да по праздникам обувай⁶.*

*Утренней росой шла Машенька из садоchку,
В руках несла два веночка⁷.*

8. В тексте русской народной лирической песни отмечены существительные, обозначающие неопределенные отрезки времени: *время, времечко, времьюшко, пора*, конкретное значение которых выявляется в контексте:

¹ Песни, собранные П. В. Киреевским. Москва: Новая серия, 1917–1929. № 1567.

² Там же. № 15.

³ Там же. № 43.

⁴ Малыхина Т. М., Кузьмина А. В., Писарева Л. Е. Названия периодов по церковному календарю в тексте русской народной лирической песни // Лингвофольклористика. 2022. № 55. С. 33–42.

⁵ Киреевский П. В. Собрание народных песен. URL: https://royallib.com/book/kireevskiy_petr/sobranie_narodnih_pesen.html (дата обращения: 10.02.2023).

⁶ Песни, собранные П. В. Киреевским. Москва: Новая серия, 1917–1929. № 2036.

⁷ Там же. № 1393.

Ходи, Ванюшка, **порою**, вечернюю зарею,
Когда зорюшка потухнет, все люди при-
уснут¹.

Не во **времечко** белы снежки выпали
Не во **времечко** – *среди теплого летеч-*
ка,
На самый Петров денек!²

В народной лирике несколько особняком стоит слово *число*, встречающееся очень редко и употребляющееся при обозначении даты, в этом случае оно выступает заменителем слова *день*: *С того-ли со числа / Стала улица грязна, / Нам гулять с Сашей нельзя!*³

Эффективный анализ специфики лексико-семантических классов существительных со значением времени в тексте народной лирической песни предполагает сопоставление их с аналогичным материалом диалектной речи. В говорах нами выделены 8 лексико-семантических классов существительных, выступающих в именных группах со значением времени. Они полностью совпадают с классами в народной лирике.

1. Названия временных единиц и их частей: *век; год; день, денек; месяц; минута; неделя, неделя, неделька; полгода; полчас; сутки; час*: *Сосватают, так **недилью** свадьбы-то нет, эту **недилью** воешь, дефки ходят с писнями, а ты **фстречаешь**, воешь*⁴ [Мельниченко 1985: 69]; *Мы вас вчера уж весь **денек** прочали*⁵.

Слово *век* в диалектной речи, как и в народной лирике, – это не столетие, а ‘очень длительное время’: *С добрым житьем своей волей не **разлучаешься**. Чаяла **на век** **разлучиться**, ан через год **встреча***⁶. Но, кроме указанного значения, существительное *век* в говорах имеет еще значение ‘всю жизнь’: *Пробаламутничала **век***⁷.

В диалектной речи, в отличие от текстов русской народной лирической песни, слово *час* в некоторых примерах имеет значение: а) ‘когда-нибудь’: *Не **раззадоривай** собаки: она **часом** попомнит тебе*⁸; б) ‘теперь, не медля’: *Он **часом** был тут*⁹; в) ‘не вовремя’: *Не **в час** пришел*¹⁰.

¹ Песни, собранные П. В. Киреевским. Москва: Новая серия, 1917–1929. № 2036. № 1367.

² Там же. № 1772.

³ Там же. № 2116.

⁴ Мельниченко Г. Г. Хрестоматия по русской диалектологии. Москва: Просвещение, 1985. С. 69.

⁵ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. Т. 3. С. 526.

⁶ Там же. Т. 4. С. 33.

⁷ Там же. Т. 1. С. 41.

⁸ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. Т. 4. С. 31.

⁹ Там же. Т. 3. С. 584.

¹⁰ Там же. Т. 4. С. 583.

Существительное *месяц* в диалектной речи, в отличие от песенно-стихотворных текстов, зафиксировано без сочетания с названием определенного месяца: *Все болел, с месяц перемогался, насилиу перемогся*¹.

2. Названия частей суток:

Этот класс слов в диалектной речи, так же как в народной лирике, включает в себя два подкласса:

а) названия основных частей суток: *вечер, вечерок; день; канун; ночь, ноченька, переночье; поздень, утро: Она все переночье промаялась*²; *Поздедем пришел*.

б) названия частей суток по положению солнца, луны: *восход; закат; заря, зорька, зоренька; перетемки, перетемочки; полдень, полудень, полуденок; полнолуние; полночь, полуночь; поранок; рассвет, разсвет; свет; сумерки: Полуденком до места доедем*³; *Не ходи перетемочками*⁴.

3. Названия времен года: *весна; зима; лето; осень: Речка удорчива, по веснам яры подмывает*⁵; *А мы же раньше все дома ткали, лето работаем, а зиму сидим*⁶.

4. Названия дней недели: *понедельник; вторник; среда, середа; четверг, четверток; пятницу, пяток; суббота; воскресенье: Чихнет в понедельник натоцак – к подарку, во вторник – к приезжам, в среду – к вестям, в четверток – к похвале, в пятницу – к свиданью, в субботу – к исполнению желаний, в воскресенье – к гостям*⁷.

5. Названия месяцев: *январь, Васильев-месяц, перелом зимы, просинец, сечень; февраль, бокогрей, лютый, широкия-дороги; март, березозоль, мартобрь; апрель; май; июнь; июль, грозник, липец; август; сентябрь; октябрь, грудень, грязник, зазимье, листопад, паздерник, свадебник; ноябрь, грудень, листопад; декабрь: Это будет в мартобре, будет третьего мартобря*⁸; *Мни и топчи льны с половины грязника*⁹.

6. Названия периодов по церковному календарю: *Благовещенье, Богоявление, Второй Спас, Егорьев-день, Зачатие, Ильин-день, Иоанново Рожденье, Коледа, Мартынов-день, Николин-день, Пасха, Первый Спас, Петров-день, Покров, Рождество, Светлое Воскресенье, Семен-день, Сретенье, Троица, Юрьев-день и др.: От*

¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. Т. 3. С. 68.

² Там же. Т. 3. С. 71.

³ Там же. Т. 3. С. 251.

⁴ Там же. Т. 3. С. 90.

⁵ Там же. Т. 4. С. 473.

⁶ Мельниченко Г. Г. Хрестоматия по русской диалектологии. Москва: Просвещение, 1985. С. 25.

⁷ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. Т. 3. С. 286.

⁸ Там же. Т. 2. С. 301.

⁹ Там же. Т. 2. С. 669.

*Троицы до Успенья хороводов не водят*¹; *Весной коло Петрова дни отступают, фсю дорогу избили*².

7. Неопределенные отрезки времени: *время, пора: Иму ф ту пору цына была большая, вазили с поля на быках в арбах, машин-та мала было*³; *Пявунья, плясунья была-та я ф сваю времю*⁴.

8. Слова, имеющие косвенное указание на время: *вакувация, вечерня, война, дождь, жара, жызнъ, назимки, обед, память, праздник, прахлат, работа, свадьба, утренья (заутренья), холод* и др., сюда же относится фразеологизм *куриный шаг (ступня, перен. час): В вакувацию не уняли ее; За работой знам не слыхала; При маеи памяти двароф шыисят было; Ф прахлат убирають, в жару ляжать*⁵; *На Васильев вечер дня прибывает на куриный шаг (на час)*⁶.

Выводы

Рассмотрев лексико-семантические классы существительных, которые выступают в именных группах с обстоятельственным значением времени в текстах русской народной лирической песни и диалектной речи, можно сделать определенные выводы:

1. Во всех реализациях общезыковой системы классы существительных, выступающие в предложно-именных и беспредложно-именных группах с обстоятельственным значением времени, в основном совпадают.

Общими являются следующие классы слов: названия временных единиц, названия неопределенных отрезков времени, названия частей суток, времен года, дней недели, месяцев, названия периодов по церковному календарю, слова, имеющие косвенное указание на время.

2. Если говорить о тех классах существительных, которые совпадают в народно-песенной лирике и диалектной речи, то можно отметить, что наряду с определенным сходством (корни слов – общие для всех двух форм языка), есть существенные различия в их лексическом наполнении. Не все существительные, отмеченные нами в народной лирике, зафиксированы в диалектной речи, и наоборот. Это прежде всего касается слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами, которые в большом количестве представлены в текстах лирических песен (*часочек, суточки, неделюшка, годочек, ноченька, ночушка, зорюшка, зоринька, летечко, зимушка, зимовочка, панидельничек, воскресеньице* и др.) и которые ограниченно представлены в диалектной речи. Наши наблюдения в этом плане подтверждают вывод И. А. Осовецкого о том,

¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4. С. 432.

² Мельниченко Г. Г. Хрестоматия по русской диалектологии. Москва: Просвещение, 1985. С. 24.

³ Там же. С. 121.

⁴ Баранникова Л. И., Бондалетов В. Д. Сборник упражнений по русской диалектологии. Москва: Высшая школа, 1980. С. 139.

⁵ Собинникова В.И. Простое предложение в русских народных говорах. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1961. С. 225–228.

⁶ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. Т. 4. С. 678.

что «...народная песня пользуется экспрессивными суффиксами как средством для создания определенного колорита, настроения. В этом случае суффикс как бы отрывается от слова, обозначающего именно тот предмет, к которому относятся с соответствующей экспрессией, и проникает в те слова, которые имеют отношение к объекту эмоции, но которые сами по себе не могут вызвать к себе никакого оценочного отношения. Народная песня всегда конкретна, ее персонажи находятся в тесной связи с окружающей действительностью, внутренние переживания персонажей проецируются вовне. Конкретность мысли требует того, чтобы экспрессивное отношение к персонажу песни выражалось эмоционально-суффиксальным образованием не только слова-названия персонажа, но и других слов, обозначающих предметы, которые имеют отношение к персонажу... Художественная литература тоже пользуется экспрессивными суффиксами как одним из выразительных средств, но в более ограниченных размерах. В народной же поэзии такое использование экспрессивных суффиксов – один из основных художественных приемов»¹.

В народно-песенной лирике, в отличие от диалектной речи, ограниченно представлены названия месяцев (*сентябрь, март*) и названия периодов по церковному календарю (*Петров-денек, Петровочки, Покров, Рождество, масленица, радуница* и др.).

В говорах зафиксировано много собственно диалектных слов, которые не отмечены в текстах народных песен (*полувечер, переночье, поранок, поздень, грязник, сечень, просинец, липец, грудень, полуденок, перетемки* и др.).

3. В диалектной речи некоторые слова по своему значению отличаются от тех же слов, отмеченных в текстах народных песен. Так, слово *час* в говорах, в отличие от народной лирики, кроме значений ‘шестьдесят минут’, ‘когда-нибудь’, имеет еще два значения: ‘теперь, не медля’ и ‘не вовремя’.

Таким образом, во всех реализациях общезыковой системы много общего в использовании существительных, выступающих в именных группах с обстоятельственным значением времени: классы слов почти полностью совпадают. Наряду с этим, в народной лирике много своих специфических особенностей, связанных с лексическим наполнением классов существительных: нет узкодиалектных обозначений времени, отмечается наличие большого количества слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами.

Список источников

Апресян Ю. Д. Дистрибутивный анализ и структурные семантические поля // Лексикографический сборник, 1962. Вып. 5. С. 52–72.

Артемченко Е. Б. Принципы народно-песенного текстообразования: монография. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1988. 174 с.

¹ Оссовецкий И.А. Стилистические функции некоторых суффиксов имен существительных в русской народной лирической песне // Труды Института языкознания АН СССР. Москва, 1957. Т. 7. С. 477–480.

Артеменко Е. Б. Русская народная лирическая песня, ее мелодика, поэтический строй, синтаксические явления. Воронеж: Воронежский педагогический институт, 1974. 87 с.

Артеменко Е. Б. Синтаксический строй русской народной лирической песни в аспекте ее художественной организации. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1977. 159 с.

Баранникова Л. И., Бондалетов В. Д. Сборник упражнений по русской диалектологии. Москва: Высшая школа, 1980. 176 с.

Бобунова М. А. О путях выявления региональной специфики языка фольклора // Слово и текст в культурном сознании эпохи: материалы IV Всероссийской научно-методической конференции (Вологда, 8–9 ноября 2012 года): сборник научных трудов. Вологда: Легия, 2012. С. 173–177.

Бобунова М. А., Хроленко А. Т. Конкорданс русской народной песни: песни Курской губернии. Курск: Издательство Курского государственного университета, 2007. 258 с.

Будагов Р. А. Многозначность слова // Филологические науки. 1958. № 1. С. 5–18.

Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. Москва: Высшая школа, 1972. 613 с.

Всеволодова М. В. Временные конструкции современного польского языка (прямое время) // Исследования по польскому языку. Москва: Издательство Московского государственного университета, 1969. 165 с.

Всеволодова М. В. О семантическом согласовании глаголов и именных темпоральных распространителей // Вопросы языкознания. 1979. № 1. С. 103–113.

Всеволодова М. В. Способы выражения временных отношений в современном русском языке. Москва: Издательство Московского государственного университета, 1975. 283 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955–1956.

Киреевский П. В. Собрание народных песен. URL: https://royallib.com/book/kireevskiy_petr/sobranie_narodnih_pesen.html (дата обращения: 10.02.2023).

Климас И. С. Репрезентация лексем кластера «религия» в северных фольклорных песнях из свода А. И. Соболевского // Кубанские научные беседы: этнокультурный аспект: материалы конференции. Курск: Издательство Курского государственного технического университета, 1998. С. 28–30.

Климас И. С., Праведников С. П. Ворота в курском фольклоре // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2021. № 1 (3). С. 16–19. URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/4261/ (дата обращения: 10.02.2022).

Кузьмина А. В. Фольклорные мотивы в творчестве П. И. Карпова // Лингвофольклористика. 2013. № 20. С. 76–81.

Ломтев Т. П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. Москва: Издательство Московского государственного университета, 1956. 336 с.

Малыхина Т. М., Кузьмина А. В., Писарева Л. Е. Названия периодов по церковному календарю в тексте русской народной лирической песни // Лингвофольклористика. 2022. № 55. С. 33–42.

Мельниченко Г. Г. Хрестоматия по русской диалектологии. Москва: Просвещение, 1985. 192 с.

Общее языкознание: внутренняя структура языка / ответственный редактор Б. А. Серебренников. Москва: Наука, 1972. 564 с.

Оссоветский И. А. Стилистические функции некоторых суффиксов имен существительных в русской народной лирической песне // Труды Института языкознания АН СССР. Москва, 1957. Т. 7. С. 466–504.

Песни, собранные П. В. Киреевским: в 2 вып. Москва: Новая серия, 1917–1929.

Потаенко Н. А. Темпоральная лексика как объект лингвистического изучения // Известия АН СССР. Серия «Литература и язык». 1979. № 3. С. 242–248.

Праведников С. П. О частушках курского региона: из записных книжек участника фольклорных экспедиций // Частушки Курского края. Курск: Издательство Курского государственного университета, 2021. С. 5–22.

Русские народные песни Карельского Поморья. Ленинград: Наука, 1971. 282 с.

Собинникова В. И. Простое предложение в русских народных говорах. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 1961. 297 с.

Хроленко А. Т. К вопросу об использовании паратактических конструкций в русской народной лирической песне // Лингвофольклористика. 2022. № 36. С. 82–94.

Хроленко А. Т. Поэтическая фразеология русской народной лирической песни: монография. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 1981. 163 с.

Хроленко А. Т. Семантика фольклорного слова. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 1992. 140 с.

Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Москва: Просвещение, 1977. 334 с.

Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. Москва, 1972. 279 с.

Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. Москва: Учпедгиз, 1957. 352 с.

Щур Г. С. Теория поля в лингвистике. Москва: Наука, 1974. 254 с.

References

Apresian Iu. D. Distributivnyi analiz i strukturnye semanticheskie polia [Distributive analysis and structural semantic fields]. *Leksikograficheskii sbornik* [Lexicographic collection], 1962, Issue. 5, pp. 52–72.

Artemenko E. B. *Printsipy narodno-pesennogo tekstoobrazovaniia* [Principles of folk song text formation]. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta, 1988. 174 p.

Artemenko E. B. *Russkaia narodnaia liricheskaia pesnia, ee melodika, poeticheskie stroi, sintaksicheskie iavleniia* [Russian folk lyrical song, its melody, poetic structure, syntactic phenomena]. Voronezh: Voronezhskii pedagogicheskii institut, 1974. 87 p.

Artemenko E. B. *Sintaksicheskii stroi russkoi narodnoi liricheskoi pesni v aspekte ee khudozhestvennoi organizatsii* [The syntactic structure of the Russian folk lyrical song in terms of its artistic organization]. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta, 1977. 159 p.

Barannikova L. I., Bondaletov V. D. *Sbornik uprazhnenii po russkoi dialektologii* [Collection of exercises on Russian dialectology]. Moscow: Vysshiaia shkola, 1980. 176 p.

Bobunova M. A. O putiakh vyivleniia regional'noi spetsifiki iazyka fol'klora [On the ways of identifying the regional specifics of the folklore language]. *Slovo i tekst v kul'turnom soznanii epokhi: materialy IV Vserossiiskoi nauchno-metodicheskoi konferentsii* (Vologda, 8–9 noyabrya 2012 goda): sbornik nauchnykh trudov [Word and text in the cultural consciousness of the era: Proceedings of the IV All-Russian Scientific and Methodological Conference (Vologda, November 8-9, 2012): collection of research papers]. Vologda: Legiia, 2012. pp. 173–177.

Bobunova M. A., Khrolenko A. T. *Konkordans russkoi narodnoi pesni: pesni Kurskoi gubernii* [Concordance of Russian folk songs: songs of the Kursk province]. Kursk: Izdatel'stvo Kurskogo gosudarstvennogo universiteta, 2007. 258 p.

Budagov R. A. Mnogoznachnost' slova [Polysemy of the word]. *Filologicheskie nauki* [Philological sciences], 1958, no. 1, pp. 5-18.

Dal' V. I. *Tolkovyĭ slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka. V 4-kh tt.* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language. In 4 vols.]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei, 1955.

Khrolenko A. T. K voprosu ob ispol'zovanii paratakticheskikh konstruktssii v russkoi narodnoi

liricheskoi pesne [To the question of the use of paratactic constructions in Russian folk lyrical song]. *Lingvofol'kloristika* [Linguistic folkloristics], 2022, no. 36, pp. 82–94.

Khrolenko A. T. *Poeticheskaja frazeologija russkoi narodnoi liricheskoi pesni* [Poetic phraseology of Russian folk lyrical song]. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, 1981. 163 p.

Khrolenko A. T. *Semantika fol'klornogo slova* [Semantics of the folklore word]. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, 1992. 140 p.

Kireevskii P. V. *Sobranie narodnykh pesen* [Collection of folk songs]. Available at: https://royallib.com/book/kireevskiy_petr/sobranie_narodnih_pesen.html (accessed: 10.02.2023).

Klimas I. S. Reprezentatsiia leksem klastera «religiia» v severnykh fol'klornykh pesniakh iz svo-da A. I. Sobolevskogo [Representation of the lexemes of the "religion" cluster in northern folklore songs from the collection of A. I. Sobolevsky]. *Kubanskije nauchnye besedy: etnokul'turnyi aspekt: materialy konferentsii* [Kuban scientific talks: ethno-cultural aspect: Proceedings of the conference]. Kursk: Izdatel'stvo Kurskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta, 1998, pp. 28–30.

Klimas I. S., Pravednikov S. P. Vorota v kurskom fol'klоре [Gates in the Kursk folklore]. *Teoriia iazyka i mezkul'turnaja kommunikatsiia* [Theory of language and intercultural communication], 2021, no. 1(3), pp. 16–19. Available at: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/4261/ (accessed: 02/10/2022).

Kuz'mina A. V. Fol'klornye motivy v tvorchestve P. I. Karpova [Folklore motifs in the works of P. I. Karpov]. *Lingvofol'kloristika* [Linguistic folkloristics], 2013, no. 20, pp. 76–81.

Lomtev T. P. *Ocherki po istoricheskomu sintaksisu russkogo iazyka* [Essays on the historical syntax of the Russian language]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, 1956. 336 p.

Malykhina T. M., Kuz'mina A. V., Pisareva L. E. Nazvaniia periodov po tserkovnomu kalendaru v tekste russkoi narodnoi liricheskoi pesni [The names of the periods according to the church calendar in the text of Russian folk lyrical songs]. *Lingvofol'kloristika* [Linguistic folkloristics], 2022, no. 55, pp. 33–42.

Mel'nichenko G. G. *Khrestomatiia po russkoi dialektologii* [Reading book on Russian dialectology]. Moscow: Prosveshchenie, 1985. 192 p.

Obshchee iazykoznanie: vnutrenniaia struktura iazyka [General linguistics: the internal structure of the language; ed. by B. A. Serebrennikov]. Moscow: Nauka, 1972. 564 p.

Ossovetskii I. A. Stilisticheskie funktsii nekotorykh suffiksov imen sushchestvitel'nykh v russkoi narodnoi liricheskoi pesne [Stylistic functions of some suffixes of nouns in Russian folk lyrical song]. *Trudy Instituta iazykoznanii AN SSSR* [Proceedings of the Institute of Linguistics of the Academy of Sciences of the USSR]. Moscow, 1957, vol. 7, pp. 466–504.

Pesni, sobrannye P. V. Kireevskim: v 2 vyp. [Songs collected by P. V. Kireevsky; in 2 issues]. Moscow: Novaia seriia, 1917–1929.

Potaenko N. A. Temporal'naia leksika kak ob'ekt lingvisticheskogo izucheniia [Temporal vocabulary as an object of linguistic study]. *Izvestiia AN SSSR. Seriia Literatura i iazyk* [Bulletin of the Russian academy of Sciences: Studies in language and literature], 1979, no. 3, pp. 242–248.

Pravednikov S. P. O chastushkakh kurskogo regiona: iz zapisnykh knizhek uchastnika fol'klornykh ekspeditsii [About chastushki of Kursk region: from the notebooks of a participant in folklore expeditions]. *Chastushki Kurskogo kraia* [In the book: Chastushki of Kursk region; in 6 vols.]. Kursk: Izdatel'stvo Kurskogo gosudarstvennogo universiteta, 2021, pp. 5–22.

Russkie narodnye pesni Karel'skogo Pomor'ia [Russian folk songs of Karelian Pomerania]. Leningrad: Nauka, 1971. 282 p.

Shcherba L. V. *Izbrannye raboty po russkomu iazyku* [Selected works on the Russian language]. Moscow: Uchpedgiz, 1957. 352 p.

Shchur G. S. *Teoriia polia v lingvistike* [Field theory in linguistics]. Moscow: Nauka, 1974. 254 p.

Shmelev D. N. *Problemy semanticheskogo analiza leksiki* [Problems of semantic analysis of vocabulary]. Moscow, 1972. 279 p.

Shmelev D. N. *Sovremennyi russkii iazyk* [Modern Russian language]. Moscow: Prosveshchenie, 1977. 334 p.

Sobinnikova V. I. *Prostoe predlozhenie v russkikh narodnykh govorakh* [A simple sentence in Russian folk dialects]. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, 1961. 297 p.

Vinogradov V. V. *Russkii iazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove* [The Russian language. The grammatical doctrine of the word]. Moscow: Vysshaia shkola, 1972. 613 p.

Vsevolodova M. V. O semanticheskoi soglasovanii glagolov i imennykh temporal'nykh raspredelitel' [On the semantic agreement of verbs and nominal temporal distributors]. *Voprosy iazykoznanii* [Topics in the study of language], 1979, no. 1, pp. 103-113.

Vsevolodova M. V. *Sposoby vyrazheniia vremennykh otnoshenii v sovremennom russkom iazyke* [Ways of expressing temporary relations in modern Russian]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, 1981. 283 p.

Vsevolodova M. V. *Vremennye konstruksii sovremennogo pol'skogo iazyka (priamoe vremia)* [Temporary constructions of the modern Polish language (direct tense)]. *Issledovaniia po pol'skomu iazyku* [Studies in the Polish language]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universitet, 1969. 165 p.

Сведения об авторах

Татьяна Моисеевна Малыгина – кандидат филологических наук, доцент, <https://orcid.org/0000-0002-2350-9702>, etnolingv@mail.ru, Курский государственный университет (д. 33, ул. Радищева, 305000 Курск, Россия); **Tatyana M. Malykhina** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, <https://orcid.org/0000-0002-2350-9702>, etnolingv@mail.ru, Kursk State University (33, ul. Radishcheva, 305000 Kursk, Russia).

Алевтина Викторовна Кузьмина – кандидат филологических наук, доцент, <https://orcid.org/0000-0001-7732-1919>, alevtina-kuzmina@mail.ru, Курский государственный университет (д. 33, ул. Радищева, 305000 Курск, Россия); **Alevtina V. Kuzmina** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, <https://orcid.org/0000-0001-7732-1919>, alevtina-kuzmina@mail.ru, Kursk State University (33, ul. Radishcheva, 305000 Kursk, Russia).

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.03.2023; одобрена после рецензирования 03.04.2023; принята к публикации 10.04.2023.

The article was submitted 14.03.2023; Approved after reviewing 03.04.2023; Accepted for publication 10.04.2023.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2023. № 4 (115). С. 131–148.
Cherepovets State University Bulletin, 2023, no. 4 (115), pp. 131–148.

Научная статья

УДК 811.112.2'42:811.112.2'38

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-4-115-11>

EDN: DKCHIG

Когнитивные факторы формирования доверия или дефицита доверия к политику в медиадискурсе

Наталья Владимировна Погребняк^{1✉}, Зайнета Руслановна Хачмафова¹

¹Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина,
Краснодар, Россия

²Адыгейский государственный университет,
Майкоп, Россия

^{1✉} natasha-kr@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9232-6806>

² zaineta@nextmail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4645-0683>

Аннотация. Цель статьи заключается в изучении и описании когнитивных стратегий и тактик формирования доверия или дефицита доверия к политику в современном немецкоязычном медиадискурсе. Материалом послужили статьи и интервью из немецких СМИ, посвященные саммиту В. Путина и Д. Трампа в Хельсинки в 2018 году и В. Путина и Д. Байдена в Женеве в 2021 году. В работе проанализированы толкования понятия «доверия» в работах ученых различных научных направлений и предложено свое понимание анализируемого явления. Даны дефиниции базовых понятий «когнитивная стратегия», «тактика», «когнитивный механизм». Использование методов лингвистического наблюдения и описания, а также приемов контекстуального и лингвистического анализа позволило установить, что когнитивная стратегия формирования доверия к политику в медиадискурсе реализуется через тактики манифестации доверия, критики оппонентов, отсутствия минуса. Когнитивная стратегия формирования дефицита доверия реализуется тактиками манифестации недоверия, провокации, обвинения и игры. Новизна исследования заключается в выявлении и анализе специфики выбора когнитивных стратегий и тактик в зависимости от прагматической цели адресанта в процессе формирования доверия или дефицита доверия к политику. Теоретическая значимость исследования заключается в расширении представлений о когнитивных механизмах воздействия в процессе языковой актуализации образа политика в медиадискурсе. Результаты проведенного исследования могут найти применение в вузовских курсах когнитивной лингвистики, медиалингвистики, политической лингвистики, в практике преподавания немецкого языка как иностранного.

Ключевые слова: доверие, дефицит доверия, медиадискурс, стратегии и тактики воздействия

Для цитирования: Погребняк Н. В., Хачмафова З. Р. Когнитивные факторы формирования доверия или дефицита доверия к политику в медиадискурсе // Вестник Череповецкого государственного университета. 2023. № 4 (115). С. 131–148. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-4-115-11>.

The cognitive factors in the formation of trust or trust deficit in the politician in the media discourse

Natalya V. Pogrebnyak^{1✉}, Zaineta R. Khachmafova²

¹Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin,
Krasnodar, Russia

²Adyge State University,
Maykop, Russia

^{1✉} natasha-kr@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9232-6806>

²zaineta@nextmail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4645-0683>

Abstract. The purpose of the paper is to provide a systematic description of cognitive strategies and tactics for formation of trust or trust deficit in the politician in modern German-speaking media discourse. The study analyzes articles and interviews dedicated to the summit of V. Putin and D. Trump in Helsinki in 2018 and V. Putin and J. Biden in Geneva in 2021 and published in German mass media in the period from 2018 to 2021. The paper deals with various interpretations of the concept "trust" given by the scientists and the authors provide their own understanding of this phenomenon. The definitions of the basic concepts of "cognitive strategy", "tactics", "cognitive mechanism" are given. The research methods embrace the method of linguistic observation and description, which includes comparison, analysis and interpretation of the facts obtained, as well as methods of contextual analysis. The relevance of the topic is explained by the fact that there is a need to describe and analyse linguistic tools used in the framework of cognitive strategies of formation trust or deficiency of trust in the politician. This linguistic mechanism is one of the current issues of modern cognitive linguistics. It has been concluded that the decision to choose specific cognitive methods depends on the pragmatic goal of the speaker, and game metaphors play an important role in the process of forming deficiency of trust in the politician. The results of our study can be used for further work on exploring the most productive tactics and techniques that form trust or deficiency of trust in the politicians, research in the field of media discourse, cognitive linguistics, sociolinguistics and political linguistics.

Keywords: trust, trust deficit, media discourse, strategies and tactics of influence

For citation: Pogrebnyak N. V., Khachmafova Z. R. The cognitive factors in the formation of trust or trust deficit in the politician in the media discourse. *Cherepovets State University Bulletin*, 2023, no. 4 (115), pp. 131–148 (In Rus.). <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-4-115-11>.

Введение

Проблемы, связанные с изучением категории доверия как социокультурного и социально-психологического феномена, находятся в фокусе внимания философов, социологов, психологов и лингвистов. В настоящее время в науке не существует единого понимания феномена доверия ввиду его сложности и многогранности, что требует трансдисциплинарного и интегративного подхода к его изучению. Актуальность исследования обусловлена рядом причин. Доверие как важнейший элемент взаимодействия индивида и власти в социуме является значимым для жизнеспособности и безопасности государства, поэтому исследование лингвистических аспектов данного феномена представляется актуальным. Соответственно, важным представляется изучение когнитивных факторов формирования доверия или дефицита доверия в медиадискурсе в процессе вербальной трансляции образа политика, а также

анализ когнитивных стратегий формирования доверия или дефицита доверия к политику в зависимости от прагматической цели адресанта.

Цель статьи – выявить и описать когнитивные стратегии воздействия в процессе формирования доверия или дефицита доверия к политику в современном медиадискурсе.

Материалом для анализа послужили статьи, посвященные саммиту в Хельсинки в 2018 году и в Женеве в 2021 году, опубликованные в немецких СМИ с 2018 по 2021 годы. В работе использованы метод лингвистического наблюдения и описания, анализ и интерпретация полученных фактов, а также приемы контекстуального и лингвостилистического анализа. В анализе опираемся на мнение Н. Н. Болдырева, что языковая интерпретация «свидетельствующая о выполнении языком когнитивной, коммуникативной и интерпретирующей функций, может проявляться в трех основных типах, которые реализуют три функции интерпретации: селекции, классификации, оценки»¹.

Новизна исследования заключается в выявлении и анализе специфики выбора когнитивных стратегий и тактик в зависимости от прагматической цели адресанта в процессе формирования доверия или дефицита доверия к политику в медиадискурсе. Теоретическая значимость исследования заключается в расширении представлений о когнитивных механизмах воздействия в процессе языковой актуализации образа политика в медиадискурсе. Результаты проведенного исследования могут найти применение в вузовских курсах когнитивной лингвистики, медиалингвистики, в практике преподавания немецкого языка как иностранного.

Основная часть

Как известно, политическая коммуникация в глобальном мире «медиатизирована: медиа формируют мнения, образы, представления о политике и политиках. А доверие – один из аспектов медиадискурса, оказывающих влияние на конструирование политической реальности»². Следует отметить, что феномен доверия является одним из сложнейших и неоднозначных для понимания и, соответственно, в гуманитарной науке нет единого понимания данной категории. В английском языке для описания данного понятия используются такие слова, как confidence, trust, faith, credibility. Confidence is the feeling that you can trust³. Trust is the belief that somebody/something is good, sincere, honest, etc. and will not try to harm or trick you⁴. Faith is

¹ Болдырев Н. Н. Интерпретирующая функция языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Вып. 60. С. 11–16.

² Каминская Т. Л. Политические медиатексты и проблема доверия: современные вызовы // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. №5. С. 15–21. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-5-15-21. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-mediateksty-i-problema-doveriya-covremennye-vyzovy> (дата обращения: 11.07.2021).

³ Confidence. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/confidence?q=confidence> (дата обращения: 11.07.21).

⁴ Trust. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/trust_1?q=trust (дата обращения: 11.07.21).

trust in somebody's ability or knowledge¹. Credibility is the quality that somebody/something has that makes people believe or trust them². Приведенные дефиниции позволяют резюмировать, что доверие – это вера в честность и искренность во взаимоотношениях между людьми.

Главным фактором доверия в СМИ является надежность фактов и информации. Пользователи будут доверять изданиям только при условии, что представляемый информационный материал отличается надежностью. In typical studies, it is assumed that users trust because they regard the medium as credible³. Как отмечают Коринг и Маттес, доверие играет жизненно важную роль почти во всех сферах человеческого взаимодействия, не только в СМИ в рамках взаимодействия «массовый адресат» – «адресант». Это важная основа социального порядка и основа социальной сплоченности; это необходимое условие для функционирования общества. Именно этот аспект доверия изучается социологами.⁴

Наиболее известными учеными-социологами, занимавшимися разработкой теории доверия, являются П. Штомпка⁵, Н. Луман⁶, Э. Гидденс⁷, Ф. Фукуяма⁸. Каждый из них внес свой вклад в решение этой задачи, но «до построения завершающей теории доверия, не говоря уже об исчерпывающих эмпирических изысканиях, весьма далеко»⁹. Как отмечает А. Ю. Алексеева, основная причина многообразия толкований понятия «доверие» связана с тем фактом, что данное понятие «имеет деятельностный характер, при котором действие субъекта рассматривается как способ проявления доверия; толкование доверия включает рискованность ситуации принятия решения»¹⁰. Н. Луман, как и П. Штомпка¹¹, подчеркивают связь доверия с риском, который заключается в том, что доверительные ожидания могут завершиться разочарованием. Их взгляды разделяет и немецкий социолог Р. Циглер, который отмеча-

¹ Faith. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/faith_1?q=faith (дата обращения: 11.07.21).

² Credibility. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/credibility?q=credibility> (дата обращения: 11.07.21).

³ Kohring M., & Matthes J. Trust in news media: Development and validation of a multidimensional scale. *Communication Research*, 2007. Vol. 34 (2), S. 231–252.

⁴ Kohring M., & Matthes J. Trust in news media: Development and validation of a multidimensional scale. *Communication Research*, 2007. Vol. 34 (2), S. 231–252.

⁵ Sztompka P. *Trust: a sociological theory*. Cambridge, 1999.

⁶ Луман Н. *Власть*. Москва: Праксис, 2001. 256 с.

⁷ Гидденс Э. *Устроение общества: очерк теории структуризации*. Москва, 2005. Дейк Т. А., Кинч В. *Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике*. Москва: Прогресс, 1988. Вып. 23. С. 93–109.

⁸ Фукуяма Ф. *Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию* (пер. с англ.). Москва: АСТ; НПЦ «Ермак», 2004. 730 с.

⁹ Ильин Е. П. *Психология доверия*. Санкт-Петербург: Питер, 2013. 288 с.

¹⁰ Алексеева А. Ю. Уверенность, социальное и межличностное доверие: критерии различия // *Южно-российский журнал социальных наук*. 2007. № 4. С. 4–20. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uverennost-sotsialnoe-i-mezhlichnostnoe-doverie-kriterii-razlicheniya> (дата обращения: 13.07.2021).

¹¹ Штомпка П. *Доверие – основа общества*. Москва: Логос, 2012. 440 с.

ет, что доверие – это «рискованный аванс». Риск заключается в вероятности того, что человек, которому оказывают доверие, окажется недостойным его¹.

Доверие также рассматривается как «понимание мотивов и действий другого, отличного от тебя»², которое направлено со знаком плюс. В исследованиях рассматривают два вида доверия: «доверие к людям, которое построено на личностных обязательствах (назовем этот тип “персонифицированным”) и доверие к абстрактным системам (“анонимным другим”), предполагающее безличностные обязательства»³. Доверие людей к политику – это персонифицированное доверие, которое проецируется на конкретного политического деятеля. Доверие представляет собой духовную основу и является способом «идентификации человека в политическом пространстве, и его реакции на возможные конфликты с властью»⁴. Значит, отсутствие доверия или его нехватка могут вести к конфликтам с властью. В качестве составляющих доверия выделяют – рациональную и эмоциональную⁵. С точки зрения когнитивного воздействия на адресата и формирования доверия к политику важны и рациональная, и эмоциональная составляющая, но эмоции – это более легкая мишень для журналистов. Мощный отклик у адресата вызывают не доводы разума, а часто спорные, эмоциональные высказывания. В нашей попытке изучить и описать когнитивный механизм формирования доверия важным является тот факт, что доверие – «это двусторонний феномен, который описывает отношения между двумя участниками, тем, кто доверяет и кому доверяют»⁶. Американский психолог Дж. Роттер утверждал, что межличностное доверие описывает ожидание человека или группы, что заявлениям, намерениям или действиям другого человека или группы можно доверять⁸. Медиадискурс является коммуникативным пространством «генерирования политического доверия, производства значений доверия,

¹ Ziegler R. Interesse, Vernunft und Moral: zur sozialen Konstruktion von Vertrauen. In S. Hradil (Hrsg.), Differenz und Integration: die Zukunft moderner Gesellschaften; Verhandlungen des 28. Kongresses der Deutschen Gesellschaft für Soziologie in Dresden 1996 (S. 241–254). Frankfurt am Main: Campus Verl., 1997. URL: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-140111> (дата обращения: 17.07.2021).

² Ларина А. К. Доверие к СМИ // Система ценностей современного общества. 2008. № 2. С. 132–136. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/doverie-k-smi> (дата обращения: 21.07.2021).

³ Кузина О. Е. Формирование доверия в массовом инвестиционном поведении // Социологический журнал. 1999. № 1. С. 171–181.

⁴ Оганезова Р. М. Доверие к власти: современность и постсовременность // Философия права. 2008. №2. С. 65–68 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/doverie-k-vlasti-sovremennost-i-postsovremennost> (дата обращения: 18.07.2021).

⁵ Ильин Е. П. Психология доверия. Санкт-Петербург: Питер, 2013. 288 с.

⁶ Coleman J. Foundations of Social Theory. Cambridge, MA, 1990.

⁷ Gambetta D. Können wir dem Vertrauen vertrauen (1988)? S. 204–237 in Hartmann, M. – Offe, C. (Hrsg.): Vertrauen. Die Grundlage des sozialen Zusammenhalts. Frankfurt a.M. – New York 2001.

⁸ Rotter J. B. A new scale for the measurement of interpersonal trust // Journal of Personality. 1967. № 35(4). P. 651–665.

приобретающий в наши дни новые формы и способы завоевания аудитории»¹. Немецкий исследователь М. Коринг, специализирующийся в области коммуникаций и доверия к СМИ, выделяет четыре типа доверия к журналистике: доверие к выбору субъектов, доверие к отбору фактов, доверие к правильности описания (достоверность) и доверие к точности оценок. В основном именно журналистика определяет ориентацию на доверие (и недоверие) к другим действующим лицам – и поддерживает контроль доверия: другого пути для развития социальных структур доверия нет. Однако доверять журналистике в этом контексте рискованно. Два аспекта доверия: к средствам, используемым журналистами, и доверия к самой журналистике – неразрывно связаны². Для адресата этот процесс анализа и оценки степени доверия к прочитанному в СМИ может находиться на разном уровне осознанности.

Т. Л. Каминская отмечает, что «процесс развития доверия посредством текстов будет успешным, только когда конкретный реципиент воспринимает элементы текста или весь текст как знаки и интерпретирует как сигналы благонадежности/доверительности (Vertrauenswürdigkeit)»³. Аника Фризе, немецкий исследователь в области PR-коммуникации и массмедиа, изучает роль коммуникативных стратегий персуазивности в сохранении доверия клиента в компании на примере ADAC⁴.

Исходя из приведенных выше трактовок, мы понимаем доверие как двусторонний феномен, объединяющий в себе рациональное и эмоциональное – составляющие действия субъекта в процессе проявления уверенности в намерениях или действиях другого человека или группы. Феномен доверия оперирует такими понятиями, как вера, ожидания, риски и обязательства; доверие может быть сформировано (в этом случае следует говорить о соответствии ожиданиям) или же подорвано, вследствие чего и возникает дефицит доверия.

Как справедливо отмечает Е. С. Кубрякова, «каждое языковое явление может считаться адекватно описанным и разъясненным только в тех случаях, если оно рассмотрено на перекрестке когниции и коммуникации»⁵. Когнитивная стратегия рассматривается как знания о процессах понимания⁶. Д. Н. Павлов определяет когнитивную стратегию как «закономерности выбора способов решения задач познания

¹ Каминская Т. Л. Процесс смены власти в регионе и символический капитал территории // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2017. №4(28). С. 23–26.

² Kohring M. Vertrauen in Medien-Vertrauen in Technologie. 2001. 125 S.

³ Каминская Т.Л. Политические медиатексты и проблема доверия: современные вызовы // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. № 5. С. 15–21. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-5-15-21. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-mediateksty-i-problema-doveriya-covremennye-vyzovy> (дата обращения: 11.07.2021).

⁴ Frieze A. Öffentlichkeitsarbeit und ihre Strategien der Vertrauensförderung. Eine Analyse am Beispiel des ADAC. Hamburg, Diplomica Verlag GmbH; 2017. 105 S.

⁵ Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

⁶ Дейк Т. А., Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Москва, 1988. Вып. 23. С. 153–211.

для достижения определенных целей»¹. Когнитивные стратегии воздействия мы рассматриваем как закономерности выбора коммуникативных стратегий и тактик воздействия на адресата с целью трансформации представлений о событиях и людях в заданном направлении.

Изучение когнитивных стратегий воздействия в процессе формирования доверия или дефицита доверия к политику в медиадискурсе позволяет выявить и описать закономерности выбора тех или иных тактик, а также языковых особенностей в зависимости от прагматической цели адресанта. Все способы воздействия сводятся к двум когнитивным стратегиям – интенсификации и приуменьшения². Стратегия интенсификации, как отмечает О. С. Иссерс, «предполагает “выпячивание” чужих недостатков и своих достоинств (преувеличение своих достоинств и очернение и преувеличение чужих недостатков); стратегия приуменьшения – это приглушение своих недостатков и чужих достоинств, что достигается за счет умолчания о каких-то аспектах, нежелательных для отправителя сообщения»³.

Эффективность реализации когнитивных стратегий воздействия в процессе формирования доверия к политику в медиадискурсе зависит от закономерностей выбора тактик речевого воздействия на адресата. Исследуя когнитивные стратегии построения доверия к политику, мы попытались проанализировать когнитивный механизм селекции языковых средств для достижения персуазивного эффекта в соответствии с интенциями адресанта. Для этого мы рассмотрели то, каким образом менялась степень доверия к российскому президенту В. Путину и американским президентам Д. Трампу и Джо Байдену в результате их выступлений на саммите в Хельсинки в 2018 году и саммите в Женеве в 2021 году. «После встречи в 2018 году Трампа и Путина: президенты РФ и США имеют внутри своих стран серьезный кредит доверия, который слабо зависит от внешнеполитических ситуаций»⁴ – такую оценку результатам встречи дали российские социологи. Вместе с тем отметим, что анализ языкового материала на немецком языке выстраивает не такую однозначную картину. Публикации в СМИ, посвященные встрече российского президента Владимира Путина и американского президента Джо Байдена на саммите в Женеве 2021, содержали в себе как положительные, так и отрицательные комментарии. Наиболее эффективными тактиками реализации **когнитивной стратегия доверия к политику** определены следующие: манифестации доверия, критики оппонентов и тактики отсутствия «минуса». Рассмотрим их подробнее.

¹ Павлов Д. Н. О некоторых проблемах определения термина «когнитивная стратегия» // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2 (008). С. 62–64.

² Larson C. U. Persuasion: reception and responsibility. Belmont: Wadsworth Publ. Company, 1995. 449 p.

³ Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Москва: ЛЕНАНД, 2015. 304 с.

⁴ Курюкин А.Н. Политическое доверие в России и США: опыт сравнительного анализа // Власть. 2018. № 8. С. 118–123. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskoe-doverie-v-rossii-i-ssha-opyt-sravnitel'nogo-analiza> (дата обращения: 13.07.2021).

Тактика манифестации доверия

Данная тактика реализуется прямой экспликацией доверия, например: *Allen sei klar, dass die Beziehung der beiden Staaten durch eine schwierige Phase ginge, aber es sei gelungen, neues Vertrauen aufzubauen und «Schlüsselthemen» anzusprechen.*¹ Данная тактика направлена на положительную оценку отношений между двумя государствами – *neues Vertrauen aufzubauen* (построить новые доверительные отношения). Далее: *«Es war ein tiefer, produktiver Dialog, es lief sehr gut. Dialog ist besser als Konfrontation», postulierte Trump.* Американский президент видит сплошные плюсы для обеих стран и для всего мира – *Dialog ist besser als Konfrontation* (Диалог лучше, чем конфронтация). Заявление о строительстве доверительных отношений между Россией и США – это прямое указание на обращение к тактике манифестации доверия.

Тактика критики оппонентов

*Während US-Offizielle im Vorfeld darauf hingewiesen hatten, dass die in der russischen Aggressionspolitik insbesondere in der Ukraine und in Syrien die Gründe für das angespannte Verhältnis liegen, twitterte Trump: «Unsere Beziehung mit Russland war NIEMALS schlechter dank jahrelanger US Narreteien und Dummheit und jetzt, der manipulierten Hexenjagd», twitterte Trump am Montagmorgen.*²

Данную тактику можно охарактеризовать как движение через «минус» в «плюс». Критика оппонентов подается таким образом, что, сравнивая их «минусы» с действиями говорящего, последние воспринимаются как нечто положительное и достойное доверия. Недоверие американцев иллюстрируется словами *russische Aggressionspolitik* (агрессивная политика России), доверие Трампа Путину – через отрицание, бессмысленность действий предыдущих президентов и нынешних противников: *jahrelanger US Narreteien und Dummheit, der manipulierten Hexenjagd* (многих лет дурочества и глупости США, сфальсифицированной охоты на ведьм). Таким образом, давая отрицательную оценку действиям своих предшественников, Д. Трамп переводит в «плюс» текущие взаимоотношения США и России, настаивая на их доверительном характере. Далее: *«Unsere Beziehungen waren nie schlechter – vor 4 Stunden hat sich das geändert», sagte Trump. Für die schlechten Beziehungen mache er beide Länder verantwortlich. «Ich denke, dass die Vereinigten Staaten töricht waren. Ich denke, wir waren alle töricht. Wir hätten diesen Dialog schon vor einer langen Zeit starten sollen – offen gesagt, lange bevor ich ins Amt gekommen bin».*³ Говоря об обоюдной глупости, неправоте США и России, Д. Трамп пытается выстроить фундамент для доверительных отношений. Разделяя вину за сложившуюся ситуацию на двоих, он говорит о недалёковидности своих предшественников, противопоставляя им свой открытый подход, основанный на взаимном доверии: *die schlechten Beziehungen* (плохие отношения), *töricht waren* (были глупы, безрассудны). Критика оппонентов, высказанная

¹ Harmonie unter besten Feinden. URL: <https://www.welt.de/politik/ausland/article179463574/Treffen-Trump-und-Putin-Harmonie-unter-besten-Feinden.html?icid=search.product.onsitesearch> (дата обращения: 17.07.21).

² Там же.

³ „Ich kannte Putin gar nicht“. URL: <https://www.welt.de/politik/ausland/article179453086/Trump-beim-Gipfel-in-Helsinki-Ich-kannte-Putin-gar-nicht.html> (дата обращения: 17.07.21)

американским президентом, так же служит глобальной цели в рамках стратегии формирования доверия.

Тактика отсутствия «минуса»

*Trump vermeidet es krampfhaft, Putin zu kritisieren. <...> Trump findet nur positive Worte für Putin*¹. Данная тактика направлена на отсутствие критики, действий со знаком «минус» – дает «плюс», а в ситуации с доверием: отсутствие недоверия можно воспринимать как заявление о доверии. Отсутствие критики конкурента – это равносильно поддержке и единодушию: *vermeidet es krampfhaft, Putin zu kritisieren; positive Worte für Putin*. Стратегически доверительные отношения выстраиваются снова через отрицание, отсутствие действий со знаком «минус».

Когнитивная стратегия формирования дефицита доверия к обоим политикам выступают следующими тактиками: манифестации недоверия, провокации, обвинения и игры.

Тактика манифестации недоверия

Данная тактика реализуется путем прямого или косвенного заявления одной (или обеими) из сторон политической коммуникации об отсутствии доверия к другой. В статье «Wie Deutschland auf den Gipfel schaut» упоминаются слова В. Путина, произнесенные им 19 лет назад: *In Wirklichkeit haben wir immer noch nicht gelernt, einander zu vertrauen», sagte Putin sanft auf deutsch im Bundestag. 19 Jahre ist das jetzt her und scheint heute doch aktueller denn je*². Автор статьи вспоминает эту цитату-манифест о неумении доверять *nicht gelernt, einander zu vertrauen* ('не научились доверять друг другу') в качестве возможного объяснения существующих сложных политических взаимоотношений. Вопрос доверия возникает не как отстраненная философская категория общечеловеческих моральных ценностей, а как генерализованное понятие, воздействующее на политические решения, межнациональные взаимоотношения.

Также: *In einem Interview mit dem Nachrichtensender Fox-News reagierte er außerdem auf den Vorwurf, dass er zu viele Sympathien für Russland hege. «Ich bin nicht pro-russisch, ich bin für niemanden», erklärte Trump. Es gehe ihm nur darum, dass die USA sicher seien. «America first» eben*³. Через отрицание *bin nicht pro-russisch, bin für niemanden* ('не пророссийский, я ни за кого') Трамп пытается справиться с возникшим из-за его «сочувствия России» дефицитом доверия. Главный лозунг США – «*America first*» ('Америка, прежде всего') звучит не убедительно. Парадоксален факт, что доверие Трампа российскому президенту вызывает недоверие к нему самому у его соотечественников.

¹ Putins Traum wird wahr – drei Erkenntnisse aus dem Treffen mit Trump. URL: <https://www.spiegel.de/panorama/donald-trump-trifft-wladimir-putin-die-drei-wichtigsten-erkenntnisse-a-00000000-0003-0001-0000-000002624035> (дата обращения: 17.07.21).

² Wie Deutschland auf den Gipfel schaut. URL: <https://www.tagesschau.de/inland/innenpolitik/deutschland-putin-biden-101.html> (дата обращения: 17.06.21).

³ Putins Schoßhund? Keine Angst, Trump will sich nur versprochen haben. URL: <https://www.spiegel.de/panorama/donald-trump-wollte-russland-in-helsinki-doch-kritisieren-er-habe-sich-bloss-versprochen-a-00000000-0003-0001-0000-000002628725> (дата обращения: 16.07.21).

Тактика провокации

Данная тактика достигается путем продуцирования неоднозначных, провокационных высказываний. Например: *Wer sich mit Putin trifft, weiß selten, was passiert. Der russische Präsident gilt als Verhandler so geschickt wie unberechenbar*¹. Это провокационное заявление, где положительная характеристика подается с отрицательной коннотацией (*geschickt, unberechenbar*). Подобные высказывания присущи тактике провокации в рамках стратегии формирования дефицита доверия.

Рассмотрим еще пример: *Wladimir Putin, der Meister der Provokationen, spielte heute keine Spielchen*². В данном примере дефицит доверия российскому президенту реализуется посредством употребления сочетаний *Meister der Provokationen* ('мастер провокаций') и *spielte keine Spielchen* ('не играть в игры'). Здесь же автор называет американского президента *Der alte Fuchs Biden* ('старый лис Байден'), зооморфная метафора характеризует Джо Байдена как опытного хитреца, вызывающего своими словами и поступками различные эмоции, но вряд ли доверие. «Мастер провокаций» и «старый лис» – оба образа конкурирующих президентов расцвечены отрицательными красками.

Тактика обвинения

*CIA-Chef John Brennan twitterte, Putin habe Trump offenbar «vollständig in der Hand». Die demokratische Senatorin Elisabeth Warren sagte, Trump habe Amerika lächerlich gemacht, «unsere Institutionen unterminiert und einen Diktator umarmt»*³. В данном примере мы наблюдаем высказывание дефицита доверия не только российскому президенту, которого называют диктатором, но и американскому президенту, обвиняемому этого диктатора. Тактика обвинения реализуется лексемами с отрицательной коннотацией: *Institutionen unterminieren* ('подрывать нашу государственность'), *habe Amerika lächerlich gemacht* ('выставить Америку посмешищем'), *einen Diktator umarmen* ('обнять диктатора').

В рамках реализации тактики обвинения эффективно использование когнитивной метафоры. Например: *Der Tonfall wird die Musik machen, meint Russlands Außenminister Sergej Lawrow: «Wir sind grundsätzlich an positiven Gipfel-Ergebnissen interessiert. Aber, wie sagt man so schön: Für einen Tango braucht man zwei. Wenn jemand aber Breakdance macht, dann wird es schon komplizierter»*⁴. В данном случае тактика обвинения реализуется имплицитно с помощью метафоры «Für einen Tango braucht man zwei» ('танцевать танго'). Министр иностранных дел России Сергей Лавров обвиняет Джо Байдена в нежелании вступить в диалог. Вместо этого амери-

¹ Wie Deutschland auf den Gipfel schaut. URL: <https://www.tagesschau.de/inland/innenpolitik/deutschland-putin-biden-101.html> (дата обращения: 17.06.21).

² Realpolitik statt kleiner Spielereien. URL: <https://www.tagesschau.de/ausland/europa/putin-biden-genf-101.html> (дата обращения: 14.07.21).

³ Harmonie unter besten Feinden. URL: <https://www.welt.de/politik/ausland/article179463574/Treffen-Trump-und-Putin-Harmonie-unter-besten-Feinden.html?icid=search.product.onsitesearch> (дата обращения: 17.07.21).

⁴ Für einen Tango braucht man zwei" URL: <https://www.tagesschau.de/ausland/europa/putin-biden-treffen-101.html> (дата обращения: 17.06.21).

канский президент «солирует» в брейкдансе, чем существенно усложняет переговоры, а также теряет доверие аудитории.

Тактика игры

Это одна из наиболее продуктивных тактик, где участвуют самые разнообразные аспекты «игры»: правила, игроки, их образы и игровые метафоры. При этом «игра» является одним из ведущих принципов, задействованных в механизме формирования дефицита доверия к политике. В данной связи интересна мысль немецкого социолога Рольфа Циглера: «Wir Sozialwissenschaftler sind gefordert zu zeigen, wie die von uns konstruierten Puppen auf der von uns gebauten Bühne nach dem von uns geschriebenen Drehbuch das Vertrauensspiel spielen werden»¹. В медиадискурсе роль кукловодов исполняют журналисты, которые демонстрируют читателям «игру в доверие» политиков – часто в соответствии с написанным ими сценарием. Можно сделать вывод, что все случаи использования игровых метафор являются иллюстрацией к тому, что называется стратегией формирования дефицита доверия. Кто играет в игры – игроки, а доверять игроку, по определению, невозможно, независимо от того, это детские игры (намек на инфантильность), политические или театральные (с масками и инсценировками).

Описание подготовки к саммиту в Женеве 2021 года сравнимо с описанием подготовки к спектаклю. Например: *Es ist der Auftakt zu ihrem Genfer Gipfel. Hinter den Kulissen aber geht es alles andere als geschäftsmäßig zu. Es herrscht, wie Beobachter schildern, «Chaos». Es kommt zu Szenen, die so gar nicht passen zu der gepflegten Gipfel-Diplomatie in der «Friedensstadt» Genf: Sicherheitskräfte nämlich hindern akkreditierte Journalisten beim Zutritt zu der Villa La Grange.*² В реализации тактики критики в процессе формирования дефицита доверия к политике используются театральные метафоры *der Auftakt zu ihrem Genfer Gipfel* (прелюдия к их женевскому саммиту), *Kulissen* (кулисы), *Szenen* (сцены) в сочетании с лексемой с прямой отрицательной семантикой *Chaos* (хаос).

*Darin bestreitet er, belastendes Material über den US-Präsidenten zu besitzen – und tut die Russlandermittlungen als «innenpolitische Spiele der USA» ab.*³ В данном случае речь идет об играх США (*innenpolitische Spiele der USA*), а значит о ненадежности, неискренности, действиях на показ – о том, чему нельзя доверять. Игры могут послужить только формированию недоверия. В. Путин добавляет: *Die Beziehungen zwischen den USA und Russland dürften keine «Geisel» der Mueller-Ermittlungen sein.* Ис-

¹ Ziegler R. Interesse, Vernunft und Moral: zur sozialen Konstruktion von Vertrauen. In S. Hradil (Hrsg.), Differenz und Integration: die Zukunft moderner Gesellschaften ; Verhandlungen des 28. Kongresses der Deutschen Gesellschaft für Soziologie in Dresden 1996 (S. 241–254). Frankfurt am Main: Campus Verl., 1997. URL: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssaoar-140111> (дата обращения: 17.07.2021).

² Geschrei, Gerangel, „Chaos“ – So etwas hat es unter Trump nicht gegeben URL: <https://www.welt.de/politik/ausland/article231879769/Biden-Putin-Gipfel-Geschrei-Gerangel-Chaos.html> (дата обращения: 17.07.21)

³ Putin über Russlandermittlungen der USA "Sie interessieren mich kein bisschen". URL: <https://www.spiegel.de/politik/ausland/wladimir-putin-bei-fox-news-habe-kein-belastendes-material-ueber-donald-trump-a-1218791.html> (дата обращения: 17.07.21).

пользование метафорического выражения «*Geisel*» der Mueller-Ermittlungen (зачинщик расследования Мюллера) – это еще один элемент стратегии подрыва доверия. Спецпрокурор США Роберт Мюллер пытался доказать причастность России к президентским выборам в Америке в 2016 году. Конкурирующая сторона описывается через минус.

*Von der Leyen sagte, Putin versuche, seine wirtschaftliche Schwäche zu überspielen, indem er sich als globaler Player positioniere. Was der US-Präsident wolle, sei indes nicht zu erkennen. «Das Problem von Helsinki ist doch, dass niemand wirklich weiß, was dort besprochen oder sogar vereinbart worden ist», sagte die Verteidigungsministerin. Von der Leyen betonte, dass die klare und kritische Positionierung der Nato gegenüber Russland trotz Trumps vager Aussagen in Helsinki gültig sei. «Wir wünschen uns ein besseres Verhältnis zu Moskau, aber dafür liegt der Ball im Feld des Kreml», sagte von der Leyen.*¹ В данном примере тактика игры реализуется игровыми метафорами. В высказывании Урсулы фон дер Ляйен фигурируют игровые метафоры: *Schwäche überspielen* – дословно «переиграть слабость» и *der Ball liegt im Feld des Kreml* – мяч на поле Кремля как знак того, на чьей стороне сейчас инициатива.

Выводы

Анализ когнитивных стратегий формирования доверия и дефицита доверия к политике в современном медиадискурсе на материале статей немецкоязычных изданий, посвященных саммиту В. Путина и Джо Байдена в Женеве в 2021 и саммиту В. Путина и Д. Трампа в Хельсинки в 2018 году, позволил прийти к следующим выводам:

1. Доверие мы рассматриваем как двусторонний феномен, объединяющий в себе рациональное и эмоциональное – составляющие действия субъекта в процессе проявления уверенности в намерениях или действиях другого человека или группы. Категория доверия актуализируется такими понятиями, как вера, ожидания, риски и обязательства; доверие может быть сформировано, в этом случае следует говорить о соответствии ожиданиям, или же подорвано, вследствие чего и возникает дефицит доверия.

2. Изучение когнитивных стратегий и тактик формирования доверия и дефицита доверия к политике в медиадискурсе базируется на анализе когнитивного механизма селекции языковых средств для достижения персуазивного эффекта в соответствии с интенциями адресанта.

3. Наиболее эффективными тактиками реализации когнитивной стратегии доверия к политике установлены тактика манифестации доверия, тактика критики оппонентов, тактика отсутствия минуса.

4. Что касается стратегии формирования дефицита доверия или стратегии подрыва доверия к политике в медиадискурсе, в качестве характерных выявлены следующие тактики: тактика манифестации недоверия, тактика провокации, тактика обвинения и тактика игры. Наиболее продуктивной с точки зрения воздействия на

¹ Von der Leyen wirft US-Präsident Planlosigkeit vor. URL: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/ursula-von-der-leyen-wirft-donald-trump-planlosigkeit-vor-a-1220457.html> (дата обращения: 16.07.21).

адресата является тактика игры, которая требует более подробного изучения в перспективе. В качестве эффективных языковых средств реализации стратегии формирования дефицита доверия в медиадискурсе выявлены игровые и зооморфные метафоры, создающие запоминающиеся образы политиков.

Список источников

Алексеева А. Ю. Уверенность, социальное и межличностное доверие: критерии различия // Южно-российский журнал социальных наук. 2007. № 4. С. 4–20. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uverennost-sotsialnoe-i-mezhlichnostnoe-doverie-kriterii-razlicheniya> (дата обращения: 13.07.2021).

Болдырев Н. Н. Интерпретирующая функция языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Вып. 60. С. 11–16.

Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуризации. Москва: Академический Проект, 2005. 528 с.

Дейк Т. А., Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Москва: Прогресс, 1988. Вып. 23. С. 153–211.

Ильин Е. П. Психология доверия. Санкт-Петербург: Питер, 2013. 288 с.

Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Москва: ЛЕНАНД, 2015. 304 с.

Каминская Т. Л. Политические медиатексты и проблема доверия: современные вызовы // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. №5. С. 15–21. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-5-15-21. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-mediateksty-i-problema-doveriya-sovremennye-vyzovy> (дата обращения: 11.07.2021).

Каминская Т. Л. Процесс смены власти в регионе и символический капитал территории // Вестник Финансового университета. Гуманитарные науки. 2017. № 4 (28). С. 23–26.

Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

Кузина О. Е. Формирование доверия в массовом инвестиционном поведении // Социологический журнал. 1999. № 1. С. 171–181.

Курюкин А. Н. Политическое доверие в России и США: опыт сравнительного анализа // Власть. 2018. № 8. С. 118–123. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskoe-doverie-v-rossii-i-ssha-opyt-sravnitel'nogo-analiza> (дата обращения: 13.07.2021).

Ларина А. К. Доверие к СМИ // Система ценностей современного общества. 2008. № 2. С. 132–136. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/doverie-k-smi> (дата обращения: 21.07.2021).

Луман Н. Власть / перевод с немецкого А. Ю. Антоновского. Москва: Практис, 2001. 256 с.

Оганезова Р. М. Доверие к власти: современность и постсовременность // Философия права. 2008. № 2. С. 65–68. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/doverie-k-vlasti-sovremennost-i-postsovremennost> (дата обращения: 18.07.2021).

Павлов Д. Н. О некоторых проблемах определения термина «когнитивная стратегия» // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2 (008). С. 62–64.

Погребняк Н. В. Коммуникативные стратегии формирования образа политика в немецком медиадискурсе // Политическая лингвистика. 2020. № 4 (82). С. 60–67. DOI: 10.26170/pl20-04-07.

Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. Москва: АСТ; НПП «Ермак», 2004. 730 с.

- Штомпка П. Доверие – основа общества. Москва: Логос, 2012. 440 с.
- Coleman J. Foundations of Social Theory. Cambridge: MA, 1990.
- “Ich kannte Putin gar nicht“. URL: <https://www.welt.de/politik/ausland/article179453086/Trump-beim-Gipfel-in-Helsinki-Ich-kannte-Putin-gar-nicht.html> (дата обращения: 17.07.21).
- Confidence. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/confidence?q=confidence> (дата обращения: 11.07.21).
- Credibility. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/credibility?q=credibility> (дата обращения: 11.07.21).
- Faith. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/faith_1?q=faith (дата обращения: 11.07.21).
- Friese A. Öffentlichkeitsarbeit und ihre Strategien der Vertrauensförderung. Eine Analyse am Beispiel des ADAC. Hamburg, Diplomica Verlag GmbH; 2017. 105 S.
- Für einen Tango braucht man zwei. URL: <https://www.tagesschau.de/ausland/europa/putin-biden-treffen-101.html> (дата обращения: 17.06.21).
- Gambetta D. Können wir dem Vertrauen vertrauen (1988)? in Hartmann, M. – Offe, C. (Hrsg.): Vertrauen. Die Grundlage des sozialen Zusammenhalts. 2001. S. 204–237.
- Geschrei, Gerangel, “Chaos“ – So etwas hat es unter Trump nicht gegeben URL: <https://www.welt.de/politik/ausland/article231879769/Biden-Putin-Gipfel-Geschrei-Gerangel-Chaos.html> (дата обращения: 17.07.21).
- Harmonie unter besten Feinden. URL: <https://www.welt.de/politik/ausland/article179463574/Treffen-Trump-und-Putin-Harmonie-unter-besten-Feinden.html?icid=search.product.onsitesearch> (дата обращения: 17.07.21).
- Jackob N.G.E. No alternatives? The relationship between perceived media dependency, use of alternative information sources, and general trust in mass media // International Journal of Communication. 2010. Vol. 4. P. 589–606.
- Kohring M. Vertrauen in Medien-Vertrauen in Technologie. Stuttgart: Akademie für Technikfolgenabschätzung, 2001. 125 S.
- Kohring, M., & Matthes J. Trust in news media: Development and validation of a multidimensional scale // Communication Research, 2007. Vol. 34 (2). S. 231–252.
- Larson C. U. Persuasion: reception and responsibility. Belmont: Wadsworth Publ. Company, 1995. 449 p.
- Matějková P. Vertrauen als Gegenstand einer diskurslinguistischen Analyse. Versuch einer Operationalisierung // Diskurslinguistik – Systemlinguistik: Theorien – Texte – Fallstudien. Hamburg: Verlag Dr. Kovac; 2010. 333 S.
- Putin über Russlandermittlungen der USA “Sie interessieren mich kein bisschen“. URL: <https://www.spiegel.de/politik/ausland/wladimir-putin-bei-fox-news-habe-kein-belastendes-material-ueber-donald-trump-a-1218791.html> (дата обращения: 17.07.21)
- Putins Schoßhund? Keine Angst, Trump will sich nur versprochen haben. URL: <https://www.spiegel.de/panorama/donald-trump-wollte-russland-in-helsinki-doch-kritisieren-er-habe-sich-bloss-versprochen-a-00000000-0003-0001-0000-000002628725> (дата обращения: 16.07.21)
- Putins Traum wird wahr – drei Erkenntnisse aus dem Treffen mit Trump. URL: <https://www.spiegel.de/panorama/donald-trump-trifft-wladimir-putin-die-drei-wichtigsten-erkenntnisse-a-00000000-0003-0001-0000-000002624035> (дата обращения: 17.07.21).
- Realpolitik statt kleiner Spielereien. URL: <https://www.tagesschau.de/ausland/europa/putin-biden-genf-101.html> (дата обращения: 14.07.21).
- Rotter J. B. A new scale for the measurement of interpersonal trust // Journal of Personality. 1967. Vol. 35 (4). P. 651–665.
- Sztompka P. Trust: a sociological theory. Cambridge, 1999.
- Trust. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/trust_1?q=trust (дата обращения: 11.07.21).

Von der Leyen wirft US-Präsident Planlosigkeit vor. URL: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/ursula-von-der-leyen-wirft-donald-trump-planlosigkeit-vor-a-1220457.html> (дата обращения: 16.07.21).

Wie Deutschland auf den Gipfel schaut. URL: <https://www.tagesschau.de/inland/innenpolitik/deutschland-putin-biden-101.html> (дата обращения: 17.06.21).

Ziegler R. Interesse, Vernunft und Moral: zur sozialen Konstruktion von Vertrauen // Differenz und Integration: die Zukunft moderner Gesellschaften ; Verhandlungen des 28. Kongresses der Deutschen Gesellschaft für Soziologie in Dresden 1996. Frankfurt am Main: Campus Verl., 1997. S. 241–254). URL: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssao-140111> (дата обращения: 17.07.2021).

References

Alekseeva A. Iu. Uverennost', sotsial'noe i mezhlchnostnoe doverie: kriterii razlicheniia [Confidence, social and interpersonal trust: criteria for distinguishing]. *Iuzhno-rossiiskii zhurnal sotsial'nykh nauk* [South-Russian Journal of Social Sciences], 2007, no. 4, pp. 4–20. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/uverennost-sotsialnoe-i-mezhlchnostnoe-doverie-kriterii-razlicheniya> (accessed: 13.07.2021).

Boldyrev N. N. Interpretiruiushchaia funktsiia iazyka [Interpreting function of the language]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2011, no. 33 (248), vol. 60, pp. 11–16.

Coleman J. *Foundations of Social Theory*. Cambridge, MA, 1990.

Confidence. Available at: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/confidence?q=confidence> (accessed: 11.07.21).

Credibility. Available at: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/credibility?q=credibility> (accessed: 11.07.21).

Deik T. A., Kinch V. Strategii ponimaniia sviaznogo teksta [Strategies for understanding a coherent text]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [New in Foreign Linguistics]. Moscow: Progress, 1988, no. 23, pp. 153–211.

Faith. Available at: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/faith_1?q=faith (accessed: 11.07.21).

Frieze A. *Öffentlichkeitsarbeit und ihre Strategien der Vertrauensförderung. Eine Analyse am Beispiel des ADAC* [Public relations and their strategies for promoting trust. An analysis using the ADAC as an example]. Hamburg, Diplomica Verlag GmbH; 2017. 105 p.

“Für einen Tango braucht man zwei”. Available at: <https://www.tagesschau.de/ausland/europa/putin-biden-treffen-101.html> (accessed: 17.06.21).

Fukuiama F. *Doverie: sotsial'nye dobrodeteli i put' k protsvetaniu* [Trust: The social virtues and the creation of prosperity]. Moscow: AST; NPP «Ermak». 730 p.

Gambetta D. Können wir dem Vertrauen vertrauen (1988)? [Can we trust in trust?]. *Vertrauen. Die Grundlage des sozialen Zusammenhalts* [Trust. The basis of social cohesion], 2001, pp. 204–237.

Geschrei, Gerangel, „Chaos“ – So etwas hat es unter Trump nicht gegeben. Available at: <https://www.welt.de/politik/ausland/article231879769/Biden-Putin-Gipfel-Geschrei-Gerangel-Chaos.html> (accessed: 17.07.21).

Giddens E. *Ustroenie obshchestva: ocherk teorii strukturatsii* [Organization of society: an essay on the theory of structuration]. Moscow: Akademicheskii Proekt, 2005.

Harmonie unter besten Feinden. Available at: <https://www.welt.de/politik/ausland/article179463574/Treffen-Trump-und-Putin-Harmonie-unter-besten-Feinden.html?icid=search.product.onsitesearch> (accessed: 17.07.21).

Il'in E. P. *Psikhologiya doveriia* [Psychology of trust]. St Petersburg: Piter, 2013. 288 p.

“Ich kannte Putin gar nicht”. Available at: <https://www.welt.de/politik/ausland/article179453086/Trump-beim-Gipfel-in-Helsinki-Ich-kannte-Putin-gar-nicht.html> (accessed: 17.07.21).

Issers O. S. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi* [Communicative strategies and tactics of Russian speech]. Moscow: LENAND, 2015. 304 p.

Jackob N.G.E. No alternatives? The relationship between perceived media dependency, use of alternative information sources, and general trust in mass media. *International Journal of Communication*, 2010, vol. 4, pp. 589–606.

Kaminskaia T. L. Politicheskie mediateksty i problema doveriia: sovremennye vyzovy [Political media texts and the problem of confidence: modern challenges]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta* [Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University], 2019, no. 5, pp. 15–21. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-5-15-21. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-mediateksty-i-problema-doveriya-covremennye-vyzovy> (accessed: 11.07.2021).

Kaminskaia T. L. Protseess smeny vlasti v regione i simvolicheskii kapital territorii [The process of authority change in the region and symbolic capital of the territory]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*. [Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University], 2017, no. 4 (28), pp. 23–26.

Kohring M. & Matthes J. Trust in news media: Development and validation of a multidimensional scale. *Communication Research*, 2007, Vol. 34 (2), pp. 231–252.

Kohring M. *Vertrauen in Medien-Vertrauen in Technologie* [Trust in media-trust in technology]. Stuttgart: Akademie für Technikfolgenabschätzung, 2001. 125 p.

Kubriakova E. S. *Iazyk i znanie: na puti poluchenii znanii o iazyke. Chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniia. Rol' iazyka v poznanii mira* [Language and knowledge: on the way to gaining knowledge about the language. Parts of speech from a cognitive point of view. The role of the language in investigating the world]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2004. 560 p.

Kuriukin A. N. Politicheskoe doverie v Rossii i SShA: opyt sravnitel'nogo analiza [Political trust in Russia and United States: an experience of comparative analysis]. *Vlast'* [The Authority]. 2018, no. 8, pp. 118–123. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskoe-doverie-v-rossii-i-ssha-opyt-sravnitel'nogo-analiza> (accessed: 11.07.2021).

Kuzina O. E. Formirovanie doveriia v massovom investitsionnom povedenii [Formation of trust in mass investment behavior]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal], 1999, no. 1, pp. 171–181.

Larina A. K. Doverie k SMI [Trust in the Media]. *Sistema tsennostei sovremennogo obshchestva* [The system of values of modern society], 2008, no. 2, pp. 132–136. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/doverie-k-smi> (accessed: 21.07.2021).

Larson C. U. *Persuasion: reception and responsibility*. Belmont: Wadsworth Publ. Company, 1995. 449 p.

Luman N. *Vlast'* [Power]. Moscow: Praxis, 2001. 256 p.

Matějková P. Vertrauen als Gegenstand einer diskurslinguistischen Analyse. Versuch einer Operationalisierung [Trust as an object of a discourse-linguistic analysis. An operationalization attempt]. *Diskurslinguistik – Systemlinguistik: Theorien – Texte – Fallstudien* [Discourse Linguistics – Systems Linguistics: Theories – Texts – Case Studies]. Hamburg: Verlag Dr. Kovac; 2010. 333 p.

Oganezova R. M. Doverie k vlasti: sovremennost' i postsovremennost' [Trust in authorities: modernity and postmodernity]. *Filosofia prava* [Philosophy of Law], 2008, no. 2, pp. 65–68. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/doverie-k-vlasti-sovremennost-i-postsovremennost> (accessed: 18.07.2021).

Pavlov D. N. O nekotorykh problemakh opredeleniia termina «kognitivnaia strategii»

[Cognitive strategy: some questions of definition]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2006, no. 2 (008), pp. 62–64.

Pogrebniak N. V. Kommunikativnye strategii formirovaniia obraza politika v nemetskom mediadiskurse [The communicative strategies of politician image formation in the German media discourse]. *Politicheskaiia lingvistika* [Political Linguistics], 2020, no. 4 (82), pp. 60–67. DOI 10.26170/pl20-04-07.

Putin über Russländermittlungen der USA "Sie interessieren mich kein bisschen". Available at: <https://www.spiegel.de/politik/ausland/wladimir-putin-bei-fox-news-habe-kein-belastendes-material-ueber-donald-trump-a-1218791.html> (accessed: 17.07.21).

Putins Schoßhund? Keine Angst, Trump will sich nur versprochen haben. Available at: <https://www.spiegel.de/panorama/donald-trump-wollte-russland-in-helsinki-doch-kritisieren-er-habe-sich-bloss-versprochen-a-00000000-0003-0001-0000-000002628725> (accessed: 16.07.21).

Putins Traum wird wahr – drei Erkenntnisse aus dem Treffen mit Trump. Available at: <https://www.spiegel.de/panorama/donald-trump-trifft-wladimir-putin-die-drei-wichtigsten-erkenntnisse-a-00000000-0003-0001-0000-000002624035> (accessed: 17.07.21).

Realpolitik statt kleiner Spielereien. Available at: <https://www.tagesschau.de/ausland/europa/putin-biden-genf-101.html> (accessed: 14.07.21).

Rotter J. B. A new scale for the measurement of interpersonal trust. *Journal of Personality*, 1967, Vol. 35(4), pp. 651–665.

Shtompka P. *Doverie – osnova obshchestva* [Trust is the foundation of society]. Moscow: Logos, 2012. 440 p.

Sztompka P. *Trust: a sociological theory*. Cambridge, 1999.

Trust. Available at: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/trust_1?q=trust (accessed: 11.07.21).

Von der Leyen wirft US-Präsident Planlosigkeit vor. Available at: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/ursula-von-der-leyen-wirft-donald-trump-planlosigkeit-vor-a-1220457.html> (accessed: 16.07.21).

Wie Deutschland auf den Gipfel schaut. Available at: <https://www.tagesschau.de/inland/innenpolitik/deutschland-putin-biden-101.html> (accessed: 17.06.21).

Ziegler R. Interesse, Vernunft und Moral: zur sozialen Konstruktion von Vertrauen [Interest, reason and morality: on the social formation of trust]. *Differenz und Integration: die Zukunft moderner Gesellschaften; Verhandlungen des 28. Kongresses der Deutschen Gesellschaft für Soziologie in Dresden 1996* [Difference and integration: the future of modern societies: Proceedings of the 28th Congress of the German Society for Sociology in Dresden 1996]. Frankfurt am Main: Campus Verl., 1997, pp. 241–254. Available at: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-140111> (accessed: 17.07.2021).

Сведения об авторах

Наталья Владимировна Погребняк – кандидат филологических наук, доцент, <https://orcid.org/0000-0001-9232-6806>, natasha-kr@yandex.ru, Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина (д. 13, ул. Калинина, 350044 Краснодар, Россия); **Natalia V. Pogrebnyak** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, <https://orcid.org/0000-0001-9232-6806>, natasha-kr@yandex.ru, Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin (13, ul. Kalinina, 350044 Krasnodar, Russia).

Зайнета Руслановна Хачмафова – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой немецкой филологии, <https://orcid.org/0000-0003-4645-0683>, zaineta@nextmail.ru, Адыгейский государственный университет (д. 208, ул. Первомайская, 385000 Майкоп,

Россия); **Zaineta R. Khachmafova** – Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the German Philology Department; <https://orcid.org/0000-0003-4645-0683>, zaineta@nextmail.ru, Adyghe State University (208, ul. Pervomaiskaia, 385000 Maykop, Russia).

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.03.2023; одобрена после рецензирования 04.04.2023; принята к публикации 10.04.2023.

The article was submitted 09.03.2023; Approved after reviewing 04.04.2023; Accepted for publication 10.04.2023.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2023. № 4 (115). С. 149–157.
Cherepovets State University Bulletin, 2023, no. 4 (115), pp. 149–157.

Научная статья

УДК 81'42

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-4-115-12>

EDN: EGLNVO

**Структурно-семантическая характеристика вставных компонентов,
функционирующих в публицистике Ю. М. Лотмана**

Сяоюй Чжан

Ланьчжоуский политехнический университет,

Ланьчжоу, Китай

gdzb@lut.cn, <http://orchid.org/0000-0001-6893-8845>

Аннотация. Статья посвящена исследованию структуры и семантики вставных компонентов в публицистике Ю. М. Лотмана. Установлено, что вставные компоненты, регулирующие читательское восприятие, различаются пунктуационно-графической аранжировкой, объемом, характером семантической взаимосвязи с основным высказыванием. Выявление структурно-семантического своеобразия вставных компонентов в публицистике Лотмана углубляет представления о его языковой личности и стиле общения с адресатом.

Ключевые слова: вставные компоненты, публицистика, семантика, структура, Ю. М. Лотман

Благодарность. Работа выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора И. А. Мартяновой.

Для цитирования: Чжан С. Структурно-семантическая характеристика вставных компонентов, функционирующих в публицистике Ю. М. Лотмана // Вестник Череповецкого государственного университета. 2023. № 4 (115). С. 149–157. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-4-115-12>.

**Structural and semantic characteristics of insertion components
functioning in Yu. M. Lotman's journalism**

Xiaoyu Zhang

Lanzhou University of Technology,

Lanzhou, China

gdzb@lut.cn, <http://orchid.org/0000-0001-6893-8845>

Abstract. The article deals with the study of the structure and semantics of insertion components in Yu. M. Lotman's journalism. It has been established that the insertion components regulate the reader's perception; they have different punctuation and graphic arrangement, volume, semantic relationship with the main statement. Revealing the structural and semantic originality of the insertion components in Lotman's journalism deepens the ideas about his linguistic personality and style of communication with the recipient.

Keywords: insertion components, journalism, semantics, structure, Yu. M. Lotman'

Acknowledgments. The research was conducted under the supervision of I. A. Martianova, Doctor of Philological Sciences, Professor.

For citation: Zhang Xiaoyu Structural and semantic characteristics of insertion components functioning in Yu. M. Lotman's journalism. *Cherepovets State University Bulletin*, 2023, no. 4 (115), pp. 149–157 (In Rus.). <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-4-115-12>.

Введение

Целью предлагаемого исследования является раскрытие структурно-семантического своеобразия вставных компонентов разного объема, функционирующих в публицистике выдающегося филолога Ю. М. Лотмана, обращение к которой демонстрирует его талант писать о сложнейших этических и социальных проблемах для самой широкой аудитории. В публицистике вставные компоненты выражают результаты его самопознания и познания культуры, истории, науки.

Публицистическое наследие Лотмана, не потерявшее своей актуальности, исследовалось прежде всего литературоведами и культурологами, но не языковедами. Структурно-семантическая и коммуникативная специфика вставных компонентов также остается недостаточно изученной. Как правило, они не анализировались в стиле одного автора, между тем вставные компоненты, используемые Лотманом, весьма разнообразны по своей семантике и структуре (слово, словосочетание, простое или сложное предложение, текстовый фрагмент) и, как следствие, текстообразующим функциям.

Их интерпретация позволяет развить представления об индивидуальном стиле ученого, о коммуникативном потенциале вставных компонентов и его реализации. В работе использован метод структурно-семантического анализа, а также прием направленной выборки из текстовых источников, ориентированной на дальнейший анализ текстового поведения синтаксических единиц в публицистике. Теоретической базой исследования послужили концепции С. Г. Ильенко¹, В. А. Шаймиева², Н. П. Перфильевой³ и других лингвистов. Материалом исследования являются газетные и журнальные публикации Лотмана.

Основная часть

Перед тем, как анализировать структурно-семантические особенности вставных компонентов, необходимо охарактеризовать их пунктуационно-графическую аранжировку. На письме вставные компоненты, как правило, оформляются при помощи скобок, тире и запятых, причем использование скобок является наиболее распространенным и целесообразным в связи с относительной самостоятельностью вставных компонентов. По мнению Г. Н. Акимовой, именно скобки «способны более

¹ Ильенко С. Г. Коммуникативно-структурный синтаксис современного русского языка Санкт-Петербург: РГПУ им. А. И. Герцена, 2009. 398 с.

² Шаймиев В. А. Роль вставных предикативных единиц в семантической организации текста // Функционирование синтаксических категорий в тексте. Ленинград: Ленинградский государственный педагогический институт имени А. И. Герцена, 1981. С. 81–88.

³ Перфильева Н. П. Семантико-прагматические потенции вставок // Языковая личность: проблема выбора и интерпретации знака в тексте. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 1994. С. 38–46.

резко по сравнению с другими знаками препинания членить текст и синтагматически, и интонационно...»¹. Приведем также мнение М. Н. Эпштейна о том, что при помощи скобок и близких им функционально подстрочных комментариев единство словесного потока может расслаиваться на несколько русел, чтобы «ветвилось древо мысли»².

В публицистике Лотмана вставные компоненты выделяются преимущественно скобками и значительно реже тире. В ней функционируют и так называемые потенциальные вставные высказывания, которые актуализируются выражением *замечу в скобках*:

*Я помнил названия сотен военных пунктов, места сражений Интернациональной бригады. Замечу в скобках, что Хемингуэя тогда мы уже знали – мы читали его «Прощай, оружие!» и зачитывались им... (Не-мемуары)*³.

В нашей статье рассматриваются только те вставные компоненты, которые оформлены при помощи скобок. Данный выбор продиктован тем, что квалификация вставных компонентов, выделенных в анализируемом материале при помощи тире, является дискуссионной. В частности, возможна их трактовка в качестве обособленных членов предложения: «Люди входят в класс... Одни из них – маленькие люди – садятся за парты, другой – большой человек – садится за стол учителя» (*Воспитание души*)⁴.

В редких случаях Лотманом используются так называемые графические вставные компоненты. Вопросительный или восклицательный знак внутри скобок экспрессивно усиливает значение вставного компонента: «Но нас, конечно, поймали и, подвергнув тщательному допросу (бдительность!), все же с миром отпустили» (*Не-мемуары*)⁵. В следующем примере три восклицательных знака, заключенные в скобки, выражают субъективную авторскую модальность:

*Читаем сейчас в газетах, чуть ли не в разделе забавных происшествий: из библиотеки Академии наук – уже сгоревшей! – продолжают кражи, книги поступают в антиквариат, антиквариат сообщает об этом дирекции и дирекция два – три месяца (!!!) не может найти времени отреагировать (География интеллигентности: эскиз проблемы)*⁶.

Давая структурную характеристику вставным компонентам, функционирующим в публицистике Лотмана, мы анализируем их расположение, грамматические особенности, их связь с основным высказыванием и средства ее выражения. Они представляют собой компоненты простого или сложного предложения, а также самосто-

¹ Акимов Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. Москва: Высшая школа, 1990. 168 с. С. 58.

² Эпштейн М. Н. Постмодернизм в России. Санкт-Петербург: Азбука; Азбука-Аттикус, 2019. С. 371.

³ Здесь и далее цитаты из публицистических произведений Ю. М. Лотмана приводятся по изданию: Лотман Ю. М. Воспитание души. Санкт-Петербург: Искусство – Санкт-Петербург, 2003. С. 10.

⁴ Там же. С. 96.

⁵ Там же. С. 10.

⁶ Там же. С. 158.

ятельные высказывания, которые отмечены конечными знаками препинания (вопросительными и восклицательными, точкой, многоточием). Выявлены также вставные компоненты, представляющие собой текстовые фрагменты, содружества высказываний.

С. Г. Ильенко полагала, что вставки чаще всего являются предложениями, реже – словами и словосочетаниями¹. Подобное справедливо и для вставных компонентов, функционирующих в публицистике Лотмана, что обусловлено их большей способностью выражать дополнительную информацию по сравнению со словоформами или словосочетаниями. Проанализировав 212 вставных компонентов, мы определили их структурные типы: словоформа (11 примеров), словосочетание (10), простое предложение (45), осложненное предложение (23), сложное предложение (55), многокомпонентное сложное высказывание с разными видами связи (18), конструкция с прямой речью (1), текстовый фрагмент (2). Таким образом, можно сделать вывод о том, что в публицистике Лотмана чаще всего используются вставные компоненты, представляющие собой простые и сложные предложения или их предикативные части, а также содружество высказываний (173 из 212). Вставные компоненты могут восприниматься в отрыве от основного высказывания, однако в публицистике Лотмана они, как правило, не имеют подобной относительной самостоятельности.

Изучение вставных компонентов в структурном аспекте предполагает также анализ их связи с основным высказыванием и средств ее выражения, лексических и грамматических. К первым относятся лексические повторы; слова, принадлежащие к одной лексико-семантической группе; синонимы и антонимы (в том числе контекстуальные); однокоренные слова (в следующем примере *воспитательный* / *воспитывать* / *воспитание*):

*Думаю я также, что различные специально воспитательные мероприятия (особенно когда ученики заранее предупреждены, что сейчас их начнут воспитывать) играют в процессе воспитания наименьшую роль (Воспитание души)*².

Многократное использование словоформы *жизнь*, являющейся темой не только основного высказывания, но и вставного компонента, создает между ними взаимосвязь:

*И на обычную, естественную и, казалось бы, всем понятную жизнь (кто же не знает, что такое жизнь: все мы утром просыпаемся, вечером ложимся, находимся внутри жизни, и смешно сказать, будто мы ее не знаем) можно смотреть как на единственно возможную и единственно данную (Попытки предсказывать интересны в той мере, в какой они не оправдываются)*³.

Средством связи вставки и основного высказывания могут являться слова, принадлежащие к одной лексико-семантической группе (*диссертация, статья*): «Я продолжал писать диссертацию (я написал большую статью о Пнине, которая нигде

¹ Ильенко С. Г. Коммуникативно-структурный синтаксис современного русского языка Санкт-Петербург: РГПУ им. А. И. Герцена, 2009. С. 227.

² Лотман Ю. М. Воспитание души. Санкт-Петербург: Искусство – Санкт-Петербург, 2003. С. 96.

³ Там же. С. 161.

не была опубликована, хотя, как мне казалось, она имела смысл)» (*Не-мемуары*)¹. В другом примере связующую функцию выполняют контекстуальные антонимы *милый, интеллигентный* и *противный*:

В нашей батарее командиром взвода управления был инженер с Донбасса, милый и интеллигентный человек Иващенко (у огневииков был свой Иващенко — тоже лейтенант, страшно противный) (*Не-мемуары*)².

К грамматическим средствам связи принадлежат различные дейктические элементы, прежде всего личные и указательные местоимения. Местоимение *мы* (*нами*) соединяет вставку с основным высказыванием, объединяя *он* и *я*: «Он был немножко пьян. Подсел ко мне и, рыдая (до этого между нами не было никакой близости) и утирая локтем сопли, заговорил со мной на *ты*» (*Не-мемуары*)³.

Лотманом нередко используются вставные компоненты, начинающиеся указательными местоимениями *это, такой* и др., выполняющими функцию дейктической скрепы с членом основного высказывания или с высказыванием в целом:

Диссертация была фактически написана еще в студенческие годы и сразу после окончания университета я подал ее на защиту (это, кажется, было воспринято как нахальство, но, честное слово, это была просто наивность) (*Не-мемуары*)⁴.

«Поэты (такие, как Ахматова и Цветаева) не стеснялись называть поэзию ремеслом» (*Говоря о современности, я скажу вот что...*)⁵.

В приведенном примере важна также принадлежность имен собственных к лексико-семантическому полю *Поэт*. Сочинительную связь между вставным компонентом и основным высказыванием осуществляют соединительные, противительные и разделительные союзы:

В последние месяцы войны, когда, казалось бы, должно было быть легче (и немец был уже не тот, хотя авиация его продолжала господствовать в воздухе, но это была уже совсем не та авиация — три, девять самолетов), потери мы продолжали нести очень большие... (*Не-мемуары*)⁶.

Подчинительную связь с основным высказыванием демонстрируют прежде всего вставные компоненты, являющиеся придаточными частями: «Это «Юнкерс-87» — пикирующий одномоторный, очень хороший самолет, пикирует прямо вертикально со страшным ревом и очень точно бросает бомбы (что нас совершенно не радует)» (*Не-мемуары*)⁷. Она может выражаться не только подчинительными скрепами, представляя собой согласование, управление или примыкание: «Например, можно про-

¹ Лотман Ю. М. Воспитание души. Санкт-Петербург: Искусство – Санкт-Петербург, 2003. С. 27.

² Там же. С. 20.

³ Там же. С. 24.

⁴ Там же. С. 29.

⁵ Там же. С. 165.

⁶ Там же. С. 22.

⁷ Там же. С. 16.

считать и предсказать (приблизительно) определенные динамические процессы в области промышленности» (*Говоря о современности, я скажу вот что...*)¹.

Синтагматическую связность с включающим высказыванием обнаруживают также вставные компоненты, представляющие собой обособленные или однородные члены предложения: «Когда мы говорили: "Слава Богу, началась война!" — он добавлял: "Теперь и Сталин, и Гитлер полетят..." (не уточняя, куда)» (*Не-мемуары*)².

Таким образом, в публицистике Лотмана используются разнообразные средства связи между основным высказыванием и вставным компонентом. Нарушение связи обнаруживается, как правило, тогда, когда в ней на первое место выступает местоимение *я*, противопоставленное другим семантическим субъектам: «Ручаюсь, что вы все доживете (я, наверное, нет) до того, как он снова станет Кёнигсбергом» (*Город и время*)³.

Вставные компоненты, согласно своему предназначению передавать добавочную информацию, могут находиться в интерпозиции (126 из 212 примеров) основного высказывания или – в постпозиции по отношению к нему (77 из 212 примеров). Они, как правило, следуют за тем, что уточняют или поясняют: «В конце шестидесятых годов в Тарту часто приезжала Наталья Горбаневская с сыном (он ровесник Леше)» (*Не-мемуары*)⁴. Доля вставок, выраженных словоформой, словосочетанием и простым предложением, находящихся в интерпозиции, составляет более 70 % от общего количества примеров, а осложненных и сложных предложений – приблизительно 50 %. Также выявлен один вставной компонент, представляющий собой отдельный абзац:

Это необходимо для того, чтобы убедить человека, что страх рождается <...> нашим к ним отношением.

(Кстати, это прекрасно демонстрируют фильмы ужасов. Если дешевые фильмы порождают страх зрителя чудовищными кадрами, то Хичкок блестяще показал, что любой предмет, бытовой и безопасный, можно снять так, что зритель окажется на краю инфаркта от ужаса.) (*Не-мемуары*)⁵.

Перейдем к семантической характеристике вставных компонентов в публицистике Лотмана. Как уже говорилось, вставки могут объяснять отдельные слова и термины, уточнять время и место события, называть его причину и др. Их семантическая классификация оказывается гораздо более сложной, чем классификация вводных компонентов, вследствие разнообразия их функций и лексического наполнения. Это связано также с тем, что вставки, нарушая текстовый континуум, представляют собой высказывание в высказывании, именно поэтому к анализу их семантики следует подходить, учитывая значение основного высказывания. В публицистике Лотмана вторжение вставных компонентов создает семантическую двуплановость основного высказывания: оно может быть понято без вставных компонентов,

¹ Лотман Ю. М. Воспитание души. Санкт-Петербург: Искусство – Санкт-Петербург, 2003. С. 166.

² Там же. С. 13.

³ Там же. С. 54.

⁴ Там же. С. 31.

⁵ Там же. С. 16.

но не наоборот. В ней выявлены причинные, временные, пространственные, условные, пояснительные, уточняющие, уступительные, комментирующие, сопоставительные и другие вставные компоненты. Стимулы их появления весьма разнообразны, оно провоцируется семантикой предшествующих словоформ, словосочетаний, высказываний. В следующем примере словосочетание *героическая деятельность* мотивирует мнение автора о компоненте основного высказывания:

*Главное, что я вижу в личности Сахарова, – это не его облик ученого, тоже достаточно значительный, и даже не его, не будет преувеличением сказать, героическую деятельность (ведь умер он как солдат – в бою), главное – это реабилитация совести как основного принципа жизни (Реабилитация совести)*¹.

Вставные компоненты используются Лотманом для временной и пространственной конкретизации события, они способны также выполнять поясняющую функцию: «Древнегреческий философ Гераклит говорил, что психее (душе) присущ самовозрастающий логос» (*Азбука судьбы*)².

Вставные компоненты способны не только пояснять, но и уточнять член основного высказывания: «Но есть разница между описанием одного и того же процесса с разных точек зрения, соответственно – на разных языках (скажем, на языках математики, философии, искусства)» (*Нам все необходимо. Лишнего в мире нет...*)³. В публицистике Лотмана функционируют специфические уточняющие вставные компоненты, при помощи которых автор детализирует ситуацию основного высказывания, задавая ракурс ее восприятия. В их препозиции он нередко использует слово *особенно*: «И о том, что область общения учителя и ученика (особенно в сельской местности, где это общение значительно теснее) не может и не должно ограничиваться программой» (*Учитель на пороге двадцать первого века*)⁴.

Вставные компоненты используются также для выражения обратного условия, когда в основном высказывании выражено следствие. Вставки такого типа обычно представляют собой уступительные придаточные:

Считалось, что общегосударственные интересы (хотя нередко под ними скрывались интересы тех или иных союзных министерств и ведомств) автоматически должны совпадать с интересами республик и их жителей (Тут надо быть 1000 раз осторожным)⁵.

Вставные компоненты, являющиеся относительно-распространительными придаточными, комментируют, распространяют содержание основного высказывания или его компонента: «Философия башни из слоновой кости была для Б. М. Гаспарова принципиальной (что, кстати, резко противоречило его таланту превосходного лектора, любящего и умеющего овладевать аудиторией)» (*Не-мемуары*)⁶. Вставки, выполняющие иллюстративную функцию, актуализируют содержание основного высказывания или его компонентов:

¹ Лотман Ю. М. Воспитание души. Санкт-Петербург: Искусство – Санкт-Петербург, 2003. С. 362.

² Там же. С. 139.

³ Там же. С. 171.

⁴ Там же. С. 106.

⁵ Там же. С. 149.

⁶ Там же. С. 34.

Зеркало не случайно фигурирует в двух обликах – и как правдивое (оно очень часто в старой иконологии – символ Богородицы), и как лживое (это древнейший магический предмет общения с потусторонней силой) (Попытки предсказывать интересные в той мере, в какой они не оправдываются)¹.

Предлагая выбор, вставные компоненты также актуализируют точку зрения автора. При этом они используются не только для выражения авторской позиции, но и для подчеркивания истинности основного высказывания: «Вообще (это не только мое чувство, я его проверял на других) основное внутреннее <...> желание — жажда конца» (*Не-мемуары*)².

Выводы

В публицистике Ю. М. Лотмана вставные компоненты представляют собой различные языковые единицы (словоформу, словосочетание, простое, осложненное и сложное предложение, его предикативную часть, многокомпонентное сложное высказывание, конструкцию с прямой речью) и текстовые фрагменты. В количественном отношении преобладают предложения и предикативные части, что мотивировано их коммуникативным потенциалом. В проанализированном материале функционируют синтагматически несвязанные и связанные вставные компоненты. Связь между основным высказыванием и вставками осуществляют разнообразные средства: лексические (повтор слов, синонимы, антонимы, однокоренные слова и др.) и грамматические (личные и указательные местоимения; сочинительные и подчинительные союзы, союзные слова и др.). Вставные компоненты располагаются в интерпозиции основного высказывания и в постпозиции по отношению к нему, что мотивировано их семантикой и тем, к какому члену основного высказывания они относятся.

Анализ вставных компонентов позволил выявить их семантическое разнообразие. Передавая разнообразную дополнительную информацию, они могут объяснять основное высказывание или его отдельные члены, уточнять время и место описываемого события, называть его причину, указывать на условия осуществления сообщаемого, приводить пример или комментарий, актуализировать мнение автора.

Появление вставных компонентов провоцируется семантикой основного высказывания или его членов, что необходимо учитывать в анализе их текстового поведения. В публицистике Лотмана вставные компоненты устанавливают контактные и дистантные связи про- и ретроспективной направленности, нарушая линейность изложения и создавая его семантическую двуплановость.

Структурно-семантическая специфика вставных компонентов, органичных для авторской манеры изложения, определяет их текстообразующий потенциал и его реализацию в публицистике. Сделанные выводы и материалы послужат дальнейшему изучению языковой личности Ю. М. Лотмана – не только выдающегося ученого, но и публициста.

¹ Лотман Ю. М. Воспитание души. Санкт-Петербург: Искусство – Санкт-Петербург, 2003. С. 160.

² Там же. С. 16.

Список источников

- Акимова Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. Москва: Высшая школа, 1990. 168 с.
- Ильенко С. Г. Коммуникативно-структурный синтаксис современного русского языка Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, 2009. 398 с.
- Лотман Ю. М. Воспитание души. Санкт-Петербург: Искусство – СПб, 2005. 624 с.
- Перфильева Н. П. Семантико-прагматические потенции вставок // Языковая личность: проблема выбора и интерпретации знака в тексте. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 1994. С. 38–46.
- Шаймиев В. А. Роль вставных предикативных единиц в семантической организации текста // Функционирование синтаксических категорий в тексте. Ленинград: Ленинградский государственный педагогический институт имени А. И. Герцена, 1981. С. 81–88.
- Эпштейн М. Н. Постмодернизм в России. Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. 608 с.

References

- Akimova G. N. *Novoe v sintaksise sovremennogo russkogo iazyka* [New in the syntax of the modern Russian language]. Moscow: Vysshiaia shkola, 1990. 168 p.
- Epshtein M. N. *Postmodernizm v Rossii* [Postmodernism in Russia]. St Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2019. 608 p.
- Il'enko S. G. *Kommunikativno-strukturnyi sintaksis sovremennogo russkogo iazyka* [Communicative-structural syntax of the modern Russian language]. St Petersburg: Rossiiskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet imeni A. I. Gertsena, 2009. 398 p.
- Lotman Iu. M. *Vospitanie dushi* [Education of the soul]. St Petersburg: Iskustvo – SPB, 2005. 604 p.
- Perfil'eva N. P. Semantiko–pragmatische potentsii vstavok [Semantic and pragmatic potency of insertions]. *Iazykovaia lichnost': problema vybora i interpretatsii znaka v tekste* [Linguistic personality: the problem of choice and interpretation of the sign in the text]. Novosibirsk: Novosibirskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 1994, pp. 38–46.
- Shaimiev V. A. Rol' vstavnykh predikativnykh edinit v semanticheskoi organizatsii teksta [The role of insertion predicative units in the semantic organization of the text]. *Funktsionirovanie sintaksicheskikh kategorii v tekste* [Functioning of syntactic categories in the text]. Leningrad: Leningradskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut imeni A. I. Gertsena, 1981, pp. 81–88.

Сведения об авторе

Чжан Сяоюй – старший преподаватель; <http://orchid.org/0000-0001-6893-8845>, gdzblut.cn, Ланьчжоуский политехнический университет (д. 287, Ланьгуанпин, 730050 Ланьчжоу, Китай); **Zhang Xiaoyu** – Senior Lecturer; <http://orchid.org/0000-0001-6893-8845>, gdzblut.cn, Lanzhou University of Technology (287, Langongping, 730050 Lanzhou, China).

Статья поступила в редакцию 01.06.2023; одобрена после рецензирования 26.06.2023; принята к публикации 30.06.2023.

The article was submitted 01.06.2023; Approved after reviewing 26.06.2023; Accepted for publication 30.06.2023.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2023. № 4 (115). С. 158–169.
Cherepovets State University Bulletin, 2023, no. 4 (115), pp. 158–169.

Научная статья

УДК 821.161.1

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-4-115-13>

EDN: ENUOCZ

Поэтика рассказов Нины Дашевской (по сборнику «Рассказы Волчка»)

Цуйцуй Чжан

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,

Санкт-Петербург, Россия

Zhangcuicui0708@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1966-2093>

Аннотация. Статья посвящена поэтике рассказов Нины Дашевской по материалам сборников «Рассказы Волчка». Рассматривается особенность рассказов для детей и подростков, анализируется художественная поэтика в творчестве писателя с точки зрения содержания, темы и языка. Особое внимание уделено созданию художественной реальности, которая транслирует вполне достоверные особенности характеров, ситуаций и явлений современного мира. Новизна проведенного исследования заключается в попытке постижения внутренних закономерностей прозы Н. Дашевской для детей и подростков, исследовать которые возможно через последовательный и систематический анализ поэтики. Делается вывод, что рассказы Н. Дашевской могут помогать детям и подросткам стать более устойчивыми и эффективно решать проблемы, с которыми они сталкиваются по мере взросления.

Ключевые слова: современная детская литература, поэтика, Нина Дашевская, современный рассказ, музыка

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке Государственного комитета по стипендиям КНР (грант №202008370287). Работа выполнена под руководством доктора филологических наук профессора М. А. Черняк.

Для цитирования: Чжан Ц. Поэтика рассказов Нины Дашевской (по сборнику «Рассказы Волчка») // Вестник Череповецкого государственного университета. 2023. № 4 (115). 158–169. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-4-115-13>.

Poetics of Nina Dashevskaya's short stories (From the collection "Volchok's Stories")

Zhang Cuicui

The Herzen State Pedagogical University of Russia,

St Petersburg, Russia

Zhangcuicui0708@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1966-2093>

Abstract. The article focuses on the poetics of Nina Dashevskaya's short stories based on the collection "Volchok's Stories". The author considers the peculiarities of stories for children and adolescents, analyzes the artistic poetics in the creative work of the writer from the point of view of content, theme and language. The special attention is given to the creation of artistic reality, which conveys quite authentic features of characters, situations and phenomena of the modern world. The

novelty of the study is in the attempt to comprehend the internal regularities of N. Dashevskaya's prose for children and adolescents which can be explored through a coherent and systematic analysis of poetics. The conclusion is that N. Dashevskaya's stories can help children and adolescents become more resilient and deal effectively with the problems they face as they grow up.

Keywords: contemporary children's literature, poetics, Nina Dashevskaya, contemporary short story, music

Acknowledgements: The work was supported by the China Scholarship Council (grant no. 202008370287). The research was conducted under the supervision of M. A. Chernyak, Doctor of Philological Sciences, Professor.

For citation: Zhang C. Poetics of Nina Dashevskaya's short stories (From the collection "Volchok's Stories"). *Cherepovets State University Bulletin*, 2023, no. 4 (115), pp. 158–169 (In Rus.). <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-4-115-13>.

Введение

Детская литература представляет собой значимую часть современной литературы, с этим мнением современным издателям трудно не согласиться. Действительно, детская литература в режиме “здесь и сейчас” способна спасти российский книжный бизнес¹. В век стремительного развития информационных технологий качественная литература увлекает не только детей и подростков, но и взрослых читателей². Современная детская литература имеет существенное значение для воспитания подрастающего поколения, ведь она формирует у детей способность воспринимать и оценивать культурное наследие предков, стимулирует рост и развитие личности, а также содействует освоению ребенком необходимых социальных навыков. Кроме того, она заимствует, а затем и транслирует ключевые темы и труды предшествующих ей авторов, тем самым поддерживая принцип культурной преемственности³. Следует обозначить ценность детской литературы для развития и становления личности ребенка, ведь именно литература служит подспорьем для выработки особого миропонимания и мировоззрения. С другой стороны, изучение и оценка современной детской литературы как явления культурно-философского порядка способствует осмыслению онтологических проблем.

Е. Асонова, педагог и исследователь современной литературы для детей и подростков, утверждает: «Современный автор детской или подростковой книги явно отличается от своих предшественников: у него во многом иные задачи, другие технические условия»⁴. Для любого писателя большое значение имеет то, каков его читатель: чем он живет, что им движет, какая реальность его окружает. Современному детскому писателю соответствует современный читатель, вниманием которого предстоит завладеть, «конкурируя и взаимодействуя с другими рецептивными практиками – цифровыми, динамичными, опирающимися на эффект «дополненной реально-

¹ Черняк М. А. Актуальная словесность XXI века: Приглашение к диалогу. Москва: ФЛИНТА, 2020. С. 215.

² Черняк М. А., Цветкова Е. Г. ДЕЛТИТ по-взрослому: библионавигатор по современной детской литературе. Москва: РИША, 2022. С. 149.

³ Там же. С. 154.

⁴ Асонова Е. А. Набор открыток, или Семь современных детских книг для медленного чтения // Детские чтения. 2016. Вып. 10. № 2. С. 333.

сти». По мнению Е. Асоновой, в данном случае у литературы для детей и подростков «открывается второе дыхание», ведь она позволяет читателю побыть наедине с самим собой, погрузиться в себя и начать рефлексировать над происходящим, чего не делают ни фильмы, ни компьютерные игры. Е. Асонова убеждена, что эта особенность чтения в наши дни будет обретать все большую и большую ценность.

Сегодняшние российские детские и подростковые рассказы не должны быть скучными, они должны увлекать ребенка, в легкой форме помогать ему познать самого себя, а также понять других. Советский и российский детский писатель и публицист В. Воскобойников в своей статье «Детская литература вчера и сегодня. А завтра?» пишет: «В настоящей литературе для детей – как и в настоящем искусстве как таковом – прежде всего должно биться живое чувство: радость, печаль, сострадание, удивление, веселье... Кроме перечисленных элементов, нужно еще одно таинственное качество – детскость»¹.

Современные дети и подростки склонны верить написанному в детской прозе, которая тесно связана с настоящей жизнью и поэтика которой сосредоточена на создании целостного художественного мира, но в то же время перекликается с реальным миром, не уступая ему в достоверности. Правдоподобность – тот фактор, посредством которого автору удастся убедить читателя-ребенка в том, что описываемые события действительно могли бы произойти, в том числе и с этим самым ребенком; это, в свою очередь, способствует наибольшей эффективности воспитательного аспекта².

Специализирующееся на выпуске книг для детей и подростков московское издательство «Волчок» было основано в декабре 2018 года и сейчас занимает лидирующие позиции в сфере книгораспространения. «Волчок» издает книги, ориентированные не только на то, чтобы развлечь юного читателя, но и на то, чтобы показать ему особенности мироустройства, а также человеческих взаимоотношений. Предметом нашего исследования являются сборники «Рассказы Волчка», выпускаемые отдельной серией в рамках основной издательской деятельности «Волчка».

«Волчок» тщательно отбирает тексты для качественного подросткового чтения, и именно поэтому публикуемые в издательстве авторы зачастую являются лауреатами таких престижных писательских конкурсов, как «Книгуру», «Крапивинка» и «Новая (детская) книга». По мнению главного библиотекаря библиотеки им. А. А. Вознесенского А. Копейкина, «люди, основавшие издательство с симпатичным названием «Волчок», собрали под одной обложкой не просто рассказы; получилась настоящая панорама современной детской литературы, своего рода выставка достижений, смотр ее лучших сил»³.

¹ Черняк М. А., Цветкова Е. Г. ДЕЛЛИТ по-взрослому: библионавигатор по современной детской литературе. Москва: РИША, 2022. С.136.

² Замлелова С. Г. Разочарование. Рассказы и фельетоны. Москва: Спутник+, 2004. С. 102.

³ Копейкин А. А. Книги для тинейджеров: рассказы Волчка, болотная нечисть и черти // Летнее чтение для современных подростков по версии Алексея Копейкина. 2019. URL: <https://godliterary.ru/articles/2019/07/16/knigi-dlya-tineydzherov-rasskazy-volchk?ysclid=lee0tlt8oe999357292> (дата обращения: 28.12.2021)

Читательская аудитория «Волчка» – подростки старше десяти лет, заинтересованные в познании окружающего их мира и открытые к диалогу. По словам руководителя издательства Н. Джумакулиева, «возраст» книги зависит от того, насколько читатель готов (интеллектуально и эмоционально) воспринимать героя, его эмоции и переживания¹.

Одним из ведущих проектов «Волчка» является выпускаемая с 2019 года серия «Рассказы Волчка», в которую вошли работы многих известных современных детских авторов. В данной серии публикуются рассказы не только писателей-новаторов, но и мастеров «старой школы», среди которых Лариса Романовская, Нина Дашевская, Эдуард Веркин, Илга Понорницкая, Ксения Драгунская, Борис Минаев, Станислав Востоков и многие другие, чей творческий путь начался с участия в фестивале-конкурсе короткого рассказа «Кора».

В 2020 году серия стала лауреатом национального конкурса «Книга года» в подростковой номинации «Поколение Z». Цель проекта – издание рассказов, сохраняющих баланс между развлечением, воспитанием и обучением, традицией и современностью, предлагающих интересное и захватывающее чтение, открывающее мир и расширяющее кругозор.

Основная часть

Замечательному музыканту и прозаику Нине Сергеевне Дашевской принадлежит особое место не только в списке писателей «Рассказов Волчка», но и в ряду современных детских авторов. Ее тексты не раз занимали первое место в конкурсе «Книгуру»: сборник подростковых рассказов «Около музыки» (2014), книга «Я не тормоз» (2015); сборник «Около музыки» также одержал победу в конкурсе «Новая детская литература», а за повесть «Вилли» писательница была удостоена премии имени Владислава Крапивина².

В. Лысов написал, что главное достоинство произведений Нины Дашевской – замечательная искренность и доброта. Она не удивляется и не восхищается своими героями, не ставит под сомнение наличие столь же по-иному одаренных детей в предыдущих или последующих поколениях, а просто пытается всмотреться в сегодняшнее³.

Согласно И. Н. Арзамасцевой, «язык рассказов для детей должен быть грамматически правильным, литературным, точным, понятным для ребенка, служить обогащению словарного запаса читателя, при этом не должен быть перегруженным. Язык детской прозы – максимально доступный для ребенка и живой»⁴. В текстах, предназначенных для детей и подростков, как правило, присутствует большое количество различных глагольных форм, что обусловлено высокой концентрацией событий в

¹ ПроДетЛит, Издательство Волчок. 2022. URL: <https://prodetlit.ru/index.php/> Издательство Волчок (дата обращения: 28.10.2022).

² Черняк М. А., Цветкова Е. Г. ДЕТЕЛИТ по-взрослому: библионавигатор по современной детской литературе. Москва: РИША, 2022. С. 188–189.

³ Там же. С. 189.

⁴ Шипилина О. В. «Поэтика прозы для детей Ксении Драгунской». Выпускная квалификационная работа. Екатеринбург: [б. и.], 2019. С. 16.

рамках одного произведения. В соответствии с этим язык рассказов Н. Дашевской характеризуется логически стройным, тщательно выверенным синтаксисом, сжато и полно выражающим содержание рассказа. Например: «... Правда, отступить все-таки пришлось – деньги забыл. У-у, бестолковая голова!!!!...»¹. Языковая структура предельно выразительна, вызывает соответствующие ассоциации, обращается не только к логическому, но и к эмоциональному аспекту восприятия, создавая определенную систему представлений и образов. «... Логовенко больше не появлялась. Ни разу. С ума можно сойти, я издергался весь»². Благодаря этим простым фразам читатель моментально понимает ход событий и эмоциональное состояние, переживаемое главным героем Матвеем.

Сюжеты произведений Н. Дашевской часто связаны с музыкой. «Музыка – это среда, в которой я живу, я плохо представляю себе жизнь без музыки. Я не ставлю себе задачу сделать из своих учеников профессиональных музыкантов, и герои моих книг не всегда всерьез занимаются музыкой», – говорит писательница³. Роль педагога Нина Дашевская видит прежде всего в воспитании личности, а не профессионального музыканта. Согласно ее словам, музыка – самая благоприятная почва для развития ребенка, а посему в ее цели не входит писать непосредственно о музыке, ведь для нее это лишь привычный окружающий мир.

Так произошло и со сборником рассказов «Около музыки», в который вошли семь рассказов о музыке. Главные герои рассказов – подростки – владеют различными музыкальными инструментами: виолончелью, ударными, скрипкой – объединяются в музыкальные группы. Мотив музыки – основной в сборнике, музыка – главный помощник в процессе социализации подростка. В своих рассказах Н. Дашевская описывает то, что когда-то ее саму очаровало в этом виде искусства: знакомство с музыкой, композиторов и их известные произведения, умение читать с листа и самые разные музыкальные инструменты, среди которых чаще всего имеют место струнные (так как автор сама играет на скрипке). «Мне бы хотелось сказать, что у музыкантов какое-то особое чувство формы, фразы, слова. Нас учат, что мелодия должна куда-то идти, что не нужно играть просто ноты, что в каждой фразе есть смысл, что есть главное и второстепенное. На эти вопросы не всегда есть четкие ответы, но их важно задавать. Текст не должен звучать одинаково. Но я думаю, что и человек без музыкального образования все это знает. Или среди музыкантов было бы гораздо больше пишущих людей. Так что не знаю, какая тут связь»⁴, – так писательница определяет для себя связь музыки и литературы.

¹ Дашевская Н. С. Чек // Чертополох у воды: сборник рассказов. Москва: Волчок, 2021. С. 99. (Рассказы Волчка).

² Дашевская Н. С. Бесконтактно // Полное погружение: сборник рассказов. Москва: Волчок, 2021. С. 78. (Рассказы Волчка).

³ Дарья Д. С. Интервью с Ниной Дашевской «В общении с подростками простых решений не бывает» // Папмамбук. 2016. URL: <https://www.papmambook.ru/articles/2029/?ysclid=lebe780i72902963007> (дата обращения: 28.10.2021)

⁴ Полина Зеленова. Интервью с Ниной Дашевской «Без музыки я была бы просто совсем другим человеком» // Папмамбук. 2018. URL: <https://www.papmambook.ru/articles/3128/?ysclid=lebemxuo5z579565594> (дата обращения: 28.10.2021)

Рассказы «Каштан в кармане» и «Ветер» также посвящены теме музыки. Достаточно часто главные герои рассказов – это ученики музыкальных школ, и музыка для них играет важную роль в жизни. При помощи музыки создается эмоциональная связь между читателем и главным героем. Например: «У меня мозг не математический. И мама даже обрадовалась, потому что было бы трудно ходить в эту математическую школу и еще в музыкальную. У меня слух хороший, и петь люблю. Мама очень хотела, чтобы я музыкой занимался»¹. Тематика и проблематика произведений, мотивы музыки и пути являются «скрепами» рассказов, способствуя образованию художественного целого. В жизни каждого героя музыка является необходимым инструментом познания сложного мира. Например, в рассказе «Ветер» главная героиня Дана, играющая в оркестре, ни разу за два года не пропустила репетиции из-за простуды или другой болезни. Так она признает необходимость брать на себя ответственность за собственное здоровье: «Из-за этого я стараюсь сильно не болеть»².

Герои рассказов Дашевской часто находятся в пути: являются пассажирами электричек, поездов или трамваев. Нина Дашевская признается: «Мне нужно движение», – и эта, на первый взгляд, ненароком сказанная в интервью фраза о том, как писательница предпочитает создавать свои произведения, вполне применима и к возникшему в ее творчестве мотиву пути, такому важному для подростков, некоторые из которых оказываются заплутавшими в жизненных перипетиях. Мотив пути может выполнять как композиционную (сюжетообразующую) функцию, так и символическую. Чаще всего образ дороги в рассказах Дашевской ассоциируется с жизненным путем героя и сопровождается философскими раздумьями о тайнах мироздания. «... И я на своем месте – сейчас иду один. И мне нравится вот так идти и нравится, что ветер. ...»³. Мы видим, что Муся переживает особое мгновение, оставившее в ее душе глубокое впечатление от внутреннего мира Даны.

Мотив дороги символизирует такие процессы, как движение, поиск, испытание и обновление. Элементом значения мотива дороги является ситуация, способствующая раскрытию тех или иных чувств героя. Нередко герои Дашевской идут пешком, словно странствуют, таким образом осваивая, делая более близким и понятным запутанный мир мегаполиса. Герои странствуют по улицам города, по тропинкам леса, по дороге жизни, тем самым взрослея и накапливая опыт, меняя свое мироощущение: «... И холодно, холодно как, прямо в лицо ветер, снегом кидается; снежинки царапаются, как звездочки у ниндзя. Я вдруг вспомнил это слово – «поземка» ...»⁴. В дороге Герман (герой) задумывается о стихии, а вместе с тем и о философии жизни, о сложных проблемах, решает важные для себя вопросы. Образ дороги помогает Н. Дашевской как отразить в тексте объективные картины жизни, так и более интенсивно и ярко изобразить настроение героя рассказа.

¹ Дашевская Н. С. Каштан в кармане // Внутри что-то есть: сборник рассказов. Москва: Волчок, 2019. С. 6. (Рассказы Волчка).

² Дашевская Н. С. Ветер // Ты – моя тайна: сборник рассказов. Москва: Волчок, 2021. С. 79. (Рассказы Волчка).

³ Там же. С. 83.

⁴ Дашевская Н. С. Чек // Чертополох у воды: сборник рассказов. Москва: Волчок, 2021. С. 105. (Рассказы Волчка).

Кроме мотива пути, центральный мотив рассказов Н. Дашевской – взросление. Б. М. Гаспаров указывает, что в роли мотива «может выступать любой феномен, любое смысловое «пятно» – событие, черта характера, элемент ландшафта, любой предмет, произнесенное слово, краска, звук и т. д., единственное, что определяет мотив, – это его репродукция в тексте»¹. В работах писательницы философия жизни обнаруживает себя в мельчайших явлениях так, чтобы молодые люди могли познать ее самостоятельно. Например, в рассказе «Край города» герой, выбирая дорогу в жизнь и спутников, с которыми будет преодолевать этот путь, вынужден пересмотреть свое отношение к незнакомому, казавшемуся неприятным и даже страшным человеку. Для понимания него и самого себя герою необходимо совершить усилие и разглядеть истинную личность под личиной. Единственный совет, который точно могу дать: детям нужно давать не лучшее, а разное – чтобы они учились выбирать, что им нравится, а что не нравится².

В детской литературе значимые элементы содержания занимают в тексте те места, где они будут сразу видны читателю и обязательно привлекут его внимание. Такие элементы традиционно называются в литературоведении «сильными позициями» текста. Они, относительно всего остального текстового полотна, лучше запоминаются, производят наибольший эстетический эффект и особенно заинтересовывают читателя. Эти позиции закреплены локально и расположены в начале текста либо в его заключительной части. В число таких «сильных» позиций преимущественно входят заглавие, эпиграф, начало и конец текста³. В рассказах Н. Дашевской ключевые слова или ключевые знаки часто появляются в тексте уже в качестве заглавий и являются яркими визуальными образами, с самого начала погружающими читателя-подростка в художественный мир рассказа. Например, в рассказе «Каланча» герой Леша, имеющий высокий рост, получает от прабабушки прозвище Каланча: «Меня так прабабушка иногда зовет: вот, говорит, какой же ты каланча вымахал. ...Так что мне всегда казалось, это такое специальное слово, прабабушкинское»⁴. Так, ключевой образ произведения непосредственно фиксируется автором в заглавии, и, тем самым, служит для понимания произведения.

И. В. Фоменко, развернуто описывая роль слова в художественном контексте, указывает на такие признаки ключевого слова, как его частотность и способность «нести в себе целый пучок значений»⁵. В рассматриваемом нами рассказе герой позволяет своей бабушке называть его Каланчой, но не позволяет это делать своим одноклассникам, однако считает допустимым, чтобы его называла так Лена. Измене-

¹ Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха: Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. Москва: Наука, 1984. С. 30.

² Ломакина Б. П. Нина Дашевская: «Я всегда пишу для взрослых» // МФЙШОП. URL: <https://my-shop.ru/shop/article/13061/sort/a/page/1.html> (дата обращения: 2.11.2022).

³ Арнольд И. В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста // Иностранные языки в школе. 1978. № 4. С. 23–24.

⁴ Дашевская Н. С. Каланча // Под ярким солнцем: сборник рассказов. Москва: Волчок, 2022. С. 5. (Рассказы Волчка).

⁵ Улицкая Л. Е. Люди нашего царя. Москва: Эксмо, 2005. С. 41.

ние семантического оттенка можно оценить в обратном порядке через описание Каланчи, задающее смысловую перспективу сюжету рассказа.

Рассказы автора, входящие в серию, могут быть «расшифрованы» с помощью ключевого слова, потенциально расположенного в любом месте, хотя, стоит отметить, что «не каждое его употребление совпадает с сильной позицией или образует ее»¹. Имена собственные также могут входить в категорию ключевых слов и тем самым формировать метатекстовое пространство произведения. Семантика имени помогает понять поступки героев, а ее расслоение свидетельствует о необходимости корректировки жизненных обстоятельств. Использование писателем имен собственных подразумевает взаимодействие «текста имени» с авторским текстом. Так, имя Сторонний, означающее «чужой», соотносится с судьбой героя, представленной в рассказе «Край города». «... Мы не стали объяснять, что это он нас вытащил, а не наоборот»². На самом деле, Сторонний не так страшен, как кажется, напротив, он помогает нам, заблудшим. Стратегия заглавия текста – спровоцировать читателя на диалог. Ключевые слова помогают ему опознать свой текст. Раздвигая границы книги, автор уже посредством названия начинает беседу с читателем, во многом предопределяя авторскую позицию, акцентируя на ней внимание, но в то же время оставляя пространство для различных интерпретаций³. Например, в рассказе «Молчуны»: Захару дается прозвище Молчун, означающее молчаливого человека и перекликающееся с названием рассказа. «Это было странно. То, что он вообще разлепил губы и что-то сказал. ... Надо же – никогда бы не подумала, а ведь хорошо рисует»⁴. Разглядев Захара в жизни, героиня рассказа понимает, что он совсем не такой, каким предстает перед всеми в школе. Однако в заглавиях, которые использует Дашевская, не всегда угадывается основной адресат ее рассказов – ребенок. Некоторые заголовки включают указания на культурные реалии, обращаются к читательской компетенции адресата. Писатель усложняет семантику заголовков. Например, глубоким и многозначным оказывается и заглавие произведения «Солнечная сторона», означающее «хорошее в жизни». «... А завтра выяснилось, что ехать никуда не надо. ...»⁵. Не было бы счастья, да несчастье помогло. Противоречивая визуализация феномена «*existentia*» (экзистенциализм), свидетельствующая о социальном кризисе, отображает недоверие к сотворенной природе вещей, среди которых современный человек непременно силится овладеть неритуальной свободой. Таким образом, становится очевидной крайняя информативность заглавий многих современных произведений, несмотря на их кажущуюся простоту или нарочитый лаконизм⁶.

¹ Улицкая Л. Е. Люди нашего царя. Москва: Эксмо, 2005. С. 183.

² Дашевская Н. С. Край города // Поворот: сборник рассказов. Москва: Волчок, 2020. С. 25.

³ Черняк М. А. Феномен массовой литературы XX в. Санкт-Петербург: РГПУ им. А. И. Герцена, 2005. С. 256.

⁴ Дашевская Н. С. Молчуны // Чуть правее сердца: сборник рассказов. Москва: Волчок, 2021. С. 5, 9.

⁵ Дашевская Н. С. Солнечная сторона // Добрые письма: сборник рассказов. Москва: Волчок, 2021. С. 84.

⁶ Лукин В. А. Художественный текст. Москва: Ось-89, 2005. С. 92.

В небольшом по объему произведении писатель должен суметь показать все, на что он способен. Удастся это не всем, но, если удастся, случается открытие. Для писателей рассказ – проверка их мастерства. В рассказе на виду каждая деталь, в нем нет места для невыразительных героев, пустословия, сюжетных промахов¹. Это суждение замечательно иллюстрируется рассказами Н. Дашевской, в которых увлекательный сюжет, запечатленный всего лишь на нескольких страницах, отличается напряженностью, динамичностью и высокой концентрацией захватывающих событий. Нарратив, как правило, организуется таким образом, чтобы как можно дольше удерживать внимание ребенка. Мысли героев-подростков, ловко сформулированные, можно сравнить с фортепианной игрой соседа за стеной: музыка знакомая, но исполнена она по-своему и потому завораживает.

Выводы

Таким образом, Н. Дашевская часто вводит в свои рассказы особые, повторяющиеся художественные элементы. Например, это мотивы дороги и взросления подростка, которые особенно актуальны для современного ребенка. Язык ее произведений богат и выразителен, конкретен и доступен, повествовательные элементы в нем преобладают над описательными. Поэтика рассказов Н. Дашевской, издаваемых в рамках серии «Рассказы Волчка», нацелена на создание такой художественной действительности, которая транслирует подлинные особенности характеров, ситуаций и явлений объективного мира.

Список источников

Арнольд И. В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста // Иностранные языки в школе. 1978. № 4. С. 23–31.

Асонова Е. А. Набор открыток, или Семь современных детских книг для медленного чтения // Детские чтения. 2016. Выпуск 10. № 2. С. 333–343.

Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха: Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. Москва: Наука, 1984. 351 с.

Дарья Д. С. Интервью с Ниной Дашевской «В общении с подростками простых решений не бывает» // Папмамбук. 2016. URL: <https://www.papmambook.ru/articles/2029/?ysclid=lebe780i72902963007> (дата обращения: 28.10.2021)

Дашевская Н. С. Бесконтактно // Полное погружение: сборник рассказов. Москва: Волчок, 2021. С. 45–53. (Рассказы Волчка).

Дашевская Н. С. Ветер // Ты – моя тайна: сборник рассказов. Москва: Волчок, 2021. С. 73–88. (Рассказы Волчка).

Дашевская Н. С. Каланча // Под ярким солнцем: сборник рассказов. Москва: Волчок, 2022. С. 5–11. (Рассказы Волчка).

Дашевская Н. С. Каштан в кармане // Внутри что-то есть: сборник рассказов. Москва: Волчок, 2019. С. 5–12. (Рассказы Волчка).

¹ Копейкин А. А. Книжки для тинейджеров: рассказы Волчка, болотная нечисть и черти // Летнее чтение для современных подростков по версии Алексея Копейкина. 2019. URL: <https://godliterary.ru/articles/2019/07/16/knigi-dlya-tineydzherov-rasskazy-volchk?ysclid=lee0tlt8oe999357292> (дата обращения: 28.12.2021).

- Дашевская Н. С. Край города // Поворот: сборник рассказов. Москва: Волчок, 2020. С. 15–26. (Рассказы Волчка).
- Дашевская Н. С. Молчуны // Чуть правее сердца: сборник рассказов. Москва: Волчок, 2021. С. 5–11. (Рассказы Волчка).
- Дашевская Н. С. Солнечная сторона // Добрые письма: сборник рассказов. Москва: Волчок, 2021. С. 79–86. (Рассказы Волчка).
- Дашевская Н. С. Чек // Чертополох у воды: сборник рассказов. Москва: Волчок, 2021. С. 98–107. (Рассказы Волчка).
- Замлелова С. Г. Разочарование. Рассказы и фельетоны. Москва: Спутник+, 2004. 289 с.
- Зеленова Полина. Интервью с Ниной Дашевской «Без музыки я была бы просто совсем другим человеком» // Папмамбук. 2018. URL: <https://www.papmambook.ru/articles/3128/?ysclid=lebebmhuo5z579565594> (дата обращения: 28.10.2021)
- Копейкин А. А. Книги для тинейджеров: рассказы Волчка, болотная нечисть и черти // Летнее чтение для современных подростков по версии Алексея Копейкина. 2019. URL: <https://godliterary.ru/articles/2019/07/16/knigi-dlya-tineydzherov-rasskazy-volchk?ysclid=lee0lt8oe999357292> (дата обращения: 28.12.2021)
- Ломакина Б. П. Нина Дашевская: «Я всегда пишу для взрослых» // МФЙШОП. URL: <https://my-shop.ru/shop/article/13061/sort/a/page/1.html> (дата обращения: 2.11.2022).
- Лукин В. А. Художественный текст. Москва: Ось-89, 2005. 559 с.
- ПроДетЛит, Издательство Волчок. 2022. URL: <https://prodetlit.ru/index.php/> Издательство Волчок (дата обращения: 28.10.2022).
- Сизых О. В. Поэтика современного российского рассказа // Вестник Северо-восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2012. Т. 9, №2. С. 123–129.
- Улицкая Л. Е. Люди нашего царя. Москва: Эксмо, 2005. 365 с.
- Черняк М.А. Актуальная словесность XXI века: Приглашение к диалогу. Москва: ФЛИНТА, 2020. 232 с.
- Черняк М. А. Феномен массовой литературы XX в. Монография. Санкт-Петербург: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2005. 308 с.
- Черняк М. А., Цветкова Е. Г. ДЕЛТИТ по-взрослому: библионавигатор по современной детской литературе. Москва: РИША, 2022. 352 с.
- Шипилина О. В. «Поэтика прозы для детей Ксении Драгунской». Выпускная квалификационная работа. Екатеринбург: [б. и.], 2019. 52 с.

References

- Arnol'd I. V. Znachenie sil'noi pozitsii dlia interpretatsii khudozhestvennogo teksta [The significance of the strong position for interpreting a fiction text]. *Inostrannye iazyki v shkole* [Foreign languages at school], 1978, no. 4, pp. 23–31.
- Asonova E. A. Nabor otkrytok, ili Sem' sovremennykh detskikh knig dlia medlennogo chteniia [A set of postcards, or seven modern children's books for slow reading]. *Detskie chteniia* [Children's readings], 2016, no. 10(2), pp. 333–343.
- Cherniak M. A. *Aktual'naia slovesnost' XXI veka: Priglasenie k dialogu* [Topical literature of the XXI century: An invitation to dialogue]. Moscow: FLINTA, 2020. 232p.
- Cherniak M. A. *Fenomen massovoi literatury XX v.* [The phenomenon of mass literature in the XX century]. St Petersburg: Izdatel'stvo RGPU im. A. I. Gertsena, 2005. 308 p.
- Cherniak M. A., Tsvetkova E. G. *DETLIT po-vzrosloму: bibliograficheskii spetsial'nyi posobie po detskoj literature* [DETLIT in an adult way: a bibliographic guide to modern children's literature]. Moscow: RISHA, 2022. 352 p.
- Dar'ia D. S. Interv'iu s Ninoi Dashevskoi «V obshchenii s podrostkami prostykh reshenii ne

byvaet» [Interview with Nina Dashevskaya "There are no easy solutions in communication with teenagers"]. *Papmambuk* [Papmambook]. 2016. Available at: <https://www.papmambook.ru/articles/2029/?ysclid=lebe780i72902963007> (accessed 28.10.2021)

Dashevskaja N. S. Beskontaktno [Non-contact]. *Polnoe pogruzenie: sbornik rasskazov* [Full immersion: a collection of stories]. Moscow: Volchok, 2021, pp. 45–53. (Volchok's stories).

Dashevskaja N. S. Chek [Check]. *Chertopolokh u vody: sbornik rasskazov* [Thistle by the Water: A Collection of Stories]. Moscow: Volchok, 2021, pp. 98–107. (Volchok's stories).

Dashevskaja N. S. Kalancha [Beanpole]. *Pod iarkim solntsem: sbornik rasskazov* [Under the bright sun: a collection of stories]. Moscow: Volchok, 2022, pp. 5–11. (Volchok's stories).

Dashevskaja N. S. Kashtan v karmane [Chestnut in the pocket]. *Vnutri chto-to est': sbornik rasskazov* [There is something inside: a collection of stories]. Moscow: Volchok, 2019, pp. 5–12. (Volchok's stories).

Dashevskaja N. S. Krai goroda [The edge of the city]. *Povorot: sbornik rasskazov* [Turn: a collection of stories]. Moscow: Volchok, 2020, pp. 15–26. (Volchok's stories).

Dashevskaja N. S. Molchuny [Silents]. *Chut' pravee serdtsa: sbornik rasskazov* [A little to the right of the heart: a collection of stories]. Moscow: Volchok, 2021, pp. 5–11. (Volchok stories).

Dashevskaja N. S. Solnechnaia storona [The sunny side]. *Dobrye pis'ma: sbornik rasskazov* [Kind letters: a collection of stories]. Moscow: Volchok, 2021, pp. 79–86. (Volchok's stories).

Dashevskaja N. S. Veter [Wind]. *Ty – moia taina: sbornik rasskazov* [You are my secret: a collection of stories]. Moscow: Volchok, 2021, pp. 73–88. (Volchok's stories).

Gasparov M. L. *Ocherk istorii russkogo stikha: Metrika. Ritmika. Rifma. Strofika* [An essay on the history of Russian verse: Metrics. Rhythm system. Rhyme. Strophic system]. Moscow: Nauka, 1984. 351 p.

Kopeikin A. A. Knigi dlia tineidzherov: rasskazy Volchka, bolotnaia nechist' i cherti [Books for teenagers: Volchok's stories, bog evil and devils]. *Letnee chtenie dlia sovremennykh podrostkov po versii Alekseia Kopeikina* [Summer reading for modern teens by Alexei Kopeikin]. 2019. Available at: <https://godliterary.ru/articles/2019/07/16/knigi-dlya-tineydzherov-rasskazy-volchka?ysclid=lee0tlt8oe999357292> (accessed 28.12.2021)

Lomakina B. P. Nina Dashevskaja: «Ia vseгда pishu dlia vzroslykh» [Nina Dashevskaya: I always write for adults]. *MFISHOP* [MFISHOP]. Available at: <https://my-shop.ru/shop/article/13061/sort/a/page/1.html> (accessed 2.11.2022).

Lukin V. A. *Khudozhestvennyi tekst* [Fiction text]. Moscow: Os'-89, 2005. 559 p.

ProDetLit, Izdatel'stvo Volchok [ProDetLit, Volchok Publishing House]. 2022. Available at: https://prodetlit.ru/index.php/Издательство_Волчок (accessed 28.10.2022).

Shipilina O. V. «Poetika prozy dlia detei Ksenii Dragunskoi» [Poetics of prose for children by Ksenia Dragunskaya: Graduation thesis]. Ekaterinburg, 2019. 52 p.

Sizykh O. V. Poetika sovremennogo rossiiskogo rasskaza [Poetics of modern Russian story]. *Vestnik severo-vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova* [Vestnik of the M. K. Ammosov North-Eastern Federal University], 2012, no. 9 (2), pp. 123–129.

Ulitskaia L. E. *Liudi nashego tsaria* [The people of our tsar]. Moscow: Eksmo, 2005. 365 p.

Zamlelova S. G. *Razocharovanie. Rasskazy i fel'etony* [Disappointment. Stories and feuilletons]. Moscow: «Sputnik+», 2004. 289 p.

Zelenova Polina. Interv'iu s Ninoi Dashevskoi «Bez muzyki ia byla by prosto sovsem drugim chelovekom» [Interview with Nina Dashevskaya "Without music I would just be a completely different person"]. *Papmambuk* [Papmambook], 2018. Available at: <https://www.papmambook.ru/articles/3128/?ysclid=lebemxuo5z579565594> (accessed 28.10.2021)

Сведения об авторах

Цуйцуй Чжан – аспирант, <https://orcid.org/0000-0002-1966-2093>, Zhangcui-cui0708@gmail.com, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (д. 48, Набережная Мойки, 191186 Санкт-Петербург, Россия); **Cuicui Zhang** – Postgraduate Student, <https://orcid.org/0000-0002-1966-2093>, Zhangcui0708@gmail.com, The Herzen State Pedagogical University of Russia (48, nab. Moiki, 191186 St Petersburg, Russia).

Статья поступила в редакцию 14.03.2023; одобрена после рецензирования 03.04.2023; принята к публикации 10.04.2023.

The article was submitted 14.03.2023; Approved after reviewing 03.04.2023; Accepted for publication 10.04.2023.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2023. № 4 (115). С. 170–179.
Cherepovets State University Bulletin, 2023, no. 4 (115), pp. 170–179.

Научная статья

УДК 378

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-4-115-14>

EDN: EPJCKS

Модель формирования единой образовательной среды обучающихся педагогических направлений подготовки в многопрофильном вузе

Мария Валерьевна Ершова

Костромской государственный университет

Кострома, Россия

maria-120@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6194-8677>

Аннотация. Автор рассматривает понятие «единая образовательная среда», выделяет компоненты данной структуры. В статье подробно описана модель процесса формирования единой образовательной среды обучающихся педагогических направлений подготовки в многопрофильном вузе, охарактеризованы ее основные элементы. Представлены результаты опытно-экспериментальной работы, проведенной на базе Костромского государственного университета, описана авторская методика анализа актуального состояния образовательной среды вуза.

Ключевые слова: педагогическое образование, образовательная среда, единая образовательная среда, компоненты образовательной среды, многопрофильный вуз, модель

Для цитирования: Ершова М. В. Модель формирования единой образовательной среды обучающихся педагогических направлений подготовки в многопрофильном вузе // Вестник Череповецкого государственного университета. 2023. № 4 (115). С. 170–179. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-4-115-14>.

A model for the formation of a unified educational environment for students of pedagogical areas of training in a multidisciplinary university

Maria V. Ershova

Kostroma State University,

Kostroma, Russia

maria-120@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6194-8677>

Abstract. The author considers the concept of "unified educational environment" and identifies the components of its structure. The article describes in detail the model of developing a unified educational environment for students of pedagogical training areas in a multidisciplinary university, describes the main elements of the model. The results of experimental work carried out on the basis

of Kostroma State University are presented; the author's methodology for analyzing the current state of the educational environment of the university is described.

Keywords: pedagogical education, educational environment, unified educational environment, components of the educational environment, multidisciplinary university, model

For citation: Ershova M. V. A model for the formation of a unified educational environment for students of pedagogical areas of training in a multidisciplinary university. *Cherepovets State University Bulletin*, 2023, no. 4 (115), pp. 170–179 (In Rus.). <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-4-115-14>.

Введение

В настоящее время актуальность вопросов обновления и развития педагогического образования в РФ не вызывает сомнений, данные проблемы вызывают дискуссию в среде педагогов-исследователей и практиков. Об интенсивной разработке вопросов модернизации педагогического образования свидетельствует принятие и реализация таких ключевых документов, как: Комплексная программа повышения профессионального уровня педагогических работников¹, Концепция подготовки педагогических кадров для системы образования на период до 2030 года², Методические рекомендации по подготовке кадров по программам педагогического бакалавриата на основе единых подходов к их структуре и содержанию («Ядро высшего педагогического образования») и др. Главная цель данных документов – разработка научно-методических и организационных условий для повышения качества профессионального образования педагогов, обеспечение единых подходов к содержанию практической, методической и предметной подготовки будущего учителя и условиям ее реализации в любом вузе страны³. Обновленные ориентиры развития педагогического образования обуславливают возникновение новых требований к подготовке будущих педагогов. Это актуализация структуры и содержания основных профессиональных образовательных программ, индивидуализация образовательного процесса, ориентированность образовательной программы на практику как системообразующий элемент модуля, внедрение системно-деятельностного подхода как технологической основы образовательного процесса по педагогическим направлениям подготовки, цифровая насыщенность образовательного процесса.

¹ Комплексная программа повышения профессионального уровня педагогических работников общеобразовательных организаций (утв. Правительством РФ 28.05.2014 № 3241п-П8) // Портал сопровождения проектов модернизации педагогического образования. URL: <http://педагогическоеобразование.рф/documents/show/48> (дата обращения 3.02.2023).

² Распоряжение Правительства РФ от 24 июня 2022 г. № 1688-р «О Концепции подготовки педагогических кадров для системы образования на период до 2030 г.» // URL: <https://www.garant.ru> (дата обращения 3.02.2023).

³ Письмо Министерства Просвещения РФ от 14.12.2021 № А3-1100/08 «О направлении информации» (вместе с «Методические рекомендации по подготовке кадров по программам педагогического бакалавриата на основе единых подходов к их структуре и содержанию («Ядро высшего педагогического образования»)). URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения 06.02.2023).

На практике данные требования реализуются через различные организационные форматы образовательной и воспитательной деятельности. Эффективным и комплексным средством, обеспечивающим качество педагогической подготовки, является воздействие образовательной среды. Именно среда оказывает опосредованное, непрямое, но сильное влияние на личность.

Процесс педагогической подготовки в многопрофильном вузе имеет значительные особенности по сравнению с подготовкой в узкоспециализированном вузе. В практике многопрофильных вузов, одним из которых является Костромской государственный университет, педагогическая подготовка часто рассредоточена по подразделениям (институтам, факультетам), созданным по принципу предметности. Образовательная среда таких вузов ценностно, содержательно, структурно не может и не должна быть ориентирована только на педагогические профессии, поэтому, как следствие, бывает недостаточно насыщена педагогическим содержанием, и это влияет на эффективность профессионального становления студента как педагога. Недостаток среды с педагогическим содержанием приводит к постепенному снижению интереса к собственно педагогической деятельности, профессиональному выбору. На наш взгляд, варианты решения данных проблем лежат в плоскости формирования единой образовательной среды педагогических направлений подготовки.

Основная часть

Теоретические основания. Феномен «образовательная среда» рассматривался ведущими педагогами и психологами с разных позиций: в русле теоретического обоснования основных подходов к определению понятия «образовательная среда» (А. Артюхина, Т. Н. Гущина, Т. Ф. Лошакова, Ю. С. Мануйлов, В. А. Ясвин и др.) и в аспекте специфики образовательной среды и средовой проблематики (Ю. С. Мануйлов, С. В. Тарасов, В. И. Слободчиков, А. Н. Ходусова и др.).

Основываясь на анализе имеющихся точек зрения, под единой образовательной средой мы понимаем целостность специально-организованных социальных, культурных, психолого-педагогических условий, воздействующих на профессионально-личностное развитие обучающихся педагогических направлений подготовки. Данная целостность обладает общностью целевого, содержательного, технологического, коммуникативного, событийного и предметно-пространственного компонентов.

Современная образовательная среда имеет многокомпонентную структуру¹. В результате анализа разных подходов к пониманию структуры образовательной среды мы выделили следующие ее компоненты: ценностно-целевой, технологический, содержательный, коммуникативный, событийный, предметно-пространственный. В ходе исследования была разработана теоретическая модель рассматриваемого процесса (см. рисунок).

¹ Ясвин В. А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию. Москва: Смысл, 2001. 365 с.

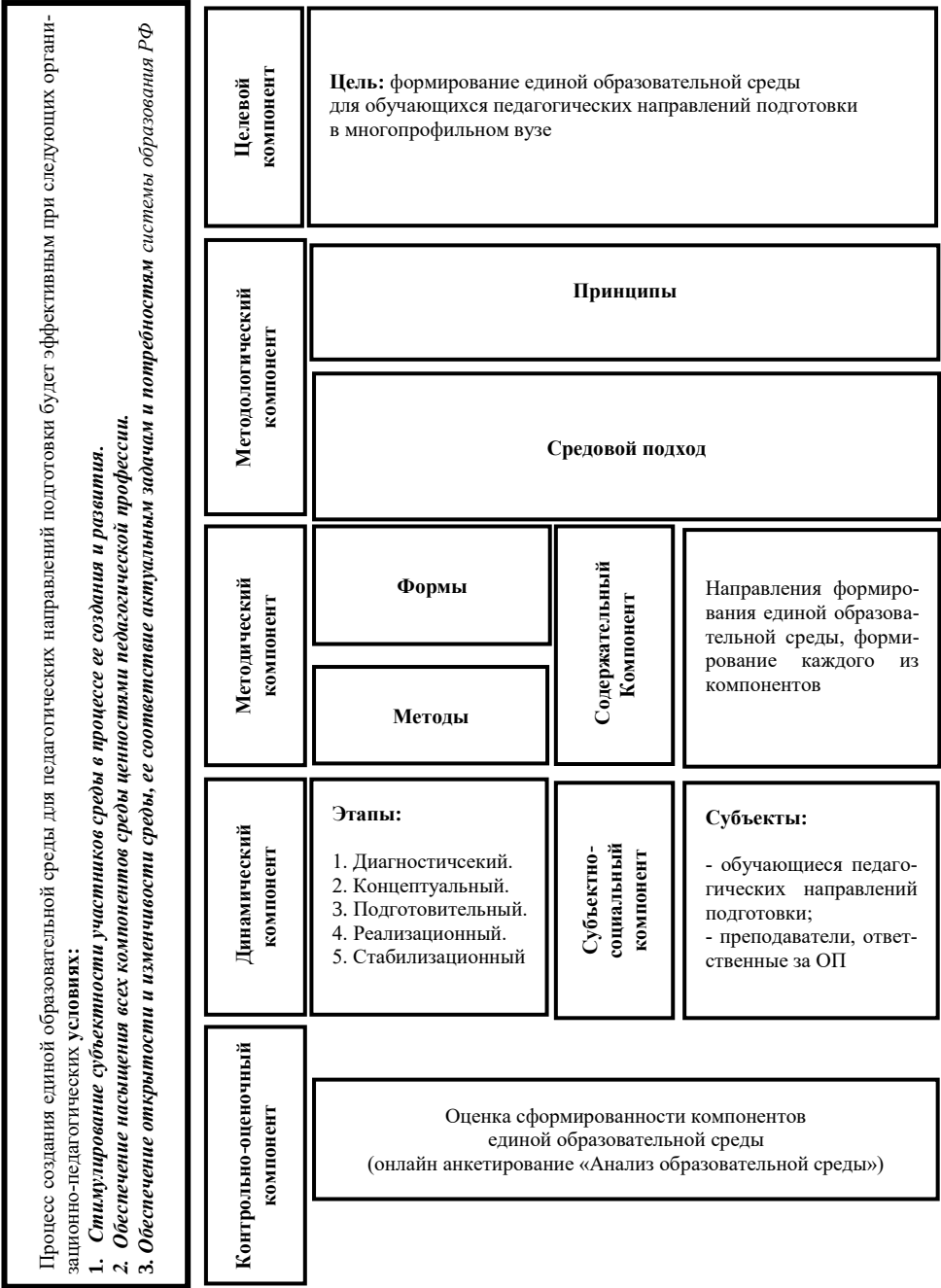

Рисунок. Модель процесса формирования единой образовательной среды педагогических направлений подготовки

Целевой компонент модели предполагает определение ожидаемого результата, декомпозицию цели относительно формирования единой образовательной среды педагогических направлений подготовки. Целью моделируемого нами процесса является формирование единой образовательной среды педагогических направлений подготовки.

Методологический компонент моделируемого процесса включает в себя подходы и принципы формирования единой образовательной среды для педагогических направлений подготовки. В своей работе мы придерживались средового подхода, который предполагает учет и целенаправленное использование возможностей среды в педагогическом процессе. Методологический компонент включает ряд принципов, которые (по мнению С. Ю. Мануйлова) представляют собой систему требований и правил. При их выполнении будет повышаться эффективность процесса при соблюдении принципов системности, вариативности, творческой позиции, партнерского общения, индивидуальной комфортности¹.

Содержательный компонент единой образовательной среды педагогических направлений подготовки включает формирование:

- ценностно-целевого компонента образовательной среды;
- технологического компонента образовательной среды;
- содержательного компонента образовательной среды;
- коммуникативного компонента образовательной среды;
- предметно-пространственного компонента;
- единого событийного ряда педагогических направлений подготовки.

Динамический компонент модели процесса формирования единой образовательной среды для педагогических направлений подготовки предполагает этапы процесса формирования единой образовательной среды педагогических направлений подготовки в многопрофильном вузе. Осуществление данного процесса можно представить в следующей логике: диагностический этап, концептуальный этап, подготовительный этап, реализационный этап, стабилизационный этап.

Методический компонент модели включает в себя используемые методы и формы процесса формирования единой образовательной среды педагогических направлений подготовки.

В своей работе мы будем использовать следующие группы методов:

1. Нормативные методы, предполагающие установление единых норм и правил, формализацию целей и ценностей педагогического образования.
2. Диагностический метод (анализ образовательных программ для педагогических направлений подготовки, анкетирование, наблюдение).
3. Метод оценки системы воспитательных мероприятий (анализ программы воспитательной работы, сравнительно-сопоставительный метод, создание единого событийного ряда педагогических направлений подготовки).

¹ Мануйлов Ю.С. Концептуальные основы средового подхода в воспитании // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2008. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnye-osnovy-sredovogo-podhoda-v-vospitanii> (дата обращения: 28.12.2021).

4. Деятельностный (формирующий) метод (формирование единого материально-технического, информационного пространства).

Субъектно-социальный компонент включает в себя субъектов, участвующих в процессе формирования единой образовательной среды. К ним относятся: преподаватели – осуществляют профессиональную деятельность на педагогических направлениях; администрация – осуществляет функцию нормативного регулирования в процессе формирования единой образовательной среды для педагогических направлений подготовки; студенты (в том числе старшекурсники); студенты младших курсов (если функционал разный); студенты являются активными участниками всех форм взаимодействия внутри образовательной среды.

В контрольно-оценочный компонент входит комплекс диагностических методик, критериев и показателей сформированности образовательной среды. Необходимо отметить, что именно через контрольно-оценочный компонент модели осуществляется постоянный мониторинг сопровождения развития единой образовательной среды обучающихся педагогических направлений подготовки.

Процесс создания единой образовательной среды педагогических направлений подготовки в многопрофильном вузе будет эффективным при следующих организационно-педагогических условиях:

- 1) стимулирование субъектности участников среды в процессе ее создания и развития;
- 2) насыщение всех компонентов среды ценностями педагогической профессии;
- 3) обеспечение открытости и изменчивости среды, ее соответствия актуальным задачам и потребностям системы образования РФ.

Содержание экспериментальной деятельности. Представленная нами модель была апробирована в ходе опытно-экспериментальной работы, которая была организована в период с мая 2019 г. по май 2022 г. на базе Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Костромской государственной академии педагогического и социального образования». Экспериментальную группу составили студенты педагогических направлений всех форм обучения с 1 по 5 курс (256 человек): 44.03.05 педагогическое образование, профиль «Начальное образование, организатор детского движения», профиль «История, организатор детского движения», профиль «Русский язык и литература», профиль «Иностранные языки», профиль «Математика и физика», профиль «Изобразительное искусство, дополнительное образование в сфере дизайна»; профиль «Музыка, дополнительное образование в сфере искусства», профиль «Физическая культура, безопасность жизнедеятельности»; преподаватели кафедр, ведущие свою профессиональную деятельность на педагогических направлениях подготовки (60 человек). Роль экспертов была отведена ответственным за образовательные программы, заведующим кафедрами (20 человек).

Опытно-экспериментальная работа осуществлялась в пять этапов, которые были выделены нами исходя из особенностей процесса формирования единой образовательной среды, а также на основе анализа работ современных исследователей (Т. В. Менг, Т. Ф. Лошакова, А. Н. Ходусова и др.).

Первый, *диагностический*, этап предполагал анализ актуального состояния образовательной среды, каждого из ее компонентов, проведение первичной диагно-

стики. Для этого нами была разработана методика анализа образовательной среды вуза, которая представлена в форме опроса и включает в себя 3 анкеты для различных субъектов образовательного процесса.

На втором этапе осуществлялась разработка концепции формирования единой образовательной среды для педагогических направлений подготовки на Совете по педагогическому образованию Костромского государственного университета, в котором приняли участие заведующие кафедрами, обеспечивающие реализацию программ УГСН 44.00.00 Образование и педагогические науки, и ответственные за образовательные программы. Итогом 2-го этапа опытно-экспериментальной работы стало проведение форсайт-сессии по теме: «Формирование единой образовательной среды педагогических направлений подготовки».

Третий этап опытно-экспериментальной работы носил организационный характер, предполагал поэтапное планирование субъектами образовательного процесса совместных действий в отношении каждого из выделенных нами компонентов образовательной среды. Полученные результаты стали основой для разработки программы формирования единой образовательной среды обучающихся педагогических направлений подготовки.

Четвертый этап опытно-экспериментальной работы – *реализационный*. Была реализована программа по формированию единой образовательной среды вуза. План мероприятий данной программы был построен нами с учетом специфики выделенных компонентов образовательной среды и включал в себя следующее: создание методического совета по педагогическому образованию; проведение мероприятий, направленных на модернизацию структуры и содержания учебных планов педагогических направлений подготовки (в их основу лег модульный принцип построения образовательной программы), унификация содержания образовательного процесса педагогического образования; анализ образовательных программ на соответствие содержания современным тенденциям, происходящим в педагогическом образовании; организация и проведение форсайт-сессий, практико-ориентированных семинаров, направленных на формирование ценностных основ будущих педагогов. Кроме этого, организовывалось участие обучающихся педагогических направлений подготовки в научно-практических конференциях («Шаг в будущее», «Ступени роста», «Педагогическая олимпиада», «Педагогическая конференция»), были созданы творческие объединения для обучающихся педагогических направлений подготовки («Педагогический театр», «Мастерская дошкольной педагогики», «Математический кружок»).

Пятый этап, *стабилизационный*, предполагал сопровождение развития единой образовательной среды педагогических направлений подготовки. В дальнейшем программные мероприятия должны быть реализованы.

Результаты исследования. На контрольном этапе эксперимента была проведена вторичная диагностика образовательной среды по разработанной нами методике «Анализ актуального состояния образовательной среды вуза». Данная методика была представлена в виде онлайн-опроса для различных субъектов образовательного процесса: студенты педагогических направлений всех форм обучения с 1-го по 5-й курс (256 человек); преподаватели кафедр, ведущие свою профессиональную деятельность на педагогических направлениях подготовки (60 человек); роль экспертов была отведена ответственным за образовательные программы, заведую-

щим кафедрами (20 человек). Всего в опросе приняли участие 336 респондентов. Анкеты для всех групп респондентов состояли из вводной части, обращения к респондентам, паспортной части и 6 основных разделов, выделенных исходя из видения структуры образовательной среды вуза: ценностно-целевой компонент, технологический компонент, содержательный компонент, предметно-пространственный компонент. В анкете были предложены как открытые (предполагающие свободный ответ), так и закрытые вопросы, представленные десятибалльной оценочной шкалой, где 1 балл являлся низшей оценкой, 10 баллов – высшей.

Проведенный опрос показал положительную динамику в оценке различными субъектами образовательного процесса компонентов образовательной среды вуза:

- увеличилось на 23 % (по сравнению с констатирующим этапом) количество обучающихся, которые осознанно размышляют над вопросом о системе ценностей педагогического образования;

- возросло (на 21 %) количество студентов, которые дают более профессионально-ориентированные ответы на вопрос об основной цели получаемого педагогического образования;

- увеличилось количество педагогов (на 16,3 %), отмечающих необходимость формализации системы ценностей и целей педагогического образования;

- возросла вовлеченность обучающихся педагогических направлений подготовки в проектную и исследовательскую деятельность (на 29 %);

- увеличилось число преподавателей, которые используют в своей работе компетентностные методы оценивания (составило 57 %);

- увеличилось число преподавателей, ориентированных на использование современных педагогических технологий (составило 74 %);

- повышен уровень актуальности и содержательности образовательных программ для обучающихся педагогических направлений подготовки, что отмечают более 60 % преподавателей;

- наблюдается положительная динамика в показателе, связанном с взаимодействием обучающихся педагогических направлений подготовки друг с другом. Данные изменения показывают повышение (на 16,3 %) их профессионально-ориентированного взаимодействия;

- возросло количество обучающихся, которые активно принимают участие в общих для педагогических направлений подготовки событиях (на 34,3 %);

- увеличилось (на 8 %) количество аудиторий, оборудованных для обучающихся педагогических направлений подготовки.

Значимость изменений, произошедших на контрольном этапе, проверялась нами по χ^2 – критерию. Так, например, при оценке ценностно-целевого компонента он составил $\approx 23,6$, что превысило критические значения χ^2 – критерия соответствующей степени свободы и подтвердило значимость произошедших изменений с вероятностью ошибки менее 0,001 (или с достоверностью 99 %). В технологическом компоненте χ^2 – критерий составил $\approx 31,2$, в содержательном $\approx 25,4$, в коммуникативном $\approx 23,2$, что также подтвердило значимость произошедших изменений с вероятностью ошибки менее 0,001 (или с достоверностью 99 %). Однако при оценке предметно-пространственного компонента χ^2 – критерий составил $\approx 3,52$, что ни-

же критического значения. Это указывает на незначительность произошедших изменений и связано со спецификой организации данного компонента.

Выводы

В ходе исследования нами были получены следующие результаты:

- сформировано единство целей и ценностных ориентиров педагогической деятельности;
- унифицировано содержание образовательного процесса обучающихся педагогических направлений подготовки;
- создано единое технологическое ядро в образовательной деятельности обучающихся педагогических направлений подготовки;
- создан единый событийный ряд для обучающихся педагогических направлений подготовки;
- повышен уровень профессионально-ориентированного взаимодействия обучающихся педагогических направлений подготовки.

Анализ и сравнение результатов диагностических процедур, полученных по каждому из компонентов среды, свидетельствуют о значительных изменениях на контрольном этапе. Кроме того, значимость изменений и различий в респондентских группах (преподаватели, студенты, эксперты) подтверждает математическая обработка данных. Следовательно, это позволяет нам утверждать об эффективности представленной модели процесса формирования единой образовательной среды педагогических направлений подготовки в многопрофильном вузе.

Список источников

Комплексная программа повышения профессионального уровня педагогических работников общеобразовательных организаций (утв. Правительством РФ 28.05.2014 № 3241п-П8) // Портал сопровождения проектов модернизации педагогического образования. URL: <http://педагогическоеобразование.рф/documents/show/48> (дата обращения: 3.02.2023).

Мануйлов Ю. С. Концептуальные основы средового подхода в воспитании // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2008. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnye-osnovy-sredovogo-podhoda-v-vospitanii> (дата обращения: 28.12.2021).

Письмо Министерства Просвещения РФ от 14.12.2021 № АЗ-1100/08 «О направлении информации» (вместе с «Методические рекомендации по подготовке кадров по программам педагогического бакалавриата на основе единых подходов к их структуре и содержанию («Ядро высшего педагогического образования»)) URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 06.02.2023).

Распоряжение Правительства РФ от 24 июня 2022 г. № 1688-р «О Концепции подготовки педагогических кадров для системы образования на период до 2030 г.». URL: <https://www.garant.ru> (дата обращения: 3.02.2023).

Ясвин В. А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию. Москва: Смысл, 2001. 365 с.

References

Kompleksnaia programma povysheniia professional'nogo urovnia pedagogicheskikh rabotnikov obshcheobrazovatel'nykh organizatsii (utv. Pravitel'stvom RF 28.05.2014 № 3241p-P8) [A comprehensive program for improving the professional level of teaching staff of general education organizations (approved by the Government of the Russian Federation on 28.05.2014 No. 3241p-P8)]. *Portal soprovozhdeniia proektov modernizatsii pedagogicheskogo obrazovaniia* [Portal of support for projects of pedagogical education modernization]. Available at: <http://pedagogicheskoeobrazovanie.rf/documents/show/48>: (accessed: 30.12.2021).

Manuilov Iu.S. Kontseptual'nye osnovy sredovogo podkhoda v vospitanii [Conceptual foundations of the environmental approach in education]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika* [Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics], 2008, no. 4. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnye-osnovy-sredovogo-podkhoda-v-vospitanii>: (accessed: 28.12.2021).

Pis'mo Ministerstva Prosveshcheniia RF ot 14.12.2021 № AZ-1100/08 «O napravlenii informatsii» (vmeste s «Metodicheskie rekomendatsii po podgotovke kadrov po programmam pedagogicheskogo bakalavriata na osnove edinykh podkhodov k ikh strukture i sodержaniu («Iadro vysshego pedagogicheskogo obrazovaniia»)) [Letter of the Ministry of Education of the Russian Federation dated 12.14.2021 No. AZ-1100/08 "On the direction of information" (together with "Methodological recommendations for training personnel in pedagogical bachelor's degree programs based on unified approaches to their structure and content ("The core of higher pedagogical education"))]. Available at: <https://www.consultant.ru> (accessed: 06.02.2023).

Rasporiazhenie Pravitel'stva RF ot 24 iyunia 2022 g. № 1688-r «O Kontseptsii podgotovki pedagogicheskikh kadrov dlia sistemy obrazovaniia na period do 2030 g.» [Decree of the Government of the Russian Federation No. 1688-r dated June 24, 2022 "On the concept of teachers' training for the education system for the period up to 2030"]. Available at: <https://www.garant.ru> (accessed: 3.02.2023).

Yasvin V. A. *Obrazovatel'naia sreda: ot modelirovaniia k proektirovaniu* [Educational environment: from modeling to design]. Moscow, 2001, 365 p.

Сведения об авторе

Мария Валерьевна Ершова – старший преподаватель кафедры педагогики и акмеологии личности; <https://orcid.org/0000-0002-6194-8677>, maria-120@yandex.ru, Костромской государственный университет (д. 17, ул. Дзержинского, 156005 Кострома, Россия); **Maria V. Ershova** – Senior Lecturer of the Department of Pedagogy and Personality Acmeology; <https://orcid.org/0000-0002-6194-8677>, maria-120@yandex.ru, Kostroma State University (17, ul. Dzerzhinskogo, 156005 Kostroma, Russia)

Статья поступила в редакцию 09.03.2023; одобрена после рецензирования 06.04.2023; принята к публикации 12.04.2023.

The article was submitted 09.03.2023; Approved after reviewing 06.04.2023; Accepted for publication 12.04.2023.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2023. № 4 (115). С. 180–189.
Cherepovets State University Bulletin, 2023, no. 4 (115), pp. 180–189.

Научная статья

УДК 378.1

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-4-115-15>

EDN: ERPFEX

Исследование уровня сформированности гендерной компетентности у студентов гуманитарных направлений

Елена Юрьевна Капустина^{1✉}, Ирина Александровна Макеева²

¹Череповецкий государственный университет,
Череповец, Россия,

²Вологодский государственный университет
Вологда, Россия

^{1✉} eiukapustina@chsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0467-7505>

² makeevaia@vogu35.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8301-7179>

Аннотация. В исследовании обосновывается значимость формирования гендерной компетентности у студентов, обучающихся на гуманитарных направлениях, как у будущих специалистов сферы деятельности «человек – человек». Охарактеризована сущность и структура гендерной компетентности. Представлены результаты исследования уровня сформированности гендерной компетентности у студентов с использованием методов статистического анализа, проанализированы полученные результаты.

Ключевые слова: компетентность, гендерная компетентность, структура гендерной компетентности

Для цитирования: Капустина Е. Ю., Макеева И. А. Исследование уровня сформированности гендерной компетентности у студентов гуманитарных направлений // Вестник Череповецкого государственного университета. 2023. № 4 (115). С. 180–189. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-4-115-15>.

Research on the level of gender competence in humanitarian students

Elena Yu. Kapustina^{1✉}, Irina A. Makeeva²

¹Cherepovets State University,
Cherepovets, Russia

²Vologda State University,
Vologda, Russia

^{1✉} eiukapustina@chsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0467-7505>

² makeevaia@vogu35.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8301-7179>

Abstract. The study substantiates the significance of gender competence formation among students studying humanitarian areas, as future specialists in the field of “human-human” activities. The

authors characterize the essence and structure of gender competence; present the level of gender competence formation in students applying statistical analysis methods; and analyze the results obtained.

Keywords: competence, gender competence, the structure of gender competence

For citation: Kapustina E. Yu., Makeeva I. A. Research on the level of gender competence in humanitarian students. *Cherepovets State University Bulletin*, 2023, no. 4 (115), pp. 180–189 (In Rus.). <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-4-115-15>.

Введение

Современное отечественное вузовское образование ориентируется на гуманистическую парадигму, для которой характерен учет индивидуальных и гендерных особенностей обучающихся на пути их самореализации. В связи с этим особую актуальность приобретает вопрос формирования гендерной компетентности у студентов в учебно-воспитательном процессе вуза. Кроме того, есть ряд профессиональных сфер, для которых гендерная чувствительность является важнейшим профессиональным качеством специалиста. Например, это необходимо для педагогических направлений подготовки и специалистов социальной сферы.

Данный вид компетентности раскрывается посредством различных личностных качеств и коммуникативных умений, связанных с гендерной культурой личности, и обладает следующими характеристиками: многофункциональность, междисциплинарность, многомерность. Его можно отнести к числу базовых компетентностей будущего педагога и специалиста по социальной работе и целесообразно целенаправленно формировать в процессе профессиональной подготовки.

Основная часть

Компетентный (от лат. «*competens*») – соответствующий, сведущий в определенной области, т. е. способный на основе знаний грамотно рассуждать о явлениях действительности, владеть соответствующими навыками и выполнять конкретные действия.

Следовательно, компетентный специалист – это человек, полноценно информированный в конкретной области знаний. Наличие соответствующих знаний позволяет ему качественно выполнять задания в исследуемой области. И в целом характеризует данного человека как способного субъекта, соответствующего определенным требованиям.

Применительно к современным студентам компетентность можно трактовать по-разному: с одной стороны, как одно из базовых свойств личности; с другой – как характеристику индивида, качественно выполняющего определенные действия. Следовательно, под компетентностью понимается определенная субъективная характеристика, объединяющая знания, умения и личностные качества личности, сплав которых обеспечивает ее эффективность в определенной сфере деятельности.

Особая область исследования компетентности – гендерная компетентность. Это понятие было введено в научный оборот недавно. Теоретические разработки и эмпирические исследования данного феномена находятся в стадии становления.

Наличие гендерной компетентности позволяет личности быть эффективной в сфере гендерных отношений. И. С. Клециной достаточно подробно исследован дан-

ный вид компетентности. Ею прописаны структурные элементы и психологические составляющие данного термина. К ним относятся эгалитарные гендерные представления, слабая выраженность гендерных стереотипов и отсутствие гендерных предубеждений. Также автор отметила, что гендерно компетентным личностям присуща партнерская модель отношений в поведении и взаимодействии с людьми своего и другого пола¹.

Раскроем каждую из составляющих гендерной компетентности подробнее.

Гендерные представления рассматриваются как обусловленные социальным контекстом понятия, взгляды, утверждения и объяснения относительно распределения ролей и статусных позиций мужчин и женщин в обществе. Они являются продуктом господствующей в конкретном обществе в определенный исторический период гендерной идеологии.

Выделяют два вида гендерных представлений: традиционные и эгалитарные.

Сторонники эгалитарных гендерных представлений пропагандируют равные возможности для самореализации личностей, независимо от их половой принадлежности.

Следующий компонент гендерной компетентности – слабая выраженность гендерных стереотипов. О. А. Воронина, исследуя гендерную культуру России, позиционирует их как «стандартизированные представления о моделях поведения и чертах характера, соответствующие понятиям «мужское» и «женское»². Стереотипы закладываются на неосознанном уровне через наблюдение ребенком отношений и поведения значимых взрослых.

Последний структурный элемент гендерной компетентности – отсутствие гендерных предубеждений, под которыми понимается определенная социальная установка с отрицательным и искаженным содержанием, предвзятое мнение по отношению к представителям иного пола.

В рамках данного исследования понятие «гендерная компетентность» требует уточнения и рассмотрения в контексте профессиональной деятельности, т. е. целесообразно ввести понятие «профессиональная гендерная компетентность» или «предпрофессиональная гендерная компетентность», которая формируется в процессе профессиональной подготовки будущих специалистов образовательной и социальной сфер.

Профессиональную гендерную компетентность можно охарактеризовать как интегративную характеристику, субъективное качество личности, профессионально значимое качество, ключевыми компонентами которой являются гендерные знания, способность и готовность активно, ответственно и эффективно реализовывать весь комплекс профессиональных обязанностей, трудовых функций и действий в соответствии с профессиональным стандартом, готовность и способность осознанно и эффективно осуществлять профессиональную деятельность.

¹ Гендерная психология / под редакцией И. С. Клецкой. Санкт-Петербург: Питер, 2009. 496 с.

² Воронина О. А. Гендерная культура в России: традиции и новации. Москва: ИФ РАН, 2018. 111 с.

Основываясь на данной позиции, мы выделили следующие общие критерии профессиональной гендерной компетентности: когнитивный (система усвоенных гендерных знаний и понятий), мотивационный (система осознанных мотивов, целей, задающая интерес к гендерно-чувствительной профессиональной деятельности и потребность в ее осуществлении), эмоционально-ценностный (положительное эмоциональное отношение к деятельности в сфере гендерных отношений, система гендерных ценностей); конативно-деятельностный (сформированность навыков реального поведения на основе соблюдения нравственно-правовых норм, выполнения обязанностей в соответствии с заданными профессиональными стандартами, этическими нормами и своей профессионально-личностной позицией, включения в различные виды гендерного взаимодействия с целью приобретения и развития опыта профессиональной деятельности), рефлексивно-регулятивный (развитие самоанализа результатов различных форм гендерного взаимодействия, умение рефлексировать и корректировать свои трудовые действия).

Отметим, что гендерную компетентность можно отнести к числу основных профессиональных компетентностей будущего педагога и специалиста по социальной работе, потому что первичным дифференцирующим признаком объектов их деятельности являются половые различия и гендерные особенности. Также она аккумулирует в себе личностные качества, интеллектуальные способности и коммуникативные умения будущих специалистов, взаимосвязанные с гендерной культурой (знания, нормы, ценности, этикет), для нее характерны многофункциональность, междисциплинарность и многомерность.

Следует отметить, что гендерная компетентность субъекта педагогической деятельности и социального обслуживания будет означать способность педагогов и специалистов по социальной работе (как мужчин, так и женщин) замечать ситуации гендерного неравенства в окружающей их социальной среде, противодействовать в профессиональной деятельности сексистским, дискриминационным воздействиям и влияниям на детей и получателей социальных услуг; не создавать самим в процессе профессионального взаимодействия ситуации гендерного неравенства.

Необходимо упомянуть, что изучение сформированности предпрофессиональной гендерной компетентности является актуальным направлением педагогических исследований.

Цель нашей статьи – выявить уровень сформированности предпрофессиональной гендерной компетентности у студентов, обучающихся на гуманитарных направлениях подготовки – будущих педагогов и специалистов по социальной работе. Поскольку более показательным и объективным будет сравнительный анализ гендерной компетентности студентов, для которых данное качество является профессионально значимым (педагог, специалист по социальной работе), и студентов, для которых гендерная позиция является преимущественно личностной позицией, включили в исследование студентов технических направлений (направление «Машиностроение»).

Гипотеза исследования: уровень сформированности предпрофессиональной гендерной компетентности у будущих педагогов и специалистов по социальной работе будет выше, чем у студентов, профессиональная компетентность которых не включает гендерную компетенцию как обязательную.

Диагностической базой исследования являлись организации высшего образования: Вологодский государственный университет и Череповецкий государственный университет. В исследовании приняло участие 150 студентов. Было сформировано 3 диагностические группы: первая – 50 студентов, обучающихся на педагогических направлениях (ЧГУ), вторая группа – 50 студентов, обучающихся по направлению подготовки «Социальная работа» (ВоГУ), третья группа – 50 студентов, обучающихся по направлению подготовки «Машиностроение» (ВоГУ). Средний возраст участников 18–19 лет, что позволяет говорить о равнозначности групп, так как участников сближают возрастные характеристики, общность социального опыта, схожесть образовательного контента, поскольку на 1–2 курсах преимущественно реализуются общеобразовательные, а не профильные дисциплины (модули). В целом соотношение юношей и девушек, принявших участие в эксперименте, представлено как 60 и 90 человек.

Исследование проводилось по адаптированной методике, разработанной И. С. Клещиной, ибо опросник «Гендерные характеристики личности» аккумулирует теоретические разработки автора о психологическом содержании и структуре гендерной компетентности¹.

Студентам было предложено ответить на вопросы и выразить свое согласие или несогласие с обозначенными суждениями, которые соответствуют трем блокам гендерной компетентности личности. При анализе гендерных представлений высчитывалось количество эгалитарных и традиционных позиций. При анализе гендерных стереотипов и предубеждений вычислялось их количество. В процессе исследования проведен корреляционный анализ для проверки взаимосвязей между показателями анкеты. Он показал наличие тесных отрицательных связей между эгалитарными и патриархатными представлениями, эгалитарными представлениями и гендерными стереотипами, эгалитарными представлениями и гендерными предубеждениями. Тесные положительные связи существуют между патриархатными представлениями и гендерными стереотипами, патриархатными представлениями и гендерными предубеждениями, гендерными стереотипами и гендерными предубеждениями. Это свидетельствует о том, что с возрастанием патриархатных представлений респонденты будут руководствоваться гендерными стереотипами и предубеждениями, а с увеличением эгалитарных представлений они будут для них неприемлемы.

Проанализировав и обобщив имеющиеся исследования, мы установили, что большинство авторов преимущественно опираются на трехуровневое ранжирование, выделяя низкий, средний, высокий уровни сформированности изучаемой характеристики личности. Данная градация традиционна, но при этом достаточно технологична, поскольку апеллирует к понятию «норма» (средний уровень). Это позволяет соотносить фактические характеристики сформированности гендерной компетентности с допустимым / недопустимым и желательным диапазоном проявлений.

¹ Клещина И. С. Формирование и развитие гендерной компетентности // Технологии конструирования гендера: учебно-методический комплекс. Санкт-Петербург: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. С. 128–171.

В нашем исследовании выделены три уровня сформированности предпрофессиональной гендерной компетентности: низкий уровень, или пороговый; средний уровень, понимаемый как достаточный, и высокий уровень, который соотносим с оптимальным уровнем. Вслед за И. В. Клёчиной средний уровень мы подразделяем на три подуровня: первый подуровень – с тенденцией к высокому уровню, второй – средний подуровень, и третий – подуровень с тенденцией к низкому уровню гендерной компетентности. Характеристика всех уровней сформированности гендерной компетентности представлена в табл. 1.

Таблица 1

Характеристика уровней сформированности гендерной компетентности

Название уровня		Характеристика вариантов ответов респондентов
Низкий уровень (пороговый)		Менее 25 % ответов – эгалитарные представления. Более 75 % ответов – гендерные стереотипы. Более 75 % ответов – гендерные предубеждения
Средний уровень (достаточный)	Подуровень с тенденцией к низкому уровню	Не менее 25 % ответов – эгалитарные представления. Не более 75 % ответов – гендерные стереотипы. Не более 75% – гендерные предубеждения
	Средний подуровень	Не менее 35 % ответов – эгалитарные представления. Не более 65 % ответов – гендерные стереотипы. Не более 50% ответов – гендерные предубеждения
	Подуровень с тенденцией к высокому уровню	Не менее 65 % – эгалитарные представления. Не более 35 % – гендерные стереотипы. Не более 20% – гендерные предубеждения
Высокий уровень (оптимальный)		75 % и более ответов – эгалитарные представления. Не более 25 % ответов – гендерные стереотипы. 0% ответов – гендерные предубеждения

Исследование проводилось поэтапно.

На первом этапе ставилась задача выявить распределение респондентов по уровням гендерной компетентности во всех группах дифференцированно и в общем. В табл. 2 представлены результаты.

Таблица 2

Результаты распределения студентов по пяти уровням гендерной компетентности

Название уровня	Студенты, обучающиеся по направлению подготовки «Педагогическое образование» (%)	Студенты, обучающиеся по направлению подготовки «Социальная работа» (%)	Студенты, обучающиеся по направлению подготовки «Машиностроение» (%)	Среднее значение (%)
Низкий уровень (пороговый)	1	1	3	5
Средний подуровень с тенденцией к низкому уровню	3	4	27	34
Средний подуровень	11	9	16	36
Средний подуровень с тенденцией к высокому уровню	7	7	2	16
Высокий уровень (оптимальный)	5	3	1	9

Из приведенных в табл. 2 данных видно, что в среднем наибольшее количество респондентов продемонстрировали средний уровень гендерной компетентности (86 %). Тогда как количество студентов с высоким и низким уровнем гендерной компетентности по числу респондентов составило менее 10 % каждый. Однако эти показатели неравнозначны в группах по разным направлениям подготовки. Более высокие значения среднего уровня демонстрируют студенты, обучающиеся на гуманитарных направлениях, объектами профессиональной деятельности которых являются люди (дети, взрослые, люди в трудной жизненной ситуации), и существенно ниже показатели среднего уровня демонстрируют студенты сферы «Человек – техника». Соответственно, среди них выше процент обучающихся с низким уровнем.

На втором этапе исследования решалась задача проведения сравнительного анализа студентов, продемонстрировавших высокий и низкий уровень гендерной компетентности. Участники из группы с пороговым и оптимальным уровнем были объединены с респондентами среднего уровня соответствующих подуровней.

В итоге были определены три основные группы респондентов: первая группа – гендерно компетентные респонденты. Их численность составила 25 %. В ее состав вошли респонденты с высоким уровнем гендерной компетентности и студенты со средним подуровнем гендерной компетентности с тенденцией к высокому уровню. Вторую группу образовали студенты со средним уровнем гендерной компетентности численностью 36 %. Третью группу образуют гендерно некомпетентные респонденты.

ты. В ее составе студенты с низким уровнем гендерной компетентности и респонденты со средним уровнем с тенденцией к низкому уровню гендерной компетентности. В процентном соотношении это самая многочисленная группа – 39 %.

На третьем этапе исследования проводилось выявление специфики гендерных представлений среди студентов мужского и женского пола. Для решения данной задачи кроме опроса использовался метод беседы, который реализовывался в ходе практических занятий при обсуждении гендерных вопросов. Это позволило выделить особенности в оценке составляющих гендерной компетентности студентами:

- для девушек-респондентов характерна тенденция к проявлению эгалитарных гендерных представлений, молодые люди в большинстве – приверженцы традиционных (патриархатных) гендерных представлений. Данный вывод подтвердился высказываниями юношей на практических занятиях, которые убеждены в том, что именно мужчины должны занимать лидирующие и доминирующие позиции в обществе, а женщинам следует реализовываться не в общественной, а в приватной (семейной) сфере;

- в сознании респондентов мужского пола, несмотря на постепенные трансформационные изменения в современном российском обществе в сторону эгалитаризма полов, по-прежнему сильны четко заложенные с детства традиционные стереотипы, соответствующие понятиям «мужское» и «женское»;

- студентки, в отличие от представителей противоположного пола, в своих ответах продемонстрировали большую свободу от гендерных предубеждений: от полного их отсутствия до вариантов проявления в скрытой форме.

Результаты распределения студентов разных полов по группам сформированности гендерной компетентности представлены в табл. 3.

Таблица 3

Распределения студентов разных полов по группам сформированности гендерной компетентности

Название группы	Количество респондентов в процентах	
	Девушки (%)	Юноши (%)
Гендерно компетентные студенты	33	12
Студенты со средним уровнем гендерной компетентности	36	38
Гендерно некомпетентные студенты	31	50

Данные табл. 3 подтверждают выделенные выше гендерные особенности в оценке составляющих гендерной компетентности студентами, принимавшими участие в исследовании. Общее количество студенток в каждой из трех групп практически равноценно, а вот количество юношей разное. В группе молодых людей, демонстрирующих гендерную компетентность, всего 12 % от общего числа респондентов, в то же время представители гендерно некомпетентной группы составили половину опрошенных.

Таким образом, гендерную компетентность студентов педагогического и социального профиля и их готовность к реализации гендерного подхода в будущей профессиональной деятельности нужно формировать поэтапно в образовательном процессе вуза.

Целесообразно интегрировать гендерные знания в содержание профессиональной подготовки будущих педагогов и специалистов по социальной работе в рамках обязательного и вариативного модуля психолого-педагогических дисциплин. Также на протяжении всего обучения следует систематически отслеживать процесс формирования гендерной компетентности у студентов как необходимого компонента профессиональной компетентности современного специалиста образовательной и социальной сфер.

Проведенное исследование показало заинтересованность студентов направления подготовки «Машиностроение» в повышении гендерной компетентности, понимание важности гендерных аспектов отношений как в профессиональной сфере, так и в личных отношениях.

Выводы

Исходя из результатов проведенного исследования, следует констатировать, что интерес к гендерной тематике у представителей обоих полов студентов велик. Несмотря на достаточно невысокий уровень сформированности гендерной компетентности у студентов 1–2 курсов, они позитивно настроены как на освоение теоретического материала, так и на активное участие в практических занятиях по гендерной проблематике. Будущие педагоги и специалисты по социальной работе демонстрируют понимание запроса реалий сегодняшнего дня на уровне компетентных специалистов, включая область гендерных отношений.

На основе вышеизложенного можно констатировать, что формирование гендерной компетентности у будущих специалистов, несомненно, актуально. Несмотря на индивидуально-личностные особенности для каждого современного педагога и специалиста по социальной работе важно понимание того, что современному и конкурентоспособному специалисту необходимо иметь достаточный уровень гендерной компетентности с целью создания гендерно комфортного образовательного пространства, ориентированного на развитие личности с учетом ее природного потенциала и среды для оказания социальной помощи.

Список литературы

Воронина О. А. Гендерная культура в России: традиции и новации. Москва: ИФ РАН, 2018. 111 с.

Гендерная психология / под редакцией И. С. Клёциной. Санкт-Петербург: Питер, 2009. 496 с.

Клёцина И. С. Формирование и развитие гендерной компетентности // Технологии конструирования гендера: учебно-методический комплекс. Санкт-Петербург: РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. С. 128–171.

Теория и методология гендерных исследований. Курс лекций / под редакцией О. А. Ворониной. Москва: МЦГИ-МВШСЭН-МФФ. 2001. 415 с.

References

- Voronina O. A. *Gendernaia kul'tura v Rossii: traditsii i novatsii* [Gender culture in Russia: Traditions and Innovations]. Moscow: IF RAN, 2018. 111 p.
- Gendernaia psikhologiya* [Gender psychology]. St Petersburg: Piter, 2009. 496 p.
- Kletsina I. S. Formirovanie i razvitie gendernoi kompetentnosti [Formation and development of gender competence]. *Tekhnologii konstruirovaniia gendera* [Gender construction technologies]. St Petersburg: RGPU im. A. I. Gertsena, 2008, pp. 128–171.
- Teoriia i metodologiya gendernykh issledovani* [Theory and methodology of gender studies]. Moscow: MTsGI-MVShSEN-MFF, 2001, 415 p.

Сведения об авторах

Елена Юрьевна Капустина – кандидат педагогических наук, доцент; <https://orcid.org/0000-0002-1825-0098>, eiukapustina@chsu.ru, Череповецкий государственный университет (д. 5, пр-т Луначарского, 162600 Череповец, Россия); **Elena Yu. Kapustina** – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor; <https://orcid.org/0000-0002-1825-0098>, eiukapustina@chsu.ru, Cherepovets State University (5, pr. Lunacharskogo, 162600 Cherepovets, Russia).

Ирина Александровна Макеева – кандидат педагогических наук, доцент; <https://orcid.org/0000-0002-8301-7179>, makeevaia@vogu35.ru, Вологодский государственный университет, (д.15, ул. Ленина, 160000 Вологда, Россия); **Irina A. Makeeva** – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor; <https://orcid.org/0000-0002-8301-7179>, Irinadarina4@yandex.ru, Vologda State University (15, ul. Lenina, 160000 Vologda, Russia).

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests

Статья поступила в редакцию 06.04.2023; одобрена после рецензирования 28.04.2023; принята к публикации 04.05.2023.

The article was submitted 06.04.2023; Approved after reviewing 28.04.2023; Accepted for publication 04.05.2023.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2023. № 4 (115). С. 190–200.
Cherepovets State University Bulletin, 2023, no. 4 (115), pp. 190–200.

Научная статья

УДК 811.1

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-4-115-16>

EDN: ERWGXQ

Новый подход в обучении иностранному языку студентов неязыковых специальностей в контексте трансформации российского образования

Татьяна Дмитриевна Ладыжникова^{1✉}, Валентина Ивановна Ладыжникова²

^{1,2}Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия

^{1✉}tatlad48@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8721-5412>

²ladyzhnikova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7752-0886>

Аннотация. Авторы рассматривают и обсуждают важнейшие вопросы национального проекта Министерства просвещения «Образование» (2019–2024 гг.) по модернизации педагогического образования, ставящего целью личностно-ориентированный подход за счет внедрения новых образовательных технологий, обновления содержания, повышения мотивации к обучению и вовлеченности обучающихся в образовательный процесс. Обучение иностранному языку студентов неязыковых специальностей педагогических вузов направлено на иноязычную повседневную и профессионально-ориентированную коммуникацию, тесно связано с интеграцией иностранного языка и профилирующих дисциплин, отражает основные черты современной системы образования. Авторы считают эффективной и перспективной в иноязычном образовании технологию смешанного обучения, имеющую высокий дидактический потенциал. Это ставит задачу создания ее системно-интегративной модели.

Ключевые слова: трансформация педагогического образования, инновации, иноязычное образование, смешанное обучение, системно-интегративный подход

Для цитирования: Ладыжникова Т. Д., Ладыжникова В. И. Новый подход в обучении иностранному языку студентов неязыковых специальностей в контексте трансформации российского образования // Вестник Череповецкого государственного университета. 2023. № 4 (115). С. 190–200. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-4-115-16>.

A new approach to teaching a foreign language to students of non-linguistic majors in the context of the Russian education transformation

Tatiana D. Ladyzhnikova^{1✉}, Valentina I. Ladyzhnikova²

^{1,2} The Herzen State Pedagogical University of Russia,
St Petersburg, Russia

^{1✉}tatlad48@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8721-5412>

²ladyzhnikova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7752-0886>

Abstract. The article considers and discusses the most important issues of the National Education Project (2019–2024) on the modernization of teacher education, which aims at a personality-oriented

approach through the introduction of new educational technologies, updating content, increasing motivation for learning and involvement of students in the educational process. Teaching a foreign language at non-linguistic faculties of pedagogical universities is aimed at daily foreign language and professionally-oriented communication, is closely connected with the integration of a foreign language and core disciplines, and reflects the main features of the modern education system. The authors consider the technology of blended learning to be effective and promising in foreign language education at non-linguistic faculties, having a high didactic potential, which sets the task of developing its system-integrative model.

Keywords: transformation of pedagogical education, innovations, foreign language education, blended learning, system-integrative approach

For citation: Ladyzhnikova T. D., Ladyzhnikova V. I. A new approach to teaching a foreign language to students of non-linguistic majors in the context of the Russian education transformation. *Cherepovets State University Bulletin*, 2023, no. 4 (115), pp. 190–200 (In Rus.). <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-4-115-16>.

Введение

В рамках приоритетного национального проекта Министерства просвещения России «Образование» (2019–2024 гг.) запущена комплексная программа по модернизации и стратегическому развитию педагогических вузов «Учитель будущего поколения», которая призвана обеспечить глобальную конкурентоспособность российского образования, вхождение Российской Федерации в число 10 ведущих стран мира по качеству образования¹.

Профессия учителя имеет особый статус, так как именно педагог формирует основы мировоззрения молодого поколения, а следовательно, от учителя во многом зависит будущее России. К сожалению, сегодня мы потеряли молодежь в социальном пространстве. Чтобы исправить ситуацию, необходимо изменить систему педагогического образования, создать единую образовательную среду, позволяющую готовить молодых педагогов, применяющих в своей работе междисциплинарные знания. Целью трансформации должен стать личностно-ориентированный подход в обучении – воспитание гармонично развитой, открытой новому и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций. Без этого невозможно дальнейшее развитие общества. Осуществляться эта идея должна на базе инноваций, которые содействуют образованию и развитию обучающегося. Поэтому в фокусе внимания педагогических вузов должно быть новое учебно-методическое обеспечение с нацеленностью на применение современных технологий, построение нелинейной системы обучения. Внедрение новых методов обучения, воспитания и образовательных технологий, обновление содержания, повышение мотивации к обу-

¹ Национальный проект «Образование». URL: <https://strategy24.ru/rf/education/projects/natsionalnyy-proekt-obrazovanie> (дата обращения: 27.03.2023); Тряпицына А. П. Инновации в педагогическом образовании как необходимое условие реализации приоритетного национального проекта «Образование» // Вестник Герценовского университета. Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, 2007. № 1(39). С. 28–30.

чению и вовлеченности обучающихся в образовательный процесс – приоритетные задачи в решении указанной цели.

Обучение иностранному языку студентов неязыковых специальностей педагогических вузов направлено на иноязычную повседневную и профессионально-ориентированную коммуникацию, тесно связано с интеграцией иностранного языка и профилирующих дисциплин, формирует билингвальное образовательное пространство. Однако для создания единой образовательной среды необходим новый подход – системно-интегративный, который связан с использованием электронных обучающих средств, сочетающих традиционные формы обучения в очном формате и методы, приемы, технологии в формате онлайн.

Большая работа предстоит в связи с отказом от Болонской системы и разработкой своей собственной системы высшего образования, в основе которой будут лежать интересы национальной экономики. Переход к новым образовательным стандартам будет плавным, так как мгновенный выход из Болонской системы невозможен. Необходимо соблюдать баланс и объединить все лучшее, что было накоплено в советское время, и опыт последних десятилетий.

Основная часть

С начала этого столетия формируется новый подход к организации процесса обучения и представлению образовательного контента – концепция Education 3.0. Образование будущего Education 3.0 – это хьютагогический, коннективистский подходы к обучению.

Хьютагогический подход – это самостоятельное творческое обучение, при котором обучающийся сам для себя определяет, что будет изучать, когда и в какой форме. Важное инновационное изменение – переход на нелинейную систему обучения. «Это – процесс, в котором студент имеет возможность сам выстраивать свой образовательный маршрут»¹.

О. В. Акулова, анализируя способы реализации нелинейного обучения в Герценовском университете, выделяет «4 уровня выбора»: «выбор образовательной программы (бакалавр, магистр, специалист)», «выбор профессии или специализации внутри выбранной образовательной программы», «выбор дисциплин», «выбор дополнительного образования». Кроме того, для приобретения знаний студент может участвовать во всевозможных семинарах, конференциях, стажировках².

В рамках дополнительного образования в Герценовском университете нами созданы и успешно реализуются общеразвивающие программы «Иностранный язык (немецкий). Практический курс для бытового общения», позволяющие получать после окончания курса и аттестации сертификаты А1, А2, В1, В2. Программы способствуют формированию у обучающихся иноязычной коммуникативной компетенции

¹ Акулова О. В. Инновационная подготовка педагогических кадров в условиях нелинейной организации образовательного процесса // Вестник Герценовского университета. Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, 2007. № 1(39). С. 30.

² Там же. С. 30–32.

как средства, позволяющего обеспечить свои коммуникативно-познавательные потребности и решать практические задачи в сфере повседневно-бытового общения с носителями языка.

Коннективистский подход – это обучение с помощью социальных сетей, цифровых технологий. Ведущими зарубежными представителями теории коннективизма являются С. Даунс и Д. Сименс, которые разработали концепцию сети как наиболее эффективного инструмента обучения, средства коммуникации и сотрудничества. В отечественной литературе проблемами изучения и разработки основных положений теории коннективизма занимаются К. С. Итинсон, П. С. Ломаско, А. Л. Симонова, Е. И. Соболева, В. М. Чиркова, Е. В. Василевская и др.

Учащиеся в условиях хьютагогической, коннективистской среды обучения:

- сами определяют, что они хотят изучать;
- объединяются в группы для поиска решения стоящих задач;
- используют опыт и знания педагогов и других членов их сообщества для размещения контента, использования онлайн-инструментов, чтобы производить и демонстрировать образовательные продукты;
- берут на себя инициативу, чтобы искать обратную связь от педагогов и своих сверстников.

Концепция Education 3.0. предусматривает создание персонализированного, самоопределяющегося образования за счет интеграции традиционных и цифровых технологий. Самоопределение происходит на основе интересов обучающихся, где объединяются решение проблем, инновации и творчество. Педагог оказывает помощь в повышении качества обучения, модулирует процесс самоопределяющегося образования студентов. Студенты, обмениваясь при этом между собой передовым опытом и стратегиями для эффективного овладения знаниями, становятся наставниками друг другу. Переориентация ролей преподавателя и студента важны, актуальны. Поэтому мы осуществляем постоянно поиск новых форм реализации этого процесса. Так, удачной интерактивно-образовательной акцией стал «День самоуправления в Герценовском университете», приуроченный ко Дню учителя. Обучающиеся смогли применить свои педагогические и управленческие компетенции, выступив в роли преподавателей, руководителей структурных подразделений. Например, нестандартно и креативно в рамках дисциплины «Немецкий язык» прошли уроки студентов на темы «Немецкий Санкт-Петербург», «Петр Первый и немцы в реформировании российского образования», чему предшествовала большая самостоятельная работа по изучению материалов в Интернете, посещению памятных мест, подготовке презентаций с использованием цифровых носителей, консультации со специалистами. 2023 год – год празднования 200-летия со дня рождения основоположника русской научной дидактики К. Д. Ушинского, а также год, объявленный в России Годом педагога и наставника. Он должен дать богатый научный материал для формирования новых компетенций и прежде всего социокультурной компетенции, а также педагогических функций.

В области появления новых педагогических функций и профессий, а также направлений для дальнейшего анализа и прогнозирования «педагогических профес-

сий будущего» интересен обзор исследований «Форсайт Компетенций 2030». Он проведен Московской школой управления «Сколково» и Агентством стратегических инициатив. Выявлен спрос на новые компетенции и сделан обзор востребованных профессий будущего, что нашло отражение в «Атласе новых профессий 3.0»¹. На базе метапредметных или надпрофессиональных компетенций (креативность, критическое мышление, мультиязычность, мультикультурность, эмпатия, коммуникация, умение работать с информацией и информационными технологиями) были спрогнозированы новые профессии XXI века. В педагогической области это – «разработчик инструментов обучения состояниям сознания, разработчик образовательных траекторий, тьютор, модератор, организатор проектного обучения, координатор образовательной онлайн-платформы, игропедагог, игромастер, тренер по майнд-фитнесу, экопроповедник, ментор стартапов»².

Разобраться, какие профессии и навыки будут востребованы уже в недалеком будущем, помогают также результаты совместной работы Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» и ПАО «Сбербанк». В атласе названы «50 перспективных профессий, выявленные на основе анализа глобальных трендов технологического развития, прогнозов, оценок работодателей и экспертов. Для каждой профессии рассмотрены драйверы спроса, задачи, стоящие перед специалистами, и необходимые для их решения знания и компетенции»².

Особенно хочется отметить формирование у обучающихся таких компетенций, как мультиязычность и мультикультурность. Семьдесят процентов профессий будущего включает требование овладения этими универсальными навыками. Знание иностранного языка является одним из слагаемых профессионального успеха. Еще более шанс возрастает, если специалист владеет профессионально-ориентированным иностранным языком. Отсюда вытекает актуальность совершенствования обучения иностранному языку студентов неязыковых специальностей вузов за счет внедрения инновационных и цифровых технологий, что является предметом нашего исследования.

В последние годы в профессиональной деятельности преподавателей вуза произошли существенные изменения. Это не только обновление творческого педагогического кадрового состава, новые роли тьютора, консультанта, разработчика. Значительно расширилась профессиональная специализация преподавателей в рамках одного структурного подразделения. Так, профессорско-преподавательский состав кафедры немецкого и романских языков для профессиональной коммуникации Герценовского университета включает специалистов не только в области иностранных языков (немецкому, французскому, испанскому, итальянскому) для профессиональной коммуникации, но и в межкультурной коммуникации, лингвострановедения,

¹ Атлас новых профессий 3.0 / под редакцией Д. Варламовой, Д. Судакова. Москва: Интеллектуальная Литература, 2020. 456 с.

² Махотин Д. А. Профессии будущего в педагогической области // Интерактивное образование. 2021. № 1. С. 47–52.

² Атлас профессий будущего / под редакцией Н. Ю. Анисимова, Л. М. Гохберг, Г. О. Греф. Москва: НИУ ВШЭ, 2021. 240 с.

теории и практики перевода, компьютерной поддержки преподавания иностранных языков, лексикологии, стилистики, теории литературы, терминоведения, теоретической грамматики, теоретической фонетики, сравнительно-сопоставительного анализа. Мы считаем такой тандем явлением положительным, так как он позволяет творческому труду объединиться с интеллектуальными ресурсами. Содружество преподавателей формирует единый качественный подход в обучении иностранным языкам, обогащает каждого из специалистов опытом коллег, способствует максимальной преемственности в программах многоуровневого высшего образования (бакалавриат, магистратура, специалитет, аспирантура). Это создает также прочную основу для перехода на новую структуру базовой подготовки кадров за счет интеграции в Болонскую систему достижений советской высшей школы. Кроме этого, «преподаватели разных факультетов тоже стали работать в команде, учась друг у друга», работая в одном ключе, «осваивая имеющиеся и создавая новые технологии». «Возникает ситуация сопричастности» всех преподавателей вуза к решению поставленных задач в области образования, что можно рассматривать как один из важнейших результатов инновационных преобразований¹ по созданию единой образовательной среды, способствующей формированию у студентов междисциплинарных знаний¹.

Для распространения инноваций и решения обозначенных задач необходимо соответствующее новое учебно-методическое обеспечение с нацеленностью на современные технологии, что должно быть в фокусе внимания педагогических вузов. Дидактическим новшеством последних лет, которое прошло апробацию и широко востребовано в системе вузовского образования, стали электронные учебные курсы. Они включают видеолекции, текстовые конспекты лекций, домашние задания, тесты. Нами создан электронный курс «Модуль коммуникативный. Иностранный язык (немецкий)» для студентов 1 курса бакалавриата неязыковых факультетов², который выдвинут на конкурс РАН в номинации «Лучший цикл научно-популярных лекций для школьников и студентов». Будучи вводным, курс играет большую роль в формировании мотивации, создании у студентов заинтересованности, осмысленности и целесообразности изучения дисциплины.

С 2021 года в Герценовском университете реализуется образовательный кластер «Технопарк РГПУ им. А. И. Герцена»³. Это «единая образовательная среда для социокультурной адаптации, подготовки педагогов, применяющих в своей работе междисциплинарное и метапредметное конструирование, а также среда для профес-

¹ Тряпицына А. П. Инновации в педагогическом образовании как необходимое условие реализации приоритетного национального проекта "Образование" // Вестник Герценовского университета. Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, 2007. № 1 (39). С. 28–30.

² Электронные учебные курсы Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. URL: <https://moodle.herzen.spb.ru/course/view.php?id17110> (дата обращения 27.03.2023).

³ Технопарк Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. URL: <https://technopark.herzen.spb.ru> (дата обращения 27.03.2023).

сионального развития практикующих педагогов и повышения квалификации»¹. Технопарк хорошо зарекомендовал себя для реализации сетевых межпредметных образовательных программ, создания среды для совместного проектирования, решения научно-исследовательских задач и подготовки команд педагогов. Работая с молодежными сообществами, он ставит целью обеспечить практикой студентов и школьников, сформировать у них универсальные компетенции.

Образовательные технологии невозможно сегодня представить без использования Интернета, цифровых устройств, дистанционного онлайн-обучения. Они разнообразны и многочисленны. Так, в зависимости от степени офлайн- и онлайн-сочетания существует более 40 разновидностей смешанного обучения, которое доминирует на современном этапе в иноязычном образовании².

О. И. Трубицина и Д. С. Маркеева проанализировали наиболее распространенные модели смешанного обучения, эффективно используемые в обучении иностранному языку, а также определили их дидактический потенциал³. По мнению авторов, наиболее эффективным в иноязычном образовании является метод «ротация», «представленный в виде моделей «ротация станций» (the Station Rotation model) «перевернутый класс» (the Flipped Classroom), «ротация лабораторий» (the Lab Rotation model)»⁴. Мы разделяем позицию авторов. Модели смешанного обучения позволяют реализовать индивидуальный подход, выстроить его траекторию. Преподаватель может работать с малыми группами, формировать компетенции обучающихся на основе смешанных источников информации (дистанционные цифровые технологии, Интернет, традиционные учебные пособия и др.), дифференцировать очное и дистанционное обучение, объединять теорию и практику, консультировать в решении задач. Все это обеспечивает «интерактивность процесса обучения иностранным языкам, делает мониторинг успеваемости студентов более легким и менее затратным по времени»⁵.

Внедрение нами смешанного обучения в учебный процесс показало, что достаточно эффективно оно при работе с магистрантами и аспирантами по дисциплинам «Иностранный язык в профессиональной коммуникации», «Иноязычная коммуникация в сфере научно-исследовательской деятельности», «Технология перевода научных текстов по профилю подготовки», «Реферирование и аннотирование иноязычной литературы по профилю подготовки», когда у обучающихся, объединенных в одну учебную группу на платформе общих профессиональных интересов, суще-

¹ Итоги реализации проекта «Учитель будущего поколения России». 26 декабря 2022. URL: <https://nsfu.ru/news/itogi-realizatsii-proekta-uchitel-budushchego-pokoleniya-rossii> (дата обращения: 09.04.2023).

² Трубицина О. И., Маркеева Д. С. Дидактический потенциал моделей смешанного обучения иностранному языку // Герценовские чтения. Иностранные языки. Сборник научных трудов / ответственные редакторы: Т. И. Воронцова, Н. Ю. Зайцева. Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, 2022. С. 446.

³ Там же. С. 445–448.

⁴ Там же. С. 446–447.

⁵ Там же. С. 448.

ствуют еще и узкопрофессиональные интересы, связанные с тематикой написания научной работы.

Однако использование смешанного обучения ставит ряд проблем в его организации и использовании: необходимо обеспечить равенство доступа к цифровым технологиям всех обучающихся, наличие высоких профессиональных навыков в области цифровых технологий как у преподавателя, так и у изучающих иностранный язык, финансовые затраты. Очевидна перестройка традиционных занятий и тщательная подготовка к этому процессу преподавателя, что требует дополнительного времени.

Содержание традиционного обучения иностранному языку подчиняется выверенным теоретическим установкам на базе общедидактических и частнометодических принципов. Ю. В. Еремин и Е. Ю. Насыбуллина ставят в своей работе ряд актуальных вопросов о методологических положениях дистанционного и смешанного обучения, а также о принципах их корреляции и использовании в процессе обучения¹. Исходя из того, что «современный процесс образования есть процесс интегративный, проявляющийся в системной организации и реализации поставленных учебных целей и задач», они считают, что таким подходом может стать «системно-интегративный подход», который позволит в иноязычном образовании обеспечить «развитие образовательного потенциала личности, расширение и укрепление связи между очным и онлайн-обучением на всех уровнях языковой и речевой подготовки, формирование умений использования интегративных технологий», «формирование опыта дифференциации методов, способов, приемов в соответствии с задачей обучения», «формирование готовности к работе в смешанном формате», «формирование самостоятельности в дистанционном формате обучения»². Основываясь на этой гипотезе, встает задача дальнейших исследований – создание системно-интегративной модели смешанного обучения.

Выводы

Решение учебно-воспитательных задач в контексте трансформации российского образования возможно только на базе инновационных и цифровых технологий. Современные парадигмы обучения иностранным языкам в вузе отражают основные черты современной системы образования. Доминирующим и эффективным в иноязычном образовании является смешанное обучение, имеющее высокий дидактический потенциал, что ставит задачу создания его системно-интегративной модели.

Список источников

Акулова О. В. Инновационная подготовка педагогических кадров в условиях нелинейной организации образовательного процесса // Вестник Герценовского университета. Санкт-

¹ Еремин Ю. В., Насыбуллина Е. Ю. К вопросу о системно-интегративном подходе в иноязычном образовании // Герценовские чтения. Иностранные языки. Сборник научных трудов / ответственные редакторы: Т. И. Воронцова, Н. Ю. Зайцева. Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, 2022. С. 477–479.

² Там же. С. 478.

Петербург: Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, 2007. № 1(39). С. 30–32.

Атлас новых профессий 3.0 / под редакцией Д. Варламовой, Д. Судакова. Москва: Интеллектуальная Литература, 2020. 456 с.

Атлас профессий будущего / под редакцией Н. Ю. Анисимова, Л. М. Гохберг, Г. О. Греф. Москва: НИУ ВШЭ, 2021. 240 с.

Еремин Ю. В., Насыбуллина Е. Ю. К вопросу о системно-интегративном подходе в иноязычном образовании // Герценовские чтения. Иностранные языки. Сборник научных трудов / ответственные редакторы: Т. И. Воронцова, Н. Ю. Зайцева. Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, 2022. С. 477–479.

Итоги реализации проекта «Учитель будущего поколения России». 26 декабря 2022. URL: <https://nsfu.ru/news/itogi-realizatsii-proekta-uchitel-budushchego-pokoleniya-rossii> (дата обращения: 09.04.2023).

Махотин Д. А. Профессии будущего в педагогической области // Интерактивное образование. 2021. № 1. С. 47–52.

Национальный проект «Образование». URL: <https://strategy24.ru/rf/education/projects/natsionalnyy-proekt-obrazovanie> (дата обращения: 27.03.2023).

Технопарк Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. URL: <https://technopark.herzen.spb.ru> (дата обращения: 27.03.2023).

Трубицина О. И., Маркеева Д. С. Дидактический потенциал моделей смешанного обучения иностранному языку // Герценовские чтения. Иностранные языки. Сборник научных трудов / ответственные редакторы: Т. И. Воронцова, Н. Ю. Зайцева. Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, 2022. С. 445–448.

Тряпицына А. П. Инновации в педагогическом образовании как необходимое условие реализации приоритетного национального проекта «Образование» // Вестник Герценовского университета. Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, 2007. № 1(39). С. 28–30.

Электронные учебные курсы Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. URL: <https://moodle.herzen.spb.ru/course/view.php?id=17110> (дата обращения: 27.03.2023).

References

Akulova O. V. Innovatsionnaya podgotovka pedagogicheskikh kadrov v usloviyakh nelineinoy organizatsii obrazovatel'nogo protsessa [Innovative training of pedagogical personnel in the conditions of nonlinear organization of the educational process]. *Vestnik Gertsenovskogo universiteta. Sankt-Peterburg: Rossiiskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet imeni A. I. Gertsena* [Bulletin of Herzen University. St Petersburg. The Herzen State Pedagogical University of Russia], 2007, no. 1 (39), pp. 30–32.

Atlas novykh professii 3.0 [Atlas of New Professions 3.0; ed. by D. Varlamova, D. Sudakov]. Moscow: Intellektual'naya Literatura, 2020. 456 p.

Atlas professii budushchego [Atlas of Future Professions; ed. by N. Yu. Anisimov, L. M. Gokhberg, G. O. Gref]. Moscow: NIU VShE, 2021. 240 p.

Erem'in Yu. V., Nasybullina E. Yu. K voprosu o sistemno-integrativnom podkhode v inoiazychnom obrazovanii [On the question of a system-integrative approach in foreign language education]. *Gertsenovskie chteniia. Inostrannye iazyki. Sbornik nauchnykh trudov* [Herzen Readings. Foreign languages: Collection of scientific papers; ed. by T. I. Vorontsova, N. Yu. Zaitseva]. St Petersburg: Rossiiskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet imeni A. I. Gertsena, 2022, pp. 477–479.

Itogi realizatsii proekta «Uchitel' budushchego pokoleniia Rossii». 26 dekabria 2022 [The results of the project "Teacher of the future generation of Russia". December 26, 2022]. Available at: <https://nspu.ru/news/itogi-realizatsii-proekta-uchitel-budushchego-pokoleniya-rossii> (accessed: 09.04.23).

Makhotin D. A. Professii budushchego v pedagogicheskoi oblasti [Professions of the future in the pedagogical field]. *Interaktivnoe obrazovanie* [Interactive education], 2021, no. 1, pp. 47–52.

Natsional'nyi proekt «Obrazovanie» [National Education Project]. Available at: <https://strategy24.ru/rf/education/projects/natsionalnyy-proekt-obrazovanie> (accessed: 27.03.23).

Tekhnopark Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gertsena [Technopark of the Herzen State Pedagogical University of Russia]. Available at: <https://technopark.herzen.sp> (accessed: 27.03.2023).

Trubitsina O. I., Markeeva D. S. Didakticheskii potentsial modelei smeshannogo obucheniia inostrannomu iazyku [Models of blended learning in teaching foreign languages: didactic potential]. *Gertsenovskie chteniia. Inostrannye iazyki. Sbornik nauchnykh trudov* [Herzen Readings. Foreign languages: Collection of scientific papers; ed. by T. I. Vorontsova, N. Iu. Zaitseva]. St Petersburg: Rossiiskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet imeni A. I. Gertsena, 2022, pp. 445–448.

Triapitsyna A. P. Innovatsii v pedagogicheskom obrazovanii kak neobkhodimoe uslovie realizatsii prioritetnogo natsional'nogo proekta «Obrazovanie» [Innovations in pedagogical education as a necessary condition for the implementation of the priority national project «Education»]. *Vestnik Gertsenovskogo universiteta. Sankt-Peterburg: Rossiiskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet imeni A. I. Gertsena* [Bulletin of Herzen University. St Petersburg. The Herzen State Pedagogical University of Russia], 2007, no. 1(39), pp. 28–30.

Elektronnye uchebnye kursy Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gertsena [Electronic training courses of the Herzen State Pedagogical University of Russia]. Available at: <https://moodle.herzen.spb.ru/course/view.php?id=17110> (accessed 03.03.2023).

Сведения об авторах

Татьяна Дмитриевна Ладыжникова – кандидат химических наук, доцент; <https://orcid.org/0000-0002-8721-5412>, tatlad48@yandex.ru, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (д. 48, наб. р. Мойки, 191186 г. Санкт-Петербург, Россия); **Tatiana D. Ladyzhnikova** – Candidate of Chemical Sciences, Associate Professor; <https://orcid.org/0000-0002-8721-5412>, tatlad48@yandex.ru, The Herzen State Pedagogical University of Russia (48, nab. Moiki, 191186 St. Petersburg, Russia).

Валентина Ивановна Ладыжникова – старший преподаватель; <https://orcid.org/0000-00027752-0886>, ladyzhnikova@yandex.ru, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (д. 48, наб. р. Мойки, 191186 г. Санкт-Петербург, Россия); **Valentina I. Ladyzhnikova** – Senior Lecturer; <https://orcid.org/0000-00027752-0886>, ladyzhnikova@yandex.ru, The Herzen State Pedagogical University of Russia (48, nab. Moiki, 191186 St. Petersburg, Russia).

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликтов интересов.

Claimed contribution of authors: all authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there are no conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 03.04.2023; одобрена после рецензирования 10.05.2023;
принята к публикации 15.05.2023.

The article was submitted 03.04.2023; Approved after reviewing 10.05.2023; Accepted for publication 15.05.2023.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2023. № 4 (115). С. 201–209.
Cherepovets State University Bulletin, 2023, no. 4 (115), pp. 201–209.

Научная статья

УДК 37.047

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-4-115-17>

EDN: ETNLRA

Формирование переводческих компетенций у студентов юридического вуза

Надежда Васильевна Мрвич

Северо-Западный институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Вологда, Россия

nada-mrvich@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9864-3244>

Аннотация. Целью статьи является определение оптимальных путей формирования переводческих компетенций у студентов юридического вуза. Для решения этого вопроса были проведены измерения уровня владения студентами базовыми переводческими компетенциями при работе с правовыми текстами. При составлении анкеты использован опыт ведущих российских и зарубежных ученых-переводчиков в отношении формирования лингвистических, социокультурных и информационно-технических компетенций.

Выявлен ряд трудностей, препятствующих успешному переводу юридического текста, и обозначены пути решения проблем переводческих компетенций. Даны рекомендации по устранению барьеров в формировании компонентов лингвистической и социокультурной компетенций.

Ключевые слова: переводческие компетенции, письменный перевод, юридические термины, юридический текст, переводческие трансформации

Для цитирования: Мрвич Н. В. Формирование переводческих компетенций у студентов юридического вуза // Вестник Череповецкого государственного университета. 2023. № 4 (115). С. 201–209. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-4-115-17>.

Formation of translation competencies among law students

Nadezda V. Mrvich

The North-Western Institute of Kutafin Moscow State Law University,

Vologda, Russia

nada-mrvich@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9864-3244>

Abstract. The purpose of the article is to determine the optimal ways in translation competence formation among law students. In order to solve the problem some surveys defining the students' proficiency level of the competencies have been conducted. When compiling the questionnaire, the author drew on the experience of key Russian and foreign scholars in respect of linguistic, socio-cultural and information technology competencies.

The author focused on the difficulties impeding a successful translation of legal text and identified the ways to resolve translation competence problems. Some recommendations on barrier elimination while developing linguistic and socio-cultural competencies were given.

Keywords: translation competencies, written translation, legal terms, legal text, translation transformations

For citation: Mrvich N. V. Formation of translation competencies among law students. *Cherepovets State University Bulletin*, 2023, no. 4 (115), pp. 201–209 (In Rus.). <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-4-115-17>.

Введение

Современная система образования нацелена на формирование умений использовать полученные знания в реальной жизненной ситуации. Студенты, начиная с первых лет учебы, включаются в научно-исследовательскую работу. В рамках своей подготовки к профессиональной деятельности они участвуют в международных научных конференциях, переводят аннотации, тезисы, статьи на иностранный язык. С появлением информационно-коммуникативных и цифровых технологий этот процесс значительно разнообразился.

В связи с этим перед преподавателями иностранных языков встают новые задачи при обучении студентов переводу. В соответствии с положениями современных ФГОС выпускники должны владеть навыками перевода с целью извлечения информации профессионального характера.

Учитывая особенности студенческой аудитории неязыкового вуза, мы не ставим задачу обучения навыкам перевода на уровне профессионального переводчика. Речь пойдет о формировании некоторых базовых переводческих компетенций для профессиональной коммуникации юристов.

Настоящая статья представляет собой попытку осветить некоторые вопросы формирования переводческих компетенций у студентов-юристов на практических занятиях по английскому языку.

Основная часть

В современной литературе нет однозначного определения понятия «переводческой компетенции», существуют различные подходы к этому понятию среди ученых-переводчиков. Мы разделяем точку зрения Л. С. Бархударова¹ и под компетенцией понимаем совокупность профессиональных полномочий (навыков, умений и знаний), необходимых для выполнения определенного вида деятельности. Так как речь пойдет о формировании компетенций для выполнения письменного перевода юридического текста, то мы ограничимся набором тех базовых знаний, умений и навыков, которые необходимы для данного вида перевода.

Автором статьи проведено исследование для выяснения того, в какой мере студенты владеют компетенциями письменного перевода профессионально ориентированного текста. В качестве респондентов были выбраны студенты-бакалавры 1–2 курсов специальности «Юриспруденция». При составлении вопросов анкеты учитывались такие компетенции, как лингвистическая, социокультурная и информационно-техническая. Эти компетенции являются базовыми и необходимы для работы

¹ См.: Бархударов Л. С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. Москва: ЛКИ, 2008. 240 с.

по письменному переводу текста. В рамках названных компетенций выделяются конкретные структурные компоненты.

К лингвистической компетенции мы относим умение применять грамматические, лексические, идиоматические структуры исходного языка и языка перевода с учетом переводческих трансформаций. К социокультурной компетенции – умение находить адекватные языковые формы, приемлемые эквиваленты перевода, подавать информацию в соответствии с принятыми в культуре языка реалиями. К информационно-технической – владение персональным компьютером, умение пользоваться электронными словарями, быстро находить в сети необходимую справочную информацию, эффективно пользоваться другими онлайн ресурсами.

В результате анкетирования был замерен уровень переводческих компетенций, указанных в таблице.

Таблица

**Уровень владения профессиональными компетенциями при переводе текста
юридической направленности у студентов-бакалавров, доли в процентах, N = 134**

Профессиональные переводческие компетенции	Уровень владения компетенциями			Всего
	удовлетворительно	хорошо	отлично	
Знание переводимой предметной области	20,1	67,2	12,7	100
Знание юридической лексики и терминологии	23,9	64,9	11,2	100
Знание грамматических приемов перевода	44,0	41,8	14,2	100
Знание переводческих соответствий для основной части лексики и терминологии, встретившейся в переводимом тексте	29,9	61,2	9,0	100
Владение основными видами переводческих трансформаций	37,3	47,0	15,7	100
Умение находить приемлемые эквиваленты перевода для незнакомых лексических единиц	35,8	46,3	17,9	100
Умение расшифровывать незнакомые аббревиатуры	47,8	42,5	9,7	100
Умение пользоваться бумажными и электронными словарями, включая онлайн словари	0,7	14,2	85,1	100
Уровень владения персональным компьютером, планшетом	0,7	16,4	82,8	100
Умение быстро находить в сети необходимую справочную информацию, предметные словари и пользоваться другими онлайн-ресурсами	0,7	8,2	91,0	100

Изучение предмета «Иностранный язык» в неязыковом вузе входит в круг дисциплин гуманитарного цикла и во многом опережает изучение специальных юридических наук. Этим можно объяснить данные анкеты (79,9 %) по знанию юридиче-

ской области перевода. Согласно результатам анкетирования, для половины опрошенных основным препятствием является недостаточное владение грамматическими приемами перевода (44 %). Владение переводческими трансформациями, по данным исследования составляет, 62,7 %. Это неплохой показатель, но требует дальнейшей работы по овладению главными приемами переводческих преобразований.

Умение находить приемлемые эквиваленты для незнакомых лексических единиц отметили 64,2 % респондентов. Знание лексики и терминологии указали 76 % опрошенных. Определенным барьером является неумение расшифровывать незнакомые аббревиатуры (47,8 %).

Самые высокие показатели относятся к владению информационно-технической компетенцией. По данным таблицы 99 % респондентов умеют быстро находить в Интернете необходимую справочную информацию и эффективно пользоваться онлайн-ресурсами.

Следовательно, можно сделать вывод о том, что основные затруднения связаны с недостаточным объемом лингвистических знаний, существованием языковых барьеров, преодоление которых предполагает формирование лингвистического компонента переводческой компетентности. Важной задачей является овладение фоновыми знаниями, т. е. формирование культурной составляющей переводческой компетентности.

Анализ результатов анкетирования позволил обратить внимание на ряд моментов в обучении иностранному языку, внести некоторые коррективы в методику работы по формированию переводческих компетенций в письменном переводе.

Перевод – это преобразование сообщения на исходном языке в сообщение на язык перевода. Точный перевод по определению невозможен в силу того, что разные языки отличаются как по грамматическому строю, так и по количеству слов. Главная задача перевода – передача смысла высказывания¹.

При обучении письменному переводу следует помнить важный момент: письменная речь отличается от устной тем, что слова употребляются более точно, строже соблюдаются грамматические нормы, синтаксис более сложен, часто употребляются сложноподчиненные и сложносочиненные предложения, используется большое количество грамматических конструкций.

Для осуществления адекватного перевода необходимо иметь хорошие знания в данной области, включая фактический материал: что такое право, виды права, закон, судебная система, правонарушения, судопроизводство, работа юристов и т. д.

На первом этапе обучения переводу задача преподавателя заключается в том, чтобы научить студентов правильно пользоваться словарем при выборе лексических соответствий. Далеко не все синонимы, содержащиеся в словаре, являются равнозначными по смыслу. Знание контекста помогает студенту выбрать правильное соответствие и избежать буквального или калькированного перевода.

¹ См.: Бреус Е. В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский. Москва: УРАО, 2002; Казакова Т. А. Практические основы перевода. Санкт-Петербург: Союз, 2000. 320 с.

Анализ специально ориентированных текстов представляет большие возможности не только для обогащения знаний учащихся в области лексики, грамматики и стилистики, но одновременно представляет собой подготовительный этап для работы над переводом. В процессе работы над учебным текстом преподаватель обращает внимание студентов на лексические и грамматические средства, знакомит их со стилистическими приемами выражения мысли¹. Опыт показывает, что студенты прочно усваивают лишь те языковые явления, которые многократно встречаются в текстах. Эта работа находит продолжение и закрепление в многочисленных упражнениях как на занятиях, так и дома.

Начинать письменный перевод на английский язык целесообразно с простых фраз, предложений и упражнений с юридической и общеполитической терминологией. Отработка и закрепление юридических терминов и словосочетаний осуществляется на каждом практическом занятии. Упражнения на перевод небольшого текста, состоящего из десяти или более предложений, должны стать обязательными для домашнего задания. На следующих практических занятиях целесообразно проводить анализ вариантов перевода, обращая внимание на используемую лексику, грамматику и синтаксис. После тщательного анализа каждой фразы, каждого предложения текста студенты записывают самый подходящий – адекватный вариант перевода. Кроме того, полезно сравнивать результаты своей работы с готовым профессиональным переводом.

Как показывают данные анкетирования, а также наблюдение за работой студентов на практических занятиях, грамматические приемы перевода юридического текста вызывают определенные трудности у обучающихся. Сложные грамматические структуры не всегда можно упростить при переводе до простых предложений или знакомых оборотов. Камнем преткновения является несовпадение временных систем английского и родного языков.

Отличительной чертой юридического текста является использование пассивного залога². Его применение указывает на более официальный стиль передачи информации. Например: «На эту статью часто ссылаются. *This article is often referred to*». Или: «Необоснованные обыски и конфискация имущества запрещены четвертой поправкой. *Unreasonable searches and seizures of property are prohibited by the Fourth Amendment*».

Другой отличительной чертой юридического текста являются модальные глаголы и их эквиваленты, которые передают предписывающий характер информации. Например: «Правительство США должно следовать собственным законам, и оно может действовать, только используя полномочия, данные ему народом. *The US government must follow its own laws and it can only act using powers given to it by the people*».

В качестве подлежащего наряду с существительными юридической тематики распространены существительные и местоимения с обобщающей семантикой (каж-

¹ См.: Алексеева И. С. Профессиональный тренинг переводчика: Учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей. Санкт-Петербург: Союз, 2005. С. 219.

² Там же. С. 219.

дый – everyone; никто – no one, nobody; все – all citizens). Следующий пример иллюстрирует перевод статьи 12 Декларации прав человека. «*No one shall be subjected to arbitrary interference with his/her privacy, family home or correspondence, nor to attacks upon his/her honour and reputation. Everyone has the right to the protection of the law against such interference or attacks*». «*Никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным посягательствам на неприкосновенность его жилища, тайну его корреспонденции или на его честь и репутацию. Каждый человек имеет право на защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств*».

Из данных таблицы видно, что 37,3 % студентов испытывают затруднения при работе с переводческими трансформациями. Поэтому на этапе вариативного поиска главной задачей преподавателя является знакомство студентов с переводческими преобразованиями. Речь идет о трансформации отдельных элементов исходного текста: транслитерации (транскрипции), калькировании, замене, модификации, описании, переводческом комментарии.

Буквальный перевод оправдывает себя, когда предложение можно выразить, используя русские соответствия. Например: «*Я изучаю право в университете*». «*I study law at University*». Однако подобные случаи скорее исключение, чем правило.

Перевод эквивалентных единиц сравнительно легко осуществить на уровне лексико-грамматических соответствий с учетом типологических характеристик двух языков. В юридических текстах такая лексика составляет подавляющее большинство высказываний и определяет способы перевода. Например, «*Незнание закона не является оправданием. Ignorance of law is no excuse*». «*Закон возмездия: око за око, зуб за зуб. The law of talion: an eye for an eye, a tooth for a tooth*».

Говоря о социокультурной компетенции перевода, мы выделяем страноведческий и культурологический компоненты. Американский ученый Э. Хирш в монографии “Cultural Literacy” и в одноименном словаре одним из первых попытался раскрыть содержание понятия этих компонентов. Культурная грамотность, с точки зрения Э. Хирша, «делает нас хозяевами стандартного инструмента познания и коммуникации, таким образом позволяя передавать и получать сложную информацию устно и письменно, во времени и пространстве»¹. Культурная компетенция предполагает соответствие объемов культурной грамотности собеседников в отношении предмета и контекста коммуникации. Культурная компетенция участника межкультурной коммуникации означает умение извлекать информацию из таких единиц языка, как топонимы, антропонимы, название политических реалий, произведений искусства и т. п., и дифференцировать ее с точки зрения значимости для межкультурного общения.

Практика работы со студентами показала, что именно эмоционально оценочные компоненты в переводимых ими научных статьях вызывают сложности в силу своей социально-культурной обусловленности². Важной задачей в переводе является овла-

¹ Hirsch E. Cultural Literacy. New York: First Vintage Books Edition, 1988. P. 10.

² Широких А. Ю. Риторика научного текста, перевод и онлайн – средства учебной переводческой деятельности для студентов неязыковых специальностей // Иностранные языки в школе. 2022. № 2. С. 42.

дение фоновыми знаниями. Безэквивалентная лексика, отражающая национально-специфические компоненты культуры, требует специальных приемов преобразований. При переводе русских терминов, отмеченных национальным колоритом, нередко используется транскрипция. Перевод собственных имен на английский язык передается с помощью транслитерации, т. е. графической, буквенной, формой слова.

При передаче реалий, хорошо известных читателю, используется прием транслитерации и калькирования. «С началом *перестройки*... With the advent of *perestroika*...».

Менее известные или неизвестные английскому реципиенту реалии сопровождаются поясняющим комментарием. «Иван IV задумал *опричнину* как инструмент подавления растущей власти бояр». «Ivan IV intended the *oprichnina* as a suppression of the rising boyar aristocracy». («*the oprichnina*»- was a state policy implemented by Tsar Ivan the Terrible in Russia between 1565 and 1572; «*boyar*»- was a member of the highest rank). Описательный перевод применяется в тех случаях, когда отсутствуют эквиваленты и аналоги в языке перевода.

В силу разной структуры русского и английского предложений при переводе используются лексические трансформации: добавления, опущения, замены. Антонимический перевод позволяет внести в перевод лексическое разнообразие и усилить смысловые акценты (никто не любит – все ненавидят, встречается нечасто – встречается редко, все согласятся – никто не откажется и т. п.). Примерами антонимического перевода являются следующие предложения: «Его поступки не отличались хорошим поведением. His acts were characterized by bad behavior». «Подозреваемый молчал. The suspect didn't say a word».

При выполнении упражнений на виды переводческих преобразований необходимо остановиться на генерализации и конкретизации. Следует отметить: в отличие от английского языка русскому языку присуща тенденция использовать глаголы, обозначающие конкретные понятия. Конкретные глаголы в русском языке заменяются английскими глаголами с широким значением: *be, have, get, take, give, make, do, come, go*. «Транспортные штрафы должны *поступать* в местный бюджет. Transport fines should *go* to local budgets». Прием генерализации позволяет при переводе использовать слова с более широким значением. «*Карманники и магазинные воры* предстали перед судом. *The criminals* have faced the trial».

Прием конкретизации, наоборот, заменяет слова и словосочетания иностранного языка с более широким значением на узкое значение в языке перевода. Обычной является конкретизация глаголов речи *say* и *tell*, которые могут переводиться не только как *говорить* и *сказать*, но и *заметить, утверждать, сообщать, приказать* и т. д. Как правило, конкретизация используется редко в переводе с русского языка на английский.

Необходимо учитывать факт, что в русском высказывании ситуация описывается более детально, чем в английском. Здесь оправдан прием компрессии, который предполагает опущение некоторых слов оригинального текста. Например: «*Встреча на высшем уровне в Париже выявила существенные перемены в общественном мнении*». «*The summit in Paris threw light on changes in public opinion*». Словосочетание «*встреча на высшем уровне*» преобразуется в слово «*summit*». При переводе опуще-

нию подвергаются слова, являющиеся семантически избыточными с точки зрения их смыслового содержания.

Выводы

Таким образом, формирование основных переводческих компетенций достигается с помощью тренировочных упражнений, которые по своему содержанию представляют хотя и искусственные, но все же образцы языковой деятельности. Кроме упражнений мы предлагаем студентам аутентичный профессионально ориентированный материал. Он характеризуется естественностью лексического наполнения и грамматических форм, ситуативной адекватностью языковых средств. Подобные тексты содержат культурные реалии и обладают богатым культурологическим потенциалом для развития переводческих компетенций.

Список источников

Алексеева И. С. Профессиональный тренинг переводчика: учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей. Санкт-Петербург: Союз, 2005. 288 с.

Бархударов Л. С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. Москва: ЛКИ, 2008. 240 с.

Бреус Е. В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский. Москва: УРАО, 2002. 208 с.

Зимняя И. А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования // Эксперимент и инновации в школе. 2009. № 2. С. 7–14. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klyuchevye-kompetentsii-novaya-paradigma-rezultata-obrazovaniya/viewer> (дата обращения: 03.03.2022).

Казакова Т. А. Практические основы перевода. Санкт-Петербург: Союз, 2000. 320 с.

Плохих Е. Е. Лингводидактическая ценность понятия «интеллектуальный стиль» для развития умений академической письменной речи в педагогическом вузе // Иностранные языки в школе. 2021. № 11. С. 67–74.

Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. Москва: Слово/Slovo, 2008. 624 с.

Широких А. Ю. Риторика научного текста, перевод и онлайн – средства учебной переводческой деятельности для студентов неязыковых специальностей // Иностранные языки в школе. 2022. № 2. С. 39–45.

Hirsch E. Cultural Literacy. New York: First Vintage Books Edition, 1988. 276 с.

References

Alekseeva I. S. *Professional'nyi trening perevodchika: uchebnoe posobie po ustnomu i pis'mennomu perevodu dlia perevodchikov i prepodavatelei* [Professional training of an interpreter: Interpretation and translation study guide for interpreters and teachers]. St Petersburg: Soiuz, 2005. 288 p.

Barkhudarov L. S. *Iazyk i perevod: Voprosy obshchei i chastnoi teorii perevoda* [Language and translation: Issues of general and partial theory of translation]. Moscow: LKI, 2008. 240 p.

Breus E. V. *Osnovy teorii i praktiki perevoda s russkogo iazyka na angliiskii* [Theory and practice of translation from Russian into English]. Moscow: URAO, 2002. 208 p.

Zimnia I. A. *Kliuchevye kompetentsii – novaia paradigma rezul'tata obrazovaniia* [Key competences – a new paradigm for educational outcomes]. *Eksperiment i innovatsii v shkole* [Experiment and innovation at school], 2009, no. 2, pp. 7–14. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kliuchevye-kompetentsii-novaya-paradigma-rezultata-obrazovaniya/viewer> (accessed: 03.03.2022).

Kazakova T. A. *Prakticheskie osnovy perevoda* [Practical bases of translation]. St Petersburg: Soiuz, 2000. 320 p.

Plokhikh E. E. *Lingvodidakticheskaiia tsennost' poniatiiia «intellektual'nyi stil'» dlia razvitiia umenii akademicheskoi pis'mennoi rechi v pedagogicheskom vuze* [The linguodidactic value of “intellectual style” concept for the development of academic writing skills in a pedagogical university]. *Inostrannye iazyki v shkole* [Foreign languages at school], 2021, no. 11, pp. 67–74.

Ter-Minasova S. G. *Iazyk i mezhkul'turnaia kommunikatsiia* [Language and intercultural communication]. Moscow: Slovo, 2008. 624 p.

Shirokikh A. Iu. *Ritorika nauchnogo teksta, perevod i onlain – sredstva uchebnoi perevodcheskoi deiatel'nosti dlia studentov neiazykovykh spetsial'nostei* [Scientific text rhetoric, translation and online translation training tools for students of non-linguistic educational programmes]. *Inostrannye iazyki v shkole* [Foreign languages at school], 2022, no. 2, pp. 39–45.

Hirsch E. *Cultural Literacy*. NY: First Vintage Books Edition, 1988. 276 p.

Сведение об авторе

Надежда Васильевна Мрвич – кандидат философских наук, доцент; <https://orcid.org/0000-0002-9864-3244>. Северо-Западный институт (филиал) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) (д. 18, ул. Марии Ульяновой, 160000 Вологда, Россия); **Nadezhda V. Mrvich** – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor; <https://orcid.org/0000-0002-9864-3244>; The North-Western Institute of Kutafin Moscow State Law University (18, ul. Marii Ul'ianovoi, 160000 Vologda, Russia).

Статья поступила в редакцию 09.03.2023; одобрена после рецензирования 30.03.2023; принята к публикации 06.04.2023.

The article was submitted 09.03.2023; Approved after reviewing 30.03.2023; Accepted for publication 06.04.2023.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2023. № 4 (115). С. 210–224.
Cherepovets State University Bulletin, 2023, no. 4 (115), pp. 210–224.

Научная статья

УДК 37.036.5

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-4-115-18>

EDN: ETVYPC

Essence and peculiarities of the younger schoolchildren's creative development

Elena V. Yakovleva^{1✉}, Vladimir I. Kolesov², Natalia V. Goltsova³,
Anna N. Smolonskaya⁴, Rustam Sh. Garifulin⁵

^{1, 3} Cherepovets State University,
Cherepovets, Russia

^{2, 4} Leningrad State University named after A. S. Pushkin,
Pushkin, Russia

⁵ Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Novokuznetsk, Russia

^{1✉} eviakovleva@chsu.ru, <http://orcid.org/0000-0002-9127-5178>

² vi_kolesov@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-5539-5853>

³ nvgoltsova@chsu.ru, <http://orcid.org/0000-0002-1565-7449>

⁴ ansmolonskaia@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-2128-3113>

⁵ garifulin1983@mail.ru, <http://orcid.org/0009-0005-0221-9297>

Abstract. The research relevance is based on the need to identify the essence and to find the new methods of the schoolchildren's creative development. The creative development of a young pupil is related to his or her mental abilities and manifests itself in children's imagination, fantasy, creative thinking, a particular view of the world, his or her own point of view on the surrounding reality. Successful creative development of younger pupils is based on the method of pedagogical support. The process of pedagogical support includes content-target, functional-activity, spatial and managerial components. When organising pedagogical support, various methods and forms of work are applied: exercises, assignments, educational situations, collaborative creative activities, projects, success situations, emotional and moral experiences, encouragement, competition, role-playing games, practices and trials.

Keywords: younger schoolchild, creative development, creative thinking, creative imagination, creative abilities, creative activity, pedagogical support

For citation: Yakovleva E. V., Kolesov V. I., Goltsova N. V., Smolonskaya A. N., Garifulin R. Sh. Essence and peculiarities of the younger schoolchildren's creative development. *Cherepovets State University Bulletin*, 2023, no. 4 (115), pp. 210–224. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-4-115-18>.

Сущность и особенности творческого развития младших школьников

Елена Викторовна Яковлева^{1✉}, Владимир Иванович Колесов²,
Наталья Владимировна Гольцова³, Анна Николаевна Смолонская⁴,
Рустам Шамсуллович Гарифулин⁵

^{1, 3}Череповецкий государственный университет,
Череповец, Россия

^{2, 4}Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина,
Пушкин, Россия

⁵Кузбасский институт ФСИН России,
Новокузнецк, Россия

^{1✉}eviakovleva@chsu.ru, <http://orcid.org/0000-0002-9127-5178>

²vi_kolesov@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-5539-5853>

³nvgoltcova@chsu.ru, <http://orcid.org/0000-0002-1565-7449>

⁴ansmolonskaia@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-2128-3113>

⁵garifulin1983@mail.ru, <http://orcid.org/0009-0005-0221-9297>

Аннотация. Актуальность исследования данной проблемы обусловлена необходимостью выявления сущности и поиска новых методов творческого развития младших школьников. Творческое развитие младшего школьника связано с его умственными способностями и проявляется в детской фантазии, воображении, творческом мышлении, особом видении мира, своей точке зрения на окружающую действительность. Важным условием успешного творческого развития младших школьников является использование метода педагогического сопровождения. Процесс педагогического сопровождения включает содержательно-целевой, функционально-деятельностный, пространственный и управленческий компоненты. При организации педагогического сопровождения используются различные методы и формы работы: упражнение, поручение, воспитательные ситуации, коллективные творческие дела, проекты, ситуация успеха, эмоционально-нравственное переживание, поощрение, соревнование, сюжетно-ролевые игры, практики и пробы в разных видах деятельности.

Ключевые слова: младший школьник, творческое развитие, творческое мышление, творческое воображение, творческие способности, творческая деятельность, педагогическое сопровождение

Для цитирования: Яковлева Е. В., Колесов В. И., Гольцова Н. В., Смолонская А. Н., Гарифулин Р. Ш. Сущность и особенности творческого развития младших школьников // Вестник Череповецкого государственного университета. 2023. № 4 (115). С. 210–224. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-4-115-18>.

Introduction

At the end of the twentieth century and at the beginning of the third millennium, radical changes took place in Russia, not only in economic policy but also in all production sectors. In all Western and European countries, including Russia, country leaders emphasize the education of young people. The creative, patriotic, spiritual, and moral developments of the younger generation; family values; and traditions become crucial. Parents and schools play an invaluable role in this process. In contemporary education policy, school education plays an essential role in children education. The relevance of developing the creative initiative of children at the present stage is confirmed by the demands of society

and the state to raise initiative, active, and, most importantly, creative personalities who are ready to find new approaches to solve social, economic, and cultural issues.

Younger school age is a period of the psychological development of children, the intensive development of all the mental functions, and the laying of the foundations for creative abilities, which is due to special age features. Children of this age have a great desire to learn and explore the world around them, and they are enormously curious and open to everything new.

The initial, even if not difficult, experience acquired knowledge motivates the interests of schoolchildren to solve other more difficult tasks. Creativity in the learning process and in the activities of younger schoolchildren does not appear immediately. Different factors influence it, and it depends largely on the adult, the teacher, the parent, and the external environment.

In creativity, as in any other activity, difficulties exist, and overcoming them allows children to acquire new creative ideas. Thus, the research relevance of this problem is conditioned by the need to analyze the approaches to the creative development of younger schoolchildren. The research problem is to identify the essence and peculiarities of the process of younger schoolchildren's creative development. The research aim is to substantiate and to describe the essence and peculiarities of the process of younger schoolchildren's creative development. The current research aims to identify the peculiarities of the process of younger schoolchildren's creative development on the basis of the analysis of the psychological and pedagogical literature and the performed diagnostics and the modeling method to determine the ways and development of the creative development of younger schoolchildren and to determine the peculiarities of pedagogical support in this process.

The main part

Many scientists have worked on the problem of the creative development of children. The modern state of studying this problem in Russian and foreign science is characterized by fragmentation and various approaches and directions.

In foreign science, Cattell¹, Allport², conducted research in this direction, and the most famous is the monometry method by Eysenck³. Currently, many foreign educators and psychologists, such as Marilyn Fryer⁴, Vlada Petre⁵, John Baer¹ and Yang Wang and Lin

¹ Cattell R. B. *Abilities: Their Structure, Growth and Action*. Boston: Houghton Mifflin Company, 1971. 583 p.

² Allport G. *Personality Formation: A Selected Works*/Gordon Allport, ed. D. A. Leontiev, trans. L.V. Trubitsyna and D.A. Leontiev. Moscow: Context, 2002. 461 p.

³ Eysenck H. J., Eysenck, M. W. *Personality and Individual Differences*, Natural Science Approach, 1985, New York ; London: URL: <https://archive.org/details/personalityindiv0000eyse/page/n5/mod> (accessed on: 12.11.2022).

⁴ Fryer M. *Making Sense of Creativity from a Psychological Perspective* // *Creativity and Human Development*. 2012. № 5. P. 1–8. URL: <https://creativityjournal.net/component/k2/item/81-making-sense-of-creativity-from-a-psychological-perspective#.Wd6dF1u0PIU> (accessed on: 12.11.2022).

⁵ Petre V. G., Tanggaard L. *Creativity, identity, and representation: Towards a socio-cultural theory of creative identity* // *New Ideas in Psychology*. 2014. № 34. P. 12–21. doi: 10.1016/j.newideapsych.2014.02.002

Wang et al.², study and summarize the need to identify creatively gifted children and organize work with them.

In Russian science, famous scientists, such as Rubinstein³, and Teplov et al.⁴, have investigated creative abilities. Vergeles⁵ identified the following universal creative abilities that form the basis of creative development: ability for variability, hypotheticality in problem solving, ability to improvise in divergent situations, and ability to transfer as an ability to act in new non-standard conditions.

There is no common view in the psychological and pedagogical literature to define the structure of creative abilities. For instance, Tunik⁶ considered curiosity, imagination, complexity, and tendency to risk among the components of creative abilities (Petrovsky)⁷, and Druzhinin⁸ connected creative abilities with the intellectual component and singled out the following components: intellect, learning ability, and ability to transform knowledge (Vygotsky)⁹. In addition, Karpova¹⁰ defined cognitive, emotional, and motivational components in the structure of creative abilities.

The cognitive component includes knowledge, abilities, and skills, which help a younger schoolchild to successfully perform various activities, and the indicators of this component are creative thinking and imagination. With their help, children can transform the activities they perform and solve non-standard tasks. The emotional component of creativity appears in the attitudes of schoolchildren toward the performed activities. The motivational component is a stimulation system that includes motives, interests, and needs. The main components are motives and internal incentives for creative activities that are connected with the satisfaction of a creativity need. The content changes of these components lead to changes in the creative development of children in general¹¹.

¹ Baer. J. Chapter 5 – Implications of Domain Specificity for Creativity Assessment // *Domain Specificity of Creativity*. 2016. P. 103–140. doi:10.1016/B978-0-12-799962-3.00005-7

² Wang Y., Wang L. Self-construal and Creativity: The Moderator Effect of Self-esteem // *Personality and Individual Differences*. 2016. № 99. P. 184–189. doi: 10.1016/j.paid.2016.04.086

³ Rubinstein S. L. *Statements of General Psychology*. Saint-Petersburg: Peter Publisher, 2000. 712 p.

⁴ Teplov B.M. *Problems of Individual Differences*. Moscow: Acad. of Pedagogical Sciences, RSFSR, 1961. 536 p.

⁵ Vergeles G.I. Development of General Creative Abilities as a Problem of Pedagogical Psychology // *Proceedings of Russian State Pedagogical University Named After A.I. Herzen*, № 100. 2009. P. 7–18.

⁶ Tunik E.E. *The Best Tests for Creativity. Diagnostics of Creative Thinking*. Saint-Petersburg: Peter, 2013. 176 p.

⁷ Petrovsky V. A., *Personality in Psychology: The Paradigm of Subjectivity*. Rostov n/D.: Phoenix, 1996. 509 p.

⁸ Druzhinin, V. N. *The Psychology of Ability: Selected Essays*, Moscow: RGB, 2009. 652 p.

⁹ Vygotsky L. S., *Imagination and Creativity in Childhood*. Saint-Petersburg: Soyuz, 2013. 96 p.

¹⁰ Karpova L. G. Development of Younger Schoolchildren's Creative Abilities // *Omsk Scientific Bulletin*. 2015. № 2. P.137–140.

¹¹ *Diagnostic of Children's Giftedness. Methodological Handbook* / Compiled by S. V. Maydanenko. Dnepropetrovsk Regional Institute of Postgraduate Pedagogical Education, 2011. 27 p.

Creative development depends on personalities, psychological characteristics, and participation in creative activities. Therefore, the following components of creative development based on the research of scientists can be divided into personal and creative, motivational and creative, and activity and creative.

The concept of "creative development" is closely related to the concept of "creativity." The analysis of the psychological and pedagogical literature affirms that there is no common view in science on the essence of the concept "creativity." Foreign scientists have distinct opinions on creativity characterization: creativity as a personality trait (Maslow et al.)¹, creativity as a process (Torrance)², and creativity as a product (Guilford et al.)³. Maslow⁴ considered creativity as an attitude toward self-realization (Karpova)⁵. The main creativity characteristics are motivation, values, and personal traits. Guilford⁶ utilized the concept of "creativity" or "creativeness" on the basis of such fundamentally different types of thinking as convergence and divergence. Convergent thinking is linear and logical, and convergent thinking intends the only possible correct solution of a problem. Additionally, divergent thinking is creative and characterized by searching for and proposing many interesting and unusual solutions of a single problem and avoiding patterns.

1. The ideas of Gilford⁷ were developed by Torrance⁸. In the creative process, Torrance⁹ included the following aspects:

- 1) appearance of susceptibility to problems, deficient knowledge, and its disharmony;
- 2) problem fixation, hypotheses, and search for solutions;
- 3) control, modification, and the countercheck of hypotheses; and
- 4) finding and providing of solution results (Allport)¹⁰.

Russian psychologists have also explored the concept of creativity. Rubinstein¹¹ described creativity as creativity that creates in activities "something new, original, which is

¹ Maslow A. Motivation and Personality. Saint-Petersburg: Peter, 2008. 105 p.

² Torrance E. P. Tests of Creative Thinking (Scholastic Testing Service, Inc., 1974. URL: https://www.researchgate.net/publication/319615683_Torrance_Tests_of_Creative_Thinking (accessed on: 12.03.2021).

³ Guilford J. P. Creativity // American Psychologist. 1950. № 5. P. 444–454.

⁴ Maslow A. Motivation and Personality. Saint-Petersburg: Peter, 2008. 105 p.

⁵ Karpova L. G. Development of Younger Schoolchildren's Creative Abilities // Omsk Scientific Bulletin. 2015. № 2. P. 137–140.

⁶ Guilford J. P. Creativity // American Psychologist. 1950. № 5. P. 444–454; Guilford J. Three Sides of Intelligence, The Psychology of Thinking. Moscow, 1969. 153 p.

⁷ Guilford J. P. Creativity // American Psychologist. 1950. № 5. P. 444–454.

⁸ Torrance E. P. Tests of Creative Thinking (Scholastic Testing Service, Inc., 1974. URL: https://www.researchgate.net/publication/319615683_Torrance_Tests_of_Creative_Thinking (accessed on: 12.03.2021).

⁹ Torrance, E.P. Tests of Creative Thinking (Scholastic Testing Service, Inc., 1974. URL: https://www.researchgate.net/publication/319615683_Torrance_Tests_of_Creative_Thinking (accessed on: 12.03.2021).

¹⁰ Allport G. Personality Formation: A Selected Works/Gordon Allport, ed. D.A. Leontiev, trans. L.V. Trubitsyna and D.A. Leontiev. Moscow: Context. 2002. 461 p.

¹¹ Rubinstein S. L. Statements of General Psychology. Saint-Petersburg: Peter Publisher, 2000. 482 p.

included not only in the development history of the creator himself, but in the development history of science, art etc.” (quoted in Leontiev)¹. Bogoyavlenskaya² offered an interesting interpretation of creativity, considering it as an ability to go beyond a situation. This ability is expressed in the original problem statement full of personal meaning (Bogoyavlenskaya)³.

Studies in the field of creativity are still going on. Savenkov⁴, Yakovleva⁵, and Loseva et al.⁶ studied the problem of children's creativity. Scientists consider creativity as a sign of giftedness and as a personal characteristic. Hence, there is no unified definition of creativity. Some researchers also believe that creativity is a characteristic of the cognitive sphere, others look for its origin in the personal sphere, and others consider it as a synthesis of the cognitive and personal.

Creativity in general is defined as a sign of creative ability, giftedness, and the presence of creative potential; thus, creativity is an act of creative development. According to scientists, in every child, there is creativity as a capacity.

Primary school age is an important stage in the development of children, which corresponds to the period of primary school, and it is a period of knowledge accumulation. Moreover, primary school age is a period where the techniques of mental activities are established, and this period is also characterized by the intensive development of all mental cognitive processes, speech, high cognitive activities, and interests in all the phenomena and objects of the world around. Imagination function is essential in younger school age, and it plays a major role in the creative development of the personality of children. It also proves the creative development needs of children to use the opportunities of primary school age.

Creative development is the most effective in the creative activities of children. Therefore, children must be included in available creative activities as early as possible. Vygotsky⁷ considered creative activity as an activity, whose result is something new created; it does not matter “if it is created by something of the external world or by a known construction of mind or feeling, living or revealed only in a person himself” (quoted in Wenger)⁸. He also believed that it is in the process of creative activity where creative abili-

¹ Leontiev A. N. Activity. Consciousness. Personality. Moscow: Politizdat, 1977. 304 p.

² Bogoyavlenskaya D. B. Psychology of Creative Abilities: Textbook for Students of Higher Education. Moscow: Academia Publishing Center, 2012. 318 p.

³ Bogoyavlenskaya D. B., Psychology of Creative Abilities: Textbook for Students of Higher Education. Moscow: Academia Publishing Center, 2012. 318 p.

⁴ Savenkov A. I. Gifted Child at Home and at School. Yekaterinburg: U-Factoria, 2004. 272 p.

Savenkov A. I. Gifted Children in Kindergarten and School: Textbook for Students of Higher Education Institutions. Moscow: Publishing Center AKA Demia, 2000. 232 p.

⁵ Yakovleva E. L. Development Psychology of a Personal Creative Potential. Moscow: Flint, 1997. 224 p.

⁶ Loseva A. A., Matyushkin A. M., Volkov A. S. Psychological Diagnostics of Giftedness: Textbook for Universities. Moscow: Trikssta; Academic Project, 2004. 176 p.

⁷ Vygotsky L. S. Imagination and Creativity in Childhood. Saint-Petersburg: Soyuz, 2013. 96 p.

⁸ Wenger A. L. Psychological Drawing Tests: Illustrated Guide. Moscow: VLADOS-PRESS, 2003. 160 p.

ties are produced and formed and the creative development of children takes place. Luk¹, considered creative activity as a productive form of human activities and independence, whose results are scientific discoveries, inventions, and the creation of new musical and artistic works (quoted in Ilyin)².

Activity in creativity, as a form of personal activity demonstration in interaction with social environments and other subjects, is a conscious form of human behavior conditioned by the presence of stimulating and regulating motives and goals.

Ilyin³, pointing at the fundamental difference between activities and other forms of human behavior, asserted that it is characterized by the presence of motives and goals (Guilford)⁴. "Motive" means a reflection of activity needs in human conscience and the necessity of its implementation accompanied by the presence of subjective emotions and experiences, which motivate the activity. "Goal" is what the activity is aimed at and what the individual wants to achieve as a result; these are reasonable actions and behavioral acts oriented toward successful achievements. Among the encouraging mechanisms in creative activities and human behaviors, their driving force is the need reflected essential for individual existence, values, and meanings as incentives to the implementation of active actions, value orientations as a subject attitude to various types of activities in the construction of a life perspective, and motives. The person's subjective significance of the objects and phenomena, expressed in emotional and mental processes, interests, which accumulate the subject's needs, emotional attraction and process significance of knowledge and activity, readiness to perform purposeful activities.

Bogoyavlenskaya⁵ considered the peculiarities of creative activities in primary school age by the characteristics of children as the dominance of motivation "to fit in," the development of independence, critical thinking, perception integrity, bright imagination, emotional intensity, limited experience, insufficient development of arbitrariness, and logical thinking. In addition, Yakovleva and Goltsova⁶ considered that the creative activity of children is manifested in a favorable atmosphere with a kind attitude and evaluation by others and teachers. Vygotsky⁷ also validated that the wealth and variety of a person's experience (the wider experience means that the imagination has more material) determine the creative activity of imagination. Savina⁸ believed that activities must generate only positive emotions and pleasures to have positive effects on children.

¹ Luk A. N. Thinking and Creativity. Moscow: Political Literature, 1976. 143 p.

² Ilyin E. L. Psychology of Creativity, Giftedness. Saint-Petersburg: Peter, 2009. 448 p.

³ Ilyin E. L. Psychology of Creativity, Giftedness. Saint-Petersburg: Peter, 2009. 448 p.

⁴ Guilford J. Three Sides of Intelligence, The Psychology of Thinking. Moscow, 1969. 153 p.

⁵ Bogoyavlenskaya D. B. Psychology of Creative Abilities: Textbook for Students of Higher Education. Moscow: Academia Publishing Center, 2012. 318 p.)

⁶ Yakovleva E. V., Goltsova N. V. Informational and Communicational Technologies as a Developing Method of Schoolchildren's Learning Motivation in Primary School // Procedia-Social and Behavioral Sciences 233 (2016) Annual International Scientific Conference Early Childhood Care and Education, ECCE, 12-14 May 2016. Moscow, Russia, 2016. P. 428-432.

⁷ Vygotsky L. S. Imagination and Creativity in Childhood. Saint-Petersburg: Soyuz, 2013. 96 p.

⁸ Savina A. A. Demonstration Peculiarities and Development of Younger Schoolchildren's Creative Abilities // Vestnik Kazuki. № 1. 2018. P. 115-118.

When the learning process is well organized, every student is engaged in the creativity process more or less, and the learning process implies the personal creativity of students. The final creativity product is the creation or discovery of something new in the process of creative activity; thus, creative development in primary school age takes place in activities.

To achieve our research goals, we employed the following research methods: theoretical analysis and synthesis; review of literature, educational, and methodological documents and student activity results; modeling of ways and methods of younger schoolchildren's creative development, and complex diagnostic methods.

The diagnostic organization of the creative development of younger schoolchildren includes four stages. The first stage of preliminary search comprises collecting preliminary information about the children. This information was obtained from the teachers, parents, and children themselves. According to Bogoyavlenskaya¹, giftedness is represented in two main components, namely, instrumental and motivational; therefore, the diagnostics of creative development should be aimed at studying such personality parameters as cognitive needs, interest orientation, and motivation. The following methods were employed as instruments: (1) "palette of interests" (Savenkov)² - aims to obtain primary information about the orientation of the interests of younger schoolchildren, the comparative method, and the answers of comparative parents and schoolchildren and (2) "general giftedness assessment technique" (Savenkov)³ - aims to assess the giftedness of general children on the basis of obtaining information about the formation level of characteristics usually observed in gifted children, curiosity, ability to predict, and ability to evaluate the unidimensional scaling method based on point grades. The collected information allowed us to create the first profile of each child.

The second stage is psychodiagnostic. It includes methods that have already become traditional to determine the level of intellectual development. (1) "Using items (variants of use)" (by Guilford)⁴ - aims to reveal the development level of younger schoolchildren's fluency, irregularity, ease of thinking, ingenuity and independence. (2) "Creativity test" (Torrance)⁵ - aims to reveal the development level of younger schoolchildren's originality and creativity and test method (Tunik)⁶. (3) "Compose a story about a non-existent animal" (Dukarevich) - aims is to reveal the level of thinking originality and creativity, strive for younger schoolchildren's self-expression and originality, and study the method of schoolchildren's activity products (Wenger)⁷.

¹ Bogoyavlenskaya D. B. Psychology of Creative Abilities: Textbook for Students of Higher Education. Moscow: Academia Publishing Center, 2012. 318 p.

² Savenkov A. I. Gifted Child at Home and at School. Yekaterinburg: U-Factoria, 2004. 272 p.

³ Savenkov A. I. Gifted Child at Home and at School. Yekaterinburg: U-Factoria, 2004. 272 p.

⁴ Guilford J. Three Sides of Intelligence //The Psychology of Thinking. Moscow, 1969. 153 p.

⁵ Torrance E. P. Torrance Tests of Creative Thinking (Scholastic Testing Service, Inc.1974. URL: https://www.researchgate.net/publication/319615683_Torrance_Tests_of_Creative_Thinking (accessed on: 12.03.2021).

⁶ Tunik E. E. Diagnosing Creativity. Torrance's Test. Adapted Version. Saint-Petersburg, Rech., 2006. 176 p.

⁷ Wenger A. L. Psychological Drawing Tests: Illustrated Guide. Moscow: VLADOS-PRESS, 2003. 160 p.

The third evaluation and correction stage focuses on clarifying and specifying the information obtained earlier. Here, we used various methods: (a) the observation method of children in different situations, (b) research using psychometric diagnostics, (c) the expert evaluation of children's behavior by teachers and parents, and (d) the expert evaluation of the products of children's creative activity.

The fourth is the stage of information analysis obtained from all the sources. The reliability of the results obtained in the study was ensured by the use of valid tests and a range of research methods. The described technique complex, which represents standardized procedures with regard to the research conduct and to the process and interpretation of the data obtained allowed us to obtain fast diagnostic results, to register the results rather close, and to process quickly the obtained data.

The research was based on a municipal general school. Four primary school teachers and 104 parents participated in the research. As well as schoolchildren of the same second grade, aged 7–8 years (104 schoolchildren in total, including 48 boys and 56 girls), studying according to the unified standard (federal state educational standard of primary general education), adopted in Russia, the teaching complex "primary school of the 21st century." We also employed a simple random sampling method to select the respondents, and all the diagnostics were conducted in the native language (Russian) of the children. The principle of information confidentiality was used in the research and in the processing of the results, and the obtained information was used only for research aims in a generalized form.

According to the analysis of works by Bogoyavlenskaya¹, Luk², and Teplov³ et al., we identified the criterion and indicators of the creative development of younger schoolchildren. The main criteria of creative development in our research are personal and creative, motivational and creative, and activity and creative. Each criterion includes several indicators. Thinking originality and creativity are important and fluency (facility, productivity, and mental capacity) to diagnose creative development according to the personal-creative criterion. For the evaluation according to the motivation and need criterion, the essential indicators are the need for creative activity and the desire for self-expression. The indicators of the activity criterion include the proposal of new solutions in the activity process and the ability to perform creative tasks independently. A complex characteristic of the creative development of children has been compiled on the basis of the obtained data for all the methods.

Most of the students have an average level of creativity (60.6%). The students are smart, but they hardly ever use creative thinking and imagination to solve creative tasks, trying to choose an evident solution. The productivity and creative facility are rather low, and the product of their activity does not contain apparent elements of creative imagination. By the way, children show interest in creative tasks, and they have a positive view of the creative process but do not show a strong desire to participate in it as the

¹ Bogoyavlenskaya D. B. Psychology of Creative Abilities: Textbook for Students of Higher Education. Moscow: Academia Publishing Center, 2012. 318 p.

² Luk A. N. Thinking and Creativity. Moscow: Political Literature, 1976. 143 p.

³ Teplov B. M. Problems of Individual Differences. Moscow: Acad. of Pedagogical Sciences, RSFSR, 1961. 536 p.

process causes difficulties for them because of insufficient imagination. Students look for the opportunities to express themselves in creative work, but their interest is changeable. Students may also show originality and an “out-of-the-box” way to solve creative tasks, but they commonly need the help of teachers.

Generally, the method used to explore the creative development of the younger schoolchildren helped us obtain the information about the orientation of the interests of children, and it enabled the objective estimation of their abilities and the nature of creative development and the organization of the further work process with them.

The experimental results allowed us to conclude the following: the techniques of mental activities are formed in primary school; hence, the creative thinking of children must be developed correctly. First of all, the creative development of children is conducted through the activation of the learning activity of schoolchildren. The development of all mental cognitive processes (such as perception, imagination, thinking, memory, and attention) is active in primary school age. On this basis, it is necessary to develop children's curiosity and the ability to observe and to analyze the phenomena of the world around them, to compare, to summarize facts, to conclude, to estimate their activities, and to show activities and initiatives. The need and the interest in creative work are developed at the same time. In primary school age, the effective creative development of children is possible only if their teacher sets difficult, but realistic tasks for their creativity.

The following recommendations to support the creative development of younger schoolchildren have been identified on the basis of the experimental data. Adults' support of younger schoolchildren is necessary for the creative development of children. Support is a method to help children make the best possible decisions in different life situations. Support is also based on the person-centered and individualization principles. Slastenin and Kolesnikova¹ considered pedagogical support as a process of interesting observation, consultation, and stimulation of the independence of children in a difficult situation with minimal participation of any adult (a teacher and parents). The following are the functions of pedagogical support: diagnostic, design, organizational, communicative, and gnostic. Providing pedagogical support to form the creativity of younger schoolchildren, the adult defines the goal, objectives, principles, and functions of the activity and determines the order, logic, support stages, methods, and forms of interaction with the child. It also provides the intensification of the creative development of children.

The following are the components of pedagogical support for the creative development of younger schoolchildren: contentive, functional and activity, and spatial and administrative. The contentive component is aimed at socialization and individual creative development through the organization of the learning process. Its objectives are the identification of creatively developed children and their problems and the resource use of educational space in the organization of interaction. The activity principles in the implementation of this component are natural conformity, humanism, cultural orientation, activity orientation, and cooperation.

¹ Slastenin V. A., Kolesnikova I. A. Educational Activity of a Teacher. Moscow: Academia Publishing Centre, 2005. 336 p.

The methods used to support this component are exercise, assignment, educational situations, collective creative activities, project, persuasion, ethical conversation, situation of success, emotional and moral experiences, stimulation, competition, and sociodramatic play. The functional and activity component. Working with children, the adult determines the methods of creative development, and they can be the following: exercise, assignment, creation of educational situations, collective creative work, project, situation of success, and stimulation. The task of the teacher is to influence the child to give them the opportunity of freedom to choose the activity type for creative development, interaction coordination of families, schools, additional education institutions, and cultural institutions. The formation of the creativity of the child proceeds in individual creative activities (art, design, and music). The creative development in younger school age is also successfully performed not only in the individual but also in group activities of children. Social projects, practices, and tests are effective methods of pedagogical support, and it is also possible to use a portfolio as a method of self-actualization. In this case, the portfolio is a way to specify goals and to evaluate the activity results. The spatial component is also characterized by a common educational space, connections, and relations of school communities with other communities and parents. The resources of the common educational space are utilized to create conditions aimed at the creative development of children.

The administrative component combines the external control of psychological and pedagogical support (through the creation of such conditions as teacher training and the study of the experience of others) and the internal control of psychological and pedagogical support (through the organizational and structural components of schools, temporary creative teams, and self-administration). A major element is self-administration as autonomy.

Conclusion

Creative abilities are the individual qualities of a personality, and they allow the successful completion of various kinds of creative activities. Creative ability is designated as a specific characteristic, and it is also the ability to create something new and original. Additionally, creativity appears in an activity, and new materials and spiritual values appear as the results of such an activity. In creative activities occurs the creative development of personalities. A creativity element may be present in any activity type.

The creative development of younger schoolchildren is related to mental capacities and appears in their imaginations, fantasies, creative thinking, a particular vision of the world, and the view of the world around them. In primary school age, there are changes in the cognitive, emotional, and motivational spheres, and creative development takes place in the process of creative activity. Furthermore, children of this age are curious, emotional, and full of initiative. Younger schoolchildren have a desire for self-expression and originality, and they propose new solutions in the activity process. Therefore, it is possible to identify the following components of younger schoolchildren's creative development: motivational, creative, personal, and activity components.

The indicators of the creative development of younger schoolchildren according to the personal and creative criterion are thinking and creativity originality and fluency (ease, productivity, and ingenuity). The important indicators of the motivation and requirement criterion of the creative development of schoolchildren are the need for creative activity

and the desire for self-expression. The main indicators of the activity-based criterion of the creative development of younger schoolchildren are the proposal of new solutions in the activity process and the ability to independently perform the tasks of creative nature. Thus, purposeful formation of all the three components as the structural components of the creative development of schoolchildren is an essential direction of the activities of teachers and parents. Adults must support the creative initiative of children. It will allow to the development of such children's abilities as stable characteristics and the mental properties included in the structure of personalities.

The use of the pedagogical support method for the creativity of younger schoolchildren includes the following components: contentive, functional and activity, and spatial and administrative. Working with younger schoolchildren requires the use of modern forms and methods to organize their activities aimed at their creative development. The most effective methods and forms of the creative development of children are exercises, assignments, educational situations, creative activities in group, projects, situations of success, emotional and moral experiences, encouragement, competitions, socio-dramatic plays, practices, and efforts in various activities.

In sum, we can conclude that the ways of younger schoolchildren's creative development described in the research can identify and develop their abilities, which creates favorable conditions for their creative development. The research limitations include insufficient training of primary school teachers to develop younger schoolchildren's creative abilities and the lack of systematic work in the pedagogical support of schoolchildren's creative development and

Another limitation is the weak motivation and lack of parents' knowledge in their children's creative development and limits associated with the objective results of the research as students' success in the test depends on the physical health, the characteristics of the world perception, education, and children's psycho-emotional state.

The theoretical implication of the research is to substantiate and describe the process essence and the characteristics of the creative development of younger schoolchildren. The practical implication is the method description of pedagogical support, which can be used to purpose the creative development of younger schoolchildren in mass practices in a general school. The research novelty consists in the essence and peculiarity substantiation of younger schoolchildren's creative development and in the component development of pedagogical accompaniment considering the highlighted peculiarities. The psychological and pedagogical analysis of the problem of the creative development of younger schoolchildren shows prospects variety for experimental research in this area. There are several research directions.

- peculiarity research of thinking originality and creativity, the need for creative activity and the desire for self-expression, putting forward new solutions in the activity process, and the ability to perform independently creative tasks at school age considering children's gender and age differences;

- peculiarity identification of the selected indicators of creative development in various types of children activities, such as artistic and technical creativity, educational and research activities, and social design;

- peculiarity determination of the abovementioned quality formation as the indicators

of younger schoolchildren's creative development in different learning conditions using divergent approaches to the content and technologies of educational work; and

– determination of psychological and pedagogical conditions that are the most conducive to younger schoolchildren's creative development according to the selected indicators.

Because identifying the influence of the personalities of teachers and parents on the creative development of children is crucial, the research activities in the areas mentioned here may identify and substantiate the dependence of the creative development of younger schoolchildren on several factors. We suppose that these factors are the process essence and specificity of children's creative development, creative activity type (research, artistic, technical, social, among others), in which these abilities are shown and developed, their age and gender, their personal qualities, and their learning conditions. Establishing the interrelation of the highlighted factors will increase the effectiveness of the purposeful creative development of younger schoolchildren.

References

Allport G. *Personality formation: selected works*; ed. by D. A. Leontiev. Moscow: Kontekst, 2002. 461 p.

Baer J. Chapter 5: Implications of domain specificity for creativity assessment. *Domain Specificity of Creativity*, 2016, pp.103–140, doi:10.1016/B978-0-12-799962-3.00005-7.

Bogoyavlenskaya D. B. *Psychology of Creative Abilities*. Moscow: Academia Publishing, 2012. 318 p.

Cattell R. B. *Abilities: their structure, growth and action*. Boston: Houghton Mifflin Company, 1971. 583 p.

Diagnostic of Children's Giftedness. Methodological handbook: compiled by S. V. Maydanenko. Dnepropetrovsk: Dnepropetrovsk Regional Institute of Postgraduate Pedagogical Education, 2011. 27 p.

Druzhinin V. N. *The psychology of ability: Selected Essays*. ed. by A. L. Zhuravlev, M. A. Kholodnov, V. D. Shadrikov. Moscow, 2009. 652 p.

Eysenck H. J., Eysenck M. W. Personality and individual differences. *Natural Science Approach*. N.Y., London, 1985. Available at: <https://archive.org/details/personalityindiv0000eyse/page/n5/mod> (accessed: 12.03.2021).

Fryer M. Making sense of creativity from a psychological perspective. *Creativity and Human Development*, 2012, no. 5, pp. 1–8. Available at: <https://creativityjournal.net/component/k2/item/81-making-sense-of-creativity-from-a-psychological-perspective#.Wd6dF1u0PIU> (accessed: 12.03.2021).

Guilford J. Three sides of intelligence. The psychology of thinking. Moscow, 1969. 153 p.

Guilford J. P. Creativity. *American psychologist*, 1950, no. 5, pp. 444–454.

Ilyin E. L. *Psychology of creativity, giftedness*. St Petersburg: Piter, 2009. 448 p.

Karpova L. G. Development of younger schoolchildren's creative abilities. *Omsk Scientific Bulletin*, 2015, no. 2, pp. 137–140.

Leontiev A. N. *Activity. Consciousness. Personality*. Moscow: Politizdat, 1977. 304 p.

Loseva A. A., Matyushkin A. M., Volkov A. S. *Psychological diagnostics of giftedness*. Moscow: Akademicheskii proekt: Triksa, 2004, 176 p.

Luk A. N. *Thinking and creativity*. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1976. 143 p.

Maslow A. *Motivation and personality*. St Petersburg: Piter, 2008. 105 p.

Petre V. G., Tanggaard L. Creativity, identity, and representation: Towards a socio-cultural theory of creative identity. *New Ideas in Psychology*, 2014, no. 34, pp. 12–21. doi: 10.1016/j.newideapsych.2014.02.002

Petrovsky V. A. *Personality in psychology: The paradigm of subjectivity*. Rostov-on-Don: Feniks, 1996. 509 p.

Rubinstein S. L. *Statements of general psychology*. St Petersburg: Piter, 2000. 712 p.

Savenkov A. I. *Gifted child at home and at school*. Yekaterinburg: U-Factoria, 2004. 272 p.

Savenkov A. I. *Gifted children in kindergarten and school*. Moscow: Academia Publishing, 2000. 232 p.

Savina A. A. Demonstration peculiarities and development of younger schoolchildren's creative abilities. *Bulletin of Kazan State University of Culture and Arts*, 2018, no. 1, pp. 115–118.

Slastenin V. A., Kolesnikova I. A. *Educational activity of a teacher*. Moscow: Academia Publishing, 2005. 336 p.

Teplov B. M. *Problems of individual differences*. Moscow, 1961. 536 p.

Torrance E. P. *Tests of creative thinking*. Scholastic Testing Service, Inc., 1974. Available at: https://www.researchgate.net/publication/319615683_Torrance_Tests_of_Creative_Thinking (accessed: 12.03.2021).

Tunik E. E. *Diagnosing creativity. Torrance's test*. St Petersburg: Rech', 2006. 176 p.

Tunik E. E. *The best tests for creativity. Diagnostics of creative thinking*. St Petersburg: Piter, 2013. 320 p.

Vergeles G. I. Developing general creative abilities as a pedagogical psychology issue. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanites & Sciences*, 2009, no. 100, pp. 7–18.

Vygotsky L. S. *Imagination and creativity in childhood*. St Petersburg: Soiuz, 2013. 96 p.

Wang Y., Wang, L. Self-construal and creativity: The moderator effect of self-esteem. *Personality and Individual Differences*, 2016, no. 99, pp. 184–189, doi: 10.1016/j.paid.2016.04.086.

Wenger A. L. *Psychological drawing tests: Illustrated guide*. Moscow: VLADOS-PRESS, 2003. 160 p.

Yakovleva E. V., Goltsova N. V. Informational and communicational technologies as a developing method of schoolchildren's learning motivation in primary school. Annual International Scientific Conference Early Childhood Care and Education, ECCE, 12–14 May 2016. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2016, no. 233, pp. 428–432.

Yakovleva E. L. *Development psychology of a personal creative potential*. Moscow: Flinta, 1997. 224 p.

Сведения об авторах

Елена Викторовна Яковлева – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой начального образования, общей и социальной педагогики, <http://orcid.org/0000-0002-9127-5178>, eviakovleva@chsu.ru, Череповецкий государственный университет (д. 5, проспект Луначарского, 162600 г. Череповец, Российская Федерация); **Elena V. Yakovleva** – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Primary Education, General and Social Pedagogy, <http://orcid.org/0000-0002-9127-5178>, eviakovleva@chsu.ru, Cherepovets State University (5, pr. Lunacharskogo, 162600 Cherepovets, Russia).

Владимир Иванович Колесов – доктор педагогических наук, профессор, профессор межфакультетской кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, <http://orcid.org/0000-0001-5539-5853>, vi_kolesov@mail.ru, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина (д.10 лит. А Петербургское шоссе, 196605 Санкт-Петербург, г. Пушкин, Россия); **Vladimir I. Kolesov** – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of

the Interfaculty Department of Humanities and Natural Sciences, <http://orcid.org/0000-0001-5539-5853>, vi_kolesov@mail.ru, Leningrad State University named after A. S. Pushkin (10 lit. A, Peterburgskoe shosse, 196605 St Petersburg, Pushkin, Russia).

Наталья Владимировна Гольцова – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры начального образования, общей и социальной педагогики, <http://orcid.org/0000-0002-1565-7449>, nvgoltcova@chsu.ru, Череповецкий государственный университет (д. 5, проспект Луначарского, 162600 г. Череповец, Российская Федерация); **Natalia V. Goltsova** – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Primary Education, General and Social Pedagogy, <http://orcid.org/0000-0002-1565-7449>, nvgoltcova@chsu.ru, Cherepovets State University (5, pr. Lunacharskogo, 162600 Cherepovets, Russia).

Анна Николаевна Смолонская – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и педагогических технологий, <http://orcid.org/0000-0002-2128-3113>, ansmolonskaia@mail.ru, Ленинградский государственный университета им. А.С. Пушкина (д.10 лит. А Петербургское шоссе, 196605 Санкт-Петербург, г. Пушкин, Россия); **Anna N. Smolonskaya** – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Pedagogy and Pedagogical Technologies, <http://orcid.org/0000-0002-2128-3113>, ansmolonskaia@mail.ru, Leningrad State University named after A. S. Pushkin (10 lit. A, Peterburgskoe shosse, 196605 St Petersburg, Pushkin, Russia).

Рустам Шамсулович Гарифулин – кандидат технических наук, старший преподаватель кафедры организации охраны и конвоирования в УИС, <http://orcid.org/0009-0005-0221-9297>, garifulin1983@mail.ru, Кузбасский институт ФСИН России (49, проспект Октябрьский, 654066 Новокузнецк, Кемеровская область, Россия); **Rustam Sh. Garifulin** – Candidate of Technical Sciences, Senior Lecturer of the Department of Security Management and Convoing in Criminal Correctional System, <http://orcid.org/0009-0005-0221-9297>, garifulin1983@mail.ru, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (49, pr. Oktiabr'skii, 654066 Novokuznetsk, Kemerovo Region, Russia).

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.04.2023; одобрена после рецензирования 25.05.2023; принята к публикации 30.05.2023.

The article was submitted 28.04.2023; Approved after reviewing 25.05.2023; Accepted for publication 30.05.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Условия и порядок приема рукописей

1. Редакция принимает к публикации материалы на русском и английском языках по темам, соответствующим основным научным направлениям журнала. При этом статьи, опубликованные на русском языке, сопровождаются аннотациями на английском языке, а статьи, опубликованные на английском языке, – аннотациями на русском языке. Научные статьи принимаются при условии положительных результатов независимой экспертизы и включаются в очередной номер журнала.

2. В журнале публикуются статьи, отличающиеся высокой степенью научной новизны, теоретической и практической значимости. В статье должны быть изложены основные научные результаты исследования. Материалы статьи должны быть оригинальными, ранее нигде не публиковавшимися. Авторами могут быть ученые-исследователи, докторанты, аспиранты, соискатели. Работа, предлагаемая к публикации, должна иметь четкую структуру и должна быть логически выстроена (см. образец оформления).

3. Статьи публикуются в порядке очередности (по мере их поступления и прохождения процедуры рецензирования). Преподаватели, сотрудники, аспиранты и докторанты ЧГУ, исполнители государственных контрактов в рамках федеральных целевых программ, грантов и конкурсов имеют право приоритета при комплектовании номера. Статьи ведущих приглашенных ученых размещаются в ближайшем номере журнала.

4. Авторы предоставляют в редакцию журнала на электронный адрес **vestnik-chsu@yandex.ru** один файл формата Microsoft Word, содержащий статью и сведения об авторе. Имя файлу присваивается следующим образом: **Фамилия И. О._научное направление статьи** (при наличии 2-х и более авторов, указывается фамилия только первого автора). Файлы, инфицированные вирусами, не обрабатываются и не принимаются к опубликованию.

5. Все статьи проверяются на оригинальность в системе РУКОТЕКСТ. Значение оригинальных фрагментов должно быть не менее 70 %.

6. Поступившие в редакцию материалы регистрируются, и в течение 3-х дней автору (авторам) по электронной почте высылается подтверждение о получении статьи.

7. Статьи, не соответствующие условиям публикации и требованиям к оформлению, не рассматриваются.

8. Если рецензия содержит рекомендации по исправлению и доработке статьи, то она направляется автору с предложением учесть рекомендации при подготовке нового варианта статьи. Датой поступления статьи в данном случае считается день получения редакцией окончательного варианта работы.

9. **Аспирантам к статье** необходимо приложить сканированную копию отзыва научного руководителя, заверенную подписью руководителя и печатью организации, а также справку, подтверждающую обучение в аспирантуре.

10. Присланные материалы не возвращаются.

11. Гонорар за публикацию статьи не выплачивается.

12. Публикации в журнале осуществляются на основании лицензионного договора.

Адрес редакции:

162600 г. Череповец, Луначарского пр., д. 5.

Ответственный секретарь: Наталья Анатольевна Тихомирова (8202) 51-72-40

E-mail: **vestnik-chsu@yandex.ru**

Требования к публикуемым статьям и их оформлению

<i>Форматирование основного текста</i>	1. Формат страницы – А 4 (книжный). 2. Поля – все по 20 мм. 3. Абзацный отступ – 0,5 см. 4. Шрифт – Times New Roman, обычный; размер кегля (символов) – 12 пт., интервал – 1,5. 5. Весь текст должен быть набран обычным шрифтом без стилей. 6. Номер страницы располагается внизу справа
Объем статьи	10–12 страниц
<i>Требования к составу публикуемой статьи</i>	Статья должна включать в себя следующие последовательно расположенные элементы: 1. Наименование раздела журнала, в который должна быть помещена статья. 2. Тип статьи (согласно п. 4.4 ГОСТ Р 7.0.7–2021): научная, обзорная, редакционная, дискуссионная статья, персоналии, редакторская заметка, рецензия. 3. Индекс универсальной десятичной классификации (УДК) – слева, обычным шрифтом. Индекс УДК должен соответствовать заявленной теме. 4. Название статьи располагается по центру, полужирным шрифтом как в предложениях на русском языке. 5. Информация об авторе статьи справа: ФИО автора(ов) – полностью с указанием значком ☒ тех авторов, с кем возможна переписка; место работы / учебы (полностью), электронный адрес и уникальный код международной системы персональной идентификации авторов научных публикаций ORCID. 6. Аннотация (объемом от 400 до 600 печатных знаков) обычным шрифтом на русском языке. Аннотация должна быть развернутой, структурированной, следовать логике и хронологии изложения материала в статье, кратко повторять структуру статьи и максимально полно раскрывать ее содержание. 7. Ключевые слова (3–10 слов) обычным шрифтом на русском языке через запятую, точка после ключевых слов НЕ ставится. 8. Благодарность (если имеется) должна содержать номер проекта и его полное название (если работа выполнена по гранту), в данном разделе могут содержаться сведения о спонсорах или партнерах по интеллектуальному праву, аспирантам необходимо указать сведения о научном руководителе. Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 123... «Название»). Работа выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора Н. В. Володиной. 9. Название статьи – по центру полужирным шрифтом как в предложениях на английском языке.

<i>Требования к составу публикуемой статьи</i>	10. Информация об авторе статьи справа на английском языке: ФИО автора – полностью (отчество сокращается до первой буквы), указание значком ✉ тех авторов, с кем возможна переписка; место работы / учебы (полностью), электронный адрес и уникальный код международной системы персональной идентификации авторов научных публикаций ORCID.
<i>Требования к составу публикуемой статьи</i>	11. Аннотация обычным шрифтом на английском языке. Не допускается использование автоматической системы перевода. Желательно, чтобы аннотация на английском языке не дублировала полностью текст аннотации на русском языке. Объем аннотации на английском языке может не совпадать с русскоязычным вариантом. 12. Ключевые слова через запятую обычным шрифтом на английском языке, в конце точка НЕ ставится. 13. Если статья написана на английском языке, название статьи, аннотацию и ключевые слова следует перевести на русский язык. 14. Информация о благодарности в переводе на английский язык. Acknowledgments. The work was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 123... “...”. The research was conducted under the supervision of Doctor of Philological Sciences, Professor N. V. Volodina. 15. Текст статьи. В статье должны быть выделены следующие структурные элементы: – Введение; – Основная часть; – Выводы. Рекомендуется структурировать текст статьи выделением следующих разделов: материалы и методы, результаты, обсуждение. Допускается деление основного текста статьи на тематические рубрики и подраз рубрики. 16. Список источников – по ширине страницы, обычным шрифтом, в алфавитном порядке русского языка. Не имеет нумерации источников. 17. References повторяет очередность русскоязычного списка. Элементы статьи отделяются друг от друга одной пустой строкой После References предоставляется контактная информация на русском и английском языках по каждому из авторов, а также сведения об отсутствии / наличии конфликта интересов (в случае, если статья была подготовлена несколькими авторами): ФИО полностью, научное звание и должность, ORCID, действующий электронный адрес, наименование организации, почтовый адрес с индексом организации.

<i>Сведения об авторе (авторах)</i>	Елена Юрьевна Капустина – кандидат педагогических наук, доцент; https://orcid.org/0000-0002-1825-0098, m_ey@mail.ru, Череповецкий государственный университет (д. 5, пр-т Луначарского, 162600 Череповец, Вологодская область, Россия); Elena Yu. Kapustina – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, https://orcid.org/0000-0002-1825-0098, m_ey@mail.ru, Cherepovets State University (5, pr. Lunacharsky, 162600 Cherepovets, Russia). Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests. Контактный телефон: +7921XXXXX; фактический адрес проживания (для пересылки номера журнала почтой): 162600 Вологодская обл., г. Сокол, ул. Лесная, д. 5, кв. 3. Связь с авторами осуществляется через указанную ими электронную почту
<i>Библиографический список</i>	1. Список цитируемых источников в русском алфавите приводится в соответствии с требованиями ГОСТ Р7.0.7–2021. Источники в списке располагаются в алфавитном порядке русского языка. Сначала указываются отечественные, затем – зарубежные авторы. После перечня источников на русском языке приводится весь список в транслитерации (References) с переводом на английский язык наименования книги, места издания (см. ниже образец). Транслитерировать следует с помощью ресурса www.translit.ru в варианте LC (выбрать в меню «Варианты», расположенном под буквами). Источники, представленные изначально на английском языке, не транслитерируются и не переводятся. Если все источники изначально указаны в англоязычном варианте, то список литературы должен быть представлен 1 раз (References). 2. Для связи списка источников с текстом статьи используют автоматические подстрочные сноски. Нумерация сносок постраничная. Сноска в статье оформляется следующим образом: В настоящее время технология «Окно Овертона» активно изучается в разных науках: политологии¹, философии², социологии³, лингвистике⁴. ¹ Арутюнян В. А. «Окно Овертона» как инструмент ведения информационной войны // Информационные войны как борьба геополитических противников, цивилизаций и различных этносов: сборник трудов Всероссийской научной конференции (г. Новосибирск, 26–27 апреля 2018 г.). Новосибирск: Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики, 2018. С. 38–44; Володенков С. В., Федорченко С. Н. Окно Овертона – манипулятивная матрица политического менеджмента // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2015. № 4 (303). С. 83–93.

<i>Библиографический список</i>	² Овсянникова В. А., Быльева Д. С. Применение технологии окна Овертона (на примере проблемы эвтаназии в России) // Коммуникативные стратегии информационного общества: сборник трудов X Международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2018. С. 330–335. ³ Ильин А. Н. Окно Овертона как средство дегуманизации запада в условиях информационного общества // Информационное общество. 2018. № 6. С. 19–29. ⁴ Колмогорова А. В. Информационно-психологическая война через окно... Окно Овертона (на примере дискурса легитимации в России однополых браков) // Информационные войны как борьба геополитических противников, цивилизаций и различных этосов: сборник трудов Всероссийской научной конференции (г. Новосибирск, 26–27 апреля 2018 г.). Новосибирск: Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики, 2018. С. 313–326. Образец оформления списка источников: Список источников Каваками К. Модернизация технологических процессов в черной металлургии Японии // Черные металлы. 1988. № 13. С. 3–12. Масловский М. В. Современная западная теоретическая социология. – Нижний Новгород, 2005. URL: http://forsociologists.narod.ru/csth/lecture7.html (дата обращения: 01.01.2011). Платова Е. Феномен подросткового фанатизма – футбольные фанаты // Научно-практическая деятельность молодых ученых и студентов в рамках программы модернизации образования: тезисы конференции. Москва: Просвещение, 2003. С. 39–53. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Ленинград: Лабиринт, 1986. 256 с. Салахетдинов Э. Р. Личностные характеристики футбольных фанатов в молодежной околоспортивной субкультуре: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Москва: [б. и.], 2008. 25 с. Третьяков А. В., Гарбер Э. А., Давлетбаев Г. Г. Расчет и исследование прокатных валков. Москва: Металлургия, 1976. 376 с. Чиршева Г. Н., Скородумова Е. В. Отношение череповецких дошкольников и их родителей к изучению иностранных языков (по материалам опроса) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. № 4 (57). С. 116–120. Чиршева Г. Н. Сопоставительный анализ метонимических переносов в языке художественной прозы и публицистики: дис. ... канд. филол. наук. Ленинград: [б. и.], 1986. 295 с. Weber M. The Rationalization of Education and Training // Gerth H., Mills C.W.R. From Max Weber: Essays in Sociology. New York: Oxford University Press, 1946. 421 p. Cross A. G. An Anglo-Russian Medley // The Slavonic and East European Review. 1992. Vol. 70. P. 708–721. Для выполнения транслитерации и перевода источников на английский язык следует использовать системы автоматического перевода. Первоначально указывается фамилия автора(ов) в транслитерации, а затем наименование книги сначала в транслитерации, затем – в квадратных скобках перевод на английский язык. Далее следует место издания в переводе на английский язык (Moscow, Leningrad, NewYork, Oxford), год

издания, количество страниц в источнике. Если приводимой статье присвоен индекс DOI, его указание обязательно.

При написании источников на английском языке следует исключить символ «/» или «//». Наименование книги, журнала, в котором расположена статья, приводится курсивом в транслитерации, а в переводе обычным шрифтом в квадратных скобках. Подробнее об оформлении References см. ниже.

References

Kavakami K. Modernizatsiia tekhnologicheskikh protsessov v chernoi metallurgii Iaponii [Modernization of production processes in the steel industry of Japan]. *Chernye metally* [Ferrous metals], 1988, no. 13, pp. 3–12.

Maslovskii M. V. *Sovremennaiia zapadnaia teoreticheskaia sotsiologiia* [Modern Western theoretical sociology]. Nizhny Novgorod, 2005. Available at: <http://forsociologists.narod.ru/csth/lecture7.html> (accessed: 01.01.2011).

Platova E. Fenomen podrostkovogo fanatizma – futbol'nye fanaty [The phenomenon of teenage fanaticism – football fans]. *Nauchno-prakticheskaya deyatel'nost' molodykh uchennykh i studentov v ramkakh programmy modernizatsii obrazovaniya: tezisy konferentsii* [Scientific-practical activity of young scientists and students in the education modernization program: Conference abstracts]. Moscow: Prosveshchenie, 2003, pp. 39–53.

Propp V. Ya. *Istoricheskie korni volshebnoi skazki* [The historical roots of the fairy tale]. Leningrad: Labirint, 1986. 256 p.

Salakhedinov E. R. *Lichnostnye kharakteristiki futbol'nykh fanatov v molodezhnoi okolosportivnoi subkul'ture* [Personal characteristics of football fans around the youth subculture of sports: abstract PhD thesis in psychology]. Moscow, 2008. 25 p.

Tret'iaikov A. V., Garber E. A., Davletbaev G. G. *Rascheti i issledovanie prokatnykh valkov* [Calculation and study of the rolls]. Moscow: Metallurgii, 1976. 376 p.

Chirsheva G. N., Skorodumova E. V. Otnoshenie cherepoveckikh doshkol'nikov i ikh roditelei k izucheniiu inostrannykh yazykov (po materialam oprosa) [Attitude of Cherepovets preschool children and their parents to learning foreign languages (based on survey)]. *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Cherepovets State University], 2014, no. 4 (57), pp. 116–120.

Chirsheva G. N., Skorodumova E. V. *Otnoshenie cherepoveckikh doshkol'nikov i ikh roditelei k izucheniiu inostrannykh iazykov (po materialam oprosa)* [Comparative analysis of metonymic language fiction and journalism: Dr. thesis in philology]. Leningrad, 1986. 295 p.

Weber M. The Rationalization of Education and Training. Gerth H., Mills C.W.R. *From Max Weber: Essays in Sociology*. New York: Oxford University Press, 1946. 421 p.

Cross A. G. An Anglo-Russian Medley. *The Slavonic and East European Review*, 1992, vol. 70, pp. 708–721.

Библиографический список

<i>Рисунки, схемы, диаграммы, фотографии</i>	1. Принимается не более трех иллюстраций, выполненных в графическом редакторе Visio 3.0. или Word. Все элементы одного рисунка должны быть сгруппированы. 2. Иллюстрации должны быть вставлены в текст. Схемы и диаграммы выполняются с использованием штриховой заливки. При сканировании изображений количество точек на дюйм должно быть не менее 450 (450 dpi/дюйм). Изображения плохого качества не принимаются. 3. В тексте статьи на иллюстрации даются ссылки, например: (см. рис. 2). На рисунках должно быть минимальное количество слов и обозначений, подписи приводятся без сокращений. 4. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений, размещенных под рисунком
<i>Таблицы</i>	1. Таблицы (не более трех) должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word 2010 с расширением doc (docx), набраны 10 кеглем и быть пронумерованы по порядку. 2. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и заголовок. 3. Максимальный объем таблицы не должен превышать страницу формата А4. 4. Все графы в таблицах должны иметь заголовки. Сокращение слов допускается только в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.12-2011. 5. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается
<i>Единицы физических величин</i>	Размерность всех физических величин рекомендуется указывать в системе единиц СИ
<i>Формулы</i>	1. Набор формул осуществляется в тексте или при помощи редактора формул Microsoft Math Type 7.0 Equation. 2. Нумерация формул – сквозная, арабскими цифрами, справа в конце строки, в круглых скобках. 3. Нумерация осуществляется вне редактора формул. Нумеруются те формулы, на которые есть ссылки в тексте. 4. Номер выставляется посередине системы уравнений и выравнивается по правому краю границы текста. 5. Кегль набора формул: основные символы – 10, подстрочные и надстрочные индексы первого порядка – 7, подстрочные и надстрочные индексы второго порядка – 6. 6. Пронумерованные формулы, на которые должны быть ссылки в тексте, выносятся отдельной строкой и располагаются по центру текста. $\begin{cases} \tau_{xy}^t(\tau) = \tau_{xz}^t(\tau) = \tau_{yz}^t(\tau) = \sigma_x^t(\tau) = 0, \\ \sigma_y^t(\tau) = \sigma_z^t(\tau) = \sigma^t(\tau) = -\frac{\alpha_t E(\tau)}{1-\nu} [T(x, \tau) - T(x, 0)] \end{cases} \quad (11)$

Педагогические науки
Научная статья
УДК 37.013.42

**Особенности социально-педагогической деятельности по формированию
гендерных ролей у младших школьников**

Лидия Ильинична Бурова^{1✉}, Елена Юрьевна Капустина²

^{1, 2} Череповецкий государственный университет,

Череповец, Россия,

¹pimno@chsu.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0002-1825-0097>

²m_ey@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1825-0098>

Аннотация. Авторы рассматривают основные подходы к сущности понятия «гендерная роль» и проблему формирования гендерных ролей у детей младшего школьного возраста в процессе социализации личности. В статье описывается опытно-экспериментальная работа по формированию гендерных ролей учащихся начальной школы при реализации авторской программы социально-педагогической деятельности.

Ключевые слова: гендерная роль, младший школьный возраст, диагностика формирования гендерных ролей, программа формирования гендерных ролей учащихся начальной школы

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 123... «НАЗВАНИЕ».

**Features of social and Pedagogical activities for formation of gender roles
at younger school students**

Lidiya Il. Burova^{1✉}, Elena Yu. Kapustina²

^{1, 2}Cherepovets State University,

Cherepovets, Russia,

¹pimno@chsu.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0002-1825-0097>

²m_ey@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1825-0098>

Abstract. The author considers the main approaches to essence of the concept “gender role” and problem of formation of gender roles at children of younger school age in the course of socialization of the personality. The article describes the experimental work on formation of gender roles of pupils of elementary school during implementation of the author's program of social pedagogical activity.

Keywords: gender role, younger school age, diagnostics of formation of gender roles, program of formation of gender roles for pupils of elementary school

Acknowledgments. The work was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 123... “ ”.

Введение

В отечественной психолого-педагогической литературе раскрыты различные аспекты воспитания мальчиков и девочек такими учеными, как Д. Н. Исаев, В. Е. Каган, Д. В. Колесов, Л. Г. Хрипкова, Т. А. Репина, В. В. Абраменкова, И. С. Кон, А. В. Мудрик, Л. И. Столярчук и др. Проблемы формирования гендерных

идентичности и социализации младших школьников затронуты в работах О. А. Асадуллиной, Е. А. Гаффаровой, А. В. Дресвяниной, Е. Н. Каменской и др.

...

Основная часть

Понятием «гендерная роль» в последнее время все чаще оперируют в разных научных областях, но четкого определения данному феномену еще не дано. Гендерная роль предполагает дифференциацию деятельности, статусов, прав и обязанностей в зависимости от половой принадлежности.

...

Выводы

...

Список источников

Ассадулина О. А. Проблема гендерной социализации современных младших школьников // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. № 12. С. 101–109.

Дресвянина А. В. Гендерный уклад начальной школы // Вестник Северного (Арктического) федерального университета: гуманитарные и социальные науки. 2009. № 2. С. 96–99.

Капустина Е. Ю. Гендерный стереотип // Настольная книга специалиста по социальной работе. Вологда: Вологодский государственный педагогический университет, 2014. С. 43–45.

Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Ленинград: Лабиринт, 1986. 256 с.

References

Assadulina O. A. Problema gendernoi sotsializatsii sovremennykh mladshikh shkol'nikov [The problem of gender socialization of modern younger schoolchildren]. *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy* [Scientific problems of Humanitarian Studies], 2011, no. 12, pp. 101–109.

Dresvianina A. V. Gendernyi uklad nachal'noi shkoly [Gender way primary school]. *Vestnik severnogo (arkticheskogo) federal'nogo universiteta: gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University: humanities and social sciences], 2009, no. 2, pp. 96–99.

Kapustina E. Yu. Gendernyi stereotip [Gender stereotypes]. *Nastol'naya kniga spetsialista po so-tsial'noi rabote* [Handbook expert in social work]. Vologda: Vologodskii gosudarstvennyi i pedago-gicheskii universitet, 2014, pp. 43–45.

Propp V. Ya. *Istoricheskie korni volshebnoi skazki* [The historical roots of the fairy tale]. Leningrad: Labirint, 1986. 256 p.

Сведения об авторах

Лидия Ильинична Бурова – доктор педагогических наук, профессор; <https://orcid.org/0000-0002-1825-0097>, pimno@chsu.ru, Череповецкий государственный университет (д. 5, пр-т Луначарского, 162600 г. Череповец, Россия); **Lidiya I. Burova** – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, <https://orcid.org/0000-0002-1825-0097>, pimno@chsu.ru, Cherepovets State University (5, pr. Lunacharskogo, 162600 Cherepovets, Russia).

Елена Юрьевна Капустина – кандидат педагогических наук, доцент; <https://orcid.org/0000-0002-1825-0098>, m_ey@mail.ru, Череповецкий государственный университет (д. 5, пр-т Луначарского, 162600 г. Череповец, Россия); **Elena Yu. Kapustina** – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, <https://orcid.org/0000-0002-1825-0098>, m_ey@mail.ru, Cherepovets State University (5, pr. Lunacharskogo, 162600 Cherepovets, Russia).

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Бурова Лидия Ильинична

Моб. Тел.: +7-911-xxx-xx-xx

Полный почтовый адрес (для пересылки номера журнала): 162600, Вологодская обл., г. Череповец, ул. Лесная, д. 5, кв. 3.

Капустина Елена Юрьевна

Моб. Тел.: +7-921-xxx-xx-xx

Полный почтовый адрес (для пересылки номера журнала): 162600, Вологодская обл., г. Череповец, ул. Весенняя, д. 1, кв. 2.

Главный редактор журнала «Вестник Череповецкого государственного университета»

ГРУДЕВА Елена Валерьевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной филологии и прикладных коммуникаций

АВРУТИНА Аполлинария Сергеевна, доктор филологических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет)

АРОНИНА Лариса Исаровна, профессор (Академический педагогический колледж Ораним, Израиль), научный сотрудник (Тринити-колледж, Ирландия)

БЕЖЕНАРУ Людмила Ефимовна, доктор филологических наук, доцент (Ясский университет им. А. И. Кузы)

БЕЛКИНА Валентина Николаевна, доктор педагогических наук, профессор (Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского)

ВОЛОДИНА Лариса Олеговна, доктор педагогических наук, доцент (Вологодский государственный университет)

БОГИНСКАЯ Юлия Валериевна, доктор педагогических наук, доцент (Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского)

ГОРБУНОВ Вячеслав Алексеевич, доктор физико-математических наук, профессор (Вологодский государственный университет)

ГУРЛЕНОВА Людмила Викторовна, доктор филологических наук, профессор (Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина)

ДЕНИСОВА Ольга Александровна, доктор педагогических наук, профессор (Череповецкий государственный университет)

ДИБИРОВ Ибрагим Ашрапудинович, доктор филологических наук, профессор (Дагестанский государственный педагогический университет)

ЕГОРОВА Людмила Владимировна, доктор филологических наук, доцент (Вологодский государственный университет)

ЕРШОВ Евгений Валентинович, доктор технических наук, профессор (Череповецкий государственный университет), заместитель главного редактора по направлению «Технические науки»

ЗАБРОДСКАЯ Анастасия Николаевна, доктор филологических наук (Таллинский университет)

ЗАХАРОВА Жанна Анатольевна, доктор педагогических наук, профессор (Костромской государственный университет)

ЗЕЛЕНИН Александр Васильевич, доктор филологических наук (Университет Тампере, Финляндия)

ИВАНОВА Наталия Витальевна, доктор педагогических наук, профессор (Череповецкий государственный университет)

ИЛЬИНА Елена Николаевна, доктор филологических наук, профессор (Вологодский государственный университет)

КАБАКОВ Зотей Константинович, доктор технических наук, профессор (Череповецкий государственный университет)

КОЗЛОВСКАЯ Наталия Витальевна, доктор филологических наук, доцент (ИЛИ РАН)

ЛАВИНА Татьяна Ароновна, доктор педагогических наук, профессор (Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова)

ЛАВРОВА Светлана Юрьевна, доктор филологических наук, профессор (Череповецкий государственный университет)

ЛУЦЕВИЧ Людмила Федоровна, доктор филологических наук, профессор (Варшавский университет, Республика Польша)

НОРЕЦ Максим Вадимович, доктор филологических наук, доцент (Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского)

ОВЧИННИКОВА Александра Жоресовна, доктор педагогических наук, профессор (Липецкий государственный педагогический университет им. П. П. Семенова-Тян-Шанского)

САВВА Любовь Ивановна, доктор педагогических наук, профессор (Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова)

САЛИХОВ Зуфар Гарифуллинович, доктор технических наук, профессор (Институт проблем управления им. В. А. Трапезникова Российской академии наук)

УТКИН Анатолий Валерьевич, доктор педагогических наук, доцент (Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) Российского государственного профессионально-педагогического университета)

ХРИПТУЛОВА Татьяна Николаевна, доктор филологических наук, доцент (Тверской государственный университет)

ЦЕЙТЛИН Стелла Наумовна, доктор филологических наук, профессор (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена)

ЧЕРНОВ Александр Валентинович, доктор филологических наук, профессор (Череповецкий государственный университет)

ЧЕРНЯК Валентина Данииловна, доктор филологических наук, профессор (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена)

ЧЕРНЯК Мария Александровна, доктор филологических наук, профессор (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена)

ЧИРШЕВА Галина Николаевна, доктор филологических наук, профессор (Череповецкий государственный университет)

ЧУРИЛИНА Любовь Николаевна, доктор филологических наук, профессор (Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова)

ШВЕЦОВ Анатолий Николаевич, доктор технических наук, профессор (Вологодский государственный университет)

ЯКОВЛЕВА Елена Викторовна, доктор педагогических наук, профессор (Череповецкий государственный университет), заместитель главного редактора по направлению «Педагогические науки»

Лицензия А № 165724 от 11 апреля 2006 г.

Подписано в печать 01.08.2023 г. Зак.
Выход в свет: 15.08.2023 г.
Тир. 300 (1 з-д – 35). Уч.-изд. л. 24. Усл. п. л. 23.
Формат $70 \times 100 \frac{1}{16}$. Гарнитура Таймс.